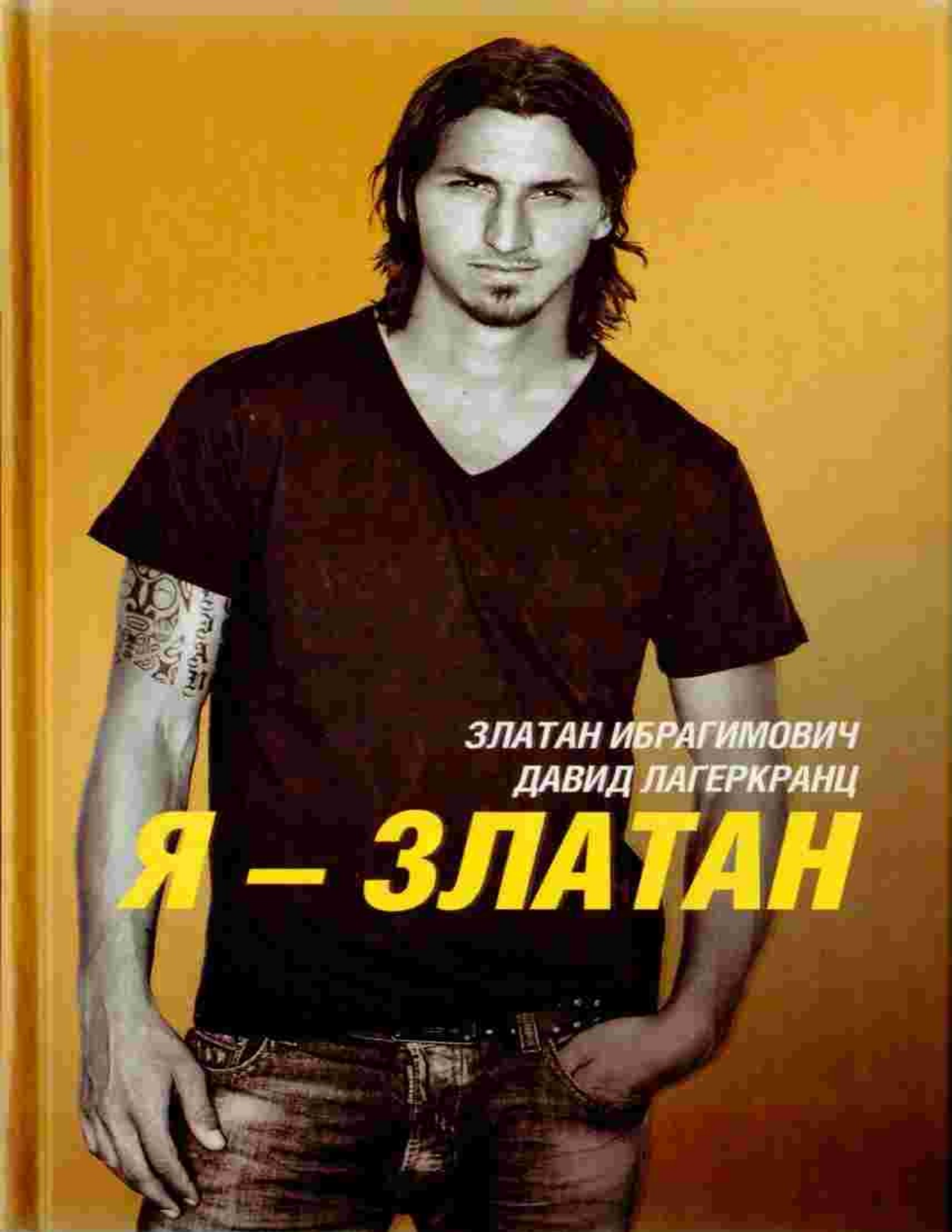
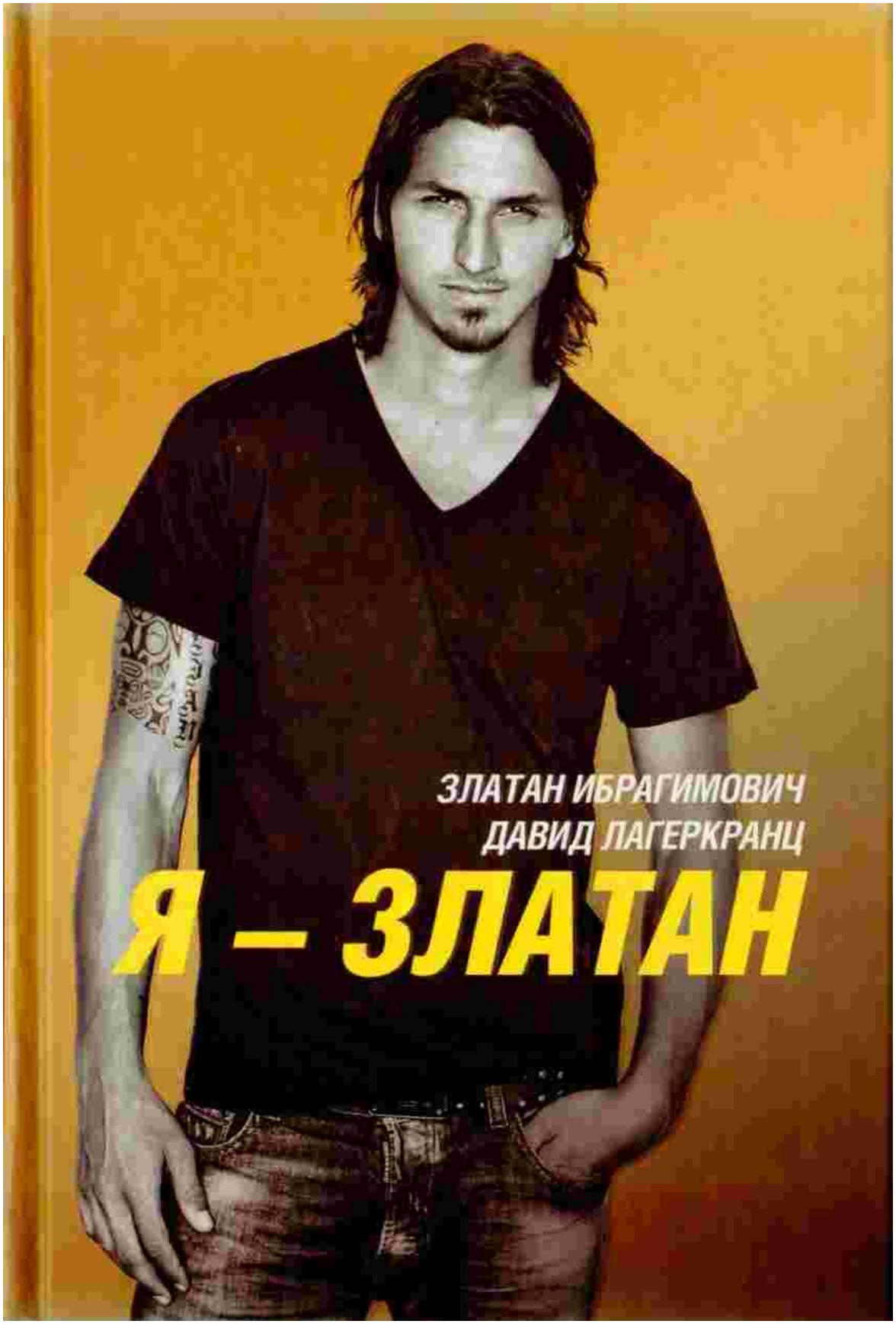


ЗЛАТАН ИБРАГИМОВИЧ
ДАВИД ЛАГЕРКРАНЦ

Я — ЗЛАТАН


ЗЛАТАН ИБРАГИМОВИЧ
ДАВИД ЛАГЕРКРАНЦ
Я – ЗЛАТАН

Эта книга посвящается моей семье и друзьям — всем тем, кто был рядом и поддерживал меня в дни радости и печали.

Также я хотел бы посвятить эту книгу детям, тем, кто чувствует себя не похожим на других и не сдается. Тем, кто сталкивается с несправедливостью. Быть не таким, как все — это прекрасно. Продолжайте оставаться самими собой. Лично мне это помогло.

УДК 796+929 ББК 75.578 И 15

First published by Albert Bonniers Forlag, Stockholm, Sweden

Печатается на русском языке с разрешения Bonnierforlagen AB,

Stockholm, Sweden и Вапке, Goumen & Smirnova Literary

Agency, Sweden

Перевод с английского

Павла Андрианова, Никиты Никулина, Егора Обатурова,

Дмитрия Садылко

Златан Ибрагимович, Давид Лагеркранц

И 15 **Я — Златан** / Ибрагимович З., Лагеркранц Д. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. — 288 с.: ил. — (VIP-персоны).

ISBN 978-5-373-06887-1

Златан Ибрагимович футбольная суперзвезда, бомбардир. За свою карьеру он сменил множество клубов, среди которых были такие гранды европейского футбола, как «Аякс», «Ювентус», «Интер», «Барселона», «Милан». В этой книге знаменитый игрок рассказывает о своем непростом пути, о победах и поражениях, радостях и огорчениях.

УДК 796+929 ББК 75.578

O David Lagercrantz and Zlatan Ibrahimovic, 2011 Обложка, 1 иллюстрация © ОАО «ОЛМА Медиа Групп», 2014

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Главный тренер «Барселоны» Пеп Гвардиола, человек в сером костюме и с вечно озабоченным лицом, подошел ко мне. Он явно собирался что-то сказать. В те времена я еще думал, что он нормальный малый — не Моуринью или Капелло, конечно, но все же... Это было незадолго до того, как между нами началась война, осенью 2009 года, и в тот период я наслаждался своей детской мечтой. Играю в лучшей команде мира, меня приветствуют 70 тысяч болельщиков на трибунах «Камп Ноу». Я был на седьмом небе. Не все, конечно, было идеально: газеты писали всякую

чушь, будто бы я несносный мальчишка, ну и все в таком же духе... Действительно, со мной бывает нелегко. Однако я все же был здесь. С женой Хеленой и детьми все было в порядке, мы жили в прекрасном доме в Эсплугес-де-Льобрегат, и я чувствовал себя наполненным жизнью. Что же могло пойти не так?

Послушай, — произнес Гвардиола. — У нас в «Барселоне» никто не задирает нос.

Конечно, — согласился я. — Это здорово.

У нас не принято приезжать на тренировки на «Феррари» и прочих «Порше» — продолжил он.

Я кивнул в ответ и не стал дерзить, мол, какое твое дело, на чем я езжу! Только подумал: «Что он имеет в виду? Поверьте, мне не нужны какие-то шикарные автомобили и я не собираюсь парковаться на тротуаре для того чтобы показать: вот я какой. Дело не в этом. Да, я люблю свои машины, это — моя страсть. Однако в его словах я уловил нечто другое, вроде: «Не думай, что ты какой-то особенный».

К тому моменту я уже понял, что «Барса» чем-то напоминает мне школу. Все ребята были приятными людьми, ничего плохого о них не скажешь, тем более что среди них был Максвелл, мой старый приятель еще по «Аяксу» и «Интеру». Сказать по чести, никто из них не вел себя как суперзвезда, что мне казалось странным. Месси, Хави, Иньеста (да вообще вся эта компания) вели себя, скорее, как школяры. Если в Италии тренер говорит «прыгать», игроки ему в ответ: «Что? Зачем мы должны это делать?». Здесь же все прыгали по первой же команде. Лучшие игроки мира послушно кивали, и у меня это вызывало недоумение. Это же смешно. Не то чтобы я возражал, вовсе нет. Я думал, что нужно принять сложившуюся ситуацию и не давать повода для кривотолков. И я начал приспосабливаться, стал тише воды, ниже травы. Это было невыносимо. Мой агент Мино Райола спрашивал: «Что с тобой не так, Златан? Я тебя не узнаю». Да и никто не узнавал меня, включая моих друзей. Я стал каким-то безликим. А нужно вам сказать, что еще со времен в «Мальмё» я придерживался одной философии: «Я иду своей дорогой, и я сам устанавливаю правила движения по этой дороге». Мне плевать на то, что обо мне думают люди, и я никогда не преклонялся перед авторитетами. Мне по душе ребята, которые едут на красный, понимаете?

Но сейчас... Я водил клубный «Ауди» и кивал, как школяр, или, точнее, как если бы я делал так в школе. Говорил лишь то, что от меня хотели слышать и никого не смешивал с дерьмом. Я стал раздражительным. Златан уже не был Златаном. Ничего подобного не происходило с тех

давних школьных времен, когда я впервые увидел цыпочек в одежде от «Ральф Лорен» и едва не обделался от страха, пытаясь с ними познакомиться. При этом я здорово начал сезон: забивал гол за голом, и мы выиграли Суперкубок УЕФА. Я блистал, я доминировал! Но при этом был кем-то другим. Что-то произошло. Нет, ничего страшного, но все же... Я был молчалив, а это опасно, можете мне поверить. Чтобы хорошо играть, я должен быть малость безумным. Мне необходимо кричать и устраивать сцены. Сейчас же я держал все в себе. Возможно, так и нужно было сделать, учитывая все это напряжение вокруг. Не знаю...

Сумма моего трансфера стала второй в истории «Барселоны», а газеты продолжали трубить, что я анфан террибль, у меня проблемы личного характера (и прочую подобную ерунду) и, к сожалению, весь этот груз давил на меня. В «Барселоне» не высовываются, и я хотел показать всем, что смогу к этому приспособиться. Это было самым глупым решением в моей жизни. И хотя на поле я продолжал демонстрировать свой привычный инстинкт убийцы, это не доставляло мне прежнего удовольствия.

Я даже стал подумывать о том, чтобы оставить футбол. Нет, контракт я конечно бы не разорвал — ведь я же профессионал. Но я утратил удовольствие от игры.

Как нельзя более кстати наступили Рождественские каникулы. Мы всей семьей отправились в Оре (горнолыжный курорт на северо-западе Швеции, в 90 км от г. Остерзунд — *прим, ред.),* где я взял напрокат снегоход. Когда появляются проблемы, мне как воздух необходимо движение, действие. Я и вожу-то всегда как маньяк. Однажды я разогнал свой «Порше Турбо» до 325 км/ч, легко оставив с носом преследовавших меня полицейских. В моей жизни было столько подобных шальных поступков, что даже страшно подумать. И вот здесь, в горах, я полностью переключился на свой снегоход, бороздил снежные сугробы и получал кайф. Море адреналина! Я снова был настоящим Златаном. И тогда я задумался: Почему же я продолжаю вести себя подобным образом? У меня достаточно денег и я совсем не желаю ощущать себя дерьмом перед разными тренерами-идиотами. Вместо этого я спокойно могу получать удовольствие от жизни и заботиться о своей семье.

Но, как и все хорошее, эти прекрасные дни быстро пролетели. А по возвращении в Испанию меня поджидали неприятности. Атмосфера сгущалась.

Как-то раз случился снегопад. Ощущение было такое, будто местные жители до этого вообще никогда не видели снега, и на холмах севернее

Барселоны машины мотало во все стороны. Мино, этот толстый придурок (конечно же, замечательный толстый придурок, чтобы меня не поняли превратно), в своих летних ботинках и легкой курточке, продрог как собака и уговорил меня сесть за руль «Ауди». Что едва не обернулось бедой. На улице, шедшей под уклон, машина потеряла управление и врезалась в каменную стену. Вся правая сторона была всмятку. Многие бились в плохую погоду, но не так, как угораздило меня. Тем не менее, я прошел этот «краш-тест» круче всех, и мы на пару с Мино потом долго смеялись над этим.

Порой я действительно чувствовал себя самим собой. И это было отличное ощущение. Но тут в дело вмешался Месси. Надо сказать, что Месси — фантастический игрок, просто невероятный. Я не очень хорошо с ним знаком, мы слишком разные. Он появился в «Барсе» в тринадцать и вырос в этой среде. Он не испытывает никаких проблем в этой школярской обстановке. В команде игра строится вокруг него, вообще все крутится вокруг него, и это естественно — он действительно великолепен. Но вот явился я и стал забивать больше него. И он направился к Гвардиоле со словами: «Я больше не хочу играть на фланге — ни справа, ни слева. Я хочу в центр». А в центре играл я.

Но Гвардиола не убрал меня с поля. Он просто изменил расстановку. Со схемы 4-3-3 он перешел на 4-5-1, где я находился «на острие», а Месси чуть сзади и справа. Но теперь я оказался в его тени. Все передачи адресовались ему, а я оставался на голодном пайке. Я носился по полю как одинокий стервятник в поисках «объедков». Я же из тех, кто хочет вмешиваться во все и на все влиять. Так я был принесен в жертву.

Ладно, Месси — звезда, и Гвардиола должен прислушиваться к его мнению. Но постойте! Я ведь забивал в «Барсе» один гол за другим и был «смертельным оружием». Не может же он подстраивать всю команду только под одного игрока. Понятно, что я имею в виду? На кой черт он тогда покупал меня? Кому придет в голову платить такие деньги только для того, чтобы «задушить» меня как игрока? Гвардиоле следовало бы думать о нас обоих. И, к тому же, настроение в руководстве клуба становилось нервозным. Я стал их крупнейшим приобретением в истории и при этом не чувствовал себя комфортно в новой схеме игры. А это было непозволительной роскошью — учитывая сумму, за которую меня приобрели. Чики Бегиристайн, спортивный директор клуба, подталкивал к разговору с тренером: «Иди, разберись».

Мне такое положение было неприятно: я игрок, и должен принимать сложившуюся ситуацию. Ну, да ладно, я это сделаю. Один мой большой

друг заметил: «Златан, это как если бы «Барса» купида «Феррари», а водила его, как «Фиат». Точно, подумалось мне, вот уже и веский довод. Гвардиола превратил меня в рядового, если не сказать посредственного, игрока, и от этого теряет вся команда.

Итак, я отправился к тренеру. Я подошел к нему на поле во время тренировки. Беспокоило меня тогда лишь одно: я не хотел скандала. Я начал разговор:

Я не хочу конфликтовать. Не хочу войны. Я лишь хочу обсудить некоторые вопросы.

Он кивнул в ответ. Мне показалось, что он несколько испуган, и я повторил:

Если вы думаете, что я хочу конфликта, я уйду. Я всего лишь хочу поговорить.

Отлично! Мне нравится разговаривать с игроками, — ответил Гвардиола.

Послушайте, — продолжал я, — вы не используете мои способности. Если вам нужен был «забивала», то следовало купить

Индзаги или кого-нибудь в этом роде. Мне нужны простор и свобода действий впереди. Я не могу постоянно бегать, как челнок, из нападения в оборону. Для этого у меня не самая подходящая физика — все-таки 98 килограммов.

Он обдумывал. Это было одним из его любимых занятий.

Я полагаю, ты можешь справиться.

Нет, уж лучше тогда посадите меня на скамейку. При всем моем уважении, я понимаю вас, но вы жертвуете мной ради других игроков. Это не работает. Это как если бы вы купили «Феррари» и водили его, как «Фиат.

Он снова крепко задумался.

О’кей, возможно, это было ошибкой. Это моя проблема. Я решу ее.

Я остался доволен: он ее решит...

Но следом наступило похолодание. Он едва смотрел в мою сторону. Я не из тех, кто придает этому большое значение, и даже на новой неудобной для меня позиции на поле я был в порядке. Я стал забивать еще больше, пусть даже голы были не столь красивыми, как прежде, в Италии. На поле я был слишком заметной фигурой: конечно, не прежний Ибракадабра, но все же... В матче Лиги чемпионов против «Арсенала» мы полностью переигрывали соперников на их родном «Эмирейтс». Стадион напоминал кипящий котел, и первые двадцать минут игры выдались просто феерическими. Я забил два красивых гола, после чего подумалось: «Да шел

бы ты, Гвардиола! Я все равно пойду своим путем!». Но затем меня заменили, а «Арсенал» переломил ход матча и отыгрался. Это было черт знает что! Вдобавок ко всему у меня еще и бедро разболелось. Обычно тренеров такие веши беспокоили: травмированный Златан — серьезная проблема для команды. Гвардиола же был холоден, как лед. Он не проронил ни слова, а я выбыл из строя на три недели. За это время он ни разу не встретился со мной и не спросил «Как ты себя чувствуешь, Златан? Сможешь сыграть в следующем матче?».

Гвардиола даже ни разу не поздоровался. Ни слова не проронил. Он не смотрел в мою сторону или отводил глаза, когда наши взгляды вдруг пересекались, а если я заходил в помещение, старался его покинуть. «Что происходит? — думал я. — Что я сделал не так? Я странно выгляжу? Или говорю что-то странное?». В голове словно все перемешалось. Я не мог спать. Я постоянно думал об этом. Мне не нужна была любовь Гвардиолы или что-то в этом

роде: он может ненавидеть меня, сколько ему захочется. Я был полон злости и одержим жаждой реванша. Но при этом я утратил концентрацию. Я стал делиться своими проблемами с товарищами по команде. Никто не понимал, что происходит. Я обратился к Тьерри Анри, который на тот момент находился в запасе. Анри — лучший бомбардир в истории сборной Франции. Он действительно первоклассный футболист. И у него тоже возникали проблемы с Гвардиолой.

Он не здоровается со мной. Он не смотрит мне в глаза. В чем причина? — спросил я.

Понятия не имею, — ответил мне Анри.

После мы стали шутить на эту тему. «Эй, Златан, сегодня он посмотрел в твою сторону?». «Нет, но я увидел его спину». «Поздравляю, дела налаживаются». И все в таком духе. Шуточки помогали хоть немного сбросить напряжение, поскольку вся эта нездоровая обстановка всерьез действовала мне на нервы, и я все время задавался вопросами: «Чем я провинился? Что не так?». Но ответов не находил. Единственное, я понял, что эта ледяная стена возникла после нашего разговора о моем месте на поле. Другого объяснения быть не могло. Но положение должно измениться. Неужели он специально выводил меня из себя из-за нашего разговора?! Я попытался объясниться, направился к нему, но Гвардиола резко развернулся и ушел. Он выглядел напуганным. Возможно, мне следовало бегать за ним и выспрашивать «Что все это значит?». Ну уж нет, никогда! Я и так уже достаточно пресмыкался перед этим малым.

Это уже была его проблема. Не то чтобы я был твердо в этом уверен,

точнее, я подумал, что он не способен приручать сильных людей и предпочитает покладистых, как школьники. А что еще хуже: он убегает от проблем, не способен смотреть им прямо в лицо, чем только усугубляет положение.

Тем временем, все становилось только хуже.

Пепел от извергавшегося исландского вулкана накрыл Европу. Все авиарейсы на континенте были отменены, а нам предстояло отправиться в Милан, на «Сан-Сиро», в гости к «Интеру». Пришлось воспользоваться автобусом (кто-то в «Барсе», видимо, совсем больной на голову, решил, что это хорошая идея). К тому моменту я уже оправился от травмы, но эта поездка обернулась настоящей катастрофой. Она заняла шестнадцать часов, и по приезде в Милан мы все были измотаны до предела. Этот полуфинальный матч Лиги чемпионов должен был стать самой важной для нас игрой сезона, а я был готов к ожидавшей меня встрече на арене моей бывшей команды, к свисту и репликам с трибун. Ничего, это меня только раззадоривает. Однако состояние команды было ужасным. И еще — я полагаю, что Гвардиола пасовал перед Моуринью.

Надо признать, что Жозе Моуринью — большая звезда. На тот момент он уже выигрывал Лигу чемпионов с «Порту» и был моим тренером в «Интере». Он по-настоящему крут. Когда он впервые увидел мою Хелену, то прошептал ей: «Хелена, у Вас одна большая миссия — следить за тем, чтобы Златан хорошо питался, высыпался и чувствовал себя счастливым!». Этот человек открыто говорит то, что хочет. Он мне нравится. Моуринью — это главнокомандующий. При этом он беспокоится об игроках. В «Интере» он регулярно отправлял мне SMS-сообщения, интересуясь моим самочувствием. Моуринью — полная противоположность Гвардиоле. Если первый своим присутствием все вокруг освещает, то второй повергает во мрак. Предположу, что для Гвардиолы было очень важно превзойти Моуринью.

«Мы противостоим не одному Моуринью, а всему «Интеру»», — произнес он так, словно мы собирались играть в мяч не с командой, а с ее тренером. А затем принялся философствовать, молоть всякую чепуху. Я слушал вполуха. Это была продвинутая «лекция» про кровь, пот и слезы (и прочая чушь). Я никогда не слышал от тренеров подобных речей — настоящая галиматья.

Но вот, наконец, очередь дошла и до меня. Это случилось во время тренировки на «Сан-Сиро», и в удивленных взглядах окружаюших читалось: «Ого, Ибра вернулся!».

Сможешь выйти в основе? — задал вопрос Гвардиола.

Конечно, — ответил я.

А ты готов?

Само собой. Я прекрасно себя чувствую.

Но ты действительно готов?

Он повторял и повторял, как попугай. Это было неприятно, до тошноты противно.

Послушайте, поездка, конечно, была ужасной, но я в хорошей форме. Травма прошла. Я выложусь на всю катушку.

Гвардиола посмотрел на меня с сомнением. Я его не понял и потом позвонил Мино Райоле. Я постоянно обращаюсь к нему за советом, так что шведские журналисты даже окрестили его «тенью Златана». Некоторые считают, что он плохо на меня влияет. Если хотите знать правду, Мино — разный, но он гениален. Так вот, я спросил его, что этот парень имел в виду? Но мы оба так этого и не поняли.

Я все-таки вышел на поле с первых минут, и мы повели 1:0. Но затем ход игры изменился, меня заменили на 60-й минуте и, в итоге, мы проиграли 1:3 (Ибрагимович был заменен сразу после того как «Интер» повел 3:1 — *прим. ред)*. Черт, я был в бешенстве! В прежние времена, в том же «Аяксе», я мог отходить от поражения днями, а то и неделями. Теперь же у меня были Хелена и дети, и они помогали мне забыться и жить дальше. И я настраивался на ответный матч на «Камп Ноу». Эта игра была чрезвычайно важной, и оттого волнение с каждым днем возрастало.

Давление на нас оказывалось невероятное, оно напоминало раскаты грома. Чтобы пройти дальше, требовалась убедительная победа не меньше чем в два мяча. Но случилось то, о чем я не хочу и вспоминать. Ладно, в конце концов, это делает меня сильнее. Мы выиграли, но всего лишь 1:0, чего оказалось недостаточно для выхода в финал Лиги чемпионов. После матча Гвардиола смотрел на меня так, словно это именно я проиграл, и я подумал: «Ну все, мое терпение иссякло. Пора вскрывать карты!». После той игры создалось ощущение, что в клубе мне больше не рады, и даже за рулем клубного «Ауди» я стал чувствовать себя неуютно.

В раздевалке команды я ощущал себя изгоем, а Гвардиола косился на меня, словно я был обузой, каким-то уродом. Атмосферу нельзя было назвать здоровой. Он был как каменная стена: от него не исходило ни одного живого импульса, и я постоянно испытывал желание убраться куда-нибудь подальше.

Я вновь «выпал» из основы. Когда мы играли с «Вильярреалом», Гвардиола выпустил меня на поле на последние пять минут. Жалкие пять минут! Внутри я кипел, и не из-за того, что просиживаю на лавке. Я бы

согласился с этим фактом, если бы тренер помужски сказал: «Послушай, Златан, ты сегодня не в форме». Но Гвардиола вновь не сказал ни слова, и я взорвался. Черт! Будь я на месте Гвардиолы, испугался бы. Нет, я не считаю себя серьезным бойцом, хотя и совершал разные идиотские поступки, например, раз или два опрокидывал соперников, отправлял их в нокаут прямо на поле. Могу отметить, что когда я свирепею, мои глаза чернеют, и лучше никому рядом не попадаться мне под руку.

Хотите знать, что было дальше? После игры («Барса» выиграла у «Вильярреала» 4:1 — *прим, ред.)* я направился в раздевалку. Я ни-

чего такого не планировал, но, мягко говоря, был раздосадован. В раздевалке стоял мой главный враг, почесывая свою бритую голову, присутствовало еще несколько человек (Туре и кто-то еще — точно не помню). И тут на глаза мне попался большой металлический шкаф, в который мы складываем форму. Смотрел я на него, смотрел, а потом как врежу по нему ногой! Думаю, он пролетел метра три, но это было еще не все. Далеко не все... Я прокричал Гвардиоле: «Ты трус», (и, наверное, еще что-нибудь покрепче), тут же добавив: «Ты проиграл Моуринью, наложил в штанишки перед ним. Можешь отправляться ко всем чертям!».

Я был не в себе. Вы полагаете, Гвардиола что-нибудь сказал в ответ, что-то вроде: «Остынь, не следует в таком тоне разговаривать со своим наставником»? Нет, он не таков. Он слабый и трусливый. Он всего-навсего поднял шкафчик, как какая-нибудь уборщица, и вышел из раздевалки. И больше ни разу не упомянул о случившемся, ни разу. Хотя слух об этом, конечно же, разлетелся быстро. В клубном автобусе царил переполох: «Что случилось, что случилось?». Да, собственно, ничего. Просто несколько слов правды. У меня даже не было сил говорить об этом. Так все достало. Тренер «мариновал» меня неделю за неделей, не объясняя причин. Это было невыносимо. И прежде у меня случались конфликты, но уже на следующий день мы во всем разбирались и продолжали работать дальше. Здесь же снова воцарились тишина и ужас. И тогда я подумал: «Мне 28 лет. В «Барсе» я забил уже 22 гола и отдал 15 голевых передач, а со мной продолжают обращаться так, словно меня не существует, словно я — пустое место. Должен ли я это принимать? Стоит ли мне продолжать приспосабливаться? Нет, хватит!».

Поняв, что на следующий матч с «Альмерией» оставлен в запасе, я вспомнил слова Гвардиолы «Здесь не принято приезжать на тренировки на «Феррари» и «Порше»». Что за вздор? Я езжу, на чем хочу, пусть даже это бесит какого-то идиота. Недолго думая, я запрыгнул в свой «Феррари», пригнал на тренировку и поставил его прямо перед входными дверями. Как

и следовало ожидать, вокруг этого события подняли шумиху. Газеты написали, что моя машина стоит столько же, сколько получает в месяц весь состав «Альмерии». Меня это не волновало: вся эта журналистская болтовня не значила для меня ровным счетом ничего.

Я решил сражаться всерьез, и следовало бы вам знать, что я это умею. Раньше я был шпаной, можете мне поверить. Я решил не

откладывать с приготовлениями и первое, что сделал, это, разумеется, позвонил Мино. Мы всегда вместе планируем разные хитрые и не всегда чистые трюки. Также я обзвонил своих принтелей. Мне нужны были разные взгляды на ситуацию и ее развитие и, о Господи, я получил советы на все вкусы. Мои приятели, парни из Русенгорда (жилой квартал в г. Мальмё, Швеция — *прим, пер.),* изъявили горячее желание приехать и «навести порядок». Конечно, это было очень мило с их стороны, но данное предложение не представлялось верной стратегией разрешения сложившейся ситуации. Разумеется, я обсудил все и с Хеленой. Она словно из другого мира. Она спокойная и рассудительная, но может быть и жесткой. На этот раз она попыталась вдохновить меня: «Ты стал лучше в роли отца. Когда у тебя нет команды, в которой тебе хорошо, ты найдешь ее у нас, в семье», — произнесла она, и эти слова приободрили меня.

Я играл с детьми в мяч и пытался делать так, чтобы всем вокруг меня было хорошо. И, естественно, проводил время за моими любимыми видеоиграми. Для меня это как болезнь: видеоигры поглощают меня целиком. Однако со времен «Интера», когда я мог проиграть до четырех— пяти утра и после двух часов сна, как ни в чем не бывало, отправиться на тренировку, с тех пор я взял себе за правило — никаких «ХЬох» или «PlayStation» после десяти вечера.

Я ценю каждое мгновение жизни, и в этот период своего пребывания в Испании я действительно старался проводить как можно больше времени с семьей. Или прохлаждаться в нашем саду, даже с бутылочкой «Короны» в руках. Это была светлая сторона жизни здесь. Но по ночам, когда я ворочался в кровати и не мог заснуть, и на тренировках, когда видел Гвардиолу, возвращалась ее темная сторона. В такие моменты мною овладевал гнев, и я планировал свой следующий ход и жаждал реванша.

Я все сильнее осознавал, что пути назад нет. Наступило время постоять за себя и снова стать прежним. Как поется у одного известного рэпера: можно вырвать ребенка из гетто, но невозможно вырвать гетто у него из души.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Когда я был маленьким, брат подарил мне трюковый BMXвелосипед. Я

назвал его «Фидо Дидо». Был такой герой мультфильмов, маленький сорванец с взъерошенными волосами (я считал его самым крутым). Но вскоре велосипед угнали. Это случилось возле бани в Русенгорде. Явился отец в распахнутой рубахе с засученными рукавами. Он из той породы мужиков, кто всем ясно дает понять: «Никто не смеет трогать моих детей и воровать их вещи!». Но даже такой суровый мужчина, как он, ничего не смог бы поделать в данном случае: «Фидо Дидо» бесследно исчез, а я был крайне расстроен.

После этого случая я сам стал угонять велосипеды. Я ломал замки, я стал мастером в этом деле. Бац, бац, бац — и велик мой! Это было первым моим серьезным «делом», и я чувствовал себя настоящим похитителем велосипедов. Обычно все происходило более или менее невинно, но порой я позволял себе лишнее. Так, однажды я вырядился во все черное, вышел в ночь, как какойнибудь чертов Рэмбо, и увел армейский велосипед, используя массивные кусачки. Велик был хорош и очень мне понравился. Хотя, если честно, больше меня впечатлил не велосипед, а тот кураж, который я испытал. Это вызвало во мне желание красться по ночным улицам и хулиганить, кидаясь яйцами по окнам, и тому подобное. Притом, я почти не попадался.

Однажды в универмаге «Весселс» в Ягерсро (пригород Мальмё — *прим, пер.)* вышел досадный прокол. Но если сказать по совести, я это заслужил. Мы с другом оделись в большие зимние куртки (посреди лета!) и вынесли под ними четыре ракетки для настольного тенниса и еще какую-то мелочь. Поймавший нас охранник справедливо заметил: «Вы, ребята, не заплатили за это». На что я с вопросительным видом вытащил из кармана несколько монет: «Чем? Вот этим?!». Но у мужика не оказалось чувства юмора, и впредь я решил быть более изобретательным. И, смею надеяться, стал в итоге довольно искушенным мастером этого дела.

Помимо длинного носа, у меня был еще один недостаток — я шепелявил. Мне назначили логопеда. В школу приходила женшина и учила меня правильно выговаривать «эс», и мне это казалось унизительным. Думаю, в тот период я желал каким-то образом самоутвердиться и поэтому внутри меня все бурлило. Я не был способен усидеть на месте больше секунды и постоянно носился, как угорелый. У меня было чувство, что если я буду бегать достаточно быстро, смогу избежать любых неприятностей. Мы жили в Русенгорде, районе, наполненном иммигрантами всех мастей — сомалийцами, турками, югославами, поляками — и немного шведами. Все вокруг изображали из себя крутых, и любая мелочь могла мгновенно воспламенить.

Да и дома было не все просто, если не сказать больше. Мы жили на улице Кронман, на четвертом этаже, и я бы не назвал обстановку в доме теплой или добросердечной. Никто вокруг не интересовался: «Как ты провел сегодня день, малыш Златан?». Ничего подобного. Взрослые не помогали с домашними заданиями и не интересовались твоими проблемами. Ты был предоставлен самому себе и не мог даже пожаловаться на жизнь кому-то близкому. Оставалось только стиснуть зубы, когда вокруг были бардак и постоянные ссоры, порой даже с рукоприкладством. Конечно же, возникало желание получить хоть немного сочувствия. Однажды я навернулся с крыши в детском саду. Я заработал синяк под глазом и весь в слезах побежал домой в надежде, что меня пожалеют, погладят по головке или хотя бы скажут пару ласковых слов. А вместо этого получил пощечину.

— Что ты делал на крыше?

Это прозвучало не как «бедный Златан», а скорее как: «Идиот чертов, ты забрался на крышу — вот тебе за это». Страшно обидно, вдвойне больно. Я убежал... У матери не было времени на утешения, по крайней мере не тогда. Она убиралась, пытаясь хоть что-то заработать. Она была трудолюбива и старательна, она костьми ложилась, но не могла заработать много. Ей приходилось тяжело, и, в придачу, все мы обладали ужасными характерами. Если в обычной шведской семье разговор за столом происходит приблизительно так: «Дорогой, ты не мог бы передать мне масло, пожалуйста», то у нас это прозвучало бы: «Дай-ка сюда молоко, болван». Помню постоянно хлопающие двери и плачущую маму. Она часто плакала. Я очень люблю ее. Жизнь ее была тяжелой: она убиралась по четырнадцать часов в сутки, и иногда мы помогали ей, выбрасывая мусор из баков и все такое, чтобы получить немного денег на карманные расходы. Правда, не всегда — бывало, что мать все оставляла себе.

Она колотила нас деревянными ложками, порой они ломались, а мне приходилось идти покупать новые, будто это моя вина состояла в том, что она ударила так сильно. Помню один случай. В детском саду я швырнул кубик, да так неудачно, что разбил окно. Когда мать узнала, она как с цепи сорвалась. Все, что касалось лишних расходов, выводило ее из себя. И мне досталось от нее деревянной ложкой. Бум, бах! Было больно, и, возможно, очередная ложка сломалась. Доходило до того, что в доме не оставалось деревянных ложек, и тогда она гонялась за мной со скалкой. Мы обсуждали эту тему с Санелой.

Санела — моя единственная родная сестра. Она на два года старше. У нее сильный характер. Она придумала, как немного подшутить над

матерью. Черт побери, ведь нельзя же бить нас по голове! Это же дикость. Мы отправились в магазин и купили целую связку этих ложек (очень недорогих), а затем преподнесли матери в качестве Рождественского подарка.

Не думаю, что она оценила шутку. Ей было не до юмора. У нее хватало других забот. Главное — чтобы на столе всегда была пища. На это уходила вся ее энергия. Нас была целая орава: помимо меня и старшей сестры, еще две сводные сестры (позже они уехали, и мы потеряли с ними какую-либо связь), а также мой младший брат Александр (мы звали его Кеки). Денег всегда не хватало. Да, собственно, не хватало ничего. И старшие не особо заботились о младших. На обед — вечная лапша быстрого приготовления с кетчупом. Мы часто столовались у друзей или у моей тети Ханифы, проживавшей в нашем доме. Она первой среди всех наших родственников приехала в Швецию.

Когда родители развелись, мне не исполнилось и двух лет, поэтому ничего из тех событий не отложилось в памяти. Вполне возможно, это был не худший вариант. Как мне рассказывали, их брак нельзя было назвать счастливым. Часто случались ссоры, да и, по правде говоря, поженились они в основном ради того, чтобы мой отец получил вид на жительство. Вполне естественно, что после развода мы все остались жить с матерью. Но я очень скучал по отцу. С ним всегда было весело и нас к нему тянуло. Нам с Санелой было позволено встречаться с отцом каждые две недели на выходные, он приезжал на своем синем «Опель Кадетте» и мы направлялись в Пильдаммспаркен (парк в окрестностях Мальмё — *прим, пер.)* или на остров в районе Л имхамн, где угощались гамбургерами и мороженым. Однажды отец раскошелился и купил нам по паре классных кроссовок «Найк Эйр Макс», стоивших больше тысячи крон (реально дорогих). Мои были зелеными, Санеле достались розовые. Ни у кого в Русенгорде таких не было, и мы чувствовали себя очень крутыми. Нам нравилось проводить время с отцом, и он давал нам немного денег на пиццу и кока-колу. У него была более-менее приличная работа и, кроме нас, еше один сын, Сапко. Так что он был для нас веселым воскресным папой.

Но все хорошее когда-нибудь заканчивается. Санела делала успехи в беге: она была быстрейшей на дистанции 60 м в своей возрастной категории во всем Сконе (провинция на юге Швеции — *прим. пер.).* Отец был горд за нее и стал подвозить на тренировки. Он наставлял: «Молодец, Санела. Но ты способна на большее». Это было в его стиле — «Давай, давай, не расслабляйся!». В тот день я тоже был в машине. Отец

вспоминает, что сразу же заметил что-то неладное. Санела все время молчала и едва сдерживалась, чтобы не расплакаться.

Что стряслось? — спросил отец.

Ничего, — ответила она, но отец переспросил, и Санела все рассказала.

Не буду вдаваться в детали, что произошло — это ее дело. Но мой отец — он как лев: если что-либо случается с его детьми, особенно с Санелой (единственной дочерью), он приходил в ярость, и тогда начиналось... Расспросы и допросы, расследования социальных служб, тяжба за опекунство и прочая гадость. Я тогда мало что во всем этом понимал, — мне едва исполнилось девять.

На дворе была осень 1990 года. От меня скрывали всю эту историю, но у меня тоже были свои предчувствия. Дома было неспокойно — ну, это не впервые. Одна из моих сводных сестер подсела на наркотики (на какую-то тяжелую дрянь), и прятала их дома по разным углам. Вокруг нее постоянно царил беспорядок, какие-то подозрительные личности названивали ей, и было тревожно из-за того, что может случиться что-то нехорошее. А однажды за хранение краденого была арестована мама. Кто-то из «добрых» знакомых то ли отдал, то ли подарил ей какие-то бусы, а она, ничего не подозревая, их приняла. Вещь оказалась краденой, вскоре на пороге появилась полиция, и ее забрали. Детали помню смутно, но ощущение точно было жутким: «Где мама? Почему ее нет?».

После истории с Санелой мать снова ходила вся в слезах, а я просто ушел от всего этого и либо слонялся без дела по улице, либо играл в футбол. Не скажу, чтобы я был особенно перспективным. Всего-навсего один из многих мальчишек, гоняющих мяч. Но порой на меня что-то находило. На поле я легко мог боднуть или лягнуть как соперника, так и товарища по команде. Но я был одержим футболом — это было мое, и я играл постоянно: в нашем дворе, на стадионе, в школе во время перемен. Тогда мы посещали занятия в школе имени Вернера Рюдена. Санела ходила в пятый класс, а я — в третий. Думаю, не надо говорить, у кого из нас лучше обстояли дела с поведением. Санеле пришлось рано повзрослеть, чтобы стать второй мамой для Кеки и помогать заботиться о семье после отъезда сводных сестер. Она взвалила на себя большой груз ответственности и вела себя примерно. Оттого-то я мгновенно и не на шутку встревожился, когда однажды раздался звонок с вызовом к директору, ведь он был адресован явно мне, а не моей правильной сестре. Тем не менее, в кабинет директора для разговора вызвали нас обоих. Если бы меня одного, я бы понял, а тут обоих. Что, кто-то умер? Что происходит?

Кажется, это было поздней осенью или в самом начале зимы. Мы шли по коридору, и меня мучили боли в животе. Помню также, что я был словно парализованный. Но когда мы зашли в кабинет и увидели там сидевшего вместе с директором отца, я обрадовался. Отец пытался шутить, но было отнюдь не весело. Все было формально и чопорно, а я чувствовал себя очень некомфортно. Я мало что понял из сказанного в том разговоре, лишь то, что дело касалось отца и матери, и в этом деле не было ничего приятного. Лишь много позднее, работая над этой книгой, я смог сложить все детали того события воедино.

В ноябре 1990 года социальные службы провели собственное расследование, в результате которого отец получил право опеки надо мной и Санелой. Обстановка в доме матери была признана неблагополучной, и не столько по ее вине, должен заметить. Имелись и другие причины, но, в любом случае, это был удар, и мама была просто раздавлена. Неужели она потеряет и нас?! Катастрофа! Мама плакала не переставая. Да, конечно, пусть она и побивала нас деревянными ложками, хлестала и не прислушивалась к нам. Да, ей не везло с мужчинами, ее преследовало безденежье и так далее. Но она любила своих детей! Просто она стала жертвой тяжелых обстоятельств, и, я полагаю, отец это понял. В тот же день он отправился к ней со словами: «Я не хочу, чтобы ты их теряла, Юрка».

Однако отец потребовал изменений к лучшему, а он из тех, кто относится к подобным вещам серьезно. Уверен, не обошлось и без резких выражений, и без ультиматумов. «Если дела не улучшатся, ты больше никогда не увидишь детей» — должно быть, сказал он. Санела стала жить с отцом, а я, несмотря ни на что, остался с матерью. Это было не лучшим решением. Санеле не нравилось у отца. Мы часто находили его спяшим на полу, а весь стол был заставлен банками и бутылками из-под пива. «Отец, проснись, да проснись же ты!». Он не откликался и продолжал спать. Его поведение казалось мне странным. Почему он так поступает? Мы хотели помочь ему, но не знали, что делать. Может, ему холодно? Тогда мы накрывали его полотенцами и одеялами, чтобы ему стало теплее. Я по-прежнему ничего не понимал. Санеле, возможно, это удавалось лучше. Она заметила, как резко может меняться настроение отца, и как он способен внезапно «взорваться» и чуть ли не зарычать, как медведь. Я думаю, это пугало ее. Также она скучала по своему маленькому брату. Сестра хотела вернуться к матери, а я — наоборот. Мне было одиноко без Санелы и я скучал по отцу. Как-то вечером я позвонил ему и с отчаянием в голосе произнес:

Я не хочу здесь больше жить. Я хочу быть с вами.

Приезжай, — ответил он. — Я вызову такси.

В марте 1991 года социальные службы провели повторное расследование, и мать получила опекунство над Санелой, а отец — надо мной. Мы с сестрой расстались, но вообще-то оставались и остаемся вместе. Да, в наших отношениях были взлеты и падения, но мы остаемся очень близкими людьми. Санела работает парикмахером, и порой посетители ее салона удивляются: «Боже, как Вы похожи на Златана!». На что она непременно отвечает: «Ерунда, это он похож на меня». У нее твердый характер. Впрочем, ни у кого в нашей семье жизнь не казалась легкой прогулкой.

Мой отец, его зовут Шефик, в 1991 году переехал из Русенгорда поближе к центру Мальмё. Я бы хотел, чтобы вы понимали: он — человек с большим сердцем, готовый умереть за нас. Но, к сожалению, дальнейшие события не соответствовали моим ожиданиям. Ведь раньше я знал его как чудесного воскресного папу, который угощает гамбургерами и мороженым. Теперь же, когда мы стали проводить вместе целые дни, первое, что я заметил — в его квартире было как-то пусто. Чего-то недоставало, вернее, кого-

то — видимо, женщины. Здесь были телевизор, диван, книжная полка и две кровати. Ничего лишнего, никакого комфорта и уюта. Зато — пивные банки на столе и мусор на полу. Если изредка отец принимался за дело, например, начинал клеить обои, он доделывал только одну стену. Говорил: «Закончу завтра», но этого не происходило. Мы часто переезжали, меняя квартиры, нигде подолгу не задерживаясь.

Однако пусто было еще и в другом смысле. Отец работал сторожем-смотрителем с самым неудобным графиком. Возвращаясь домой в своих рабочих штанах, карманы которых были набиты отвертками и прочими инструментами, он садился за телефон или перед телевизором, и не хотел, чтобы его беспокоили. Он погружался в свой мир. Часто он прослушивал в наушниках югославскую народную музыку. Он без ума от этой музыки и сам записал несколько кассет. В хорошем расположении духа отец может быть настоящим шоуменом. Вот только значительную часть времени он проводил в своем мире, а когда мне звонили приятели, шипел:

«Не звоните сюда больше!»

Я не мог пригласить в гости друзей, а если они спрашивали, то меня никогда не оказывалось дома. Общение по телефону мне было безразлично, но, как оказалось, и дома не с кем было поговорить. Да, конечно, если вдруг случалось что-то серьезное, отец всегда был готов

прийти мне на помощь, пронестись через весь город и в свойственной ему задиристой манере попытаться навести порядок.

Его манера поведения (в духе: «Да кто ты такой, черт возьми!») заставляла людей отступать. Но при этом его абсолютно не заботили мои повседневные дела: школа, футбол и отношения с друзьями. Так что мне оставалось только разговаривать с самим собой или идти на улицу. Первое время вместе с нами жил мой сводный брат Сапко и я общался с ним. Должно быть, ему тогда было семнадцать. Однако содержание наших с ним бесед у меня почти не отложилось в памяти, а вскоре отец и вовсе выставил его вон. Между ними случались ужасные стычки. Жаль, конечно, но мы остались с отцом одни. И были одиноки. Так сказать, каждый по своим углам. Странное дело, но к нему никто и никогда не заходил в гости. Он сидел наедине с собой и выпивал. В одиночку. Но, хуже того, в доме часто не было еды.

Большую часть времени я проводил на улице, играя в футбол или катаясь на угнанных велосипедах, и часто возвращался домой голодный, как волк. Открывая холодильник, я только и думал: «Ну, хоть бы здесь было что-нибудь вкусное». Но нет, увы — обычный набор: молоко, масло, немного хлеба, а если повезет, сок (мультивитаминный, в 4-литровом пакете, купленный в арабском магазине, где дешевле всего), ну и неизменное пиво — «Приппс Бло» и «Карлсберг», в упаковках по шесть банок. Бывало, что в холодильнике не было ничего, кроме пива, и мой желудок напоминал о себе. Эту пронзительную резь в животе я не забуду никогда. Можете спросить мою Хелену — я неизменно прошу, чтобы холодильник был полон! И так будет всегда. Однажды мой сын Винсент захныкал, когда не получил свою любимую пасту, хотя она уже готовилась на плите. Малыш визжал по той простой причине, что ему не поднесли ее достаточно быстро, и я вынужден был даже прикрикнуть на него: «Если бы ты только знал, насколько хороша твоя жизнь!».

Я же мог обшарить все углы в квартире в поисках какой-нибудь завалявшейся макаронины или фрикадельки. Я мог набить желудок одними тостами или зараз поглотить целый батон. Или отправиться обедать к матери, где меня не всегда принимали с распростертыми объятьями. Скорее наоборот: «Черт, ну вот еще и Златан явился! Его что, Шефик не кормит?». А порой мать вопила: «Мы что, купаемся в деньгах? Ты хочешь все здесь съесть, чтобы мы сами побирались на улице?». Несмотря на это, мы помогали друг другу, а в отцовской квартире я развязал небольшую войну с пивом. Я вылил несколько банок в раковину (не все, это было бы чересчур, но несколько).

Он так ничего и не заметил. Пиво было повсюду — на столе, на полках, и я часто собирал пустые банки в большой пластиковый пакет для мусора и шел их сдавать. За банку можно было выручить 50 эре. Иногда набиралось на 50 или даже 100 крон (т. е. 100 или 200 банок — *прим. пер.)*. Банок было много, и я оставался доволен полученной наличностью. При этом ситуация дома не улучшалась, и, как и все дети в схожих условиях, я научился улавливать настроение отца. Я точно знал, когда можно с ним разговаривать. На следующий день после попойки было самое оно. Через день — уже сложнее. В отдельных случаях он мог зажечься, как фитиль. В другой раз он мог быть невероятно щедрым. Например, просто так — взять, да и отдать мне пятьсот крон. В те времена я собирал карточки с футболистами. Покупаешь жвачку — получаешь три карточки в маленьком пакетике. «Ну, кто же достанется мне на этот раз?», — гадал я. Может, Марадона? И часто бывал разочарован, особенно когда мне перепадали одни только шведские игроки, о которых я и слыхом не слыхивал. Но однажды отец йринес мне целую коробку с карточками. Это был шок! Я вскрываю пакетики, а там — самые яркие бразильские звезды. А еще время от времени мы с отцом вместе смотрели футбол по телевизору и обсуждали происходящее. Это было здорово.

Но в другие дни он бывал пьян. В моей памяти запечатлелись отдельные ужасные сцены той поры, и, становясь старше, я начал противостоять ему. Я не хотел поступать, как Сапко, и доводить до столкновений. Я говорил ему: «Ты слишком много пьешь, отец», и между нами происходили какие-то жуткие (и порой бессмысленные, если сказать по правде) ссоры. Но мне хотелось доказать, что я могу говорить от своего имени, тем более что дома у нас царил ужасающий беспорядок.

При этом он ни разу меня и пальцем не тронул. Однажды он поднял меня на пару метров ввысь и швырнул на кровать, но это произошло из-за какого-то проступка в отношении его сокровища Санелы. В душе он был милейший человек на свете, и только сейчас я осознаю, какую нелегкую жизнь он прожил. «Он пьет, чтобы заглушить свою печаль», — говорил мой брат, но это была не вся правда. На отца сильно повлияла гражданская война в Югославии.

Для меня эта война была чем-то загадочным. Я ничего о ней не слышал, поскольку окружающие старательно оберегали меня от этого. Я даже не мог взять в толк, зачем мать и сестры надели все черное. Это выглядело необычно, словно какая-то модная фишка. На деле это был траур по нашей бабушке, погибшей во время бомбардировки в Хорватии, и все скорбели о ней, все, кроме меня, которому ни о чем не было известно, разницы между

сербами и боснийцами я никакой не видел. Но хуже всех приходилось моему отцу.

Он родом из Биелины, города в Боснии. Там он работал каменшиком, там жила его семья и старые друзья. И вот теперь этот город внезапно превратился в ад. Биелина сильно пострадала, и совсем неудивительно, что отец снова стал называть себя мусульманином. Сербы заняли город и расправились с сотнями боснийцев. Подозреваю, отец знал многих из них. Его семья была вынуждена бежать. Коренное население Биелины покинуло город, а сербы заняли опустевшие дома, в том числе и дом моего отца. Кто-то чужой запросто зашел в дом и поселился в нем. Я понимаю, почему у отца не оставалось на меня времени, особенно вечерами, когда он сидел перед телеэкраном в ожидании новостей или телефонного звонка с родины. Война полностью поглощала его, и он стал одержимым просмотром новостей. Он сидел один, пил и скорбел, слушая свою юго-музыку, а я старался уйти на улицу или в гости к матери. Там был иной мир.

Если дома у отца были только мы вдвоем, то у матери все напоминало балаган. Приходили и уходили какие-то люди, раздавались громкие голоса и хлопали двери. Моя мать переехала на пять этажей выше в том же доме по адресу: улица Кронман, дом 5а. Этажом выше жила уже упоминавшаяся мной тетя Ханифа, или Ханна, как я ее звал. Я, Кеки и Санела были очень близки. Мы прекрасно понимали друг друга. Но и дома у матери не обошлось без ложки дегтя, если не сказать покрепче. Одна из моих сводных сестер все глубже увязала в наркотическом болоте, и мать уже шарахалась от каждого телефонного звонка или непрошеного гостя на пороге. «Нет, нет, нет, — произносила мать примерно следующее, — мало у нас было неприятностей?! Что теперь? Она уже повзрослела и взялась за ум, и категорически против любых наркотиков». Некоторое время спустя после этого разговора она подзывает меня с ошарашенным видом со словами: «Там, в холодильнике, наркотики!». Я тоже завожусь: «О Боже, наркотики!». Вспоминаю ее реплику («Никогда больше») и подзываю Кеки с гневными словами: «Какого черта в мамином холодильнике делают наркотики?». Он не понимает, о чем я, и пожимает плечами. И тут выясняется, что она имела в виду снюс (шведский жевательный табак — *прим. пер.)*.

Успокойся, мама, это всего лишь снюс.

Тоже дрянь, — недовольно парирует она.

Эти годы заметно состарили ее, и мы должны были стараться вести себя лучше. Но мы не знали, как это. Мы привыкли к грубости. Довольно скоро сводная сестра со своими наркотиками съехала с квартиры прямиком в реабилитационный центр. Потом она неоднократно срывалась и снова окуналась в это дерьмо, а мать выставляла ее за порог, и так по кругу (подробности мне не известны). В любом случае, все это было тяжело, но так уж заведено в нашей семье: мы привыкли ругаться, делая это довольно театрально и произнося фразы наподобие: «Я больше никогда не хочу тебя видеть!».

Помню один случай, когда я был в гостях у этой сестры в ее маленькой квартирке. Кажется, тогда был мой день рождения. Я прикупил ей какие-то подарки, а она была очень доброжелательна и гостеприимна. Но когда я направился в ванную, она в панике остановила меня, прокричав: «Нет, нет!». А затем протиснулась в дверь и начала судорожно что-то переставлять. Естественно, я почувствовал что-то неладное. Здесь таился какой-то секрет. И подобное происходило не однажды, но многое держалось от меня в тайне, и я продолжал заниматься своими делами — велосипедами и футболом, а также мечтал стать похожим на Брюса Ли и

Мухаммеда Али, моих кумиров.

Еше в бывшей Югославии у моего отца был старший брат. Его полное имя было Сабахудин, но все звали его Сапко (моего старшего сводного брата назвали в его честь). Сабахудин был боксером, настоящим талантом. Он выступал за боксерский клуб «Раднички» из Крагуеваца, стал в его составе чемпионом Югославии и был привлечен в национальную сборную. Но в 1967 году, когда парню было всего двадцать три и он только что женился, Сабахудин утонул в реке Неретва. Там были коварные течения, и, по всей видимости, у него возникли проблемы с сердцем или с легкими. Течением его затянуло вглубь, и он захлебнулся. Можете себе представить, каким ударом это стало для семьи?! После того трагического случая мой отец стал настоящим фанатом бокса и единоборств. Он собрал видеозаписи боев, не только с участием покойного Сабахудина, но и великих Али, Формена и Тайсона. Кроме того, на этих старых записях были все трюки Брюса Ли и Джекки Чана.

Именно эти пленки мы и просматривали, когда собирались у телевизора. Шведское телевидение было отстоем. У нас оно не пользовалось авторитетом. Мы жили в совершенно другом мире. Впервые я посмотрел шведский фильм уже в двадцатилетием возрасте, а о шведских героях или спортсменах (вроде Ингемара Стенмарка и ему подобных) и понятия малейшего не имел. Зато я знал, кто такой Али! Вот это была легенда! Он делал то, что считал нужным, невзирая на мнения людей. Он никогда не извинялся, и это я навсегда запомнил. И решил: это мое. Вот кто был понастоящему крут. Этот парень гнул свою линию. И это был пример для подражания, так что я взял на вооружение какие-то вещи, типа — я круче всех. В Русенгорде нужно было держаться уверенно: если вы слышали у себя за спиной какую-либо гадость (самыми худшими для парня считались прозвища, связанные с женской анатомией), то уже не имели права отступать.

И все же, несмотря на суровые нравы, стычки между нами были редкими. Не надо забывать, что Русенгорд был один против

всех. Я наблюдал за маршем неонацистов 30 ноября (День памяти шведского короля Карла XII — *прим, пер.)* и выкрикивал что-то в знак протеста в адрес этих расистских ублюдков. А в другой раз, во время Фестиваля в Мальмё стал свидетелем того, как внушительная компания из Русенгорда (порядка двух сотен парней) отлавливала одного подобного малого. Сказать по совести, это выглядело не очень честно. Но я бежал вместе со своими ребятами. Думаю, тому парню пришлось не сладко. Мы все были очень задиристыми и дикими. Хотя, случалось, было трудно

сдерживать страх.

Когда мы с отцом жили близ школы «Стенкула», я частенько задерживался допоздна у матери. А путь домой лежал через темный тоннель, пересекавший улицу Амирал и железнодорожный мост Аннелундс. Несколько лет назад здесь обокрали и жестоко избили отца, после чего он угодил в больницу с пробитым легким. Сам того не желая, я все время держал этот случай в уме. И чем сильнее я пытался вытеснить его из подсознания, тем упорнее все возвращалось. В окрестностях также пролегали железнодорожные пути, были там еще жутковатая по ночам аллея, какие-то заросли кустарника и два фонарных столба. Один из них располагался на входе в тоннель, другой — на выходе. Между ними — тьма кромешная. В общем, атмосфера выглядела зловещей. Эти два фонаря и стали для меня маяками. Расстояние между ними я пробегал как угорелый, сердце бешено колотилось, и всякий раз я представлял, что где-то здесь притаились злобные мужики, вроде тех, что напали на отца. И еще: если я побегу достаточно быстро, то все обойдется. Так я и возвращался домой почти бездыханным, и, конечно, мало чем напоминал Мухаммеда Али.

Как-то раз отец взял нас с Санелой с собой в Арлёв поплавать. Потом я гостил у друга. По пути домой пошел дождь. Он усиливался, и мне пришлось что есть силы крутить педали велосипеда. В итоге домой я приковылял весь промокший до нитки. Тогда мы уже переехали на улицу Зенит, что немного в стороне от Русенгорда. Я изнемог, меня качало из стороны в сторону, да еще, в придачу, начались боли в животе. В общем, я был разбит. Я едва мог идти, рухнул на кровать и укутался. Затем меня вырвало, начались судороги, я стал бредить.

Вернулся домой отец. Опять в своем репертуаре, его не переделаешь. Снова пьяный, а холодильник по традиции пуст. Но когда приходит беда, ему нет равных. Отец быстро вызвал такси, взял меня на руки, как младенца, и понес к машине. Я был тогда лег-

кий, как пушинка. Отец же — огромный и мощный, словно обезумел и, свирепый как лев, стал орать женщине-таксисту:

«Это мой мальчик, он — мое все. Плевать на правила движения, я заплачу штраф, и полицейских я возьму на себя». Испуганная женщина сделала так, как он просил. Она дважды проехала на красный и подрулила прямо к детскому отделению больницы Мальмё. Как мне рассказывали, ситуация была критической. Мне сделали укол в задницу, а отец, тем временем, слушал страшные истории про паралич и прочие последствия данного заболевания. Думаю, в ответ он сказал что-нибудь резкое. Если

что не так, он мог бы перевернуть вверх дном весь город.

Но отец успокоился, а я лежал на животе и плакал. Сделали еще один укол. Нам сказали, что у меня менингит. Медсестра зашторила окна и выключила свет. Вокруг меня должно было быть темно. Мне дали еще какие-то лекарства, а отец стоял и смотрел на меня. В пять часов утра я открыл глаза — кризис миновал. Я и по сей день не знаю, что могло его спровоцировать. Вполне возможно, я просто не умел заботиться о себе.

Я питался кое-как. Физически я был маленьким и слабым. Зато был силен в других вещах. Я выбросил из головы произошедшее и стал жить дальше. Я не засиживался дома, меня все время кудато тянуло. Я все время находился в движении. А еще во мне будто горел огонь, и я так же, как и отец, способен был легко заводиться (помните, «Кто ты такой, черт возьми?»). Уже сейчас я осознал, насколько это были нелегкие годы. Отец жил перепадами настроения: либо в полной прострации, либо доходя до бешенства. В последнем случае он мог орать что-то вроде: «В это время ты должен быть дома!», или «Ты не должен этого делать, черт побери!».

В отцовском понимании, если ты, парень, попал в передрягу, то должен постоять за себя и держаться, как настоящий мужик. Никаких нюней и размазни, никаких «Ой, у меня сегодня живот разболелся» или «Что-то мне сегодня грустно». Ничего в этом роде!

На примере отца я приучал себя идти по жизни стиснув зубы. Понял, что такое самоотверженность. Как-то раз мы купили мне кровать в «Икее», а отец не мог оплатить доставку (что-то порядка пяти сотен крон). Что было делать? Все просто: отец взвалил эту кровать себе на спину и потащил, как одержимый, километр за километром. Я шел следом, неся спинки кровати, и хотя они были легкими, едва поспевал за ним.

— Отец, остановись. Не гони.

Но он не останавливался. Можно сказать, он обладал харизмой мачо. Когда он изредка заявлялся в школу на родительские собрания, все присутствовавшие удивлялись этой его ковбойской удали: «Кто он?». Его заметили и зауважали, а учителя не осмеливались жаловаться на меня, по крайней мере так, как им бы этого хотелось. Вроде, «нам лучше быть поосторожнее с этим парнишкой».

Меня часто спрашивают, чем бы я занимался, не стань футболистом. Ума не приложу. Но очень может быть, что превратился бы в уголовника. В то время вокруг меня было много криминального. Нельзя сказать, что мы только о том и думали, чтобы совершить мелкую кражу или угон. Но в этом было что-то привлекавшее меня. Все эти велосипеды и воровство в универмагах вдохновляли меня, и я должен быть благодарен судьбе, что

отец ничего об этом не узнал. Да, он пил, но при этом строго придерживался определенных правил: ты должен совершать только правильные поступки, тем более ничего не красть (даже и мысли об этом себе не позволять), и тогда, типа, попадешь в рай.

В тот раз, когда мы попались на краже в универмаге «Вессельс», я все равно был в восторге. Ведь мы набрали вещей на полторы тысячи четыреста крон. Это не конфетки какие-нибудь стянуть. Но отец моего друга-«подельника» решил проучить нас и сдал, и когда пришло письмо, что, мол, Златан Ибрагимович был задержан за кражу и прочее, мне удалось порвать его, до того как его увидел отец. Я был рад и продолжил свои «делишки». Ясно, что добром бы все не закончилось.

Но могу твердо заявить, что никогда не имел ничего общего с наркотиками. Я всегда был решительно против них. Более того: помимо вылитого отцовского пива, о чем рассказывалось ранее, я выбрасывал и мамины сигареты. Я ненавидел все эти наркотики и прочую отраву. Да и напился впервые только лет в семнадцать— восемнадцать и, как и положено юноше после первой попойки, блевал где-то на ступеньках. После этого подобное происходило со мной крайне редко. Один раз, помню, набрался в бассейне, когда мы отмечали мое первое скудетто (звание чемпиона Италии по футболу — *прим, пер.)* в составе «Ювентуса». Но виновником был Трезеге — это он, змей-искуситель, подбил меня на этот «подвиг».

Мы с Санелой присматривали за Кеки. Ему строго-настрого запрещалось пробовать сигареты или алкоголь, и мы контролировали его. Младший брат стал для нас кем-то особенным.

Мы заботились о нем. С делами сентиментальными он обращался к Санеле, с другими проблемами — ко мне. Я взял наОсебя ответственность за него и заступался. Но в остальном я оставался отнюдь не святым и не всегда был приветлив даже с друзьями или товарищами по команде. Я был излишне агрессивен и позволял себе такие выходки, из-за которых сейчас пришел бы в бешенство, поступи так кто-либо в отношении моих Макса и Винсента. Увы, это факт. Уже тогда я был, скажем так, неоднозначным.

Я был одновременно и дисциплинированным, и диким. Я вывел насчет этого свою философию: нужно не только заявлять о себе, но и подтверждать слова делом. Не просто так — взять и сказать: «Я — лучший, а вы кто такие?». Нет, конечно, ведь это как-то по-детски. Но и не быть похожими на скромных шведских звезд с их невнятным лепетом. Мне хотелось быть лучшим, оставаясь при этом задиристым и даже вызывающим. Разумеется, я даже не мечтал превратиться в суперзвезду

или что-то в этом роде. Боже, о чем вы — я же из Русенгорда?! Но, тем не менее, все эти мысли помогли мне стать хоть немного другим.

Я был, что называется, проблемным малым. Еще и немного сумасшедшим. Но при этом обладал своим характером. Я мог опоздать в школу (рано подняться было проблемой), но при этом хотя бы выполнял домашние задания (каюсь, не всегда). Легче всего мне давалась математика. Раз, два, три — и я находил решение. Это чем-то напоминало игру на футбольном поле. Образы и решения приходили ко мне молниеносно. Но меня тошнило от того, что нужно скрупулезно записывать все это на бумагу, и учитель думал, что я «сачкую». Я не считался прилежным учеником, от которого ждут успехов в учебе. Скорее, наоборот, — вылета из школы. Но я старался подходить к учебе всерьез. Штудировал учебники перед контрольными. Правда, на следующий день после них все выученное вылетало из головы. Все-таки, в школе я был не так уж плох. Просто не мог подолгу усидеть на месте, ерзал, да еще швырялся ластиками и другими подручными предметами. Ну, шило в заднице, одним словом.

Те годы были бурными. Мы постоянно переезжали, из квартиры в квартиру. У меня это вызывало недоумение. Мы не задерживались на одном месте больше года, и учителя пользовались этим. Мне говорилось, что следует перейти в школу по соседству, и не потому, что того требовали правила, а просто чтобы отвязаться от меня. Я регулярно менял школы, и поэтому с трудом находил себе

друзей. Отец то и дело отправлялся дежурить на работу, все его внимание занимали война и выпивка, но хуже всего, его стал беспокоить шум в ушах («тиннитус»), В его голове словно позвякивал колокольчик. Глядя на весь этот бардак, происходивший в моей семье (а какое-нибудь дерьмо случалось постоянно), я решил пореже думать об этом и стал все больше заботиться о самом себе.

Знаете, мы — балканцы — люди горячие и нетерпимые. Когда одна из сводных сестер (со всей своей наркотой) порвала отношения с матерью и всеми нами, это было ожидаемо: после стольких то попыток побороть зависимость. Но ведь и другая моя сводная сестра также покинула семью. Мать просто вычеркнула ее из своей жизни, не знаю точно за что. Поговаривали что-то о ее дружке, тоже родом из Югославии. Они крепко повздорили между собой, и мать по каким-то причинам приняла его сторону. Сестра в ответ завелась, и они вылили друг на друга ушаты дерьма, что, конечно же, совсем не хорошо. В конце концов, не конец же света случился.

Та ссора была далеко не первой в нашей семье. Но мать осталась непреклонной и, образно выражаясь, закрыла перед моей второй сводной сестрой дверь на ключ. Могу ее понять — я вообще не забываю обид. Могу годами помнить даже про обыкновенный грубый подкат в игре. Я помню все зло, которое мне причинили, и могу долго держать обиду. Но в данном случае все зашло слишком далеко.

Нас было пятеро — братьев и сестер, — и вот остались только трое: я, Санела и Александар. И положение нельзя было исправить — это было словно высечено на камне. Особенно было жаль, что вторая из сводных сестер больше не жила с нами. Годы шли. Пятнадцать лет спустя ее сын позвонил нашей матери, соответственно, своей бабушке:

Привет, бабушка, — начал было он, но мать не захотела с ним общаться.

Извините, — сказала она и положила трубку.

Услышав об этой истории, я не мог поверить своим ушам. Даже не могу описать охватившее меня чувство: мне было очень не по себе, хотелось провалиться сквозь землю. Никогда так не поступайте! Никогда, никогда! К сожалению, в нашей семье слишком много спеси, которая чертовски вредит нам, и я счастлив, что в моей жизни есть футбол.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В Русенгорде существовало неформальное деление на общины, одна не лучше другой, хотя, пожалуй, низший статус имела так называемая «цыганская». Это вовсе не означало, что все албанцы, к примеру, или турки селились кучно в одном месте. И важнее было, не из какой страны родом твои родители, а из какой ты общины. И, в общем, следовало оставаться в ее границах. Та, где находился дом моей матери, называлась Тёрнрусен («розы с шипами», в переводе со шведского — *прим. пер.)*. Здесь имелись качели, детская площадка, мачта с флагом и футбольная площадка, где мы ежедневно играли. Иногда меня не принимали — «мал еще». Это уже потом я так вымахал.

Меня бесило, когда я оставался вне игры. Еще терпеть не мог проигрывать. Но даже больше чем победа, в игре меня привлекали различные финты и трюки. Ведь они вызывали восторженные возгласы вокруг: «Вау! Только посмотрите на это!». С помощью таких финтов и трюков можно было удивить окружающих, и нужно было долго тренироваться, чтобы стать лучшим. Частенько мамаши кричали нам: «Уже поздно! Ужин готов. Ступай домой».

«Сейчас, сейчас», — бросали в ответ мы и продолжали играть. Могло стемнеть, мог начаться дождь, наконец, мог бы случиться конец света —

мы все равно продолжали играть. Мы не чувствовали усталости. Поле для игры было маленьким, и приходилось не только быстро бегать, но и соображать. Особенно это касалось меня, маленького и хилого, которого легко было оттеснить от мяча. И я все время разучивал разные хитрые приемчики. Так было нужно, иначе не услышишь никаких «Вау!», ничего из того, что вдохновляло меня. Я даже часто засыпал в обнимку с мячом, придумывая, какие еще трюки я проделаю завтра. Это было своего рода бесконечное кино.

Моим первым клубом стал МБИ — «Мальмё Болл ок Идрёттсфёренинг» («Футбольное и физкультурное общество г. Мальмё»; сейчас — ФК «Русенгорд», выступающий в 4-м шведском дивизионе — *прим. пер.)*. Я пришел сюда в шесть лет. Мы играли

на гравийном поле, находившемся позади двух зеленых бараков. Я приезжал на тренировки на краденых велосипедах и не отличался примерным поведением. Пару раз тренеры даже отправляли меня домой, а я огрызался и кричал на них. И еще помню, как все время до меня доносилось: «Отдай пас, Златан!». Это сбивало меня с толку, и я чувствовал себя неуютно. В команде играли как иностранцы, так и шведы, и многие из родителей посвистывали на меня из-за ограды. В ответа посылал их к черту, а потом и вовсе сменил клуб, перейдя в ФБК «Балкан». Это было нечто совершенно противоположное!

В МБИ шведские папаши подгоняли нас словами: «Давайте, ребята! Отлично играете». Здесь же неслось: «...твою мать!», и так далее, и в том же духе. Вокруг были сумасшедшие югославы, которые беспрерывно курили и швырялись обувью, а мне подумалось: «Удивительно, ну прямо как дома. Мне это подходит». Тренером работал босниец. Когда-то в Югославии он выступал на высоком уровне, а здесь он стал для нас кем-то наподобие второго отца. Временами он развозил нас по домам, а то и давал мне пару крон на мороженое или другое съестное, чтобы утолить голод.

Одно время я даже играл вратарем. Реально не представляю себе зачем. Вероятно, я просто накинулся на нашего основного вратаря со словами: «Я смогу сыграть лучше тебя, болван!». Скорее всего, так оно и было. В итоге, в одном из матчей я пропустил все, что только можно, и был в бешенстве. Я впал в истерику, орал, что все вокруг дерьмо, и что футбол — тоже дерьмо, да и весь мир в придачу. И что я лучше уйду в хоккей.

— Хоккей намного лучше, чертовы идиоты! Я стану профессионалом, а вы все можете пойти и утопиться!

Я не лукавил — я действительно обожал хоккей, но, проклятие, сколько же экипировки было нужно для игры! Для этого нужны были большие

деньги. И мне ничего не оставалось, как продолжать играть в этот проклятый футбол. Но я завязал со своей вратарской «карьерой», перешел в нападение и почувствовал себя там, как в «своей тарелке».

Как-то мы проводили очередной матч. Меня долго не было, и все вокруг переполошились: «Где Златан? Где же он?». До начала игры оставалась буквально минута, и тренер вместе с товарищами по команде, наверно, хотели меня прибить: «Где он? Как можно пропустить такой важный матч?!». Но вдруг все увидели какого-то чумового парня на велосипеде, мчавшегося на всех парах прями-

ком на тренера. Неужели этот безумец его задавит? Да нет же, прямо перед нашим уже немолодым наставником я резко затормозил и пулей рванул на поле. Думаю, тренер был не на шутку ошарашен.

Обрызганный с головы до ног, он протирал глаза. Но все-таки разрешил мне выйти на поле, и, хочется верить, что мы выиграли тот матч. У нас тогда подобралась отличная команда. Однажды я был наказан за какую-то очередную провинность, и вынужден провести весь первый тайм на скамейке запасных. К перерыву мы проигрывали одной заносчивой команде — «Веллинге» — со счетом 0:4. Это было противостояние иммигрантов (то есть нас) и таких хороших мальчиков-снобов, поэтому атмосфера на поле была накаленной. Я был настолько разгорячен, что, еще чуть-чуть, и взорвался бы. Как мог этот кретин оставить меня в запасе?

Вы с ума сошли? — чуть не накинулся я на тренера.

Полегче, полегче. Скоро выйдешь играть.

Он выпустил меня во втором тайме, и я забил восемь голов. Мы выиграли 8:5 и сделали из этих снобов посмешище, а я, конечно, стал героем. Я был техничен и старался быть изобретательным на поле, а во дворе своего дома я стал маленьким чемпионом по части непредсказуемых ходов на ограниченном пространстве. Сейчас меня раздражают всякие типажи, напоминающие Дональда Дака, крутящиеся вокруг меня и крякающие: «Я сразу заметил, что из Златана Ибрагимовича получится нечто экстраординарное». Ляля-ля. Они чуть ли не грудью меня кормили. Или, типа, — он мой лучший друг. Ха-ха! Пустой трёп.

Да никто ничего не замечал! По крайней мере, не настолько, как сейчас твердят об этом. Никакие большие клубы не стучались в мою дверь. Я был хулиганистый маленький мальчишка, и никто не говорил: «О-о-о! Нам нужно быть повнимательнее к этому талантливому мальчику!». Нет же, наоборот: «Кто пустил сюда этого иммигранта?». Да к тому же, я не отличался стабильностью. Я мог восемь раз отличиться в одной игре, и быть никаким в следуюшей.

Я сдружился с парнем по имени Тони Флюгаре. У нас был один учитель шведского. Родители Тони также были с Балкан, а сам он тоже был с характером. Он жил не в Русенгорде, а немного заладнее, на улице Витемолле. Мы были одногодки — он родился в январе, а я в октябре — и это, возможно, что-то решило. Тони был крупнее и сильнее меня, и его считали большим талантом.

О нем много говорили: «Взгляните, какой игрок!», а я находился в его тени. Может, оно и к лучшему, что на его фоне я выглядел статистом. Пусть меня и не брали в расчет, я продолжал оставаться таким же неистовым, как маньяк, и не мог сдерживать этот свой дикий нрав. Я по-прежнему кричал на игроков и судей, и, как следствие, регулярно менял клубы. Из «Балкана» я вернулся в МБИ, затем вновь в «Балкан», а оттуда в БК «Флагг». Это напоминало чехарду, и никто особо не стремился связываться со мной, и я с некоторой завистью посматривал на родителей моих одноклубников, собиравшихся на матчи и тренировки.

Моего отца среди них никогда не было. Ни среди югославов, ни среди шведов. Не могу точно сказать, какие чувства владели мной тогда. Ничего не поделаешь, да мне никто и не нужен. И все же это доставляло мне боль. «Привыкай к такой жизни», и этот вывод я сделал для себя надолго. Да, отец был таким: безнадежным и фантастичным, на подъеме и в унынии. Я не рассчитывал на него, как другие дети на своих родителей. И тем не менее, я продолжал верить в него. Черт, ведь если бы он только увидел этот потрясающий финт, или вот этот бразильский трюк с мячом?! Отец мог меняться, особенно если был чем-то увлечен. Он хотел, чтобы я стал юристом.

Мне же в данную перспективу верилось с трудом. В такой обстановке юристами не становятся. Когда вытворяешь разные глупости и мечтаешь стать суровым парнем, а никакой поддержки от родителей нет и в помине. Какое там «Мне пересказать тебе урок по истории Швеции?», когда вокруг только пиво, пустой холодильник, югославская музыка и война на Балканах. Изредка отец находил немного времени поговорить со мной о футболе, и это очень радовало меня. А в один прекрасный день, который я никогда не забуду (в воздухе было что-то торжественное), он произнес:

Златан, пора бы тебе начать выступать за большой клуб.

Что ты подразумеваешь под большим клубом?

Приличную команду, Златан. Например, «Мальмё».

Подозреваю, что я не сразу врубился. Что такого особенного в

этом «Мальмё»? Ничего сверхъестественного. Да, конечно, я знал об этом клубе. Наш «Балкан» встречался с ним. Я подумал: «Почему бы и нет,

раз отец так считает?». Но я не представлял даже, где находится их стадион, да и вообще не ориентировался в большом городе. Мальмё был где-то далеко, словно в ином измерении.

Я попал в центр города только в семнадцать лет, и естественно, понятия не имел о жизни здесь. Но, в итоге, я выучил дорогу на тренировку (она заняла полчаса на велосипеде) и приехал туда с пакетом, где лежала моя форма, в руках. Понятное дело, я заметно нервничал. В «Мальмё» все было серьезно. Не как обычно: «Выходи на поле, сынок, и играй». Здесь требовалось пройти отбор. В расчет принимались и физические данные. Тут же обратив внимание, что я меньше всех вокруг себя, я начал уже подумывать собирать вещички и отправляться домой. К моему удивлению, на следующий день тренер Нильс сказал мне:

Ты принят в команду.

Вы это всерьез? — не сразу поверил я.

Тогда мне было тринадцать. В команде уже была пара иностранцев, один из них — мой старый знакомый Тони. Остальные были шведы, некоторые из них — из Лимхамна, так сказать, ребята из высшего общества. Я чувствовал себя марсианином. И не только потому, что у отца не было виллы и он никогда не приходил на матчи с моим участием. Я иначе разговаривал, на поле увлекался обводкой, вспыхивал, как комета, и все время боролся. Как-то раз я получил желтую карточку за то, что накричал на товарищей по команде.

Так не следует поступать, молодой человек, — сказал мне судья.

Да пошел ты..., — вспылил я, и тут же увидел перед собой красную.

Шведы начали выражать недовольство. Их родители желали моего исключения из команды, а я уже в тысячный раз подумал: «Да мне плевать на это. Возьму, и снова сменю команду. Или займусь тхэквондо — это будет покруче. Футбол — дерьмо». Чей-то гадский папа написал письмо с требованием исключить меня из команды. Под ним многие подписались. Говорили примерно еледующее: «Он здесь чужак. Мы должны выгнать его из команды. Подпишите...».

Это было невыносимо. Да, признаю, я повздорил с сынком этого папаши. Он выполнил несколько грязных подкатов, я сорвался и боднул его лбом. Но после я искренне сожалел о случившемся. Я сел на велосипед, направился в больницу и извинился. Да, это был идиотский поступок, но письмо-то зачем? Да идите вы все... Тренер Оке Калленберг взглянул на это письмо:

Что за чушь?

И порвал его на части. Добрый он был мужик, этот Оке. Или тогда я

ничего не понимаю в доброте! Правда, он целый год продержал меня на скамейке запасных в юниорской команде, и он, также как и остальные, считал, что я слишком много вожусь с мячом и кричу на товарищей, и что у меня неправильное отношение к жизни, и еше много чего такого. Но за эти годы я вынес для себя нечто очень важное. Если такой парень, как я, хочет завоевать уважение, он должен быть в пять раз лучше какого-нибудь Леффе Перссона (или всех этих Карлссонов, Ларссонов, Эрикссонов и так далее). И тренироваться он должен в десять раз больше. Иначе он может не дождаться своего шанса. Иного не дано. И уж тем более, если ты еще и угоняешь велосипеды.

Ясно, что после всех этих дел я должен был бы вести себя получше. Наверно, я и сам желал того же. Я был не безнадежен. Но тренировочное поле находилось так далеко — в семи километрах, — и мне часто приходилось добираться туда пешком. А при виде какого-нибудь славного велосипеда искушение становилось непреодолимым. Как-то раз дошло до курьеза: я положил глаз на желтый «велик» с двумя коробками, и вдруг понял, что это почтовый велосипед. Я покатался по округе с соседскими письмами, спрыгнул с велосипеда и поставил его в углу. Конечно, у меня и в мыслях не было лишить людей их писем.

А в другой раз угнанный мной «велик» стянули уже у меня, и я стоял, как дурак, у стадиона. Дальше предстоял долгий путь домой, а я был голоден и обессилен. Тогда, недолго думая, я взял стоявший перед раздевалками новый велосипед, по привычке сбив замок. Это был отличный велосипед, и впоследствии я старался ставить его подальше от стадиона, чтобы прежний хозяин ненароком не наткнулся на него. Но три дня спустя нас всех собрали вместе. К тому моменту у меня уже был нюх на такие дела: от таких собраний хорошего не жди — одни неприятности и моради. Так что я принялся придумывать всяческие правдоподобные оправдания.

Типа, «это был не я, а мой брат». И как в воду глядел — собрание действительно посвящено велосипеду помощника главного тренера. «Видел его кто-нибудь?».

Никто его не видел. Ну и я, разумеется, тоже! Я к тому, что в таких случаях ты не проронишь ни слова. Скорее, закосишь под дурачка, и скажешь что-то наподобие: «Ой, как мне жаль вас, вот и у меня тоже однажды украли велосипед».

Тем не менее, я чувствовал свою вину. Что же я наделал? Как же это меня угораздило? Это же велосипед помощника главного тренера. А ведь тренеров нужно уважать. Это-то я понимал.

То есть, я хотел сказать, думал, что нужно их выслушивать и усваивать все, что они там говорят про тактику, зонную игру и прочую ерунду. И в то же время не слушаться, и продолжать демонстрировать дриблинг и разные финты. Слушать и не слушаться! Вот каким было мое убеждение. Но угонять велосипед? Это явно не вписывалось в данную концепцию. Взволнованный, я направился к помощнику тренера.

«Вы знаете, тут вот какое дело, — начал я робко. — Я позаимствовал ваш велосипед. Это была безвыходная ситуация. Особый случай! Завтра вы получите его назад».

И я широко улыбнулся ему, и это, надеюсь, сыграло свою положительную роль. Вообще улыбка частенько выручала меня в те годы, а при помощи шутки я мог выйти из затруднительного положения. Но это давалось мне нелегко. Если что-то пропадало, я первым попадал под подозрение. Повод так думать был вполне убедительный — я был бедным. Если другие могли позволить себе лучшие бутсы из кенгуровой кожи, то я покупал свою первую пару в «Экохаллен» за пятьдесят девять крон (шесть евро по нынешним ценам). Их продавали по соседству с помидорами и другими овощами. Так и продолжалось: в детстве и юности у меня никогда не было ярких вещей.

Когда команда отправлялась на выезд за границу, другим ребятам давали с собой по две тысячи крон. У меня едва набиралось около двадцати, и порой отец задерживал оплату квартиры, чтобы я мог отправиться с командой. Он скорее предпочел бы выселение, чем позволил мне остаться дома. Это, конечно, было здорово. Но сравняться со своими друзьями я не мог.

Пойдем с нами, Златан, съедим пиццу или гамбургер, или прикупим чего-нибудь.

Не-а, потом. Я не голодный. Лучше я здесь попрохлаждаюсь.

Я старался отговориться и оставаться при этом невозмутимым. Это не всегда удавалось делать убедительно. Не скажу, что я мечтал, как говорится, соответствовать. Ну, может быть, чуть-чуть. Хотелось усвоить всякие вещи, вроде этикета и тому подобного. Но гораздо больше мне хотелось оставаться самим собой. Вот мое главное, так сказать, оружие. Видел я товарищей, подобных

себе, то есть из неблагополучных районов, пытавшихся дотянуться до высшего общества. Это неизменно оборачивалось неудачей. И чем больше они старались, тем хуже у них получалось. И я подумал: «Буду поступать наоборот. Даже, может быть, с перегибом». И вместо слов «У меня с собой всего двадцать крон», я говорил: «У меня ни гроша». Так выглядело круче.

Безбашеннее. Я — крутой парень из Русенгорда, я другой. Это стало моей визитной карточкой, и такая манера поведения нравилась мне все больше. И я не испытывал никаких комплексов по поводу того, что ровным счетом ничего не слыхивал про шведских кумиров.

Иной раз нас приглашали на матчи главной команды в качестве подающих мячи. Как-то «Мальмё» встречался с «Гётеборгом» — очень серьезный матч. Мои одноклубники завелись в предвкушении получить автографы звезд, особенно у некоего Томаса Равелли, прослывшего героем после нескольких отраженных пенальти на чемпионате мира (ЧМ 1994 года — *прим. ред.).* А я ничего о нем не слышал, и промолчал, чтобы не сойти за полного профана (хотя, конечно, я тоже смотрел матчи чемпионата мира). Я же из Русенгорда, и мне «до лампочки» все эти шведы. Я бредил бразильцами — Ромарио, Бебето и другими, — и все, что меня заинтересовало в Равелли, это были его вратарские шорты очень яркой расцветки. Я даже подумывал, как бы их украсть.

Еще мы должны были продавать билеты «Бинглотто» (одна из крупнейших шведских лотерей), чтобы заработать денег в казну клуба. Я ломал голову, что делать с этими билетами. Я никогда не слышал ни про какого Локета (Лейф «Локет» Ольссон — ведущий одноименного шоу — *прим. пер.).* И я старался продать эти несчастные билеты.

— Здравствуйте, здравствуйте, меня зовут Златан. Извините за беспокойство. Не желаете купить лотерейный билетик?

Если серьезно, то дело шло не очень. Когда нам впарили еще и Рождественские календари, я продал один, а то и меньше. Ну, то есть — ни одного. В конечном счете, отцу пришлось купить их все. Это было не совсем справедливо. Мы были не настолько богаты, да и в лишнем барахле дома не нуждались. Все эти затеи выглядели дурацкими, и я не понимаю, как можно посылать детей заниматься таким делом, словно попрошаек.

В команде сложился потрясающий коллектив: Тони Флюгаре, Гудмундур Мете, Матиас Конча, Джимми Таманди, Маркус Розенберг... Ну и я. Все были разными, но очень талантливыми.

Я прибавлял все больше и больше. Однако недовольство со стороны родителей не прекращалось. Они не сдавались. «Опять'он, — неслось в мой адрес. — Снова он водится с мячом. Он не подходит команде». Это меня бесило. Да кто вы такие, чтобы стоять здесь и обсуждать меня? Мысли завязать с футболом стали вновь посещать меня. Точнее, я всерьез задумывался над тем, чтобы в очередной раз сменить команду. Отца рядом не было — кому было постоять за меня или хотя бы приодеть. Я был «один в поле воин», а со всех сторон шведские папаши и их высокомерные сынки

пытались доказать мне мою неправоту. Конечно, я сердился. Более того, стал беспокойнее. Мне требовалось больше действия. Еще и еще. И также я нуждался в чем-то новом.

Джонни Гюлленшё, тренер юниорской команды, узнал про мои проблемы и рассказал об этом в клубе. «Ну, не всем же быть паиньками, — сказал он. — Мы можем потерять большой талант». В итоге, отец подписал за меня первый контракт. Это был прорыв — я стал получать полторы тысячи крон в месяц и принялся работать еще усерднее. Кто сказал, что со мной невозможно иметь дело?! Не слушайте и не верьте.

Я с упорством учился обрабатывать мяч, стараясь делать как можно меньше касаний. Однако я все еще не был настолько хорош, чтобы можно было сравниться с тем же Тони. Я старался хотя бы не уступать ему. Все мои сверстники в «Мальмё» обожали бразильские финты и приемы. Мы соревновались, кто лучше их исполнит, как когда-то было во дворе моего дома. Когда у нас появились компьютеры, мы загружали диски с разнообразными приемами в исполнении Роналдо или Ромарио, а затем повторяли их, пытаясь довести исполнение до филигранности. Мы стремились как можно мягче обращаться с мячом. Но у бразильцев он словно прилипал к ноге, и мы продолжали тренироваться снова и снова, пока не достигнем нужного результата. В итоге, все стремились продемонстрировать все это в игре. Многие в команде владели сложными техническими приемами. Но я решил пойти дальше. Глубже, так сказать, вникнуть в тему. Я был внимательнее к деталям. Честно говоря, я стал одержимым. Все эти приемы всегда были моим способом показать себя, и я при любом удобном случае пускался в обводку, невзирая на все недовольство со стороны тренеров и наблюдавших за игрой чужих родителей. Нет, я не буду подстраиваться под вас! Точнее, сделаю это частично. При всем желании отличаться от других, я хотел усвоить все уроки

тренеров, и это давалось мне все лучше и лучше. Хотя порой было нелегко. На меня влияла обстановка в семье, все происходившее с отцом и матерью доставляло мне боль. И это трудно было выбросить из головы.

В школе Соргенфри ко мне приставили дополнительного учителя, то есть воспитателя. Это реально повергло меня в шок. Разумеется, я не был прилежным учеником. Не исключаю, что и худшим среди всех. Но чтобы воспитатель?! Да идите вы... У меня же хорошие оценки по английскому, химии и физике. Не дебил какой-нибудь. Я даже к сигарете ни разу не прикоснулся. Просто делал глупости, шалил. Речь даже зашла о направлении меня в спецшколу. Они словно хотели заклеймить меня, и я

чувствовал себя, как инопланетянин. Во мне как будто заработал часовой механизм. Может, следовало еще добавить, что я преуспевал по физкультуре? Не отрицаю, я мог быть недостаточно сосредоточен в классе, и мне с трудом удавалось подолгу сидеть за учебниками. Но я был способен сконцентрироваться (да, особенно, когда нужно было ударить по мячу или швырнуть куда-нибудь яйцо).

И вот однажды в спортзале эта училка (забыл упомянуть, что это была женщина) наблюдала за мной. Как только я делал чтонибудь не так, она тут же цеплялась ко мне, как репей. Меня это достало, я швырнул в нее мяч и попал прямо в голову. Она была настолько шокирована, что не смогла вымолвить и слова, и только в изумлении смотрела на меня. После этого инцидента отца вызвали в школу поговорить на предмет психологической (или даже психиатрической) помощи, направлении в спецшколу и прочего вздора. Такие темы обсуждать с ним, скажу я вам, было непросто. Никому не было позволено плохо отзываться о его ребенке, и уж тем более какой-то непонятной училке. Отец пришел в ярость, направился прямиком в школу и в свойственном ему ковбойском стиле набросился на них: «Кто, черт возьми, вы такие, чтобы говорить здесь о психиатрической помощи?! Это всем вам она нужна. С моим сыном все в порядке, он хороший мальчик, а вы все можете пойти убиться об стену!».

Появление необузданного югослава возымело действие. Немного погодя училку-воспитательницу удалили. А ко мне вернулась уверенность в себе. Но все же случившееся не оставляло меня в покое. Нельзя же делить детей на плохих и хороших. Нельзя!

Если бы кто-нибудь посмел обвинить моих Макси и Винсента в том, что они не ведут себя, как все, я бы вышел из себя. Обещаю!

Я бы устроил сцену похлеще, чем когда-то мой отец. Та история навсегда в моей памяти, поскольку доставила мне боль. -Признаюсь, она закалила меня, сделала сильнее. Кто знает, возможно благодаря тому случаю я еще больше закалился, почувствовал себя бойцом. Но в тот момент я был словно выбит из седла.

Ладно, проехали. В один прекрасный день у меня было назначено свидание с девушкой, а тогда я не был настолько уж раскованным в этом смысле. Парень, к которому приставили персонального воспитателя, как вам такое, круто, да?! Меня всего прошибал пот, даже когда я просто взял у нее номер телефона. В моих глазах она была потрясающей девушкой, и я решился спросить:

Не хочешь пойти куда-нибудь сегодня после школы?

Конечно, с удовольствием, — ответила она.

А что если на «Густава»?

Это сквер Густава Адольфа в Мальмё. Мне показалось, что ей понравилась эта идея. Когда я пришел на место свидания, ее еще не было. Я очень нервничал. Я чувствовал себя не в своей тарелке и даже как-то беззащитно. Почему она не пришла? Может, я разонравился ей? Прошла минута, две, три, десять, и я не стал дожидаться ее дольше. Это было наибольшим из всех унижений. Я решил, что она просто обманула меня. Кому охота приходить на свидание с таким, как я?! С такими мыслями я отправился домой. Ну и ладно, чихать я на нее хотел! Я стану звездой футбола. В итоге, все оказалось до банального глупо. Просто ее автобус опоздал (водителю приспичило купить сигарет или что-то подобное), и она приехала сразу после того, как я ушел. Мы разминулись, и девушка была расстроена не меньше меня.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В старшие классы я начал ходить в школу «Боргар», где была футбольная секция, с которой я связывал большие надежды. Отныне все изменится. Я смогу стать по-настоящему крутым. Но кругом опять были сплошные засады. Ну, ничего, к этому я был морально готов.

Для начала в моей команде оказалось несколько высокомерных снобов. В самой школе преобладали обеспеченные девчонки и парни, такие «все из себя», прилично одетые и вальяжно покуривавшие. В моей среде шиком считались кроссовки или тренировочный костюм марки «Адидас» или «Найк». Это считалось круто, и я думал так же. Я и не подозревал, что Русенгорд так сильно отразится на мне. Он был словно выбит у меня на лбу. Как клеймо. А еще, словно тень той самой училки-воспитательницы нависала надо мной.

В школе «Боргар» ученики одевались в рубашки «Ральф Лорен» и носили ботинки «Тимберленд». Вот так! В моем окружении не часто можно было встретить парня в рубашке, и я сделал вывод, что пора меняться. Тем более что в школе было много обалденных девчонок. К таким не подойдешь, имея вид нищеброда. Я решил обсудить эту проблему с отцом, и мы заспорили. Мы получали ученическое пособие (в течение трех лет обучения в средней школе всем ученикам в Швеции выплачивается ежемесячное пособие — *прим, ред.)* от государства. Сумма равнялась семистам девяноста пяти кронам в месяц, и отец резонно полагал, что должен забирать все деньги, на том основании, какой выражался, что «он и так платит за все». У меня на этот счет было иное мнение:

— Ты не понимаешь, что я не могу выглядеть как последний оборванец.

В каком-то смысле я его убедил. Теперь у меня было пособие и свой личный счет. Деньги перечислялись двадцатого числа каждого месяца, и многие мои товарищи собирались у банкомата уже к полуночи накануне, все в нетерпении и отсчитывая секунды: десять, девять, восемь... Я старался вести себя хладнокровнее, но уже на следующее утро снял часть денег и купил себе пару джинсов «Дэвис». Они были самыми дешевыми.

Иногда я прикупал себе по три рубашки по цене одной. Я старался менять стили. Ничего не помогало. Я продолжал выглядеть, как «парень из Русенгорда», неблагополучного района. Я не хочу с этим смириться — вот как я думал. До определенного возраста я был маленького роста, но за какую-нибудь пару месяцев подрос сразу на тринадцать сантиметров, и мне стало казаться, что я выгляжу как какой-то рахит. А нужно было самоутверждаться. Я стал наведываться в центр города, заходил в «Бургер Кинг» и прогуливался по скверам.

Кроме того, я продолжал совершать плохие поступки. И не только ради куража. Мне нужны были классные вещи, иначе как я смогу получить шанс показать себя в школе. Однажды я стянул у одного парня CD-плеер. Перед классами у нас располагались шкафчики для личных вещей с кодовыми замками, и мой приятель сообщил мне секретный код одного из парней. В его отсутствие я вытащил плеер, сел на велосипед и катался, слушая его песенки и чувствуя себя круто. Но этого было мало. Мне по-прежнему не в чем было появиться на публике, и я продолжал оставаться парнем из неблагополучного района. Мой приятель был хитрее. Он закадрил девушку из хорошей семьи и сдружился с ее братом, который отдавал ему свои шмотки. Отличный ход, конечно, хотя и не всегда срабатывающий. Все-таки, как ни крути, мы не вписываемся в этот круг, мы — другие. Хотя приятель продолжал гулять с этой классной девчонкой, одетый в дорогие шмотки, и выглядел очень гордым. У меня же оставался только футбол.

Но и здесь дела складывались непросто. Я попал в юниорскую команду, где все ребята были на год старше меня, что само по себе уже достижение. У нас подобралась потрясающая команда — одна из лучших в стране в своей возрастной категории. Правда, я сидел в запасе. Так решил наш главный тренер Оке Калленберг. Что ж, тренеру виднее, кого сажать на скамейку. Хотя, подозреваю, его решение не имело прямого отношения только к футболу. Когда я пришел в команду, то часто забивал и на поле выглядел неплохо. Я не устраивал их в другом отношении.

Мне было заявлено, что я недостаточно командный игрок. «Твой

дриблинг тормозит игру», — вменяли мне в вину. Я слышал подобное уже сотни раз, в этих словах сквозило: «Ах, этот Златан, он такой несдержанный, недисциплинированный». До коллективных писем в этот раз, к счастью, не дошло, но поводов я давал достаточно: я орал на одноклубников, много разговаривал с судьями на поле, даже мог

сцепиться со зрителями. Нет, ничего противоправного. Но, обладая особым темпераментом и игровым стилем, и отличаясь от окружающих, я просто впадал в бешенство, если мне мешали. Многие вокруг полагали, что я не очень подхожу «Мальмё».

Помню, как мы пробились в решающую стадию юниорского чемпионата Швеции — действительно значительное достижение. Но Оке Калленберг «отцепил» меня: я не значился даже среди запасных. «Златан травмирован», — заявил он перед всеми, и я едва не подпрыгнул от этих слов. О чем это он? Я решил с ним поговорить.

О чем Вы говорите? Как можно говорить подобные вещи?

Ты травмирован, — повторил он, и я по-прежнему не мог в это поверить. Зачем он несет подобную чушь, когда на носу решаюшие матчи чемпионата?

Вы так говорите только потому, что не хотите, чтобы я выходил на поле.

Но нет же, он словно уверовал в свои слова, и это выводило меня из себя. Происходящее не поддавалось объяснению, и никто вокруг не сказал мне правду, или не решился сказать. Между тем «Мальмё» без меня одержал победу в чемпионате, что на деле вовсе не добавило мне уверенности в себе. Да, не спорю, я часто позволял себе дерзости. Как, например, когда один раз учитель итальянского выставил меня за дверь, я выдал ему: «Да плевал я на вас. В конце концов, вот стану звездой в Италии — тогда и выучу язык». Тогда эти слова прозвучали самонадеянно и чванливо, если не смешно. Сейчас было не до смеха: какая там звезда, когда ты не пробиваешься даже в основу юниорской команды?!

В тот период главная команда начала испытывать проблемы. «Мальмё» — одна из самых именитых и любимых команд в стране. Когда мои родственники приехали в Швецию в семидесятых, клуб находился на взлете и не знал себе равных. Он даже достиг финала Лиги чемпионов, тогда носившей название Кубок европейских чемпионов (в 1979 году — *прим. пер.)*. Ни один из молодых талантов не был продан в другой клуб (большая редкость для клубов со скромным бюджетом — *прим. пер.)*. Наоборот, в «Мальмё» переходили футболисты из ведущих клубов-конкурентов. В том же сезоне, о котором я рассказываю, ситуация была диаметрально противоположной. Клуб попал в кризис, и никто не находил этому объяснения. «Мальмё» всегда ходил в лидерах, а сейчас стоял на грани вылета из высшего дивизиона. Играла команда действительно отвратительно. Бюджет клуба настолько истощился, что не

хватало денег на покупку новых игроков, и ребята из юношеской и молодежной команд получили шанс. Можете себе представить, как они обсуждали эту тему? Гадали, кому улыбнется удача в еледующий раз — ему или, может, ему?

Разумеется, главными претендентами были Тони Флюгаре (в первую очередь), Гудмундур Мете и Джимми Таманди. Обо мне даже и мысли не возникало. Я был последним в очереди на место в составе главной команды или на выгодный контракт. Я убедил себя в этом, большинство вокруг считало так же. Честно говоря, надеяться было не на что. Если даже тренеры юношеской команды держат меня на лавке, то с чего бы мной

заинтересовались в главной команде. Да ни в жизнь! Тем более что я объективно уступал тем же Тони, Мете и Джимми. Это показали те немногочисленные минуты, что мне удалось провести на поле. В чем же была проблема? И что они со мной делают? Эти вопросы волновали меня, и я все больше убеждал себя, что дело не в футболе.

В детстве мне казалось, что круто быть задиристым и не таким, как все. Но эта манера поведения мне и аукнулась. В самом деле, когда стоит вопрос о вылете, не станете же вы брать в команду безбашенного иммигранта, вытворяющего свои бесконечные бразильские штучки на поле. А «Мальмё» был довольно чопорным клубом с устоявшимися традициями. В пору его расцвета все игроки в команде, как на подбор, были хорошо воспитанными блондинами, неизменно говорившими правильные и приятные слуху слова. И с тех славных пор здесь не часто можно было встретить игрока с иностранными корнями. Да, здесь играл Юксель Османовски. Он, кстати, тоже родом из Русенгорда. После он раскрылся в итальянском «Бари». Но и он был, что называется, положительным героем. Да нет же, конечно, не видать мне главной команды. У меня был действующий юниорский контракт, и мне следовало оставаться довольным хоть этим, или местом в молодежной команде. Причем речь не о молодежном (возраст игроков — до двадцати лет) составе «Мальмё», а об аналогичном в моей школе «Боргар». В юношеской же команде разрешалось выступать футболистам до восемнадцати.

В конечном счете, немногим из нас посчастливилось попасть в главную (взрослую) команду. Не набрался бы и полноценный состав. Но одной из задач руководства клуба было удержать юных игроков от перехода в другие команды, поэтому нас часто ставили в дублирующий состав, где мы играли против команд третьего дивизиона. Ничего особенного, но здесь у меня хотя бы появлялся шанс блеснуть.

Иногда мы тренировались вместе с главной командой, и вот тут уж я не мог позволить себе «молчать». Обыкновенно, юные игроки не рискуют демонстрировать какие-то сложные технические приемы в таких ситуациях. Им полагается быть паиньками и учиться у старших товарищей. Я же не тушевался. Почему бы и нет? Мне же нечего терять. И я выдавал все, на что способен, порой замечая, что меня обсуждают: «Да что он о себе возомнил?». И тому подобное. На что я бурчал: «Да пошли вы!», и продолжал в своем духе. Я показывал дриблинг, я боролся за мяч, и временами главный тренер взрослой команды Роланд Андерссон обращал на это внимание.

Сначала это пробудило во мне надежды: «Может быть, он думает, что я

чего-то стою?». Но затем они таяли из-за всего того дерьма, что творилось вокруг меня. Когда я снова увидел его у кромки поля, первое, что пришло мне на ум: «Наверняка кто-нибудь уже «настучал» ему на меня». Я был уверен, что ему обо мне уже все доложили. В тот момент я чувствовал все больше разочарования от футбола и не преуспевал в других областях, особенно в школе. Я чувствовал себя робко и неуверенно. В школу ходил зачастую только для того, чтобы плотно пообедать. Я наворачивал, как полоумный. Учился я все хуже и хуже и, в конечном счете, вовсе бросил учебу. Дома также был целый букет проблем. Жизнь напоминала минное поле, и я старался уходить от проблем, тренируя свои излюбленные приемы во дворе.

Стены моей комнаты были увешаны фотографиями Роналдо. Вот это была личность! Не только благодаря своим коронным трюкам или многочисленным голам на чемпионатах мира. Он был великим во всем. Он был одним из тех, на кого я хотел стать похожим. Яркая индивидуальность. Кто были игроки шведской сборной в сравнении с ним? Ни одной суперзвезды, ни одного человека, о котором говорил бы весь мир. Роналдо стал моим кумиром, и по видео с его участием я учился копировать его движения. Думаю, что преуспел в этом. Я словно начал танцевать с мячом.

Но что мне это дало? В сущности — ничего, полагал я. Что за несправедливый мир?! Я прокрутил в голове все последние глупости, которые наделал, и, должно быть, их набралось немало. Таким, как я, не выпадает шанс, и, какими бы качествами я ни обладал, не стать мне звездой. Вот такая сложилась ситуация. Я совершенно вымотал себя. Я зашел в тупик и стал искать выходы из положения. Я перестал тревожиться о том, что там будет дальше, и просто продолжил показывать свою игру. И вот, в один из дней снова появился Роланд Андерссон. Он наблюдал за игрой молодежной команды «Мальмё» с моим участием. Матч проходил на «поле номер один» (до наших дней не сохранившемся) с натуральным газоном, рядом с главным стадионом клуба. После игры до меня донеслись слухи, что Роланд Андерссон хочет поговорить со мной. Когда я узнал об этом, то запаниковал, а в голове закрутились мысли: «Что опять произошло? Украл ли я очередной велосипед или ударил кого-нибудь?». Я вновь мысленно перебрал все глупости, которые сделал, и, вероятно, их опять набралось немало. Но никак не мог взять в толк, как он-то об этом разузнал. И я уже придумывал тысячи извинений. Роланд — человек невозмутимый и очень строгий, с зычным голосом. Он подчиняет себе аудиторию. Думаю, мое сердце тогда колотилось.

О Роланде Андерссоне я слышал, что он играл еще на чемпионате мира

в Аргентине (в 1978 году — *прим. пер.).* Он не только был игроком сборной, но и входил в тот самый звездный состав «Мальмё». То есть, уважаемый человек. Когда я зашел, он сидел на краю стола, а на его лице не было и тени улыбки. Он выглядел очень серьезным, словно «вот сейчас и наступит сказочке конец».

Привет, Роланд. Что случилось? От меня что-то нужно, или...?

Я всегда старался выглядеть несколько задиристо. Привык с

детства. Нельзя демонстрировать слабину.

Присядь.

Хорошо, хорошо, только не надо волноваться. Никто ведь не умер. Гарантирую.

Златан, пора тебе завязывать играть с маленькими засранцами.

С маленькими засранцами? «О чем это он, — подумал я, — и что я сделал этим маленьким засранцам?»

Почему? — произнес я. — Вы имеете в виду кого-то конкретно?

Пора бы тебе начинать играть с большими дядями.

Я по-прежнему не въезжал.

«Ты приглашаешься в главную команду, сынок», — продолжил он. Я не могу передать, что со мной было после этих слов. Ощугцение было такое, словно меня подбросило метров на десять. Очень может быть, что, выйдя на улицу, я снова увел какой-нибудь велосипед и чувствовал.себя крутейшим парнем в городе.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В «Мальмё» в тренировочную программу входила так называемая «Миля» (по-шведски Milen; на самом деле автор имеет в виду бег на десять километров — *прим. пер.).* Это была такая длинная чертова разминка. Мы бежали от стадиона и до водонапорной башни, вниз по улице Лимхамн, мимо всех самых дорогих домов с великолепными видами на океан. Я в особенности запомнил один из них: он был розовый и просто потрясный. Мы тогда думали: «Ого, что за люди здесь живут? Даже страшно представить, сколько у них должно быть денег».

Дальше наш путь лежал через Кунгспаркен и, по тоннелю, выходил прямиком на мою школу «Боргар». Всем этим девочкам и мальчикам-снобам предоставлялась прекрасная возможность лицезреть меня. Не представляете, какое я тогда испытывал воодушевление! Это был мой своеобразный реванш. Вот он я, оборванец из Русенгорда, у которого кишка была тонка даже познакомиться с девчонкой, бегу теперь в компании таких лихих парней из «Мальмё», как Мате Лилиенберг и другие. Это было потрясающее ощущение и я старался сделать это

традицией. Первое время я бегал быстро. Я был новичком во взрослой команде и старался показать, на что способен. Но впоследствии я понял более важную вещь. Более важная вещь заключалась в том, чтобы произвести впечатление на цыпочек.

Поэтому мы с Тони и Мете проделывали разные ловкие трюки. Мы пробегали первые четыре километра. Затем на улице Лимхамн тихонечко отделялись от группы в сторону автобусной остановки. Мы сознательно бежали в хвосте и поэтому никто нас не замечал. После этого мы могли спокойно сесть в автобус, ехать и ржать, как чокнутые: вот так нахальство! Нужно было только пригнуться, когда автобус проезжал нашу группу бегущих. В конце этой протяженной улицы мы выпрыгивали из автобуса, отдохнувшие и далеко впереди наших товарищей, и притаивались где-нибудь за углом. Когда наши пробегали мимо, мы спокойно пристраивались к общей группе и начинали бежать на всех парах, так чтобы выйти в лидеры и иметь возможность пробежать впереди непосредственно перед школой. Возможно, девчонки подумывали что-то вроде: «Вау, эти парни реально сильные».

А как-то раз, во время очередной «Мили», я предложил Тони и Мете: «А давайте угоним велосипед. Это так забавно!». Думаю, они несколько опешили от такой идеи. Они ведь не обладали моим опытом. Но я посвятил их в курс дела, а следом увел «велик» и катал их, посадив на багажник. Бывало, мы перегибали палку. Я, конечно, был не самым высокоразвитым парнем в городе, да и Тони был тот еще идиот. Например, этот придурок увлекся порнофильмами. Он взял напрокат одно такое «произведение искусства» и накупил шоколадок, и, в то время, когда вся команда потела и бежала «Милю», мы сидели и смотрели видео и уплетали шоколад.

Я должен быть счастлив, что Роланд Андерссон спустил эту выходку нам с рук и принял извинения. Или сделал вид, что принял. Это трудно было понять по его непроницаемому лицу. Он относился к нам, как к маленьким детям. Иной раз, правда, и от него слышалось: «Что с тобой, парень? Почему ты не слушаешься?». Также звучала старая песня: «Он слишком увлекается дриблингом. Он не думает о команде». Что-то из сказанного было справедливо. Полностью согласен: мне еще многому нужно было учиться. А что-то было просто завистью. Игроки чувствовали конкуренцию, а я не отбывал номер и действительно упорно и тяжело работал. Мне было мало тренировок с командой, и я продолжал заниматься в нашем дворе, час за часом. Я придумал себе забаву — собрал соседских мальчишек и предложил: «Плачу тому, кто сможет отобрать у меня мяч». И это не было простым развлечением. Так я оттачивал свою технику, учась

защищать мяч корпусом.

Когда я не гонял мяч во дворе с мальчишками, я играл в видеоигры. Я мог сидеть за ними по десять часов, и зачастую находил в игре решения, которые применял затем в реальной жизни. В обшем. футбол был со мной круглые сутки. На тренировках в «Мальмё» мне порой бывало непросто, потому что я слишком много брал на себя и переигрывал. Выглядело это так, будто они заполучили в команду нечто иррациональное, чего не могут понять. Я и о том, что любой сукин сын смолчал бы в одной ситуации и сказал бы правильные слова в другой. Но я... Я же с другой планеты. Я продолжал вести себя, как пацан из Русенгорда. Началось с того, что игроки в команде разделились на «стариков» и «молодняк». Нам, молодым, положено было таскать всякий чертов инвентарь и по-

стоянно быть «на подхвате». Это выглядело нелепо, а климат в команде с самого начала был ужасным. На старте сезона главный тренер национальной сборной Томми Сёдерберг предсказывал «Мальмё» итоговую победу в чемпионате. Однако все сразу же пошло наперекосяк, и над командой нависла угроза вылета во второй дивизион. Подобного не происходило вот уже более шестидесяти лет, и болельщики были встревожены и рассержены. Весь этот груз лег на плечи ветеранов команды. Они-то прекрасно осознавали, что будет значить для всего города, если команда не сможет сохранить место в Аллсвенскан (высший дивизион чемпионата Швеции по футболу — *прим. пер.)*. А это будет катастрофа. Тут не до веселья и бразильских приемчиков. А я все равно был счастлив, что меня взяли в команду, и горел желанием показать себя. Пусть даже это было не вовремя и не к месту, но это уже было у меня в крови.

Хоть я и новичок, но уже полноправный член команды, и я стремилея, чтобы окружающие сразу это усвоили, и не намерен был отступать или, тем более, унижаться. Уже в один из первых дней моего пребывания в команде вратарь Джонни Федель недовольно проворчал: «Где, черт возьми, эти мячи?». Я чуть не вздрогнул, особенно когда заметил обращенные на меня со всех сторон взгляды, дававшие понять, что именно мне следовало принести эти мячи. Ну нет уж, дудки, никогда в жизни. И тем более в таком тоне.

«Если они тебе нужны, пойди и возьми», — пробурчал я, что явно не вписывалось в принятые в «Мальмё» правила.

Мне снова давали понять, откуда я. К счастью, меня поддерживали Роланд и его помощник — второй тренер Томас Шёберг. И я это чувствовал, хотя, надо признать, больше они верили в Тони. Он сразу

вышел в основе и забил уже в своем дебютном матче. Я же находился в запасе и старался тренироваться еще усерднее. Не помогало, и я проклинал весь белый свет. Может быть, мне стоило довольствоваться своим положением и не форсировать события. Но я не таков. Я хочу получить свой шанс и продемонстрировать, на что способен, немедленно.

19 сентября 1999 года нам предстояло встретиться с «Хальмстадом» на его стадионе «Эрьянс Валль». Это был решающий матч. Если мы выигрывали или хотя бы играли вничью, то сохраняли за собой право играть в Аллсвенскан на следующий год. В случае поражения нам пришлось бы продолжать бороться за спасение в последних турах. Поэтому все в команде были на нервах, даже взвинченные. Мы начали игру скованно. Играли в закрытый футбол, с оглядкой на свои ворота. В начале второго тайма наш нападающий Никлас Гудмундссон получил травму, и я уже лелеял надежду выйти на поле. Но нет, Роланд даже не взглянул в мою сторону. А время шло и ничего не менялось. После часа игры счет оставался равным — 1:1, и нас он вполне устраивал. Но за пятнадцать минут до конца травмировался еще и наш капитан Хассе Маттисон, а вскоре после этого «Хальмстад» вышел вперед — 2:1. Я увидел, как все наши игроки побледнели.

И вот тогда Роланд выпустил меня на поле. Когда все одноклубники выглядели подавленными, я вышел с полным зарядом адреналина. На моей футболке красовалась фамилия Ибрагимович. Это было круто, это была уверенность, что никому не под силу меня остановить. Я сразу же пробил по воротам — мяч коснулся перекладины и ушел выше ворот. Но затем случилось ужасное. Уже в добавленное время мы получили право на пенальти. Вы сможете понять — это был вопрос жизни и смерти. Забьем — честь клуба спасена, нет — мы на грани катастрофы. Все лидеры команды стушевались. Никто не отваживался взять на себя ответственность пробить этот пенальти. Слишком многое было поставлено на карту. Но тут вперед вышел этот нахал Тони:

— Я пробью.

Непростая ситуация, скажу я вам. Отступать уже не имеешь права. И казалось, что-то может ему помешать. Он был слишком молод, чтобы взваливать на себя такой груз ответственности. Помню, как во время его разбега вся команда затаила дыхание, а кто-то еще и отвернулся, чтобы не смотреть. И, проклятие, вратарь взял пенальти. Я думаю, он перехитрил неопытного Тони. Матч мы проиграли, а Тони надолго попал в немилость у тренеров. Я искренне переживал за бедолагу. Знаю, что журналисты разглядели в том случае нечто символическое — переломный момент,

когда я обошел Тони и оставил его позади себя. Действительно, впоследствии Тони никогда уже не играл на высшем уровне. Я же получил игровое время. Я выходил на замену в шести матчах высшего дивизиона, и в отдельных интервью Роланд даже называл меня не ограненным бриллиантом. Эти слова не остались незамеченными, и вскоре мальчишки стали подходить ко мне после игр с просьбой дать автограф. Не скажу, что это стало для меня огромным событием. Но, не скрою, это меня подстегнуло. Я думал так: «Следует играть еще острее. Не могу же я разочаровать этих маленьких ребят».

Вы только посмотрите на это! Я хотел, чтобы от увиденного они восторженно кричали. А как вам такой классный приемчик?! Все это со стороны выглядело странновато. Но армия юных фанатов все прибавлялась, а я хотел демонстрировать все больше финтов и трюков с мячом. Я решил, что именно эти мальчишки дают мне право играть так, как я играю. Ведь они бы и не подошли ко мне, если бы я не был самым смелым игроком команды! И я стал играть для детей и давал автографы всем желающим, никому не отказывая. Я и сам ведь был еще юным и отчетливо представлял себе, как бы чувствовал себя, если бы мои друзья получили автограф, а я — нет.

— Все довольны? — спрашивал я ребят, прежде чем удалиться. Я был так поглощен всем этим ажиотажем вокруг своей персоны, что даже стал забывать об удручающем положении своей команды. Вроде начала звездной болезни... Я тут веду себя как король, в то время как мой клуб переживает худшие времена в своей истории. После домашнего поражения от «Треллеборга» болельщики плакали и требовали отставки Роланда. Пришлось даже прибегнуть к помощи полиции, чтобы оградить его от гнева фанатов. Автобус гостей из Треллеборга забросали камнями, были протесты и прочая фигня. Положение не улучшилось и пару дней спустя, когда мы были разгромлены АИКом. То, чего все опасались, стало свершившимся фактом.

Мы вылетели из Аллсвенскан. Впервые за шестьдесят четыре года «Мальмё» не сыграет в высшем дивизионе. В раздевалке понуро сидели игроки, накрывшись с головой полотенцами и футболками. Тренеры и руководство пытались утешать и делать хорошую мину. Но вокруг царил дух разочарования и позора. А кто-то, возможно, подумывал и обо мне: вот мол, эта «главная звезда», которая в труднейших для команды матчах старалась только себя показать. Но, если честно, мне было все равно, кто и что обо мне думает. Мои мысли были заняты другим. Ведь произошло что-то из ряда вон выходящее.

Это случилось, когда меня пригласили во взрослую команду. Проходила тренировка «Мальмё» — команды — предмета для гордости всего города. Но в те времена наши тренировки посещали неохотно, и зрителей было мало. Издалека я заметил, как среди присутствовавших мелькнул немолодой человек. Я не узнал его. Заметил только, что он наблюдает за нами из-за деревьев, словно скрываясь, и мне это показалось странным. Будто что-то предчув-

ствуя, я стал выполнять все свои приемы еще азартнее. И только некоторое время спустя я все понял.

В детстве я все время был предоставлен самому себе. Вокруг было как-то пусто, одиноко. Безусловно, отец совершал порой настоящие поступки. Но он не был похож на отцов моих сверстников, которых я видел вокруг себя. Он не посмотрел ни одной игры с моим участием и не помогал мне в школьных делах. Его интересовали пиво, гражданская война и югославская музыка. Но сейчас я не мог поверить своим глазам. Тем немолодым человеком был мой отец. Он пришел на меня посмотреть. Я словно взорвался. Словно сбылась моя мечта, и принялся летать по полю. «Ни фига себе, отец здесь! Неужели это не видение?! Ну, тогда взгляни на это. Я жаждал аплодисментов. Смотри же! Оцени и вот это! Твой сын — лучший футболист в мире».

Считаю, это был один из величайших моментов в моей жизни. Клянусь! Я вернул отца, словно бы раньше его по-настоящему со мной не было. Это было какое-то новое ощущение, и после тренировки я помчался к нему и стал расспрашивать, как ему это понравилось. Как ни в чем не бывало, словно он был здесь не впервые.

Ну, как тебе?

Хорошо сыграл, Златан.

Невероятно! Отец оценил и, я полагаю, поверил в меня. Я стал для него, как наркотик. Он стал наблюдать за всеми моими действиями. Отныне он не пропускал ни одной тренировки. Его квартира превратилась в мой музей, и он вырезал каждую статью, даже любую заметку с упоминанием обо мне. И не останавливался. Спросите его о любом из моих матчей. У него имеются все записи, а также все, что обо мне написано, все мои футболки и бутсы, и даже «Гулдболлен» («Золотой мяч», приз, ежегодно вручаемый лучшему футболисту Швеции. Златан награждался им восемь раз подряд, с 2005 по 2013 гг. — *прим. пер.)*. Спроси его, где что лежит, и он быстро покажет: все хранится в строгом порядке, а не как раньше обстояло с его вещами. Каждый предмет — на своем месте, и отцу достаточно секунды, чтобы найти его. С того самого знаменательного дня

отец стал жить ради меня и моего футбола, и, я смею надеяться, ему стало лучше. Жизнь его не баловала — он был одинок. Санела перестала с ним общаться из-за его пьянства, буйного нрава и резких слов в отношении матери. Все это дорого обошлось ему, ведь.Санела всегда была его главной любовью (и всегда будет). А теперь ее не было рядом. Она порвала с ним, и это

еще один тяжелый момент в истории моей непростой семьи. Отцу требовалось что-то новое, чтобы как-то отвлечься. И вот! Отныне мы общались ежедневно, и я признаю, что этот новый поворот во взаимоотношениях с отцом послужил для меня движущей силой. Здорово, футбол может творить чудеса! Я стал бороться с удвоенной силой. Что значил вылет во второй дивизион по сравнению с тем, что я приобрел в лице одного немолодого человека, своего самого преданного болельщика?!

И все-таки я находился на распутье. Стоит ли мне играть в Суперэттан (второй дивизион чемпионата Швеции по футболу — *прим, пер.),* как его сейчас по-дурацки (тоже мне, Супер) называют, или следует начать посматривать по сторонам? Ходили слухи об интересе к моей персоне со стороны АИКа. Но правда ли это? Без понятия. Я ни черта не представлял себе своей цены на тот момент. Объективно, я ведь не был даже игроком основы «Мальмё». Мне восемнадцать, и для начала еще нужно подписать взрослый контракт. Я пережидал. Все вокруг выглядело шатко, особенно после увольнения Роланда Андерссона и Томаса Шёберга. Они-то мне доверяли, когда вокруг все только и хотели от меня избавиться. Как-то будет теперь? Стану ли я получать хоть какое-то игровое время, если останусь? Я сильно сомневался. На пару с отцом сомневались мы и насчет моих истинных способностей.

Ответов на все эти вопросы не находилось. Я продолжал раздавать автографы мальчишкам, но это еще ничего не значило. Первые восторг и удовольствие от пребывания в главной команде улетучивались. И вот тогда мне повезло встретить одного парня, футболиста из Тринидада и Тобаго. Это случилось во время предсезонки. Он был у нас на просмотре. После сборов он подошел ко мне.

Эй, паренек.

Что?

Послушай: если за три года ты не вырастешь в профессионала, в этом будешь виноват только ты сам.

О чем ты?

Ты сам все слышал!

Черт, конечно, я все слышал.

Правда, мне потребовалось время, чтобы осознать и «переварить» услышанное. Могли ли его слова быть правдой? Если бы мне сказал это кто-то другой, я бы еще многократно подумал, верить ему или нет. Но этот парень, по-видимому, знал, что говорил.

Он изрядно поколесил по миру. Его слова запали мне в душу. Неужели из меня реально получится талантливый профессиональный футболист? Во всяком случае, я начал в это верить — впервые в жизни. Я с еще большим усердием стал самосовершенствоваться.

Хассе Борг, в прошлом защитник сборной Швеции, был только что назначен спортивным директором «Мальмё». Он сразу же приметил меня. Наверно, он разглядел во мне талант и рассказал обо мне журналистам. Вроде: «Эй, ребята, вам следует присмотреться к этому малому». В феврале к нам на тренировку пожаловал журналист из «Квяльспостен» Руне Смит. Это потрясающий человек. Мы вполне могли бы сдружиться. Он понаблюдал за моей игрой, а после мы поговорили наедине. Так, ни о чем.

Я что-то говорил о «Мальмё», втором дивизионе и моих мечтах стать профессионалом и поиграть в Италии, как Роналдо. Руне, улыбаясь, записывал, а я не знал, чего от всего этого ожидать. У меня не было никакого опыта общения с журналистами. Но получилось здорово. Руне написал примерно следующее: «Запомните имя будущего героя новостей — ЗЛАТАН! Звучит впечатляюще? И он действительно впечатляет. Совершенно неповторимый тип игрока — заряд динамита влинии атаки». Далее он вновь употребил сравнение с не ограненным брильянтом, а я выразил свои мысли в своей нагловатой манере, резко контрастировавшей с традиционной шведской сдержанностью. Статья возымела успех. Все больше детей подходили ко мне после тренировок, и среди них были даже девчонки. Начали подходить и взрослые. Так начиналась моя популярность, доходившая порой до истерии со всеми этими воплями «Златан, Златан!». Это стало неотъемлемой частью моей жизни. Но поначалу я смущался («Что такое? Это говорят обо мне?»).

Я покривил бы душой, если сказал бы, что меня не впечатлял весь этот антураж вокруг моей персоны. А что вы хотите? Всю свою жизнь я старался привлечь к себе внимание, а тут вдруг подходят люди и, находясь под большим впечатлением от моей игры, просят расписаться. Конечно, это круто! Одно из наибольших удовольствий в жизни. Это подстегивало меня. Я был полон адреналина. Я несся вперед. Знаете, я многократно слышал от звезд примерно следующее: «Ой, как же мне тяжело. Люди кричат под моими окнами в надежде получить автограф. Бедный я,

несчастный». Да чушь все это собачья!

Такие вещи, как популярность, добавляют драйва, можете мне поверить. Тем более, если вы прошли через испытания, как я, па-

рень с окраины, из неблагополучного района. Тебя вдруг словно поражает удар молнии. Но отдельные вещи я решительно не приемлю — зависть и тому подобное; всякие психологические приемчики, используемые, чтобы поставить тебя на место, показать, откуда ты, или что ты ведешь себя не так, как принято. И меня выводили из себя выражения типа: «Да тебе просто повезло!» или «Да что ты о себе возомнил?».

Я отвечал тем, что становился еще более самоуверенным и дерзким. А что мне оставалось делать? Меня не научили извиняться. В нашей семье не принято было говорить: «Ах, простите, простите. Я очень извиняюсь, что расстроил вас». Мы не уступали друг другу, и каждый отстаивал свою точку зрения до последнего. А еще мы никому не доверяли. В общем, у каждого в нашей семье были свои недостатки. Отец часто учил меня: «Не делай ничего не подумав. Люди только и ждут момента, чтобы использовать тебя». Я прислушивался и мотал на ус. Не всегда это давалось мне легко.

Хассе Борг, одетый в приличный костюм, постоянно крутился вокруг меня, стараясь уговорить заключить взрослый контракт. Он действительно был на моей стороне и заинтересован во мне, и мне это льстило. Я почувствовал свою значимость. К тому времени в команду пришел новый тренер, Микке Андерссон, но я по-прежнему не знал, сколько игрового времени получу. Микке, по-видимому, рассчитывал в нападении на дуэт Никлас Киндвалл — Мате Лилиенберг, а меня рассматривал в качестве запасного. Я, разумеется, не горел желанием протирать штаны на скамейке запасных во втором дивизионе.

Я обсудил эту тему с Хассе Боргом. О нем могут говорить разное, но не случайно же он добился успеха в бизнесе. Он привык идти к цели напролом. И он был мастером убеждения. Проанализировав свой игровой опыт, он заключил:

— Все будет нормально, сынок. Мы еще на тебе заработаем, а Суперэттан послужит отличным плацдармом для твоего роста. Ты получишь возможность развиваться. Только подпиши!

Я согласился. Я стал доверять ему. Он постоянно звонил мне и снабжал советами, а я думал: «Почему бы и нет? Ему виднее». Всетаки он поиграл в Германии, имел большой опыт и все такое. Да и внешне все выглядело так, что он искренне заботился обо мне. «Все агенты — жулики», — любил говорить он, и я ему верил.

В то время за мной гонялся один агент. Его имя — Роджер Юнг (известный в прошлом защитник сборной Швеции — *прим. ред.)*.

Он очень хотел подписать со мной контракт. Но мой отец был настроен скептически, а я и понятия ни малейшего не имел об агентах. Кто такие? В общем, я вспомнил слова Хассе Борга и подписал контракт с ним. Мне полагалась квартира в Лоренсборге (однокомнатная, недалеко от стадиона), а еше мобильный телефон (это было важно, поскольку с телефоном в отцовской квартире у меня возникали проблемы) и зарплата в размере шестнадцати тысяч крон в месяц (около тысячи шестисот евро — *прим. пер.)*.

На предстоящий сезон я был настроен решительно. Однако старт получился так себе. В первом матче чемпионата, в гостях против скромной команды «Гуннильсе», мы должны были крупно выигрывать. Я уже по традиции начал матч на скамейке запасных. Черт, когда же, наконец, все это изменится?! Было ветрено, а на трибунах зрители скучали. Когда я все-таки вышел на поле, то вскоре получил локтем в спину. Я отмахнулся, а следом еще и обозвал судью, за что схлопотал желтую карточку. После этого инцидента было много шума на поле и вне его, газеты писали об этом, а наш капитан Хассе Маттиссон выразил мнение, что я распространяю вокруг себя негативную энергию.

Какая еще негативная энергия? Я просто завожусь.

Ты не должен терять контроль над собой.

И дальше: о том, что я не звезда, как себе это возомнил, и что любой смог бы выполнить те же финты, что и я. Просто другие игроки не бравируют этим и не хотят вести себя «а-ля Марадона». Меня расстроили все эти высказывания. Есть даже фото, где я в Гуннильсе стою у клубного автобуса с потерянным видом.

Со временем все наладилось. Я стал играть лучше, и надо отдать за это должное Хассе Боргу: в Суперэттан я действительно получил игровое время и возможности развиваться. Получается, я должен быть благодарен судьбе за этот вылет во второй дивизион.

Вскоре события стали развиваться бурно. Я был еще отнюдь не Роналдо, а шведская пресса уделяет мало внимания второму дивизиону. Тем не менее, крупнейшие газеты стали печатать материалы, посвященные мне, с заголовками вроде «Супердива в Суперэттан», а клуб болельщиков «Мальмё» зафиксировал резкий наплыв желающих вступить в него болельщиц. Ветераны команды удивлялись: «Что происходит?». Мне самому было трудно это объяснить. На трибунах люди держали плакаты «Златан — король», а когда я демонстрировал свой фирменный дриблинг,

кричали и хлопали громче, чем на концерте рок-звезд. Что происходило?

С чего бы все это? Я не могу дать ответ. Я и сейчас не очень понимаю.

Предположу, что многим просто нравилось, как я вытворял свои номера с мячом. Я слышал восторженные возгласы «Вау!» и «О-о-о!». Прямо, как когда-то во дворе. У меня словно вырастали крылья, когда люди узнавали меня на улице, девушки вопили от восторга, а дети подбегали с просьбой дать автограф. Также впервые в жизни у меня появились приличные деньги, и с первой своей зарплаты я заплатил за ускоренные курсы вождения. Для парня из такого района, как Русенгорд, машина значит очень многое.

В Русенгорде гордятся не уютной квартирой или домиком на берегу. Здесь главный предмет гордости — дорогой автомобиль. И если вы хотите показать, что чего-то добились в жизни, лучший способ — это шикануть за рулем своей «тачки». В Русенгорде практически все за рулем, с правами или без. Когда я взял напрокат «Тойоту Селика», мы с друзьями почти не вылезали из нее. Тогда же я стал понемногу успокаиваться. Газеты писали, что я хочу исправиться и встать на «правильный путь». А когда мои приятели принялись угонять машины и заниматься подобными делами, я прямо заявил им:

Нет, ребята, такие дела больше не по мне.

Хотя мне по-прежнему нужен был драйв. Например, как-то раз мы с лучшим другом проезжали по Индустриальной улице, где работают все проститутки Мальмё. Эта улица находится недалеко от Русенгорда, и я бывал здесь еще в детстве и вытворял разные шалости. Однажды я даже бросил яйцо в голову одной из этих женщин. Просто глупая выходка, которая, признаю, меня не красит. На этот раз *я* не собирался заходить так далеко. Мы проезжали по улице, когда увидели одну проститутку, наклонившуюся к автомобилю и, по всей видимости, договаривавшуюся с клиентом. И мы решили: «Давай-ка проучим этого типа». Мы тормознули прямо перед его машиной, выскочили из салона и принялись кричать:

Это полиция! Руки вверх!

В руке, словно игрушечный пистолет, я держал бутылку изпод шампуня. Клиент, какой-то старый козел, не на шутку всполошился, дал по газам и смылся. Мы посмеялись и отправились дальше. Но едва мы отъехали, как услышали вой сирен, а в преследовавшей нас полицейской машине, к своему удивлению, на заднем сиденье увидели того самого типа с Индустригатан. «Что все это значит?», — подумали мы. И, конечно, нам следовало уби-

раться отсюда поскорее. Помимо всего прочего, мы были далеко не

самыми образцовыми и законопослушными гражданами.·Но, черт возьми, мы же не совершили ничего противозаконного. Пришлось притормозить.

— Мы просто отдыхаем и развлекаемся, — как ни в чем не бывало ответили мы. — Решили немного поиграть в полицейских. Это ведь не возбраняется, не так ли? Мы очень извиняемся.

И полицейские в ответ улыбнулись. Всего и делов.

Вот только незадача: нас заметил еще один тип, из папарацци. Он целый день прослушивал полицейскую волну, и оказался тут как тут, сделав снимки. А я, как идиот, по своей неопытности (тогда все внимание средств массовой информации было для меня в новинку) еще и расплылся в широкой улыбке. Мне тогда казалось, что оказаться на страницах газет очень круто, неважно, забил ли ты потрясающий гол или тебя «приняли» полицейские. Вот я и улыбнулся, как клоун. А мой друг вставил это фото в рамку и повесил у себя на стену. А что вы думаете, сделал тот самый старый козел, которого мы разыграли? Он затем раздавал интервью, где говорил, что на самом деле он благопристойный прихожанин, который всего лишь хотел помочь падшим женщинам. Да иди ты! Но эту историю так раздули, что, поговаривали, некоторые клубы даже отказывались от своих претензий на меня из-за этого инцидента. Хотя, возможно, это всего лишь сплетни.

Однако газеты не успокаивались, и даже некоторые мои одноклубники стали нудеть в том духе, что «ему бы еще надо многому поучиться» или что «он еще такой неотесанный». Это трудно было переносить. Возможно, им нужно было раз и навсегда поставить меня на место. А то, видите ли, появился из ниоткуда, и за неделю привлек к себе внимания больше, чем все они за всю свою карьеру. Но, что еще примечательнее, на полупустых трибунах провинциальных стадионов, где мы играли, стали появляться отдельные солидные личности в строгих костюмах и при дорогих часах. Они явно не были местными.

Не уверен, понимал ли я тогда, что происходит, или хотя бы задумывался над этим. Но вокруг стали обсуждать этих ребят: поговаривали, что это опытные скауты из одного европейского клуба, специально приезжавшие оценить мою игру. Безусловно, слова того парня из Тринидада и Тобаго подготовили меня к такому возможному повороту событий, но это по-прежнему казалось мне нереальным, и я попытался обсудить данный вопрос с Хассе

Боргом. Но он старательно уходил от темы. Видно было, что ему она не по душе.

Хассе, это правда? Мной действительно интересуются иностранные

клубы?

Расслабься, сынок.

Но кто же тогда эти люди?

Не имеет значения, — ответил он. — Мы тебя не продадим.

И я подумал: «Да, конечно, замечательно. Я никуда и не спе-

шу». И попытался тогда обсудить улучшение условий своего контракта.

Выдашь мне пять приличных матчей подряд, и я дам тебе новый контракт, — ответил мне Хассе. Я выполнил условие: здорово провел не пять, а все шесть или даже семь матчей. И после мы сели и стали обговаривать условия.

Я получил прибавку к зарплате в размере десяти тысяч, а позже и еще столько же. Я думал, что все в порядке и так и должно быть. Оказывается, я понимал не все. Я пришел к отцу и с гордостью показал ему свой контракт. Не скажу, чтобы он был сильно впечатлен. Вообще, нужно отметить, что отец сильно изменился. Он стал заядлым болельщиком, и, вместо того, чтобы погружаться в свои привычные пиво, войну и народную музыку, сидел и взахлеб читал все подряд о футболе. Когда он увидел пункт о возможной продаже в зарубежный клуб, то буквально подскочил.

Что за черт, — воскликнул он. — Здесь ни слова нет о том, сколько ты с этого должен получить.

И сколько же?

Ты можешь рассчитывать на десять процентов от суммы за твой переход. В противном случае они просто используют тебя.

Я подумал, что эти десять (или даже двадцать) процентов мне решительно не помешают. Но как было возможно их заполучить? Если бы в контракте была какая-то брешь, Хассе должен был бы упомянуть об этом, не так ли?

И я решился спросить у него. Я не хотел уступать так просто.

Послушай, Хассе, — начал я. — Я ведь могу рассчитывать на свои десять процентов в случае продажи?

Последовал ответ, которого я даже не ожидал.

Извини, сынок, — спокойно сказал он. — Так не пойдет.

Я рассказал об этом отцу, считая, что нам не следует отступать.

Но дальнейший ход событий я не мог себе даже представить. Отец пришел в бешенство и спросил у меня номер телефона Хас-

се. Он позвонил один раз, второй, третий. В конце концов, он дозвонился. Отец словно решил вцепиться в Хассе мертвой хваткой, и не был согласен ни на какие возражения (никаких «нет»!) на другом конце провода. Он потребовал назначить встречу, и это требование было

удовлетворено: на следующее утро, в десять часов, мы должны были встретиться с Хассе в его офисе. Я заметно нервничал в ожидании этой встречи. Все-таки отец есть отец, и я не без оснований опасался, что он может выйти из себя. Так оно, в итоге, и случилось. Не откладывая в долгий ящик, отец принялся сыпать проклятиями и ударил кулаком по столу:

Мой сын вам что, лошадь?

Нет, разумеется, Хассе не считал меня лошадью.

Тогда почему же вы так обращаетесь с ним?

Да нет же, ничего такого мы себе не позволяем.

Примерно так выглядел этот диалог. В конце концов, отец

дал понять, что «Мальмё» меня больше не увидит, и что отныне я не проведу на поле и одной секунды, пока контракт не будет пересмотрен. Я заметил, как Хассе Борг становился все бледнее. Да, с моим отцом лучше не связываться. Он — словно рассвирепевший лев. В итоге, мы выбили эти десять процентов, а это уже кое-что да значило. Благодарить следовало исключительно отца, а вся эта история должна была послужить мне хорошим уроком. И тем не менее, я по-прежнему считал всех агентов жуликами и продолжал доверять Хассе Боргу. Он был для меня наставником, кем-то вроде второго отца. Он пригласил меня к себе на ферму, где я познакомился с его женой и детьми, а также с собакой и другими домашними животными. Также я спрашивал его совета при покупке (в рассрочку) своего «Мерседеса Кабриолета».

Ну, что еще рассказать про этот период моей жизни? Я стал 60лее уверенным в себе, смелее. Я забивал все больше красивых голов, так что многочасовая отработка бразильских приемов начала приносить плоды. Если в юношеской команде мне приходилось тяжело из-за всех этих бесконечных упреков («О, он опять злоупотребляет дриблингом» или «Он не играет на команду»), то сейчас меня приветствовали с трибун и мне аплодировали. А я отвечал поклонникам взаимностью, понимая это как еще один свой шанс и стараясь показывать еще лучшую игру. Конечно, недовольные оставались. Но им приходилось помалкивать, когда мы выигрывали, а публика выражала мне свои симпатии.

Охотники за автографами, рев трибун, плакаты с моим именем — все это давало мне дополнительные силы. Я находился в отличной форме. В выездном матче с «Вестеросом», уже в добавленное время, я принял передачу от Хассе Маттисона, перебросил мяч через себя и пару соперников (одним из них, помню, был Майсторович) и спокойно «положил» мяч в сетку.

За сезон в Суперэттан я забил двенадцать голов — больше всех в «Мальмё», мы вернулись в Аллсвенскан, а я был признан полезным для команды игроком. Я уже не был индивидуалистом, как отзывались обо мне раньше. Я стал отличать хорошее от дурного, и всякий раз, когда вокруг моего имени в очередной раз полнималась истерия, просто отделывался шуткой.

Все проблемы общения с журналистами остались позади. Я был с ними откровенен, рассказывал о своей игре и своих «тачках», не забывая «скромно» упомянуть, что «я такой один» или что «я — это я». В общем, никакой скромной чуши. И, я полагаю, на меня стали смотреть, как на что-то совершенно новое, вроде феномена. Я не произносил всех этих банальных и избитых выражений типа «Мяч — круглый».

Я был более открытым, старался говорить от души. Я разговаривал естественно, почти как дома, и даже Хассе подметил, что я завоевал популярность, и те самые скауты, наверное, уже снова притаились где-нибудь в кустах. «Но нам следует оставаться спокойными», — добавлял он при этом.

Позже до меня дошли слухи, что один агент ежедневно названивал ему «по мою душу». Я был нарасхват, и, думаю, уже тогда Хассе предполагал, что я смогу стать эдаким спасителем клубного бюджета. Я был, что называется, «золотым мальчиком» (как затем окрестили меня СМИ). И вот в один прекрасный день он подошел ко мне и спросил:

Как насчет того, чтобы отправиться в путешествие?

Конечно,охотно.

Нам предстояло, по его словам, «маленькое путешествие» по разным клубам, проявившим ко мне интерес. Черт, мне трудно было поверить, но это так.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Я не мог взять все происходившее в толк. События происходили с молниеносной быстротой. Еще вчера, в юношеской команде, я считался проблемным парнем. Сейчас же мы с Хассе Боргом направлялись на тренировочную базу «Арсенала» в Сент-Олбансе, что в северном Лондоне. Вы можете себе такое представить?!

Там было классическое футбольное поле с натуральным ухоженным газоном, а на нем — Патрик Виейра, Тьерри Анри и Деннис Бергкамп. Но еще круче для меня было то, что я смогу встретиться с Арсеном Венгером. На тот момент он еще не достиг заоблачных высот с «канонирами». Венгер стал первым тренероминостранцем в истории «Арсенала», и когда его назначили, газеты вышли с заголовками «Арсен? Кто, кто?». То есть — да

кто это такой вообще и откуда взялся этот Арсен Венгер? Но уже во втором своем сезоне в клубе он привел команду к «дублю», выиграв чемпионат и Кубок Англии, и завоевал авторитет. Поэтому, когда мы направлялись в его офис, я чувствовал себя маленьким мальчиком.

В кабинете присутствовали мы с Хассе Боргом, один агент, имя которого я запамятовал, и, собственно, сам Венгер. Его пронзительный взгляд вызвал во мне легкую дрожь. Он словно видел меня насквозь. Я знаю, что он составляет психологические портреты своих игроков: устойчивы ли они эмоционально, и все такое прочее. Он очень внимателен к деталям, впрочем, как и все великие тренеры. Так что поначалу я и слова не решался вымолвить.

Я просто сидел и, видимо, выглядел робким и застенчивым. Но некоторое время спустя я потерял терпение. Что-то в образе и манере поведения Венгера меня спровоцировало. Он регулярно подкатывался на своем офисном стуле к окну и смотрел на улицу. Словно хотел контролировать все, что происходит вокруг. А еще он постоянно твердил одно и то же:

— Ты можешь испытать себя и потренироваться с нами, — повторял он. — Сможешь прочувствовать атмосферу в команде. Можешь попытаться.

Уже не имело значения, правильно ли я себя веду, но его елова завели меня. Я был полон желания показать ему, на что я способен.

Дайте мне бутсы, и я пойду и продемонстрирую все, что умею, — в нетерпении произнес я, но Хассе тут же вклинился в разговор.

Стоп, стоп, стоп. Мы же не на просмотре, не так ли? — заметил он. И конечно, я разделял его точку зрения: либо вы в нас заинтересованы, либо нет. А всякие там просмотры и пробы — это уже понижение в классе. Не желая чувствовать себя, как в постыдной роли напрашивающихся, мы ответили отказом.

Извините, мистер Венгер, но это нас не интересует. — Потом эти слова породили массу пересудов.

Однако я уверен, что такое решение было правильным. И вот мы уже держали курс на Монте-Карло, где к нам проявлял интерес «Монако». И здесь мы также ответили «нет». Ну и, наконец, в итальянской Вероне все повторилось — мы отказали местному одноименному клубу. А затем вернулись домой. Классная была поездка. И пусть она не оказалась плодотворной (что, как мне кажется, вполне логично), но я хотя бы получил представление о том, как ведут дела в Старом свете. По возвращении же в Мальмё, где царили зима и холод, я подхватил грипп.

К тому времени меня уже стали вызывать в молодежную (возраст игроков — до двадцати одного года) сборную Швеции. Я вынужден был пропустить свой дебютный матч, к разочарованию агентов и скаутов. Последние следовали за мной по пятам. Я мало что знаю о них самих и их работе, но с одним парнем пришлось познакомиться поневоле. Это датчанин Йон Стеен Ольсен. Он так долго присматривал за мной по заданию «Аякса», что мы даже стали здороваться. Я не придавал этому большого значения. Для меня это было всего лишь частью происходившего вокруг балагана, в котором трудно было разобрать, что чушь, а что — правда. После нашей поездки реальность стала более осязаемой, что ли. Немного передохнув, я стал собираться на тренировочные сборы с «Мальмё».

Мы отправлялись в Ла-Мангу. Было начало марта, и физически я чувствовал себя хорошо. В Ла-Манге вовсю светило солнце. Это такая песчаная коса на юго-восточном побережье Испании, курорт с протяженными пляжами и барами. Вглубь от побережья расположен большой тренировочный комплекс, где многие из-

вестные клубы проводят предсезонную подготовку (а также проходит традиционный ежегодный футбольный турнир «Кубок ЛаМанги» — *прим. пер.).* Номер я делил с исландцем Гудмундуром Мете. Мыс ним были «не разлей вода» еше с юношеской команды, но ни ему, ни мне раньше не приходилось бывать на сборах в таких местах. Правил мы не знали, поэтому опоздали к первому ужину команды и были оштрафованы. Мы отнеслись к этому с юмором, а уже на следующее утро отправились на тренировку. Обычная рутина.

Однако в сторонке я заметил знакомое лицо. Я даже вздрогнул — это опять был мой старый знакомый Йон Стеен Ольсен. И он здесь? Я поздоровался: «Привет, привет». Ни слова больше — не хватало еще разозлиться из-за него. Эти ребята-скауты здесь на каждом углу, и я уже привык к этому. Но уже на следующий день он был не один. Как мне сказали, с ним был главный скаут «Аякса». А тем временем Хассе весь

напрягся.

— Ну вот, теперь, кажется, и начинаются дела. Лед тронулся! — произнес он, добавив, — О’кей, превосходно!

А я просто продолжал тренироваться. Но становилось неуютно: теперь незваных гостей из «Аякса» было уже трое. Явился еще и помощник главного тренера. А Хассе сообщил мне, что пожалуют еще люди. Это уже стало напоминать нашествие, а на следующий день нам предстояло встретиться с норвежским «Моссом». На матче должны были присутствовать главный тренер голландской команды Ко Адриансе и спортивный директор Лео Бенхаккер.

Раньше я ничего не слышал о Бенхаккере (впрочем, ничего не знал я и о крупнейших футбольных боссах Европы). Но я сразу же понял, что он — важная шишка. Он был в шляпе, защищавшей от солнца, и курил толстую сигару. У него были седые вьющиеся волосы и яркие глаза. Кто-то сравнил его с полоумным ученым из «Назад в будущее», но если и так — это был более суровый вариант. Бенхаккер излучал силу и хладнокровие. Он даже больше смахивал на мафиози, что мне нравится. И я ничуть не удивился, когда узнал, что Бенхаккер тренировал мадридский «Реал» и завоевывал с ним звание чемпиона Испании и обладателя Кубка страны. Невооруженным взглядом было заметно, что он привык командовать и подчинять. Еще я узнал, что он, как никто другой, способен разглядеть потенциал в юных футболистах. «Ого! Вот это то, что мне нужно!» — подумалось мне. Но были еще кое-какие обстоятельства, о которых я не знал. Оказывается, Бенхаккер уже

неоднократно пытался уговорить Хассе назначить за меня цену. И Хассе всякий раз отказывался. Возможно, он просто набивал цену.

Этот парень не продается, — отвечал он и, вполне возможно, блефовал. Тогда Бенхаккер заявил:

Если вы не назовете вашу цену, в Ла-Мангу я не приеду!

Это уже ваши проблемы. Можете и не приезжать... — был ответ Хассе (по крайней мере, с его слов), и Бенхаккер сдался.

Он специально прилетел в Испанию и чуть ли не сразу отправился на наш матч с «Моссом». Правда, у кромки поля я его не видел. Там расположились Йон Стеен Ольсен и (ближе к воротам соперника) главный тренер «Аякса» Ко Адриансе. Бенхаккер же поднялся на небольшую трибуну, чтобы лучше видеть все поле, и, по всей видимости, уже приготовился к возможному скорому разочарованию. Наверно, впервые за свою карьеру ему пришлось проделать такой неблизкий путь, чтобы посмотреть на неизвестное молодое дарование (по сути, «кота в мешке»),

не имея при этом каких-либо предварительных гарантий. К тому же, игра была товарищеская и не имела принципиального значения. Ни у кого не было никакого смысла выкладываться по полной, и, вполне вероятно, это был бы еще один проходной и ничем не примечательный матч. Но господа из «Аякса» все же присутствовали здесь, что-то обсуждая между собой, и я немного нервничал.

Началась игра. Было жарко, но, к счастью, дул легкий бриз. Мы вышли на поле в своих традиционных голубых футболках. Уже в самом начале матча я получил пас справа, недалеко от штрафной площади соперников. На часах — 15:37 по местному времени (в этом можно убедиться по любительскому видео на «You Tube»). Ситуация не выглядела потенциально опасной — так, обычный игровой момент. Но я увидел в нем вариант для дальнейшего развития. Это был как раз один из тех образов, что рождаются у меня в голове, картинка, которая прокручивается у тебя перед глазами — то, что я никогда толком не мог себе объяснить. В футболе не все можно заранее спланировать. В футбол просто играют. Так вот, я первым же легким касанием (такой изящной подкидкой) перебросил мяч через защитника и начал рывок к воротам. Я обогнал еще двоих защитников и уже в штрафной принял свой пас. Была подходящая ситуация, чтобы подыграть себе пяткой. Так я и сделал, перехитрив еще одного соперника, и вышел, наконец, на ударную позицию. Я пробил с лета и застыл в ожидании — это, может быть, десятая доли секунды, когда ты думаешь, будет гол или мяч пройдет мимо. Но нет, мяч оказался в сетке. Это был-один из наиболее потрясающих голов из тех, что я когда-либо забил. И я побежал по полю, вскинув вверх руки и крича. Присутствовавшие на матче журналисты даже подумали, что я кричу «Златан, Златан!». Но, позвольте, с чего бы мне орать свое имя? Нет, я кричал: «Шоу, шоу!».

Да, это был гол на загляденье. И я могу себе представить, что думал тогда Бенхаккер. Должно быть, он просто не находил себе места. Нечасто же он видел нечто подобное! Позднее я узнал, что Бенхаккер был очень взволнован. Он нашел то, что искал: перспективного игрока с хорошей техникой и голевым чутьем, да еще и сумевшего из ничего создать такой превосходный гол. Но, как человек достаточно прагматичный, он должен был понимать, что этим голом я серьезно поднял себе цену. И если это видели «шпионы» из других клубов, то за меня предстоит сумасшедшая битва. И Бенхаккер решил действовать без промедления. Он мигом покинул свое место на трибуне и направился прямиком к Хассе Боргу.

Я хочу встретиться с этим парнем сейчас же, незамедлительно, —

прямо сказал он.

Не знаю, возможно ли это, — ответил Хассе.

Что значит «возможно ли это»?

Пожалуй, на это нет времени. У нас много дел и четко спланированный график.

От этих слов Бенхаккер просто пришел в бешенство.

В действительности, никаких таких особо важных дел у нас не было. А Хассе, должно быть, испытал от всего происшедшего ни с чем не сравнимое удовольствие (ну разве только... — сами понимаете с чем). Он прекрасно осознавал, что имеет на руках такого козырного туза, как я, и его распирало от желания начать свою игру со всеми его коронными приемчиками.

О чем это вы? — переспросил Бенхаккер. — Он же совсем юнец. Вы находитесь на сборах. Конечно же, время должно найтись.

Ну ладно, только недолго, — небрежно ответил Хассе, и они договорились встретиться в расположенном неподалеку отеле, где остановилась делегация «Аякса».

Мы прибыли на место. Еще по пути, в машине, Хассе много вещал о том, как важно, чтобы я показал себя с лучшей стороны. Я молчал. Возможно, «Аякс» и собирался купить меня, что само по себе грандиозно, но, если бы дела пошли не так, не уверен, что я оставался бы спокоен.

Мне еще были мало знакомы все эти крупные европейские шишки, и еще меньше представления я имел о большом бизнесе. Но после такого гола, который я забил, рассуждал тогда я, весь мир должен быть у твоих ног. Мыс Хассе зашли в отель и обменялись рукопожатиями со всеми присутствовавшими (как, все-таки, легко быть обаятельными). В духе: «Как дела? Как поживаете?». Сначала разговор шел на общие темы, я улыбался и говорил о том, как я хочу «отдать всего себя футболу» и что «футбол — это тяжелая работа», и далее все в таком же духе. Это напоминало какойто спектакль с участием одних только положительных героев. На деле, под всеми этими масками скрывались серьезные и недоверчивые лица. Они пристально смотрели на меня, пытаясь понять, кто же я такой на самом деле. Особенно запомнился Лео Бенхаккер. Он подался вперед, в мою сторону, и тихо произнес:

— Если вздумаешь поиметь меня, я сделаю это с тобой дважды.

Его слова произвели на меня неизгладимое впечатление. Вот это уже мой стиль общения! Иронический, я бы так сказал. Я был более чем уверен, что эти ребята провели свое расследование и знали обо мне все, включая и о том инциденте на Индустригатан. Но меня это мало тогда

заботило. Хотя сказанное Бенхаккером стоило рассматривать как предупреждение, не так ли? Помню, встреча прошла быстро, и уже пятнадцать минут спустя мы возвращались в свой отель. А потом я долго ходил по своему номеру, весь в раздумьях.

На футбольном поле — одна игра, на трансферном рынке — другая. Мне лично нравятся обе, и я знаком с хитростями обеих. Я знаю, когда можно быть спокойным и расслабленным, а когда следует развязывать войну. Но прежде чем этому научиться, я прошел долгий путь. Изначально я не знал ровным счетом ничего. Просто маленький мальчик, хотевший играть в футбол.

После той встречи в Ла-Манге я на время забыл об «Аяксе». Я вернулся домой и разъезжал в свое удовольствие на «Мерседесе Кабриолете». Пусть и не на таком, о котором мечтал, а всего лишь взятом напрокат в предвкушении «большой сделки». Я беззаботно разъезжал на нем по городу, а на заднем сиденье лежал футбольный мяч. В общем, такой приятный будничный день в Мальмё.

До начала нового сезона высшего дивизиона — Аллсвенскан — оставалось еще несколько недель. Также мне предстояло провести матч за молодежную сборную в Буросе. В остальном — ничего особенного: тренировки, время в компании друзей и любимые видеоигры. И вот раздался телефонный звонок. Это был Хассе Борг. Ничего удивительного: мы часто созванивались. Однако на этот раз его голос звучал непривычно:

Ты не занят? — задал он первый вопрос, и не сказал бы, что я действительно был на тот момент чем-то сильно занят.

Но ты готов? Ты в порядке? — продолжал он.

Разумеется. К чему это ты?

Они уже здесь.

Кто?

Люди из «Аякса». Приезжай в отель Святого Йоргена. Мы ждем тебя — сказал Хассе, и, конечно, я тотчас же направился туда.

Я припарковался у отеля. Сердце стучало. Я понимал, что грядет серьезная сделка, а Хассе Боргу выразил пожелание, чтобы меня продали за рекордную сумму. Я хотел войти в историю. До этого один шведский футболист перешел в «Арсенал» за сорок миллионов (Фредди Юнгберг, 40 млн шведских крон — *прим, пер.),* а за норвежца Джона Карью «Валенсия» заплатила все семьдесят. Это был рекорд для Скандинавии. Я же мечтал его побить. Мечта простительная для девятнадцатилетнего парня.

Непросто быть невозмутимым, когда речь заходит о серьезном деле. И еще, не забывайте, что я из Русенгорда. А мы, ребята с окраин, привыкли,

например, к спортивной одежде. Да, был период в школе «Боргар», когда я пробовал менять стиль. И сейчас я был в спортивном костюме «Найк» и бейсболке. Наверно, это не соответствовало дресс-коду такого ответственного момента. В дверях отеля меня встретил Йон Стеен Ольсен. Конечно, меня предупредили, что все должно держаться в строгом секрете. «Аякс» ведь размещает свои акции на фондовой бирже, и любая утечка информации на сторону может отразиться на их курсе. А затем я увидел Сесилию Перссон и едва не подпрыгнул. Что она здесь делает? Вот уж никогда бы не ожидал встретить в отеле Святого Йоргена кого-то из Русенгорда. Это же два разных измерения. И, тем не менее, это была она. Мы росли в одном доме, а ее мать была лучшей подругой моей. А потом я вспомнил, что Сесилия работала здесь уборщицей. Как и моя мать когда-то. Она как-то недоверчиво посмотрела на меня, мол, «что здесь делает Златан в компании этих людей?». А я подал ей знак «ничего никому не

говорить». Я поднялся на лифте и прошел в конференц-зал. Здесь уже собрались какие-то люди в костюмах, среди них Бенхаккер, его специалист по финансам и, конечно же, Хассе. Атмосфера показалась мне несколько странной.

Хассе был весь на нервах, но внешне он держался молодцом:

Послушай, сынок! Видишь ли, пока еще нельзя сказать ничего определенного. Но сам-то ты хочешь перейти в «Аякс»? Они хотят тебя приобрести.

Даже если бы у меня и имелось какое-то нехорошее предчувствие, я не подал бы и виду и выглядел бы довольным.

Безусловно! — без раздумий ответил я. — «Аякс» — это отличная школа.

И все вокруг одобрительно закивали и заулыбались.

Но все-таки меня не покидало какое-то странное ощущение. Мы пожали руки, и мне было объявлено, что теперь я смогу обсуждать свой персональный контракт. После этого Бенхаккер с компанией почему-то покинули помещение, и мы с Хассе остались одни. Что за чертовщина творилась с этим Хассе? Он держал за губой внушительный пакетик снюса и показывал мне пачку бумаг.

Ты только взгляни. Я сделал это для тебя, — сказал он, и я посмотрел в эти бумаги. Там значилось — сто шестьдесят тысяч в месяц. Это ж бешеные бабки, и, вау, все они — мне одному? Одного я не понимал: много ли это по меркам рынка или нет. И я спросил у Хассе:

Это хорошие деньги?

Да конечно, черт возьми! — воскликнул он. — Это же в четыре раза

больше, чем ты получаешь сегодня.

Я успокоился: о’кей, наверно, он прав и это большие деньги. И я мог представить, как он переживал все это время.

Ну тогда пойдем, отпразднуем, — предложил я.

Отлично, Златан! Мои поздравления! — поддержал Хассе. Мы вышли, затем он ненадолго удалился обсудить еще какие-то детали и когда вернулся, выглядел по-настоящему гордым. Словно он заключил самую выгодную сделку в мире.

Они также оплатят тебе новый «Мерседес», — добавил он.

Ну что, и это тоже было фантастикой, и я воскликнул:

Ого, круто!

И все же, я больше ничего не знал о свершившейся сделке, никаких подробностей. Даже мысли закрадывались насчет этой кру-

той тачки: а правда ли это? А что мне было думать? Был ли я готов к этому переходу?

Да ни черта подобного! Я ничегошеньки не знал: понятия не имел, как ведут себя футболисты в Голландии, какие платят налоги. Да и, если по-честному, у меня, по большому счету, не было того, кто представлял бы мои интересы с наибольшей выгодой для меня. Неопытный девятнадцатилетний парнишка из Русенгорда, ничего не знающий о мире. Или не больше, чем уже упомянутая Сесилия о жизни за пределами отеля. Вдобавок, как я уже писал, я считал Хассе Борга своим другом, даже чуть ли не вторым отцом. Я и мысли не допускал, что главное, о чем он думал — это сделать на мне деньги для своего клуба. И прошло очень много времени, прежде чем я осознал, почему тогда в отеле меня не покидало какое-то странное чувство. Понятно, что те ребята в костюмах еще не завершили переговоры — они только входили в решающую стадию.

Они даже не договорились о цене за мой переход. А сделать это гораздо проще, если договоренность с игроком уже достигнута: он поставил свою подпись под контрактом, и определена его будущая зарплата. С этого момента ты твердо знаешь, за какие деньги будешь играть. И если пронырливый агент знает, что ты получаешь меньше всех в команде, то ему проще получить со сделки большую комиссию. Так что меня просто использовали в этой стратегической игре.

Но тогда я ни бельмеса не смыслил во всей этой кухне. Я как будто вступил в клуб избранных и был преисполнен радости. У меня хватило ума держать рот на замке и не проронить об этом ни слова. Единственным, кому я рассказал обо всем, был мой отец, который, как человек повидавший виды и достаточно мудрый, отнесся к этому скептически.

Людям он не доверял. Ну а я принял все случившееся как случившееся и уже на следующий день отправился в Бурое, чтобы сыграть за молодежку в матче против Македонии. Это был отборочный матч чемпионата Европы и мой дебют в сборной. В общем, ответственное событие. И все же мои мысли оставались там, где в то же время, должно быть, вновь встречались Хассе Борг и Лео Бенхаккер и продолжали переговоры.

Мы должны были хранить в тайне информацию о состоявшихся переговорах до двух часов следующего дня, когда об этом должно было быть объявлено в Голландии. Я узнал, что еще целая бригада иностранных агентов приехала с целью заполучить меня.

И они остались ни с чем: я был уже игроком «Аякса». Я был счастлив. И когда я решил полюбопытствовать у Хассе Борга, какой же оказалось моя цена, его ответ, без дураков, я не забуду никогда. Ему даже пришлось повторить цифру, потому что я либо не понял, либо подумал, что он имеет в виду голландские гульдены, а эта валюта была мне не знакома. Но когда я осознал, что это была за сумма, то, наверно, подпрыгнул до потолка или даже пробил его. Да, я, конечно, мечтал о рекордном трансфере. Да, я хотел обойти Джона Карью. Но видеть эти цифры на бумаге, черным по белому — это уже совсем иное впечатление. Мираж, галлюцинация! Это были восемьдесят пять миллионов! Рекорд, блин! Ни одному шведу, ни одному скандинаву, ни самому Хенрику Ларссону или Джону Карью и близко не удалось подобраться к этой цифре. И я представил себе, что начнется сейчас в прессе и на телевидении. К счастью, к их вниманию я уже слегка привык.

И тем не менее, когда на следующий день я открыл газеты — это было сумасшествие. Они устроили настоящую вакханалию. «Денежный мальчик», «Златан невероятный» и еще множество эпитетов в таком духе. Я прочел все и что ж — остался доволен. Помню, тогда в Буросе мы отправились выпить кофе с моими товарищами по молодежной сборной — «Чиппеном» (прозвище Кристиана Вильгельмссона — *прим, пер.)* и Кеннеди Бакирчиоглу. Мы сидели в кофейне, заказав также содовую и булочки, и к нам подошли девчонки примерно нашего возраста. Одна из них, емушаясь, обратилась ко мне:

Это вы тот самый парень, который стоит восемьдесят пять миллионов?

Ну что я мог ей ответить?

Точно, — сказал я. — Это я и есть.

А телефон разрывался от звонков. Люди рассыпались и расстилались в комплиментах и поздравлениях, не без зависти, конечно. Все, кроме моей матери. Она была в ярости.

Боже мой! Златан, что случилось? — кричала она. — Тебя похитили? Ты живой?

Какая прелесть! Она увидела меня по телевидению и даже не поняла, о чем идет речь. Что вполне естественно: если ты из Русенгорда и попал в новости — значит, попал в переделку.

Все классно, мам, — ответил я. — Меня только что купил «Аякс».

Но она не унималась.

— Почему ты ничего не сказал мне? Почему я должна узнавать об этом из телевизора?

Но потом она успокоилась, и сейчас я нежно берегу воспоминания о том случае. На следующий день мы Йоном Стееном Ольсеном отправились в Голландию. По прибытии в Амстердам я надел клубный розовый свитер и коричневый кожаный пиджак (самую классную вещь, какую я когда-либо к тому времени надевал) и направился на пресс-конференцию. А там был ажиотаж: зал был переполнен. Я даже смутился и опустил глаза. Я был одновременно и счастлив, и не уверен в себе. Я впервые попробовал шампанское и даже позволил себе дурачиться, вроде «У-у, что это за гадость». Бенхаккер вручил мне футболку с девятым номером, тем же, что когда-то был у Ван Бастена.

В общем, все было даже как-то чересчур. Здесь также присутствовала одна команда парней — съемочная группа, снимавшая документальный фильм о «Мальмё» и обо мне под названием Bladarar («Истинно голубой», или в вольном переводе со шведского «Небесно-голубые идиоты», по цветам формы клуба «Мальмё» — *прим. пер.).* Они последовали за мной в Амстердам и вели съемку моей встречи с клубными спонсорами в местном представительстве «Мицубиси». Я расхаживал в своем пижонском кожаном пиджаке, рассматривая автомобили и, улыбаясь, говорил что-то вроде: «Уже само по себе удивительно находиться здесь. Ну ничего, надеюсь, я привыкну».

Впервые в жизни меня посетило чудесное чувство, что нет ничего невозможного. Честно говоря, все было похоже на сказку. И на дворе — весна. Затем я отправился на стадион «Аякса» и разгуливал там по пустым трибунам с леденцом во рту. А журналисты совсем с ума сошли. Они сочинили душещипательную историю о бедном пареньке из неблагополучного района, чья мечта начинает сбываться. А днем позже еще и добавили, что, мол, Златан узнал, что такое профессиональный футбол и почувствовал вкус жизни в роскоши. Между тем, сезон Аллсвенскан должен был вот-вот начаться. Хассе Борг договорился, что я проведу в «Мальмё» еще полгода, и прямо из Амстердама мне нужно было

возвращаться домой и приступать к тренировкам. Помню, что по прибытии было холодно.

Я постригся и был доволен тем обстоятельством, что хотя бы некоторое время отдохнул от своих одноклубников. И вот теперь они сидели в раздевалке и, передавая по кругу газеты, читали о

моей «сладкой жизни». Эту сцену можно наблюдать в уже упомянутом фильме *Bladarar*. *Я* вхожу, улыбаясь, скидываю пиджак и, крича от радости «Йа-ха!», вижу, как они поднимают свои головы с кислыми физиономиями. Мне даже стало неловко.

Все выглядели опечаленными. Понятно, что они должны были позеленеть от зависти, особенно Хассе Маттисон — тот самый парень, что отчитывал меня когда-то в Гуннильсе. Сейчас он выглядел подавленным, но, признаюсь, он все равно приятный малый. И, как настоящий капитан команды, он все понял правильно. По крайней мере, попытался изобразить радость.

Поздравляем! Это здорово! Сделай это! — произносит он, но одурачить никого вокруг, а тем более кинокамеру, не получается.

Камера показывает его печальные глаза, а потом переходит на меня, сидящего и расплывающегося в улыбке, счастливого как ребенок. В те дни я словно подхватил какой-то вирус. Мне требовалось действие, еще действие. И я стал совершать глупости. Я зачем-то мелировал волосы, так что торчали отдельные светлые пряди, и еще обручился. Нет, я не считаю, что обручиться с моей тогдашней подругой Мией или вообще обручиться — это глупо. Миа была прекрасной девушкой, симпатичной блондинкой, изучавшей веб-дизайн, да и в целом — продвинутой личностью. Мы познакомились за год до этого на Кипре, где она подрабатывала в одном баре, и обменялись номерами телефонов. А уже в Швеции стали встречаться и весело проводить время. Но было что-то в этой помолвке, что меня смущало, и уже не имея комплексов перед журналистами, я решил поделиться с Руне Смитом из «Квяльпостен». Тогда он спросил:

И что же ты преподнес ей в качестве подарка?

Подарка? У нее же есть я.

Она заполучила Златана! Это было одно из тех поспешных заявлений, которые словно вылетали из моих уст, и звучали вызывающе, точь-в-точь в соответствии с моим бунтарским имиджем. В итоге, несколько недель спустя Миа осталась ни с чем. Я скоропалительно разорвал помолвку благодаря своему другу, внушившему мне, что в течение года мне обязательно придется жениться. В общем, я совершал много неожиданных и необдуманных поступков. Меня словно несло. Вокруг ведь стремительно

происходило столько событий. Да еще и приближалось начало сезона в Аллсвенскан, и мне предстояло доказывать, что я действительно стою этих восьмидесяти пяти миллионов. В первом туре чемпионата по два раза

отличились Андерс Свенссон и Ким Чельстрём. И сразу рошли разговоры о том, что мне будет нелегко подтвердить свой звездный статус. И что, возможно, я был просто переоцененным юнцом. Как часто говорили обо мне в ту пору, я был слишком превознесен средствами массовой информации. И я понял, что должен «выстрелить». В общем, груз ответственности был велик. Помню, как 9 апреля 2001 года стадион «Мальмё» буквально бурлил.

Одно маленькое отступление. Накануне игры Руне Смит брал у меня интервью. Если вы не забыли, у меня тогда был «Мерседес Кабриолет», которым я очень гордился. Так вот. Руне хотел сфотографировать меня на фоне автомобиля. Но я воспротивился, посчитав, что не стоит выглядеть слишком уж заносчивым. Не хватало еще, чтобы вернулось все прошлое дерьмо, ведь и так уже вокруг носилось: «давление на него будет слишком велико» и все в том же духе. Все и так развивалось слишком стремительно для парня девятнадцати лет. Хотя все это меня заводило: еще бы, жизнь вышла на совершенно другой, качественно новый уровень. А еще было давнее желание «вернуть должок» всем тем, кто никогда не верил в меня. С тех пор, как я начал играть, мною двигали жажда реванша и даже гнев. И сейчас я был переполнен ожиданиями и азартом.

Мы принимали на своем поле АПК. Не самый простой соперник для стартовой игры чемпионата. В последней нашей 04ной встрече мы были разгромлены и, в итоге, покинули высший дивизион. В этом сезоне АПК рассматривался в качестве одного из фаворитов на победу в Аллсвенскан. А мы? Команда, только что вышедшая из второго дивизиона, да и то — не первого места. Несмотря на это, на нас возлагались надежды, главным образом из-за меня — «парня за восемьдесят пять миллионов». Стадион «Мальмё» был забит битком — почти двадцать тысяч зрителей. Выбегая на поле по длинному коридору с окрашенным в небесноголубые цвета полом, я слышал этот несмолкающий гул трибун. Он только усиливался, словно приветствуя наше возвращение в Аллсвенскан.

В воздух полетели мелкие листки бумаги. Болельщики держали в руках плакаты и клубную атрибутику, а когда мы выстройлись для приветствия, принялись громко скандировать. Сперва я не расслышал, что именно. Но на фоне всеобщего «Мы любим «Мальмё»» доносилось и мое имя. Среди этого удивительного хора я видел плакаты с надписями вроде «Удачи, Златан!». Я стоял на поле и рукой словно подстегивал болельщиков: «Еще,

еще». Даже те, кто тогда сомневался лично во мне, были правы хотя бы в одном: вся команда была решительно настроена на матч.

Игра началась. И публика взревела еще сильнее. Признаться, тогда главным для меня было не забить, а выдать представление, показать артистизм, все те коронные приемы, которые я так долго отрабатывал. Уже в самом дебюте игры я прокинул мяч между ног защитника АИКа, а следом несколько раз продемонстрировал дриблинг. Затем я несколько выпал из игры, а АИК перехватил инициативу и стал раз за разом угрожать нашим воротам. Наше положение выглядело угрожающим. А я, возможно, хотел слишком много и сразу. Когда слишком много хочешь, это сковывает.

Но я постарался успокоиться, а на тридцатой минуте игры получил пас от Петера Сёренсена прямо перед штрафной. Это не был явный голевой момент. Ноя решился сделать ход. Я подыграл себе пяткой и, скорее наудачу, ударил по воротам. И, о боже, я чуть не пережил шок: вот сейчас, сейчас... Гол! И я бурно праздновал успех, а стадион ревел: «Златан, Златан, СуперЗлатан!». А после этого меня несло вперед словно на крыльях.

Я проделывал трюк за трюком, а на девятой минуте второго тайма Сёренсен вновь выдал мне прекрасный пас. Я принял мяч на правом фланге и рванул вперед. Угол был настолько острым, что все подумали, что я буду делать передачу. Но я все-таки решил ударить. От линии ворот, почти с нулевого угла. Мяч «пробил» руки вратаря и влетел в сетку. Трибуны неистовствовали, а я просто спокойно шел по полю с поднятыми вверх руками и с видом победителя: «Вот она — сила! Вот он — я! Поняли — вы, все те, кто жаловался на меня и хотел отлучить от футбола?!»

Это был реванш, это была гордость, и я думаю, что все, кто считал, что я не стою тех самых восьмидесяти пяти миллионов, должны были заткнуться. Не забуду, как после этого памятного матча сияющие репортеры упражнялись в остроумии:

Если я назову тебе имена Андерса Свенссона и Кима Чельстрёма, чем ответишь ты?

Я дважды скажу Златан.

Люди смеялись, а я в приподнятом настроении выходил со стадиона в этот прекрасный весенний вечер, и меня ждал мой «Мерседее Кабриолет».

Правда, добраться до него оказалось непросто. Маленькие дети, парни и девушки окружили меня с просьбой дать автограф.

Так что, я решил, что останусь здесь до тех пор, пока не распишусь для всех — это мой принцип. Когда, наконец, раздача автографов завершилась,

я сел в машину и погнал «с ветерком», а фанаты воеторженно кричали мне вслед и размахивали моими автографами. Казалось бы, уже достаточно. Однако это было еще не все. На еледующее утро пришла очередь прессы.

Они словно обезумели. Помнится, когда мы вылетели из Аллсвенскан, я произнес примерно следующее:

— Хочу, чтобы обо мне забыли. Вам не следует даже знать, сушествую ли я. Но когда мы вернемся, я ударю, как молния!

Теперь они подхватили эти слова. Меня называли той самой молнией, которая ударила. С чем только меня не сравнивали. Даже стали поговаривать о шведской лихорадке под названием Златан. Я был повсюду, во всех средствах массовой информации. И обо мне читали не только мои юные поклонники. Это были и женщина на почте, и пожилой мужчина в винной лавке. Я даже слышал вокруг шутки вроде: «Эй, ну ты как? Как дела?» — «Мне кажется, я подхватил лихорадку «Златан»». А я был на седьмом небе. Все было замечательно. Какие-то парни даже сочинили песенку, ставшую хитом. В ней пелось «Златан и я — мы из одного города», и люди скачивали ее как рингтон для своего мобильного. Впечатляет, когда о тебе еще и поют. Впрочем, следовало опуститься на землю, и поэтому все мои мысли были о предстоящей игре третьего тура чемпионата Швеции. Двадцать первого апреля нам предстояло встретиться в Стокгольме с «Юргорденом».

В позапрошлом сезоне «Юргорден» покинул высший дивизион вместе с нами. Вместе мы и вернулись обратно: «Юргорден» с первого места, а мы — со второго. Откровенно признаться, в очных встречах во втором дивизионе они сделали из нас котлету — 2:0 и 4:1. Поэтому некоторое психологическое преимущество было на их стороне. Однако в двух первых турах мы убедительно переиграли АПК и «Эльфсборг» с одинаковым счетом 2:0. Ну и, конечно, не стоило забывать, что у «Мальмё» был я. Все вокруг только и говорили обо мне. Ожидалось, что на матче будет присутствовать и наблюдать за моей игрой главный тренер национальной сборной Швеции Ларе Лагербек.

Разумеется, весь этот царивший вокруг моего имени ажиотаж у многих вызывал раздражение: «Что, черт побери, такого особенного в этом парне?». Накануне матча один из таблоидов поместил на своих страницах коллаж, где во весь разворот была изображена

линия защиты «Юргордена» — три рослых малых со скрещенными на груди руками. А над ними красовался аршинный заголовок: «Мы положим конец этой переоцененной звезде Златану!». В общем, я ожидал, что на поле будет горячо. Матч предстоял принципиальный, с обилием жесткой

борьбы. Но когда я ступил на газон Олимпийского стадиона Стокгольма, увиденное едва не повергло меня в шок.

Фанаты «Юргордена» были просто переполнены ненавистью. Такого психологического давления я не испытывал еще никогда. Они скандировали: «Мы ненавидим Златана!». Вокруг меня словно бушевал ураган, а я ощущал себя находящимся в его эпицентре. Весь стадион был настроен против меня. До меня доносилась маеса всякого дерьма, и я узнал много нового о себе и своей матери.

Прежде я с подобным приемом не сталкивался, но, все же, в какой-то степени могу понять всех этих людей. Фанаты ведь не могут непосредственно повлиять на ход событий на поле. Так что же им остается? Правильно — подвергать нападкам лучшего игрока в команде соперников. И вполне естественно, что они пытались вывести меня из равновесия. Увы, но так уж принято в футболе. Но в этот раз они явно перегнули палку и завели меня. Следовало поставить их на место, и я играл, скорее, не против соперников, а против зрителей. Правда, как и в матче с АИКом, я не сразу «включился» в игру.

Меня с первых минут начали плотно опекать. Те самые трое громил с газетного разворота словно приклеились ко мне. И первые двадцать минут «Юргорден» владел преимуществом. Но у нас в составе был парень из Нигерии — Питер Идже. Его купили изза его репутации голеадора. И, действительно, в следующем сезоне он стал лучшим бомбардиром чемпионата. Но на тот момент он находился в моей тени. А кто, собственно, не находился?! На 21-й минуте Идже получил пас от Даниэля Майсторовича (впоследствии он станет мне близким другом) и открыл счет — 1:0. А на 68-й минуте Идже ассистировал уже другому нашему африканскому приобретению — Джозефу Эланге. Эланга оттеснил защитника и сделал счет 2:0. Трибуны свистели и негодовали, а я ощущал себя никем. Я так пока и не забил, словно эти защитники решили, что так и должно быть. Хотя, если объективно, до поры до времени я был не так уж хорош.

Так — пара финтов, да пас пяткой где-то у углового флажка. В остальном же, на поле пока солировали Идже и Майсторович.

Однако пару минут спустя я получил пас в центре поля. Пока ничего особенного. Но сначала я попытался обвести одного соперника — получилось, — следом второго, и, к своему удивлению, увидел, что путь к воротам свободен. И я продолжил свой рейд.

Это напоминало танец с мячом, и по пути к цели я прошел всех тех защитников со страниц газеты, а завершил все точным ударом по воротам с

левой. Это была не просто радость от забитого гола. Это было чувство свершившегося возмездия. Вот вам всем, освистывавшим и поливавшим меня грязью! А еще мне казалось, что этот поединок со зрителями не закончится и после матча.

Мы разгромили «Юргорден» со счетом 4:0, и вы только представьте, что случилось после игры! Фанаты «Юргордена» окружили меня, но никто и не собирался выяснять отношения и проявлять агрессию. Они просто хотели заполучить мой автограф. Я просто поразил их. По правде говоря, вспоминая тот случай, я и сейчас удивляюсь, как с помощью одного забитого гола или эффектно исполненного приема можно все перевернуть. Знаете, в одном из самых моих любимых фильмов — «Гладиаторе» — есть такая всем известная сцена, когда император появляется на арене и приказывает гладиатору снять шлем, а тот подчиняется и произносит:

— Мое имя — Максимус Деций Меридий...И я отомщу, в этой жизни или в следующей.

Так же чувствовал (или хотел бы чувствовать) и я: находиться здесь перед всем миром и показать всем сомневавшимся во мне, кто я такой на самом деле. И я не представляю, кто был бы способен остановить меня.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

«Это «Хай Чаппарел»!», как я любил говорить (подразумевается тематический парк в Швеции, воспроизводящий ковбойскую атмосферу — *прим. пер.)*. В общем — цирк-шапито. Это когда я позволял себе говорить всякую чепуху. Как, например, что «если бы я входил в состав сборной Швеции на Евро-2000, она непременно стала бы чемпионом Европы». Возможно, это звучало вызывающе и смешно, но когда я действительно получил вызов в сборную, было уже не до шуток. Это произошло в том же апреле 2001 года. Я только что отметился голом в ворота «Юргордена», и газеты вовсю превозносили меня. В то время я был героем новостей, и думаю те, кто читал обо мне, уж точно не считали меня скромнягой. Что и вызывало во мне определенное беспокойство. А что если такие авторитеты, как Патрик Андерссон и Стефан Шварц (лидеры шведской сборной того времени — *прим, пер.)* придерживаются того же мнения? Вдруг они думают, что я всего лишь наглец?

Одно дело — быть звездой «Мальмё», и совсем другое — национальной сборной. Все-таки здесь были люди, выигрывавшие еще бронзу чемпионата мира (1994 года — *прим. ред.)*\ Хотите верьте, хотите нет, но я был в курсе, что в Швеции не принято выпячивать себя, тем более если ты еще и новичок в команде. И, решив, что перебесился еще в

юношеской команде, я хотел понравиться.

Я желал влиться в коллектив, стать, так сказать, «членом банды». Но сначала все было не просто. Мы отправились на тренировочный сбор в Швейцарию, и журналисты не отходили от меня ни на шаг. Я чувствовал неловкость. «Черт, — хотелось сказать им. — Здесь сам Хенке Ларссон (Хенрик Ларссон, выдающийся шведский нападающий — *прим, пер.)* — ступайте лучше к нему». Все напрасно. А на пресс-конференции в Женеве меня спросили, сравниваю ли я себя с кем-нибудь из великих звезд мирового футбола.

— Нет, — как ни в чем не бывало ответил я. — Есть только один Златан.

Это прозвучало так дерзко, что оставалось только подтверждать сказанное делом.

После этого громкого заявления я постарался притихнуть, «залечь на дно». Не нужно было заводить себя. Я испытывал такой пиетет перед всеми этими громкими именами, за исключением, пожалуй, Маркуса Альбека, с которым делил номер. В команде я был немногословен и старался держаться в сторонке. «Он — странная личность. Он предпочитает быть один, — писали газеты, и это звучало интригующе. Вроде, какой загадочный этот Златан!

В действительности, я элементарно был не уверен в себе. И не хотел досаждать своим присутствием окружавших меня людей. Особенно Хенрика Ларссона, которого я боготворил. Он блистал в «Селтике» и в том же 2001 году завоевал «Золотую бутсу» как лучший бомбардир национальных чемпионатов европейских стран. Хенрик был величиной. И я был горд, когда узнал, что составлю ему компанию в линии атаки в матче со Швейцарией.

Перед этой игрой случилось еще кое-что любопытное. Некоторые газеты выпустили большие материалы обо мне, желая получше познакомить читателей со мной накануне моего дебюта в сборной. Так вот, в одной из таких статей директор школы «Соргенфри», той самой, где ко мне приставили персональную воспитательницу, поведал о том, что я был самым неряшливым учеником за все тридцать три года (или около того), что он там проработал. В «Соргенфри» я был просто отпетым хулиганом. В общем, цирк, да и только. Пустая брехня. Хотя были и положительные моменты: многие верили, что в сборной меня ждет большой успех. Во мне хотели видеть и хулигана, и звезду одновременно. И я чувствовал на себе этот прессинг.

Однако в дебютном матче успех мне не сопутствовал. Меня заменили

во втором тайме, а затем и вовсе не вызвали на два следующих ответственных матча отборочного турнира чемпионата мира против сборных Словакии и Молдовы. Тренерский тандем Лагербек — Сёдерберг предпочел выставить в атаке Хенрика Ларссона и Маркуса Альбека. Это заставило меня еще больше притихнуть. Раз уж я даже не основной игрок сборной. Однако и это не сработало. Вспоминаю свой первый матч за сборную в домашних стенах — в Стокгольме. Мы встречались с Азербайджаном на «Росунде» (до 2012 года основная арена проведения матчей сборной Швеции — *прим. пер.)*. В состав тогда я еще толком не пробился. А Стокгольм был для меня, как другой мир, будто Нью-Йорк. Здесь я чувство-

вал себя потерянным и каким-то беззащитным. Правда, в городе было много классных девчонок. Я только и делал, что оборачивался им вслед.

Я начал матч на скамейке запасных. «Росунда» была переполйена (ну, или почти переполнена). Тридцать три тысячи человек пришли посмотреть игру. Наши основные игроки выглядели уверенными в себе и готовыми ко всему. Однако через пятнадцать минут после начала матча начало происходить нечто необъяснимое. Зрители принялись скандировать мое имя. Я был ошарашен, а по коже побежали мурашки. На поле присутствовало целое созвездие: Хенрик Ларссон, Улоф Мельберг, Стефан Шварц, Патрик Андерссон... Но их имена никто не выкрикивал. Они кричали мое, а меня даже не было на поле! Это было даже слишком. Я этого не понимал. Что такого я сделал?

Ну, выдал я пару матчей в Аллсвенскан, и что с того?! А оказалось, я пользовался большей популярностью, чем более заслуженные футболисты, бронзовые призеры чемпионата мира, поигравшие в ведущих европейских чемпионатах. Вся команда стала смотреть в мою сторону. А я не мог понять, радуются они за меня или нет. Знаю только, что происходящее стало для них полнейшим сюрпризом. Это что-то совершенно новое, чего раньше не случалось. Спустя некоторое время публика принялась скандировать традиционное «Давай, Швеция, давай!» и только тогда я пришел в себя и принялся зашнуровывать бутсы (оттого, что мне больше нечем было заняться, или просто от нервов). Я словно пережил электрический шок.

Зрители решили, что я собираюсь разминаться, чтобы выйти на поле, и с еще более бешеной силой стали скандировать «Златан, Златан!». Я тут же оставил бутсы в покое. Со стороны могло создаться впечатление, что, сидя на скамейке, я как бы управляю всем этим шоу, что было уже чересчур. И я притаился, при этом украдкой наслаждаясь происходящим. Я чувствовал

легкую дрожь. Адреналин начал свое движение. Наконец, Ларе Лагербек велел мне идти разминаться, а затем я пулей вылетел на поле, с абсолютно счастливым видом. Я парил по полю, с трибун доносилось мое имя и мы вели в счете 2:0. Я принял мяч на подступах к штрафной соперников, подыграл себе пяткой (мой ставший фирменным еше со времен дворового футбола прием), затем скинул мяч партнеру и, получив передачу обратно, спокойно замкнул ее. В тот вечер вся «Росунда» словно сияла. Да и Стокгольм стал для меня чуточку своим.

Приведу один смешной случай, свидетельствующий о том, что мой Русенгорд навсегда со мной. В том же году, когда я был со сборной в Стокгольме, мы заглянули в ночной клуб Томаса Бролина (известный в прошлом шведский футболист — *прим, пер.)* под названием «Ундичи» (по-итальянски «одиннадцать»; т. е. футбольная команда — *прим. пер.)*. Сидим себе спокойно, отдыхаем. И тут один из моих закадычных друзей из Русенгорда начал доставать меня.

Златан, а Златан, ну дай мне ключ от твоего номера.

На что он тебе?

Просто дай мне его, и все!

Ну хорошо, хорошо.

Я отдал ему ключ и забыл об этом. Возвращаюсь вечером в гостиницу, а в номере — мой друг. Он закрыл шкаф на ключ и сидит, весь сияя от счастья.

Что у тебя там? — спрашиваю и гляжу на шкаф.

Ничего особенного. Да, только не трогай, пожалуйста.

Чего, чего?

Не волнуйся, Златан. Мы на этом заработаем.

И что бы вы думали, было в том шкафу? Невообразимо, немыслимо. Это был целый комплект пуховиков, которые он спер в «Ундичи». Так что, признаться, у меня не всегда была приличная компания.

А, между тем, в «Мальмё» взлеты чередовались с падениями. Было несколько странно находиться в клубе, из которого ты уже официально перешел в другой. Я не мог бы назвать себя гармонияной личностью. Временами на меня словно накатывало, и я взрывался. Собственно, так происходило со мной постоянно, а причиной могла послужить скверная обстановка вокруг меня. Во мне словно просыпался плохой мальчишка. Вот и в очередном матче с «Хеккеном» я заработал желтую карточку, и, чувствовалось, что это еще не предел. Наверно, вокруг гадали: «Что еще выкинет этот полоумный Златан?».

«Хеккен» возглавлял Турбьёрн Нильссон, в прошлом — звезда

шведского футбола, и за команду выступал Ким Чельстрём, мой знакомый по молодежной сборной. С самого начала игра приняла жесткий характер. В одном из эпизодов я ударил Кима сзади по ногам (за что и получил желтую — *прим. пер.)*. А затем еще и отмахнулся локтем от соперника и на этот раз увидел перед собой уже красную и был удален с поля. И тут я взорвался. Направляясь в раздевалку, я оттолкнул репортера с микрофоном, а подбежавший ему на подмогу звукооператор обозвал меня идиотом. Тогда я полез уже на него: «Это кто идиот?».

Кто-то из нашей команды встал между нами, предотвратив дальнейшее выяснение отношений. Конечно, после всего этого поднялась очередная шумиха в газетах, и я получил миллионы советов в духе, что «я должен пересмотреть свое поведение» и так далее, иначе «в ШАяксе“ мне придется туго». И прочая чушь! «Экспрессен» даже поместил интервью с психологом, который высказал мнение, что мне нужно обратиться за помощью. Конечно, моя реакция на это была мгновенной: «Да кто, черт побери, он такой? Да что он понимает?»

Не требовался мне никакой психолог. Мне просто нужны были мир и покой. И, по правде говоря, было не очень-то приятно наблюдать с трибун, отбывая дисквалификацию, как твою команду буквально унижает «Гётеборг» — 6:0. Наша прекрасная победная серия оборвалась, а в главного тренера Микке Андерссона полетели критические стрелы. Не скажу, что я имел что-то против него, но и доверительными наши отношения тоже назвать было нельзя. Со своими проблемами я обращался к Хассе Боргу.

Была одна вещь, которая меня раздражала. Мне казалось, что Микке слишком уж носится со старожилами команды. Он их побаивался и, конечно, очередное мое удаление в матче с «Эребру» вызвало его недовольство. В воздухе висело напряжение. Как-то летом мы проводили обычную двусторонку. Микке Андерссон взял на себя функции судьи. У меня произошла небольшая стычка с нашим вратарем Джонни Феделем, одним из ветеранов команды, и Микке, разумеется, встал на его сторону. Я, малость не в себе, подошел к Микке:

Да вы просто боитесь «стариков» в команде. А может, вы еще и привидений побаиваетесь? — прокричал я.

По полю были разбросаны мячи, и я принялся что есть силы ударять по ним. Бах, бах, бах! Они разлетались по сторонам, как снаряды, попадая по стоявшим за пределами поля автомобилям. Поднялся жуткий вой сигнализаций. Все стояли как вкопанные и смотрели на меня, такого бешеного и неуправляемого. Микке сделал попытку меня успокоить, но я крикнул ему:

Вы что мне, мамаша, что ли?!

Я был в ярости и направился прямиком в раздевалку, освободил свой шкаф, сорвав с него табличку со своим именем, и ясно

дал всем понять, что никогда не вернусь назад. С меня хватит! Прощай, «Мальмё», и — спасибо за все! И вы, идиоты, прощайте! Я сел в «Тойоту Селика» и уехал прочь. И на тренировки больше не возвращался. Сидел дома, играя в приставку, или проводил время с друзьями. Я словно устроил себе школьные каникулы, а Хассе Борг названивал по телефону и истерически вопил:

— Ты где? Куда ты подевался? Тебе следует вернуться!

Конечно, я не был столь уж несносным и четыре дня спустя все же вернулся. И вел себя как примерный и хороший мальчик. Не думаю, что моя выходка была чем-то серьезным — так, секундная вспышка. Ну, бывает такое в футболе, да и, в целом, во всем спорте, где адреналин бьет через край. Плюс ко всему оставаться в команде было недолго, а какие-нибудь смешные штрафные санкции меня мало беспокоили. Наоборот, я полагал, что это они должны быть мне благодарны. Еще несколько месяцев назад «Мальмё» переживал кризис. У клуба был дефицит в десять миллионов, и он не мог себе позволить купить приличных игроков.

Сейчас же «Мальмё» разом превратился в богатейший клуб Швеции. Я принес им большой капитал, и даже президент клуба Бенгт Мадсен отмечал в интервью: «Такой игрок, как Златан, рождается раз в полвека!». Нет, конечно, я не рассчитывал на какие-то шикарные проводы со стороны клуба. Ну, на хотя бы добрые напутствия и пожелания, или слова вроде: «Спасибо за восемьдесят пять миллионов». Особенно на фоне чествования Никласа Киндвалла неделю назад перед домашним матчем с «Хельсингборгом», собравшим тридцать тысяч зрителей. Я чувствовал, что в клубе меня немного побаиваются. Кто знает, что еще взбредет ему в голову? Я был тем, кто мог испортить впечатление от такой небывалой сделки, как с «Аяксом», еще более невообразимым поступком. А между тем приближался мой последний матч в Аллсвенскан.

Это была выездная игра с «Хальмстадом», и мне хотелось преподнести зрителям незабываемое прощальное представление. Поверьте, я уже

никому ничего не был должен — с «Мальмё» я был в расчете и мысленно находился уже в Амстердаме. И все-таки здесь прошел определенный период моей жизни...

В общем, накануне игры я посмотрел на вывешиваемый на стенке стартовый состав на матч. Посмотрел еще раз. Моей фамилии в нем не было. Ее не было даже в заявочном списке, то есть я не попал и в запас, И я все понял. Это было мое наказание. Таким способом Микке решил продемонстрировать, кто здесь босс. И я с этим смирился. А что оставалось делать? У меня даже не вызвали никакой реакции его объяснения моего отсутствия журналистам: «он находится не в очень хорошем психологическом состоянии». И еще, что «ему необходим отдых». Эти слова звучали так, словно он — такой добренький дядя — сжалился надо мной и позволил отдохнуть. А еще я продолжал наивно надеяться, что руководство подготовило какой-то сюрприз для меня, возможно, с участием болельщиков.

Некоторое время спустя меня вызвали в офис Хассе Борга. Вы уже знаете, как я отношусь к подобным вызовам: я всегда думаю, что все закончится очередной проповедью. На этот раз, после всего происходившего за последнее время, я уже не ожидал ровным счетом ничего. В офисе присутствовали Хассе Борг и Бенгт Мадсен, оба с многозначительным и преисполненным собственного величия видом. Подумалось, уж не на похороны ли я попал.

Златан, наше сотрудничество подходит к концу.

Только не говорите мне, что...

Мы бы хотели сказать тебе...

Что, вы хотели бы поблагодарить меня вот здесь? — удивленно спросил я и посмотрел по сторонам.

В этом унылом чертовом офисе мы были втроем.

Что, вы даже не устроите встречу с болельщиками?

Понимаешь, — сказал Бенгт Мадсен. — Говорят, что провожать игрока перед матчем не приносит удачу.

Я недоуменно взглянул на него. Не приносит удачу?

Вы провожали из футбола Никласа Киндвалла перед тридцатью тысячами зрителей, и все потом было нормально.

Да, но...

Что, но?

И все-таки мы хотели бы вручить тебе этот подарок.

Черт, что это такое?

Это был хрустальный мяч.

На память.

Так это и есть ваш способ отблагодарить меня за восемьдесят пять миллионов?!

На что они надеялись? Что я возьму этот мяч с собой в Амстердам и буду пускать скупую слезу, каждый раз глядя на него и вспоминая «Мальмё»?

Мы хотели бы выразить тебе нашу признательность, — продолжали они.

Он мне не нужен. Можете оставить его себе.

Да, но ты ведь не можешь...

Я? Я могу. И я поставил этот мяч на стол и вышел вон. Таким было мое прощание с клубом — ни убавить, ни прибавить. Осадок остался. И все же, я выбросил все из головы. Я уезжаю отсюда, да и чем таким особенным был в моей жизни «Мальмё»? Настоящая жизнь только начиналась, и это было главное, а не прошлое.

Это был не рядовой переход в «Аякс». Я стал их самым дорогим приобретением в истории. И пусть «Аякс» был несопоставим с «Реалом» или «Манчестер Юнайтед», все же это был великий клуб. Всего пять лет назад он выступал в финале Лиги чемпионов. А за год до этого и вовсе выиграл ее. За «Аякс» в разное время играли такие люди, как Кройфф, Райкард, Клюйверт, Бергкамп и, конечно, Ван Бастен. Последний был для меня самым выдающимся среди перечисленных, и мне предстояло играть в футболке с его номером. Это казалось нереальным. Мне предстояло забивать и решать исходы матчей, и чем больше я представлял себе все это, тем больше ощущал на себе груз ответственности.

Никто не станет платить восемьдесят пять миллионов без намерения получить что-то взамен. «Аякс» уже три года как не побеждал в национальном чемпионате. Для команды такого калибра это выглядело, по меньшей мере, конфузом. «Аякс» — одна из самых любимых и популярных команд в Голландии, от которой ее многочисленные болельщики требуют больших побед. И ты должен соответствовать, а не играть в привычные тебе игры. Оставить при себе свои привычки и не начинать здесь со своего: «Я Златан, а ты кто такой?». Мне следовало перестроиться, постараться адаптироваться и влиться в команду, а также изучить местные порядки. А меня все равно продолжали преследовать приключения.

По пути из Гетеборга домой, у местечка Боттнарюд недалеко от Йёнчёпинга, меня «приняла» полиция. Я промчался на ста девяносто пяти (км/ч — *прим, ред.)* на участке с ограничением в семьдесят. Не сравнить с

тем, что я позволял себе позднее. Однако права у меня отобрали, а газеты не просто в очередной раз вышли с громкими заголовками. Они еще не преминули напомнить мне о том давнем инциденте на Индустригатан.

Была состряпана целая подборка из моих «подвигов», начиная от удалений с поля и продолжая более крупными скандалами. Вся эта волна донеслась и до Амстердама, и хотя клубные функционеры, должно быть, уже были наслышаны обо всех моих похожде-

ниях, местные журналисты подхватили эстафету. Неважно было, насколько сильно я хотел измениться, но ярлык сорвиголовы вновь приклеивался ко мне с самого начала. «Компанию» в этом качестве составил мне другой новобранец «Аякса» — египтянин Мидо, до этого удачно проявивший себя в бельгийском «Генте». Мы с ним на пару сразу же получили такую репутацию. Но все это были цветочки по сравнению с теми историями, которые мне довелось услышать о Ко Адриансе, главном тренере команды, с которым мы пересекались когда-то в Испании.

Его сравнивали с форменным гестаповцем. Он знал все о своих игроках, и ходили целые легенды о его методах и наказаниях. Среди них была история о вратаре, которого угораздило ответить на телефонный звонок во время разбора тактических действий. Наказанием ему послужило в течение целого дня провести в качестве оператора на телефоне в клубе, причем тот не говорил поголландски. Так что звучало это примерно так: «Алло, алло! Ничего не понимать!». И так — в течение всего дня. А еще был случай с тремя парнями из юношеской команды, которые самовольно отправились на вечеринку. Их заставили лечь на газон, а остальным игрокам было велено пройтись по ним, причем в шипованных бутсах. И подобных историй было немало, хотя, не скажу, чтобы они каким-то образом беспокоили меня.

О тренерах всегда ходит множество пересудов, а мне импонируют специалисты, придерживающиеся дисциплины. Мне удавалось ладить с тренерами, старавшимися не приближать к себе подопечных и держать с ними дистанцию. На этом я и воспитывался. Никто не утешал меня: «Бедный маленький Златан! Ну конечно же ты сможешь сыграть». Мой отец не приходил на тренировки, подобно другим, и не лизал задницу тренеру, чтобы тот был бы со мной помягче. Ничего подобного! Я был предоставлен самому себе. Я скорее разозлился бы на тренера и повздорил с ним, и заслужил бы право играть, потому что я сам по себе хороший футболист, нежели сдружился бы с ним и играл бы только потому, что он благоволит мне.

Мне не нужны были никакие сюсюканья. Меня это смущало. Я просто

хотел играть в футбол, и ничего больше. Но сейчас, пакуя чемоданы и собираясь в путь, я, конечно, заметно нервничал. «Аякс» и Амстердам были для меня чем-то вроде неизведанной земли — «терра инкогнита».

Помню сам полет, приземление в аэропорту и встречавшую меня девушку из клуба. Ее звали Присцилла Янсен. В «Аяксе»

у нее было множество обязанностей. Я всячески старался быть с ней любезным. Вместе с ней был парень, приблизительно моего возраста, выглядевший очень стеснительным, но при этом прекрасно говоривший по-английски. Он рассказал, что сам из Бразилии, где ранее играл за «Крузейро». Знаменитая команда (я это знал), за которую когда-то выступал Роналдо. Этот парень также был новичком «Аякса», и у него было настолько длинное имя, что я так и не разобрал его. Сойдясь на том, что я могу называть его Максвелл, мы обменялись номерами. Затем Присцилла отвезла меня на своем «Сааб Кабриолет» в Димен — небольшой городок к юго-востоку от Амстердама. Здесь меня и поселили, и в моей комнате были всего лишь кровать «Хестенс» (известный шведский производитель — *прим, пер.)* и 60-дюймовый телевизор. Больше ничего. Но я с удовольствием принялся играть в свою приставку, в предвкушении предстоящих событий.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Быть предоставленным самому себе — не такое уж великое испытание. Подрастая, я учился заботиться о себе сам. Сейчас, пусть и ощущая себя самым крутым парнем в Европе — я же стал профессионалом, за которого выложили такие деньжищи, — вокруг себя я видел пустое жилище. До большого города было далековато, а в моей комнате не было никакой мебели. Я не мог чувствовать себя, как дома, да, к тому же, и холодильник катастрофически быстро опустел. Нет, это не вызывало у меня паники или неприятных детских воспоминаний. Я держался стойко. В моей прежней квартире в Лоренборге холодильник тоже часто пустовал. Я был привычен ко всему. Но в «Мальмё» обстояло иначе: до чувства голода никогда не доходило, потому что я объедался как идиот в клубном ресторане «Кулан», да еще и прихватывал еду с собой, чтобы умять ее вечером. На худой конец, я мог отправиться к матери или друзьям.

В Мальмё мне не нужно было ничего готовить или наполнять холодильник. А вот в Димене вновь приходилось начинать сначала. Это выглядело нелепо и смешно. Я уже становился серьезным малым, но у меня в доме не было даже кукурузных хлопьев, а в кармане с трудом можно было наскрести мелочь. И вот я сидел в этом одиноком доме на

своей фирменной кровати «Хестен» и названивал всем подряд: друзьям, отцу, матери, младшему брату и сестре. Я позвонил даже Мие, хотя у нас с ней все было кончено, и спросил, не сможет ли она вернуться ко мне. Я был одинок, обеспокоен и, вдобавок ко всему, голоден. В конце концов, я обратился к Хассе Боргу.

Я рассчитывал, что он сможет договориться с «Аяксом», чтобы клуб хотя бы предоставил мне кредит. Как я знал, у Мидо получилось подобное со своим прежним клубом. Не вышло.

Я не могу этого сделать, — категорично ответил Хассе. — Тебе придется обходиться самому.

Его слова взбесили меня. Я полагал, что, уж если он продал меня, то должен же помочь мне в нынешней затруднительной ситуации?

Почему нет? — спросил я и услышал уже хорошо знакомое.

Так не получится.

Тогда где мои десять процентов?

Ответа я не получил и взбесился. Да, признаю, винить мне оставалось только себя. Я ведь даже не подозревал о том, что обналичить свой чек я смогу не раньше, чем через месяц. А еше возникли трудности с машиной — с моим «Мерседесом Кабриолетом». Он был зарегистрирован в Швеции, и мне не разрешено было ездить на нем в Голландии. Мне только что его пригнали, и я уже намеревался разъезжать на нем по Амстердаму, а вместо этого был вынужден его продать. Я заказал себе новый — тоже «Мерс», но SL 55. Это приобретение должно было заметно отразиться на моем банковском счете.

И вот я сидел в этом Димене, разбитый и голодный, а отец популярно объяснял мне, что я идиот, который приобрел такую дорогую машину, не имея пока ни гроша в кармане. Вероятно, он был прав, но от этих нравоучений даже хлебной крошки в доме не прибавилось, и я продолжал тихо ненавидеть пустые холодильники.

И вот тогда я вспомнил о том бразильском парне, которого встретил в аэропорту. Все мы — я, Мидо и тот самый Максвелл — были новичками в команде. Но я сдружился с ними не только по этой причине. Мне проще было общаться с чернокожими и латиноамериканцами. Они казались более веселыми, закаленными жизнью и менее завистливыми. Главным желанием голландских игроков было убраться отсюда поскорее в Италию или Англию, и поэтому они постоянно косились друг на дружку, гадая, кто еледующим пойдет на повышение в классе. А, например, африканцы или бразильцы просто были рады находиться здесь. Из серии: «Ого, неужели мы будем играть в самом «Аяксе»?» С ними я чувствовал себя, как дома, и

мне импонировали их юмор и дружелюбие. Но Максвелл не был похож на других бразильцев. Он не был компанейским, и ему не требовалось постоянное веселье. Это был домашний мальчик, удивительно сентиментальный, который регулярно звонил своим близким. В общем, абсолютно располагающий к себе парень, и к тому же отзывчивый.

Максвелл, я в затруднительном положении, — пожаловался я ему по телефону. — Дома — шаром покати. Можно мне пожить у тебя?

Конечно же, — ответил он. — Приезжай прямо сейчас.

Максвелл жил в Удеркерке, небольшой общине с населением в

семь—восемь тысяч жителей, и я переехал к нему. Я прожил у него

три недели, пока, наконец, не обналичил свой первый чек. И хотя спать приходилось на полу на матрасе, все же это было неплохое время. Мы вместе готовили еду и обсуждали тренировки, других игроков и нашу прошлую жизнь в Бразилии и Швеции. Максвелл прекрасно говорил по-английски. Он рассказал мне о своей семье, о двух своих братьях, с которыми был очень близок. Я хорошо это помню, потому что вскоре один из них погиб в автокатастрофе. Это было крайне печальное известие. В общем, Максвелл мне действительно нравился.

За время пребывания в его доме я привел себя в порядок, и после этого дела пошли в гору. Ко мне вновь вернулось это фантастическое чувство наслаждения футболом, и я был действительно хорош в ходе предсезонки. Я штамповал голы в матчах с любительскими командами и демонстрировал все разнообразие своих фирменных приемов. «Аякс» всегда славился своим искрометным и техничным футболом, и газеты писали: «О-о! Похоже, он стоит заплаченных за него восьмидесяти пяти миллионов». А Ко Адриансе, как я и предполагал, был строг со мной. Поначалу я думал, что это просто черта его характера, ведь я слышал о нем столько историй.

После каждого матча он выставлял нам оценки: наивысшей была «десятка». После одной из игр, где я наколотил кучу голов, он сказал: «Сегодня ты забил пять, но и упустил столько же моментов. Поэтому и получаешь «пять»». Ну что ж, пусть так, если требования столь высоки. И я просто продолжал делать свое дело, полностью уверенный в том, что никто не сможет меня остановить. Помню, как встретил одного малого, который все никак не мог понять, что я из себя представляю.

Ты и вправду хороший футболист? — спросил он меня.

Не мне об этом судить.

Скажи, а тебя когда-нибудь освистывали фанаты соперников?

Черт побери, еще бы...

О’кей, тогда ты действительно великий, — заключил он, и его слова врезались мне в память. Тот, кто действительно чегонибудь стоит, подвергается освистыванию и обструкции. Так уж заведено в жизни.

В июле в Амстердаме проводился турнир. Это традиционный и престижный предсезонный турнир среди клубов, в котором в том году, помимо нас — его хозяев, приняли участие «Милан», «Валенсия» и «Ливерпуль». Состав подобрался солидный. Это был

мой шанс показать себя Европе, и, к своему удивлению, я сразу же обнаружил разницу с чемпионатом Швеции. Если в «Мальмё» я мог подолгу возиться с мячом, то сейчас бы мне этого никто не позволил. Здесь были совсем другие скорости.

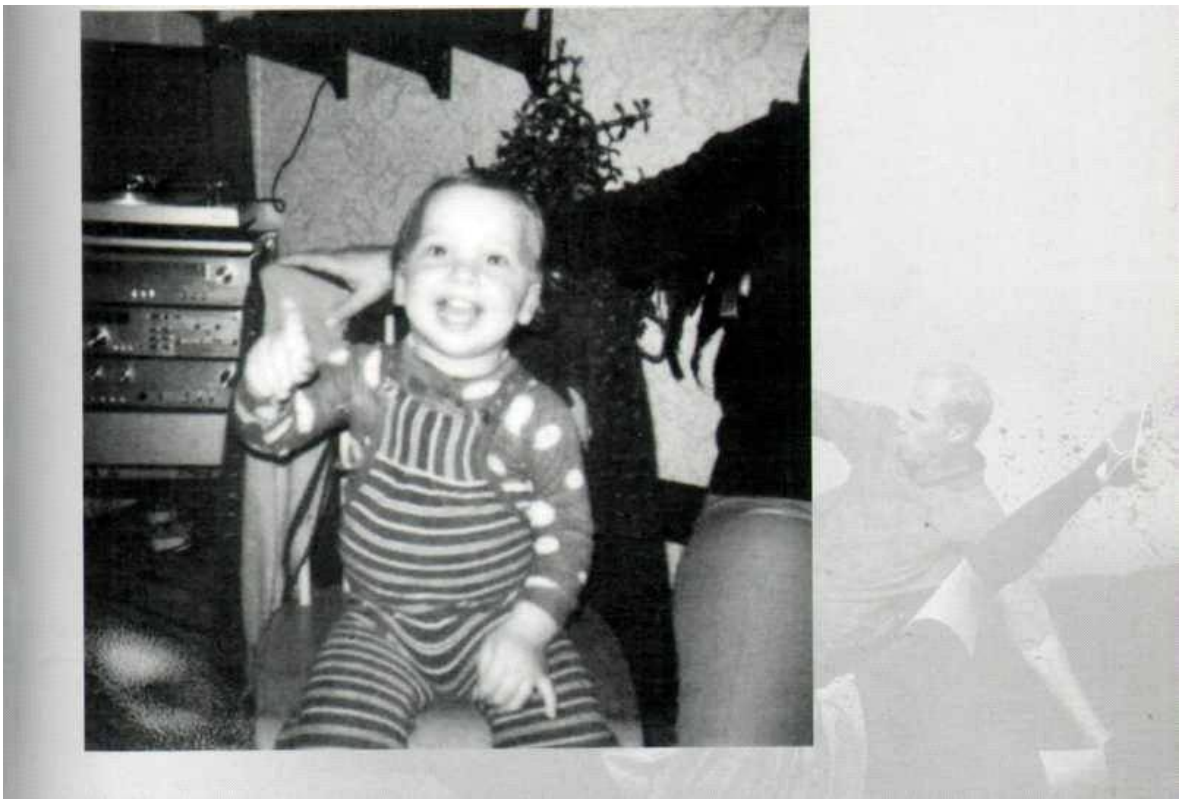
В стартовом матче мы противостояли «Милану». В то время этот гранд переживал трудные времена, но не стоило забывать, что еще недавно, в девяностых, он доминировал в Европе. А я старался сильно не переживать по тому поводу, что у них была одна из сильнейших линий обороны во главе с самим Мальдини. Я старался играть жестко, заработал пару штрафных и продемонстрировал несколько своих приемов с мячом, удостоенных аплодисментами. Но в этой тяжелой игре мы уступили 0:1.

В следующем матче мы встречались с «Ливерпулем». В том году «Ливерпуль» уже завоевал три кубка и обладал, пожалуй, сильнейшей защитой в Премьер-лиге — с финном Сами Хююпия и швейцарцем Стефаном Аншо. Последний был в то время в отличной форме. Один его недавний «подвиг» стал предметом бурного обсуждения. В финале Кубка Англии Аншо рукой преградил мячу путь в ворота, и этот его ловкий трюк, который не заметил судья, помог «Ливерпулю» одержать победу. Он и Хююпия буквально приклеились ко мне. Но уже в самом начале игры я удачно поборолся за мяч у углового флажка и продвинулся к штрафной, где меня уже встречал Аншо. Он блокировал меня, но оставались варианты для дальнейших действий. Я мог сделать навес, отыграть мяч назад или все-таки попытаться прорваться к воротам.

И я выбрал последний вариант, решив применить финт, которым в свое время часто пользовались Роналдо и Ромарио (а позднее ставший фирменным приемом Роналдиньо — *прим. пер.)*. Я просматривал его еще юношей на компьютере, а затем час за часом тренировал, до тех пор, пока не мог выполнить с закрытыми глазами. Он называется «Змея» (а также «флип-флэп», или, в бразильском варианте, «эластико» — *прим. пер.)*. Название это объясняется тем, что при точном выполнении приема движение напоминает обвивающуюся вокруг ноги змею. Выполнить этот финт непросто: внешней стороной подъема стопы вы стремительно

откидываете мяч вправо и тотчас же носком или внутренней стороной подъема той же ноги пробрасываете мяч уже влево. А затем совершаете рывок. Раз, два — и готово! Все происходит чертовски быстро, и вы полностью контролируете мяч, словно он приклеен к вашей ноге, как шайба к клюшке хоккеиста.

Златан в детстве

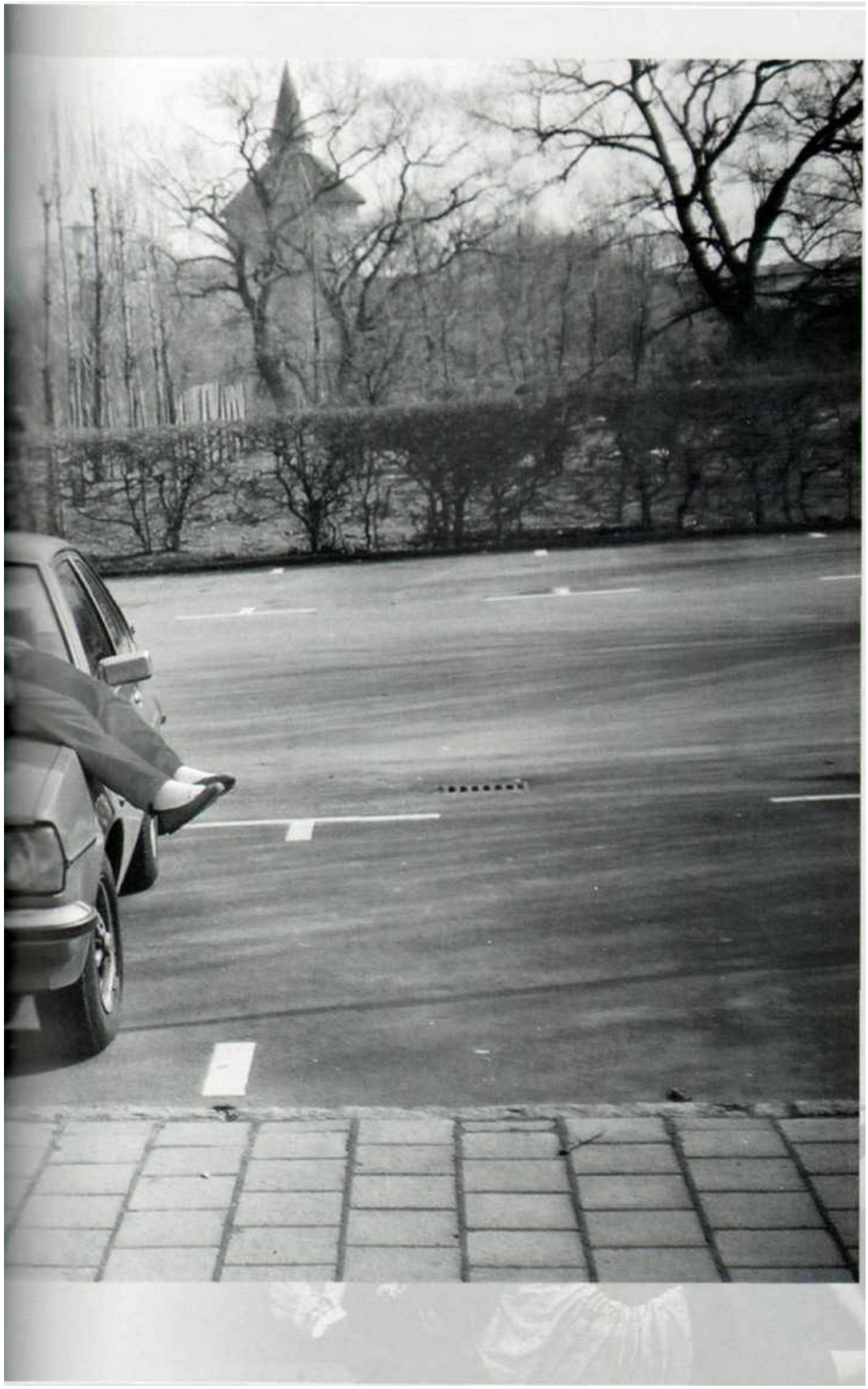


Я множество раз прибегал к этому финту в матчах Аллвенскан за «Мальмё». Но ни разу против таких защитников мирового класса, как Аншо. Это было что-то. Я уже успел прочувствовать атмосферу большого футбола во время матча с «Миланом», и она завела меня. Поэтому было вдвойне забавно обвести такого парня, и мне это удалось. Ать-два, пиф-паф! И Стефан Аншо остается в стороне, даже не коснувшись меня, а я рвусь вперед. Вся команда «Милана», присутствовавшая на матче, в восторге вскочила со своих мест. И вся «Амстердам Арена» ревела.

Это было настоящее шоу, и когда после матча журналисты окружили меня, я своими словами описал им, как все было. Клянусь, я ничего заранее не планировал сказать. Просто тогда я еще не научился быть сдержанным и осторожным в высказываниях. «Сначала я подался влево, — рассказывал я. — И он туда же. Я вправо — он снова за мной. Тогда я опять влево, а он... отправился за хот-догами». Эти слова цитировались повсеместно и стали знаменитыми. На основе моего рассказа даже сняли рекламу. А еще пошли слухи, что «Милан» заинтересовался мной. Меня назвали новым ван Бастеном, и все в таком же роде. Сам же я ощущал себя примерно так: «Ого, да я же в полном порядке. Я — бразилец из Русенгорда, и поистине, для меня начинается великий сезон».

Однако... Приближались плохие времена. Оглядываясь в прошлое, я понимаю, что предпосылки для этого были, и виноват во многом опять был я сам. Я вел себя не так, как следует. Я даже стал резко терять в весе и выглядел очень худым. А еще проблема была в тренере — Ко Адриансе. Он критиковал меня и делал это публично. До определенной поры это было терпимо. А после своего увольнения он договорился до того, что у меня не все в порядке с головой. Пока же раздавалось привычное брюзжанье, что «я слишком много играю на себя». И я начал понимать, что даже трюки, подобные тому, что я проделал с Аншо, не будут оценены в «Аяксе», если они не приводят к конкретному результату.

Это выглядело, как цирковой трюк, способ показать себя и развлечь публику, нежели что-то полезное для команды. В «Аяксе» традиционно придерживались схемы игры с тремя нападающими, вместо привычных для меня двух. Мне отводилось место в центре. Никаких рейдов по флангам, никакой самодеятельности. Предполагалось, что я должен курсировать в отведенной мне зоне и быть своего рода целью для передач партнеров. Принимай передачи и, главное, забивай. Я даже стал сомневаться, куда по-

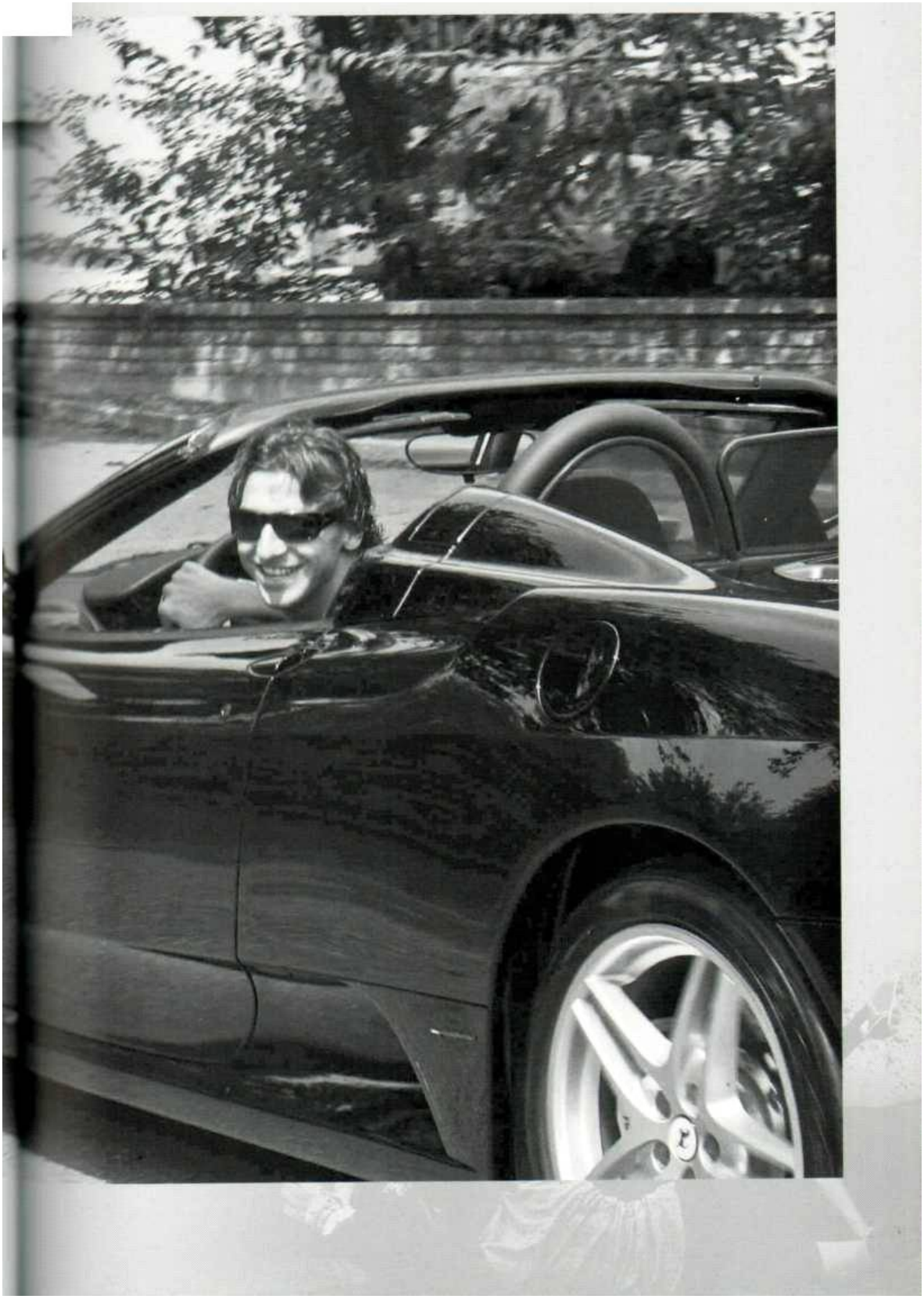


Златан и Санела на капоте отцовского автомобиля

ABN·AMRO
S. PIENAAR

Златан в школьные годы

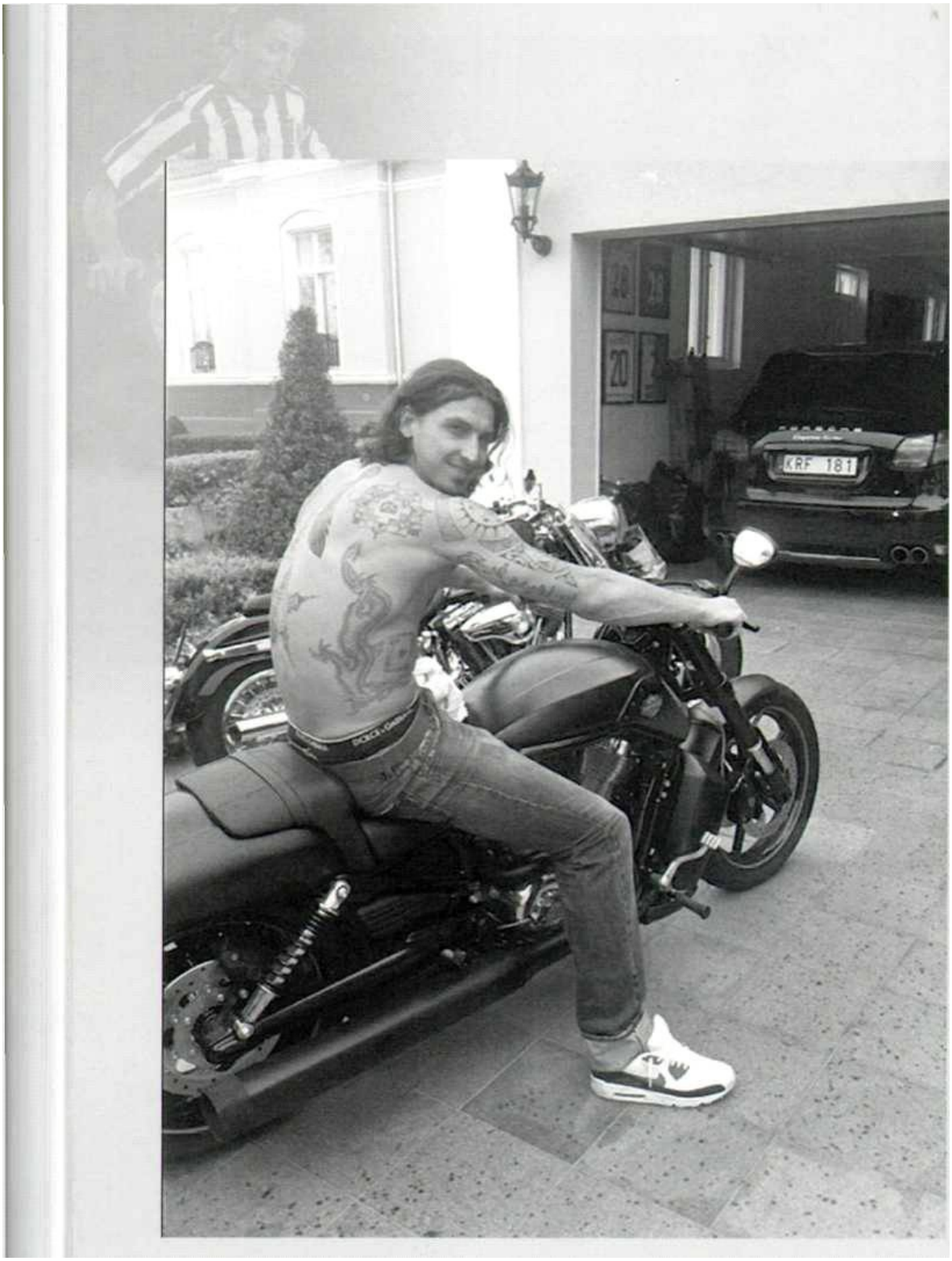
Ч/Г



Одна из любимых машин — «Феррари», но не «Энио

Хелена

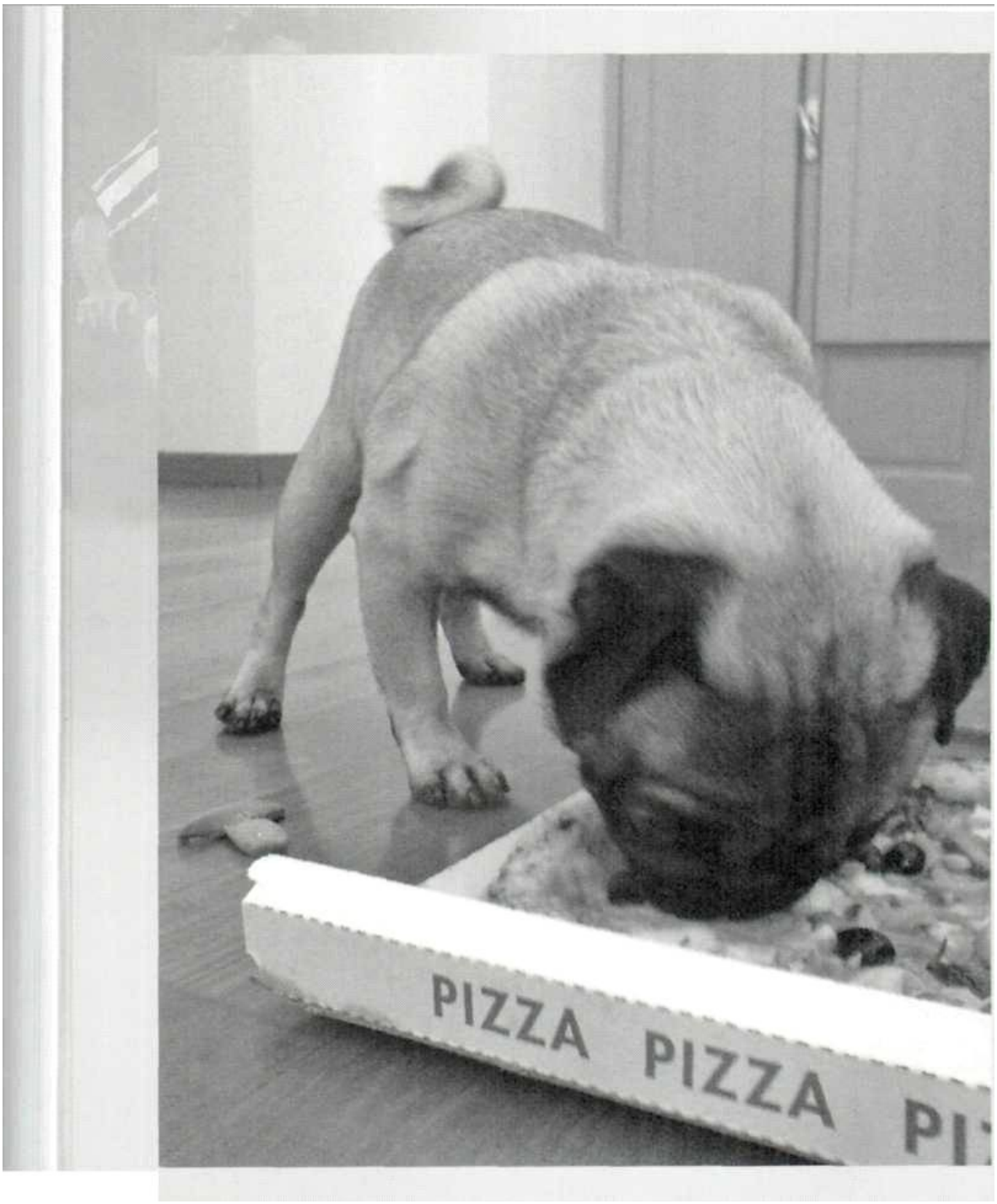
Златан



Мотоцикл тоже неплохо

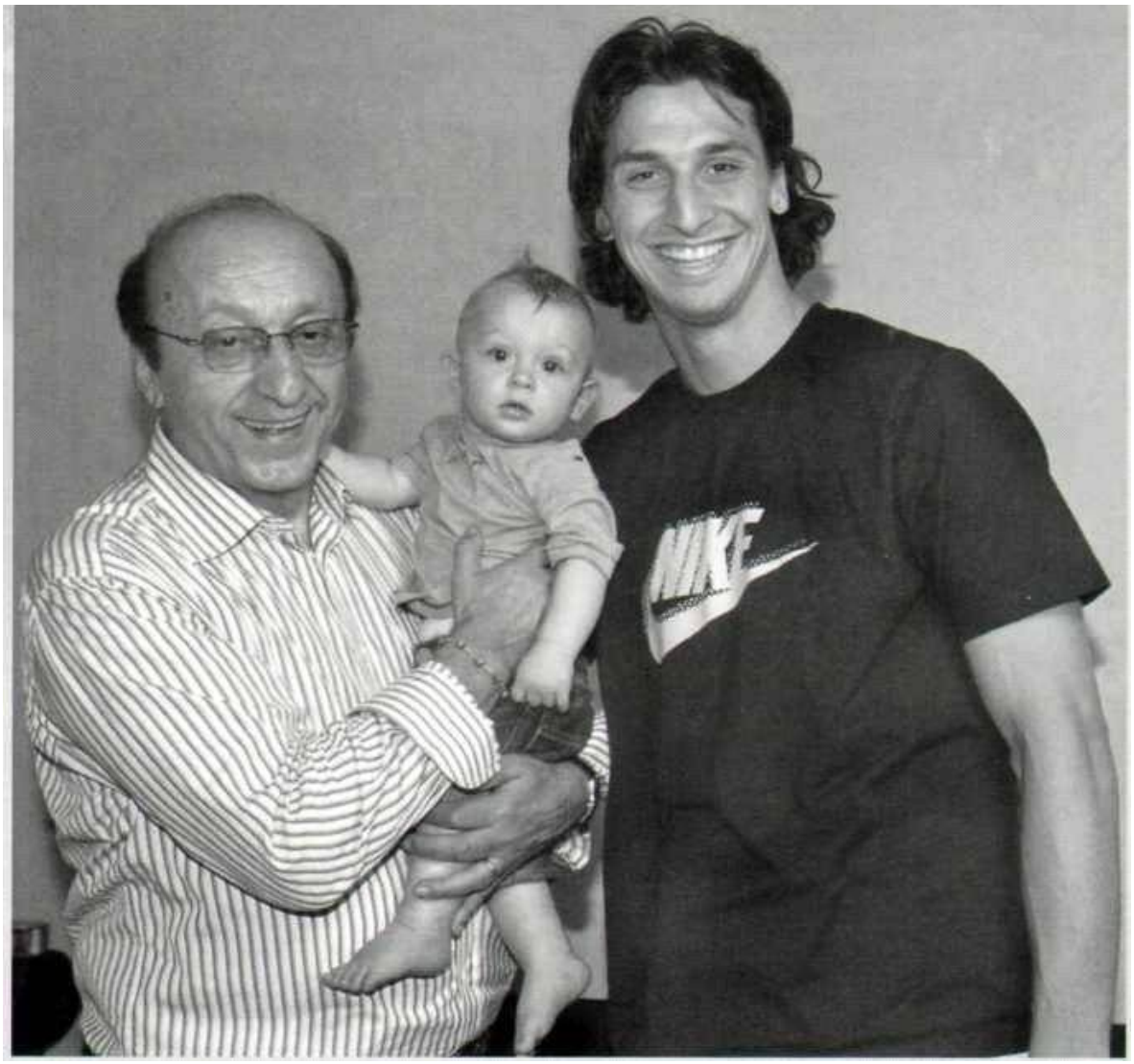
Счастливый отец

Хелена и Златан с первенцем



Хоффа

Ибрагимович празднует гол в составе сборной Швеции



Лучано Моджи, Макси и Златан

Ибрагимович и Роналдиньо. Оба играли за «Барселону», но в разное время

В гостях у отца в Русенгорде

девался знаменитый техничный и изобретательный голландский стиль игры. Складывалось впечатление, что они решили походить на остальную Европу. Мне было трудно все это понять.

Вокруг была масса всего нового. Я еще не понимал язык и местную культуру, а тренер со мной даже не разговаривал. Да он вообще ни с кем не общался. На его лице было каменное выражение. Даже от его взгляда становилось как-то неловко. И от меня словно отвернулась удача. Я перестал забивать, и все мои предсезонные успехи пошли насмарку. Они даже вышли мне боком. Все эти восхищенные заголовки в газетах и сравнения с Ван Бастеном сменились разочарованием, и меня стали называть неудачным приобретением. В нападении меня сменил грек Никое Махлас (с которым я тоже успел подружиться). Раскритикованный прессой и потерявший форму, я терзался сомнениями. Что я делаю неправильно?

Как мне выйти из этого положения?

Таков я на самом деле. Я никогда не бываю доволен собой (в духе: «Вот он я какой!»). Скорее наоборот. Это как вечная пластинка: «Следовало мне поступить так или иначе?». В такие минуты я смотрю на окружающих. «Чему я мог бы у них научиться? Чего мне недостает?». Каждое мгновение я анализирую свои ошибки, и считаю, что это правильно. Что я мог бы улучшить? Я всегда возвращаюсь с игр или тренировок с каким-нибудь новым опытом, подчас трудным и даже горьким. Я никогда не успокаиваюсь, даже когда, казалось, мог бы себе это позволить. И это помогает мне развиваться. Факт остается фактом: в «Аяксе» мне много приходилось размышлять над всем этим, и не с кем было поделиться мыслями.

В моей квартире разговаривать оставалось разве что со стенами. Конечно, я позванивал домой и даже позволял себе жаловаться на жизнь. Но я никогда не стану винить в своих проблемах кого-либо другого. Просто я ощущал в жизни какой-то застой, и мне было нехорошо. Я не мог наладить свою жизнь в Голландии. Тогда я направился к Бенхаккеру и спросил его:

Что говорит тренер обо мне? Он мной доволен или как?

Бенхаккер выгодно отличается от Ко Адриансе тем, что ему не нужны просто послушные солдаты.

Все классно. Все идет нормально. Просто с тобой нужно терпение, — ответил он.

А мне уже хотелось вернуться домой. Я чувствовал, что меня не ценят ни тренер, ни журналисты, ни тем более фанаты. Фана-

Ноги. Всё благодаря им...

...и не всегда удается уберечь их от травм

ты «Аякса» — это нечто. Они настолько привыкли к победам, что даже счет 3:0 в пользу любимой команды может вызвать у них недовольство. «Что за черт, почему только 3:0?».

После ничьей в матче с «Родой» они забросали нас камнями и бутылками, так что пришлось искать убежище на стадионе и отсиживаться в подтрибунных помещениях. И подобное дерьмо происходило постоянно. Куда только подевались эти восхищенные возгласы «Златан, Златан!», которые мне довелось услышать уже и здесь. Их сменил неодобрительный гул, причем не со стороны 60лельщиков соперников. Тяжко было слышать от своих же фанатов что-то в духе: «Что, черт возьми, происходит?».

И в то же время, в футболе следует принимать это как должное. И я их понимал. Я был самым крупным капиталовложением клуба и не мог себе позволить прозябать в запасе. Я должен был стать новым Ван Бастеном и поставить голы на поток. И я старался, клянусь, изо всех сил старался показать все лучшее, что умею.

Футбольный сезон слишком долгий, чтобы в каждом матче демонстрировать одинаково высокий уровень игры. Но именно к этому я и

стремился. Сразу по прибытии сюда я постарался выложить все и сразу, и поэтому, как я полагаю, и попал в эту полосу неудач. Я хотел слишком много и сразу, а одного желания оказалось недостаточно. К тому же, помимо всего прочего, я не привык к такому давлению. А эти чертовы восемьдесят пять миллионов оказались для меня той самой неподъемной ношей. И я часто сидел затворником в своем доме в Димене.

Не имею понятия, что тогда думали обо мне журналисты: наверно, представляли себе, как мы с Мидо ночи напролет «зажигаем» на вечеринках. А в действительности я просто сидел дома, и день и ночь играл в видеоигры. Если понедельник у нас был выходным, то в воскресенье вечером я улетал к себе домой, в Мальмё, и возвращался шестичасовым утренним рейсом во вторник, отправляясь из аэропорта прямо на тренировку. Ни о каких ночных клубах, конечно же, и речи не было. Ничего в этом роде. Но и назвать себя профессионалом в ту пору я не могу, просто язык не повернется. Я не досыпал и неправильно питался, а также совершал безответственные поступки в Мальмё. Я развлекался с пиротехникой — петардами (которые мы забрасывали на чужие участки) и фейерверками. Это давало дополнительный заряд адреналина. Я увлекался бешеной ездой, поскольку не мыслю себя без этого. Если ничего не ладится в футболе, нужно искать вдохновения в

других областях. Мне нужно было действие, мне требовалась скорость, и я не желал быть послушным.

Я продолжал худеть, а в «Аяксе» мне, к тому же, отводилась роль игрока, способного побороться за мяч. Поэтому требовалось быть физически крепким. Я же похудел до семидесяти пяти кило, а то и меньше. Возможно, это случилось из-за того, что я элементарно перетренировался. У меня не было отпуска. За полгода я провел уже две предсезонки. А диета? Да какая там, к черту, диета! Я жрал всякую дрянь. Я по-прежнему не умел приготовить себе ничего толкового: только пожарить тосты, да сварить макароны. И позитивная волна, поднятая прессой, сошла на нет. Заголовки на манер «Златан вновь на коне» сменились другими: «Златана освистали» или «Он явно не в порядке». В общем, он такой-то и сякой. А потом на первый план вышли мои локти. Они наделали столько чертового шума.

А началось все в игре с «Гронингеном», во время которой я ударил локтем по шее защитника соперников. Судья ничего не заметил, а защитник рухнул на газон и был унесен с поля на носилках. Поговаривали даже, что у него сотрясение мозга. Когда он вновь появился на поле после перерыва, то словно продолжал пребывать в состоянии грогги. Но хуже

всего для меня оказалось то, что федерация футбола разобрала этот инцидент и решила дисквалифицировать меня на пять матчей.

Это явно не входило в мои планы. Это было черт знает что. И уж точно нельзя сказать, что дисквалификация пошла мне на пользу. Да, не отрицаю, я ударил этого парня, так что ему пришлось оказывать медицинскую помощь. Будто началась новая череда моих глупых поступков. И если бы я даже не схлопотал эту дисквалификацию, от этого я не стал бы выходить на поле чаще. Да и фанаты были, прямо сказать, не в восторге. И я позвонил Хассе Боргу. Это было, конечно, глупо, но что еще мне оставалось делать в, как мне казалось, безвыходной ситуации.

Черт, Хассе, ты можешь выкупить меня обратно?

Выкупить тебя? Ты что это, серьезно?

Забери меня отсюда. Я не могу больше это выносить.

Ну же, Златан, на это нет денег, и ты должен это понять. Тебе следует запастись терпением.

Но я устал запасаться терпением. Мне требовалось чаще выходить на поле. И в придачу, я так тосковал по дому, что хоть вешайся. Я продолжал ощущать себя совершенно потерянным и снова принялся названивать Мие, не осознавая точно, скучал ли я действительно по ней, или, быть может, по кому-то другому. Я был одинок и мечтал вернуться в прежнюю жизнь. И что в итоге? В итоге я получил еще одно проблему.

Началось с того, что я узнал, что зарабатываю меньше всех в команде. Я давно догадывался об этом, а сейчас все подтвердилось. Самый дорогостоящий игрок с самой низкой зарплатой. Купленный, чтобы стать новым Ван Бастеном, но не получающий при этом сколь-нибудь серьезных денег. И я подумал: «В чем причина?». Это было нелегко себе вообразить.

Я вспомнил слова Хассе Борга о том, что все агенты — жулики, и прочее. И вот тут меня осенило: «Да он просто надул меня!». Он вел себя так, словно печется о моих интересах, а на деле он работал исключительно на «Мальмё». И чем больше я думал об этом, тем злее становился. С самого начала Хассе Борг позаботился о том, чтобы никто не стоял между нами, никто, кто смог бы представлять мои интересы. Вот почему я выглядел как дурачок в своем тренировочном костюме в отеле «Святой Йорген», позволяя разным умникам в костюмчиках и с экономическим образованием обводить меня вокруг пальца. Ощущение было, словно ты получил удар под дых. Надо немедленно повернуть все вспять! Деньги никогда не были для меня самым главным, но быть настолько униженным и использованным, почувствовать себя последним лохом, которого можно обдурить и заработать на нем... Все это привело меня в бешенство, и я

решил разобраться. Я позвонил Хассе.

Что это за черт? У меня худший контракт во всем клубе.

Ты о чем?

Он косил под дурачка.

А где мои десять процентов?

Мы вложили их в страховой фонд в Англии.

Страхование? Что за черт? Это ни о чем мне не говорило, как если бы мешок с деньгами зарыли где-нибудь в пустыне.

Я хочу получить свои деньги сейчас.

Но это невозможно, — был его ответ.

Деньги уплыли: их вложили во что-то мне неведомое. И я решил докопаться до истины. Я нанял себе агента, поняв, наконец, что не такие уж они и жулики. Без личного агента у вас нет ни малейшего шанса. Без его помощи вас снова облапошат эти ребята в костюмчиках. Через своего друга я вышел на парня по имени Андерс Карлссон, работавшего в агентстве «Ай-Эм-Джи» в Стокгольме.

Он был что надо. Он был из тех, кто никогда не выплюнет жвачку на тротуар и не перейдет улицу в неположенном месте. Он не суетился, не спешил без нужды. При этом он мог действовать жестко и решительно. Андерс реально помог мне на первых порах. Он вернул мне эти деньги. Правда, случилась еще одна подстава. Сумма оказалась равна не десяти, а восьми процентам. И я задал резонный вопрос:

Что это значит?

Оказалось, что эти ребята якобы провели какую-то налоговую предоплату (?). Я подумал: «Что за дерьмо? Налоговая предоплата! Ничего не слышал о такой». И переспросил, может ли быть такое, или это новая уловка. И что вы думаете? Андерс Карлссон все перерыл и вернул мне недостающие два процента. Никакой налоговой предоплаты не было и в помине. Вся эта схема рухнула, а я окончательно распрощался с Хассе Боргом. Все происшедшее послужило мне уроком на всю жизнь. Это наложило на меня определенный отпечаток, так что, даже не подумайте, что я не имею представления о том, сколько у меня денег на счету и на каких условиях они размешены.

Когда мой друг Мино позвонил мне и спросил:

Сколько ты получил за свою книгу от «Бонньера»? («Альберт Бонньерс фёрлаг», или «Издательство Альберта Бонньера» — одно из старейших и крупнейших издательств Швеции — *прим, пер.)*

Я точно не знаю.

Ерунда, все ты знаешь.

И, разумеется, он был прав.

Я полностью все контролирую. Не хочу быть использованным и одураченным, и поэтому стараюсь делать на ход вперед в пере говорах. Стараюсь понять, о чем думает противоположная сторона, чего хочет и в чем может заключаться ее секретная тактика. И еще я припоминаю ту историю. Такие вещи навсегда остаются в моей памяти, и даже Хелена частенько повторяет, чтобы я выбросил ее из головы. Сказал бы себе примерно следующее:

Я устал ненавидеть Хассе Борга.

Но нет, я его не забуду, ни за что. Не следует поступать так с парнем с окраины, понятия не имеющим о подобных делах. Не следует претендовать на роль наставника, второго отца, если наделе ищешь любой путь и любую лазейку, чтобы облапошить его. А я был пареньком из юношеской команды, в которого никто не верил, и кому последнему приходилось рассчитывать на попадание во взрослую команду. Но потом... Когда все резко переменилось, и меня продали за бешеные деньги, отношение стало несколько другим. Теперь они захотели выжать из меня все до последнего. Я прозябал без денег, а меня в это время использовали. Такого я не забуду. И я часто задаюсь вопросом: «А посмел бы Хассе Борг проделать подобное, если бы я был обеспеченным мальчиком с папой-юристом?».

Не думаю. Уже здесь, в «Аяксе», я сказал что-то вроде: «Он должен взглянуть на себя со стороны». Но я полагаю, он не придал этим словам значения, поскольку позже в своей книге Хассе написал, что был для меня наставником и что искренне заботился обо мне. Ни больше, ни меньше. Я думаю, он все понял уже потом, два года спустя, когда мы случайно столкнулись в лифте. Это случилось в Будапеште, где я был со сборной. Я ехал в лифте, мы остановились на четвертом этаже, и, откуда ни возьмись, заходит он. Приехал сюда в какую-то очередную командировку, опять кому-то лизать зад. На ходу завязывая галстук, он заметил меня. Он из тех, кто при встрече говорит дежурное: «Привет, привет! Как дела?». Сказав что-то похожее, он, как ни в чем не бывало, протянул руку.

Она повисла в воздухе. Он не опешил, нет. Он просто стоял, холодный и взвинченный, а я не проронил ни слова. Я посмотрел на него, вспомнил прошлое, а затем просто вышел из лифта. Это была наша единственная встреча с тех пор. Так что, нет, я ничего не забыл. Хассе Борг — двуличный человек. В «Аяксе» из-за него мне было плохо: я чувствовал себя одураченным и униженным, с худшим контрактом. Меня освистывали свои же болельщики. Со мной приключались неприятности. Кругом было дерьмо: дисквалификация за удар локтем, целые списки совершенных

мной ошибок, сотое припоминание мне прошлых проделок, вроде давнего случая на Индустригатан. Так что я был выведен из равновесия. Старый добрый Златан куда-то исчез. Ежедневно вокруг меня ходили разные пересуды, а меня одолевали разные мысли.

Ежечасно, даже ежеминутно, я искал решения, потому что — нет, я не стану сдаваться, ни за что на свете. Мой путь в Европу был тернист. Я плыл против течения. Чужие родители и тренеры с самого начала были настроены против меня, и многое, *чему я* научился, пришлось постигать вопреки чьему-то мнению. Когда все вокруг выражали недовольство, что «Этот Златан только и делает, что увлекается дриблингом», он такой и сякой, он вообще неправильный. Но я продолжал гнуть свою линию, прислушиваясь к мудрому и дельному и пропуская мимо ушей все остальное.

И сейчас, в «Аяксе», я действительно старался понять и усвоить то, как здесь принято думать и играть.

Мне самому было интересно, смогу ли сделать это лучше. Я усердно работал и учился у других. И, в то же время, не хотел отказываться от своего собственного стиля. Никто не сможет лишить мою игру индивидуальности, моей души. Я не стал вести себя 60лее вызывающе, а просто продолжал бороться. А когда я борюсь на футбольном поле, то могу выглядеть весьма агрессивно. Это черта моего характера. Больше чем от других, я требую от себя. И, по всей видимости, я достал нашего тренера Ко Адриансе. Как он говорил впоследствии, я был трудным человеком, полным самомнения и делающим все по-своему, и так далее. Пусть так, он может говорить, что хочет — я не собираюсь вступать с ним в спор. Я принимаю ситуацию, как есть: тренер — главный в команде. Могу лишь сказать, что я очень старался вернуть себе место в основе.

Но пока ничего не менялось. За исключением слухов о возможной скорой отставке Ко Адриансе, что тоже было неплохо. Мы вылетели из отборочного турнира Лиги чемпионов, где нас остановил «Селтик» с Хенриком Ларссоном, а следом и из Кубка УЕФА, споткнувшись на «Копенгагене». Не думаю, что именно эти неудачи послужили главной причиной его увольнения, ведь дела в чемпионате складывались у нас хорошо. Его убрали потому, что он не мог наладить контакт с игроками. Ни с кем у него не сложились отношения. Мы были словно в вакууме. Не скрою, мне нравятся строгие тренеры, а Ко Адриансе, бесспорно, таковым и являлся. Но он явно перегнул палку со своими диктаторскими методами управления командой. Даже ни намека на какой-либо юмор, ничего. И вот теперь мы с нетерпением ожидали, кто придет ему на смену.

Ходили слухи, что это будет Райкард. Звучало обнадеживающе, и не только потому, что из великого игрока автоматически должен был получиться хороший тренер. Но все же он стал легендой в «Милане» вместе с Ван Бастеном и Гуллитом. Однако назначили Кумана. Я был наслышан о нем как об игроке, обладавшим пушечным ударом и фантастически выполнявшим штрафные удары в «Барселоне». С ним в команду пришел еше один великий в прошлом игрок — Рууд Крол. Я сразу же отметил, что они понимают меня гораздо лучше прежнего наставника, и это вселило в меня надежду на изменения к лучшему.

Но дела пошли еше хуже. Пять матчей подряд я провел на скамейке запасных, а с одной из тренировок Куман и вовсе отправил меня домой. «Ты будто отсутствуешь, — прокричал он мне. — Ты не выкладываешься. Отправляйся-ка ты домой». Не спорю, мои мысли были заняты другим. Даже Ларе Лагербек (главный тренер сборной Швеции в то время — *прим, ред*.) в газетных интервью выражал беспокойство за меня, и поползли слухи, что я могу лишиться места в сборной. А это уже не шуточки.

Ведь летом предстоял чемпионат мира в Японии и Корее — событие, которого я с нетерпением ждал долгое время. А еше меня беспокоило, что в «Аяксе» у меня могут забрать мой девятый номер. Плевать было на то, что написано у меня на футболке. Но это означало бы, что они потеряли веру в меня. В «Аяксе» номерам игроков придавали значение. «Номеру десятому» положено делать одно, а «номеру одиннадцатому» — другое. И ни один из номеров не ценился так, как «девятка», принадлежавшая когда-то Ван Бастену. Носить ее считалось честью, и если ты не оправдывал ожидания, то мог ее лишиться. И теперь такая угроза нависла надо мной.

На тот момент я забил всего пять голов в чемпионате. За весь сезон их набралось всего лишь шесть. Большую часть времени я проводил на скамейке запасных, а болельщики все чаще недовольно гудели в мой адрес. Когда я разминался, чтобы выйти на замену, они принимались скандировать: «Никое, Никое, Махлас, Махлас!». И неважно было, насколько был плох мой конкурент — они явно не желали моего выхода на поле. Они хотели, чтобы остался он, а я думал: «Черт, я еще даже не вышел на поле, а все уже настроены против меня». Если у меня не получалась передача, они приходили в ярость, гудели и заводили старую пластинку: «Никое, Никое, Махлас, Махлас!». Моей хорошей игры им было недостаточно. Пришлось смириться и терпеть, тем более что уже становилось ясно, что мы одержим победу в чемпионате.

Однако я не мог в полной мере ощутить удовлетворение от этого события. Я не чувствовал себя частью коллектива — это уже ни для кого

не было тайной. Слишком много было претендентов на мое место в команде, и кому-то все равно пришлось бы уйти. Выходило, что лишним вполне могу оказаться я (по крайне мере, у меня складывалось такое ощущение). По всему выходило, что я рассматриваюсь лишь в качестве третьего номера, после Махласа и Мидо. Даже доброжелательный ко мне Лео Бенхаккер выступил в голландских СМИ со словами:

— Златану часто успешно удается начинать наши атаки. Но завершать их у него не получается. Если мы решим расстаться

с ним, то, конечно, поможем ему подыскать себе приличный клуб.

Я словно подвис в воздухе. Подобные заявления продолжались. Куман произнес следующее:

— По своим качествам Златан — наш лучший нападающий. Но для того, чтобы играть в «Аяксе» под девятым номером, нужно обладать еще и другими характеристиками. Сомневаюсь, что ему удастся их приобрести.

И началась битва заголовков. «Все решится сегодня!» — было написано в одном. «Златан выходит на трансферный рынок!» — гласил другой. Поверьте, было такое чувство, что я — чрезмерно разрекламированная звезда, от которой хотят поскорее избавиться.

Я не оправдал ожиданий. Это был мой первый серьезный прокол. Но я наотрез отказывался сдаваться. Я еше покажу всем. Эта мысль крутилась у меня в голове и днем, и ночью. И я должен был это сделать, невзирая на то, продадут ли меня или нет. Следовало показать себя с лучшей стороны, несмотря на все обстоятельства. А они складывались так, что я не мог проявить себя, не имея игрового времени. Капкан какой-то, ловушка. Все выглядело как-то безнадежно, и, сидя на скамейке запасных, я едва не подпрыгивал, глядя на поле: «Они кретины, что ли?!». Все очень напоминало давнюю ситуацию в юношеской команде «Мальмё».

Весной мы вышли в финал Кубка Голландии, где должны были встретиться с «Утрехтом» на стадионе «Де Кёйп» в Роттердаме. Эта знаменитая арена два года назад принимала финальный матч чемпионата Европы. Сейчас на дворе было 12 мая 2002 года. Трибуны были окутаны дымом от файеров, а фанаты неистово ревели. Для «Утрехта» «Аякс» — злейший враг и отличный раздражитель. Их сумасшедшие фанаты были переполнены желанием не позволить нам выиграть Кубок после нашего триумфа в чемпионате. Для нас же это была возможность сделать «дубль» и продемонстрировать, что после нескольких неудачных лет мы вернулись на прежний уровень. А мне оставалось только надеяться получить хоть какое-то игровое время.

Я провел на скамейке весь первый тайм и большую часть второго, и

наблюдал за тем, как «Утрехт» с пенальти выходит вперед в счете — 2:1. Гнетущее, поверьте мне, ощущение. Мы уступали на флангах, а фанаты «Утрехта» уже бесновались на трибунах. Неподалеку от меня стоял расстроенный Куман, в костюме и с красным галстуком. Он выглядел смирившимся. «Ну, выпусти же меня на поле, — мысленно умолял я. И на 78-й минуте это свершилось. У меня было предчувствие, что что-то должно произойти. Я был заряжен на борьбу, и мне не терпелось проявить себя. Мы полностью владели инициативой и не выпускали соперников со своей половины поля, но минуты таяли, и все шло к тому, что мы проиграем. Нам никак не удавалось поразить их ворота: я сам нанес, казалось бы, неотразимый удар, но мяч попал в штангу.

Пошло уже добавленное время, и положение выглядело безнадежным. Не видать нам победы в Кубке, а фанаты «Утрехта» уже праздновали победу. По всему стадиону развевались их красные флаги. Они затянули свои песни, орали речевки и жгли файеры. До конца матча оставалось полминуты. И тут последовал прострел в штрафную, мяч миновал нескольких защитников «Утрехта» и нашел Вамберто (еще одного бразильца в нашей команде). Возможно, он был «вне игры», но судья на линии не поднял свой флажок, и Вамберто спокойно подставил ногу и забил. Это было немыслимо: мы спаслись от поражения на последних секундах. Фанаты «Утрехта» пребывали в шоке, не веря в произошедшее. Но это было еще не все.

Было назначено дополнительное время, а в его ходе по правилам той поры исход матча мог решить так называемый «золотой гол» (или «внезапная смерть», как это принято называть в хоккее), после которого игра уже не возобновлялась. Через пять минут после начала дополнительного времени последовал навес с левого фланга в штрафную, я выпрыгнул и попытался пробить по мячу, но неудачно. А спустя мгновение мяч вновь оказался у меня. Находясь в окружении соперников, я принял его на грудь и, не дав опуститься на землю, пробил левой. Удар вышел корявый, но мяч, отскочив от газона, попал в самый угол ворот. На радостях я сорвал с себя футболку, и побежал по полю, безумный от радости и тощий, как черт (на видео можно отчетливо разглядеть мои торчащие ребра). Это был суровый сезон. На меня оказывалось большое давление, а моя игра не отличалась стабильностью. Но сейчас я вернулся. Я сделал это. Я показал им всем. И весь стадион буквально вибрировал, словно обезумевший. Одни — от радости, другие — от горя. Но особенно я запомнил, как Куман подбежал ко мне и шепнул на ухо:

— Большое тебе спасибо. Большое спасибо.

Это была такая радость, что не передать словами. Я радовался вместе с товарищами по команде и чувствовал, как уходит огромное напряжение, накопившееся за все это время.

ГЛАВА9

Она видела меня типичным югге (шведский уличный сленг для югославских иммигрантов — *прим, пер.)* с золотыми часами и модной тачкой, из которой неслась оглушительная музыка. Я был явно не для нее. Но я об этом и не догадывался.

Сидел я как-то в своем «Мерседесе SL» у форекс-обменника около вокзала в Мальмё, полагая, что круче меня в целом мире никого нет. Мой младший брат Кеки менял там деньги. В Голландии сезон закончился. Все это происходило или до, или после Чемпионата мира в Японии, не помню точно, да это не так уж и важно. Вдруг какая-то цыпочка вылетает из такси — злая, как черт.

Я подумал: это еще кто, черт возьми?

Я ее никогда раньше не видел. Я более или менее хорошо изучил Мальмё. Я приезжал сюда при первой возможности и думал, что знаю здесь все и всех. Но эта девушка... откуда она взялась? Она была не просто привлекательна. Она держалась так, что с ней никто бы просто так не стал связываться. Интриговало то, что она была старше. Я поспрашивал у людей, мол, кто это вообще. Друг мне сказал, что ее зовут Хелена. О'кей, значит, Хелена. Хелена, значит. Я не мог выбросить ее из головы.

Со мной много чего происходило тогда. Я крутился, на месте не сидел, но по-настоящему ничего не затягивало. Как-то я со сборной поехал в Стокгольм. Откуда же еше приезжают красотки? С ума можно сойти: они повсюду. Пошли мы однажды с друзьями в кафе «Опера». Там была толпа людей. Я смотрел на это место своими глазами. Может, что-то произойдет? Драка какая-нибудь, например. Здесь ведь всегда что-то происходит.

Но в те дни там было лучше. Это ведь было еше до того, как люди начали фотографировать все вокруг мобильниками. Иногда я злюсь, когда передо мной неожиданно возникает вспышка. Но тогда я просто смотрел вокруг. И неожиданно я увидел ее. Вау, да это же та девушка, с Форекса! Я подошел к ней, и попытался начать беседу: «Привет, ты ведь тоже из Мальмё!». Она рассказала о себе, о том, что где-то там работает — я ничего не понимал. Я вообще не особо вдавался во всю эту карьерную фигню. Да и жутко высокомерен я был тогда.

Я не хотел слишком близких отношений с людьми. Позже я сожалел о том, как прошла та встреча. Надо было быть вежливее. Поэтому я был рад, когда вновь встретил ее в Мальмё. Я начал видеть ее повсюду. У нее был черный «Мерседес SLK», и она часто парковалась у Lilia Torg (ресторанная площадь в Мальмё — *прим, пер.).* А я частенько проезжал там. К тому времени у меня уже был не «Мерседес SL», а красная «Феррари 360».

И об этом знал весь город. Все узнавали меня по машине, поэтому в ней

прятаться я точно не стал бы. Должен сказать, когда мне продавали «Мерседес», мне пообещали: ты будешь одним таким во всей Швеции! Чушь собачья. Я увидел такой же летом и сразу подумал: да пошли они. Машина сразу стала не нужна, и я позвонил в салон «Феррари» и спросил, продаются ли у них сейчас машины. Они сказали: да, и я сразу поехал к ним и выбрал себе одну, оставив «Мерседес» в качестве частичного платежа. Глупо, да. Я потерял деньги тогда, когда у меня с финансами было не все хорошо. Но мне было плевать.

Я гордился своими машинами. Поэтому и колесил на своей «Феррари», чувствуя себя крутым. Иногда я видел Хелену в ее черном «Мерседесе». И думал: надо что-то делать, не сидеть же и смотреть. Друг мне дал номер ее мобильного телефона, и я задумался. Должен ли я позвонить ей?

Я послал SMSc текстом: «Привет, как дела? Мы несколько раз виделись». И подписал сообщение: «Парень с красной машиной». И надо же, я получил ответ: «Девушка с черной машиной». И я подумал: может, это начало чего-то?

Я позвонил ей, и мы встретились. Поначалу ничего серьезного, просто несколько ланчей. А потом я приехал к ней в ее особняк за городом. Я смотрел на все эти дизайнерские штучки: обои, камины и все такое. Честно, я был под впечатлением. Это было что-то совершенно новое. Я никогда раньше не встречал девушку, которая бы жила вот так. И еще я не понимал, чем она занимается. Она занималась маркетингом в Swedish Match (шведская компания, производитель табачной продукции — *прим. пер.)*. И как я понял, у нее был очень высокий статус. И мне это нравилось.

У нее не было ничего общего с молоденькими девушками, с которыми я встречался. Никаких истерик. Крепкий орешек. Она ушла из дома в 17 лет, сама добилась всего. Я для нее не был су-

перзвездой. Она даже говорила: «Ты же не какой-нибудь там Элвис». Я был для нее обычным сумасшедшим зеленым пареньком, который не умел одеваться. Иногда это ее раздражало.

А я ее называл чертовски роскошной бабой. Или, в одно слово и на одном дыхании, «чертовскироскошнаябаба». А все потому, что она ходила на невероятно высоких шпильках, носила джинсы в обтяжку и меха. Прямо-таки Тони Монтана в юбке. А я все ходил в своих тренировочных костюмах. Все это было не очень-то и правильно, но это было потрясно. Настоящая страсть. «Златан, у тебя с башкой не в порядке. Ты просто чума» — говорила она, и я надеялся, что это правда. Мне было с ней хорошо.

Она вышла из самой обычной шведской семьи в Линдесберге. Из

семьи, где друг другу говорят: «Дорогой, передай мне молоко, пожалуйста». **Abot в** нашей семье временами грозились убить **друг** друга прямо за обеденным столом. Иногда я совсем не понимал, о чем она говорила. Я ничего не знал о том, чем она живет, а она не знала ничего о том, чем живу я. Я был на одиннадцать лет моложе и жил в Голландии. Я был маньяком, а мои друзья — преступниками. Не лучший вариант для брака.

Как-то летом мы с друзьями поехали в Бостад. Она организовала вечеринку с кучей знаменитостей и больших шишек. Вечеринка проходила во время теннисной недели (в Бостаде с 1948 года проводится теннисный турнир — *прим. пер.).* И мы пытались попасть туда, но нас не пускали внутрь. По крайней мере, моих друзей не пускали. Цирк, да и только. Такое все время происходило.

Например, после того, как я сыграл матч за сборную в Риге, я поздно вечером приземлился в Стокгольм и поехал в гостиницу с Олафом Мёльбергом и Ларсом Лагербеком. Игра получилась так себе. Это был отборочный матч к Чемпионату мира против Латвии, и закончился он со счетом 0:0. У меня всегда после игр проблемы со сном. Особенно тогда, когда я плохо играл. Мои ошибки словно гудели у меня в голове. И мы решили поехать в один из баров в центре, Spy Ваг. Было поздно, и мы зашли внутрь.

Правда, долго мы там не пробыли. Ко мне подошла девушка, которая вела себя очень агрессивно. Мои друзья были рядом. Если вы видите меня в городе, я наверняка буду с друзьями. Не только из-за всего этого хаоса, который окружает меня. Характер такой — я всегда зависаю с плохими парнями. Нас притягивало друг к другу, и это меня не беспокоило. Они такие же хорошие люди, как и все остальные. Но иногда ситуации выходят из-под контро-

ля. Эта девушка подошла слишком близко, сморозила какую-то тупость, начала провоцировать. И еще ее брат появился. Он начал толкаться. Ему не стоило этого делать.

С моими друзьями лучше не связываться. Один из них отвел в сторону брата, другой — девушку. Я сразу понял, что не хочу в этом участвовать. Я хотел уйти, но я был в этом баре в первый раз. Было поздно и людно, и выйти оттуда мне не удалось.

И я решил уйти в туалет. И пока я там был, вокруг царил хаос. Меня это напрягало. Я сыграл матч за сборную. Это попадет в газеты, думал я, и это будет скандал. Потом появился охранник.

Администратор хочет, чтобы вы покинули бар.

Скажи этой свинье, что только этого я и хочу.

Было 3:30 утра. Я это знаю, потому что меня сняла камера наблюдения. И что произошло потом, как вы думаете? Думаете, они засекретили эти снимки? Нет. Кончилось тем, что все первые полосы Aftonbladet (шведский таблоид — *прим.пер.)* голосили так, как будто я убил семь человек. В газетах говорили, что меня обвинили в домогательстве. Серьезно, в домогательстве? Чушь собачья, как всегда. Зато тот, кто прикоснулся ко мне, стал звездой вСМИ.

Я вернулся в Амстердам. Нам предстояло сыграть против «Лиона» в Лиге чемпионов, и я отказывался говорить с прессой. За меня это делал Мидо. Мы помогали друг другу. Нет, серьезно, это было уже чересчур. И я не удивился, когда мы узнали о том, что именно Aftonbladet убедил девушку выдвинуть обвинения. Тогда я публично объявил, что я их из-под земли достану. Я их засужу. А что в итоге? Да ничего. Только извинение. После этого я все время был начеку. Я менялся.

Много чего плохого писали в газетах. Я никогда не хотел, чтобы постоянно писали фигню вроде: «Златан тренируется», «Златан хорош», «Златан не нарушает дисциплину». Но тут явно зашли за грань. И я хотел, чтобы они больше следили за тем, как я играю в футбол. А то давненько не писали об этом ничего хорошего.

Чемпионат мира тоже оказался разочарованием. Я столько от него ожидал. И какое-то время все говорило за то, что я вообще там не сыграю. Но Лагербек и Сёдерберг взяли меня в команду. Мне они оба нравились, особенно Сёдерберг, мишка-талисман команды. Как-то во время тренировки я ради смеха поднял его вверх. Сломал ему два ребра. Он едва потом ходил, но он все равно крутой чувак.

Я был в одном номере с Андреасом Исакссоном. Он тогда был третьим вратарем. И, думаю, хорошим парнем. Но его привычки! Он ложился спать в девять вечера, а мне в то время позвонили, и я подумал: «Наконец-то с кем-то можно поболтать!». Но Андреас уже захрапел, и я повесил трубку. Не хотел его беспокоить. Я же тоже хороший парень. Но на следующий вечер телефон вновь зазвонил примерно в то же время. А он опять спал. Или притворялся спящим.

Что за хрень, Златан? — прошипел он.

А это что за хрень? Спать в девять часов? — огрызнулся я.

Еще одно слово, и я выкину твою кровать в окно.

Отличная фраза. Не из-за того, что мы жили на двадцатом эта-

же. Из-за того, что она подействовала.

На следующий день я уже жил в отдельном номере, но это был мой

последний успех на том чемпионате.

Мы попали в «группу смерти», как ее называли. С Англией, Аргентиной и Нигерией. Вокруг была такая атмосфера: великолепные стадионы, отличные газоны. Я хотел выйти на эти поля и играть больше, чем когда-либо. Но они считали меня неопытным. Поэтому усадили на лавку. И все равно в телефонном опросе меня назвали лучшим игроком матча. Бред! Меня назвали лучшим игроком матча, а я ведь даже не играл. Опять эта Златаномания. Против Аргентины я сыграл пять минут, и еше полчаса в матче 1/8 финала против Сенегала. И там у меня были моменты. Я думал, Ларе и Томми используют один и тот же состав слишком часто, не давая нам, новым игрокам, шанса. Но тогда было именно так. Я покинул команду и вернулся в Амстердам.

У меня была стратегия: не обращать внимания на то, что говорят другие, и делать свою работу. Но поначалу эта стратегия не работала, и я сидел на лавке. Бороться за места в нападении тяжело. Плюс к этому, меня критиковали. Одним из критиков был Йохан Кройфф. Он всегда говорил обо мне гадости, и у него сложилось устойчивое мнение о моей технике.

Но происходили и другие веши. Мой друг Мидо публично объявил о том, что хочет уйти. Не слишком умно, хотя нельзя сказать, что он был дипломатом. Он был, как я, даже хуже. Когда его не выпустили в старте против ПСВ, он вошел в раздевалку и назвал всех бабами. И этим он не ограничился. Я ответил ему, что если кто и был бабой, так это он сам. А он взял ножницы со стола и швырнул их в меня. Безумие. Ножницы пролетели рядом с моей головой и

раскололи плитку на стене. Я встал и ударил его пару раз. А десять минут спустя мы вышли из раздевалки, уже помирившись. Некоторое время спустя я узнал, что один из тренеров сохранил эти ножницы в качестве сувенира, который можно показывать детям. Мол, эти ножницы просвистели в сантиметре от лица Златана.

Но потом Мидо снова слетел с катушек. И Куман оштрафовал его, отправил в резерв. Но появился другой парень, Рафаэль ван дер Ваарт, голландец. Достаточно высокомерный, как многие белые ребята в команде. Хотя он даже не был из богатеньких. Рос в трейлере, вел, как он сам это называл, цыганский образ жизни. Начал играть в футбол на улицах, где штангами ворот служили пивные бутылки. По его словам, так он оттачивал свою технику. Он поступил в юношескую академию «Аякса» в десять лет, усердно тренировался. Конечно, он вырос в хорошего футболиста. За год до этого его даже назвали Талантом года в Европе или что-то такое. Но он пытался быть крутым, хотел, чтобы его выделяли и хотел быть лидером. И

с самого начала было предельно ясно, что между нами будет что-то вроде дуэли.

Но он получил травму колена, а без него и Мидо в основе против «Лиона» начинал я. Это был мой дебют в Лиге чемпионов — до этого я играл только в квалификационных матчах — и это было круто. Л ига чемпионов — это мечта, и атмосфера на стадионе была до предела наэлектризованной. Я достал отличные билеты и привел несколько друзей на матч. И я помню, как я получил хороший пас в начале матча от финна Яри Литманена. Он мне нравился.

Литманен играл за «Барселону» и «Ливерпуль», и пришел к нам совсем недавно. Но он сразу начал позитивно на меня влиять. Многие парни из «Аякса» играли только ради себя. Они хотели уйти в более топовый клуб, и возникало ощущение, что они соревнуются друг с другом, а не с соперниками. Но Литманен действительно был командным игроком. Профессионал. И когда он отдал мне пас, я пробежал вдоль боковой линии рядом со штрафной, и рядом были два защитника: один впереди, другой сбоку. В подобных ситуациях я бывал часто. Я знаю их вдоль и поперек.

Почти та же ситуация, что и с Аншо. Только теперь их было двое. Я подбежал близко к лицевой, защитники меня закрыли. Казалось, что это тупик, но я протиснулся в узкий коридор между ними, и пока я думал о том, что только что произошло, я оказался на ударной позиции и пробил. Мяч полетел низом и от штанги залетел в ворота. Я был вне себя от счастья.

Это был не просто гол. Гол-красавец. Я бежал мимо моих друзей, как псих, радовался вместе с ними. Вся команда праздновала вместе со мной. А чуть позже я забил еще один гол. Это было настоящее сумасшествие. Два гола в дебютном матче Лиги чемпионов. Сразу пошли слухи, что меня хотят купить «Рома» и «Тоттенхэм».

Все шло хорошо. А когда футбольные дела идут хорошо, в мире вообще все замечательно. Но вот с личной жизнью у меня было не очень. Я еще не привык к этому образу жизни. Все было, как в вакууме. Я много сидел дома, маялся от безделья. Я поддерживал контакт с Хеленой, в основном через SMS, без какого-либо понятия о том, что я делаю. Безумие это было или что-то еще, не знаю.

Мы играли отборочный матч к чемпионату Европы против Венгрии на стадионе Rasunda в октябре. Я рад был вернуться. Я еще не забыл скандирования прошлого года. Но мы начали отборочный цикл не очень хорошо, а стокгольмские газеты писали, что я — переоцененный футболист, который локтями выбил себе место в команде. Это была важная

игра. В случае поражения мечта о Евро стала бы призрачной. И мне, и моим партнерам по сборной было, что доказывать. Но Венгрия вышла вперед уже на пятой минуте. Не имело значения, сколько мы создали моментов, забить мы не могли. Казалось, что игра проиграна. Но на 74-й минуте Маттиас Йонсон навесил в штрафную, и я открылся, чтобы сыграть этот мяч головой. Вратарь вышел из ворот и пытался выбить мяч подальше. Не знаю насчет мяча, но меня он вырубил. Все вокруг потемнело. Я упал.

Секунд 5-10 я был без сознания. А когда очнулся, партнеры по команде стояли вокруг меня. Я не понимал, что вообще произошло. Зрители ревели от восторга, а парни вокруг меня радовались и в то же время выглядели обеспокоенными.

Гол! — сказал Ким Чельстрём.

Правда? Кто забил?

Ты! Ты головой забил!

Мне было плохо, у меня кружилась голова. Они унесли меня с поля на носилках. Пока меня несли, я вновь слышал: «Златан! Златан!» Весь стадион приветствовал меня стоя, и я помахал им. Меня это воодушевило, как и всю команду. Но при этом, счет стал лишь 1:1, а мы должны были побеждать. Ким Чельстрём заработал чистый пенальти под конец игры, но судья предпочел закрыть

глаза на нарушение. Я помню состояние, когда тебе плохо и хорошо в одно и то же время.

Но потом мне стало плохо по другой причине. По всей Швеиии ходила вирусная инфекция, и заразились около 250 тысяч человек, и я в том числе. Это повлекло за собой другую неожиданность, изменившую многое.

Это было за день до Сочельника. Я был дома у мамы. Начало сезона получилось так себе, но несмотря ни на что, я был доволен. Я забил пять голов в Лиге чемпионов. Даже больше, чем в чемпионате Голландии. Помню, Куман как-то сказал: «Эй, Златан, вообще-то еще и чемпионат есть». Меня больше стимулировал крупный турнир. В любом случае, я был дома, в Русенгорде.

Мы были в отпуске до начала января. Тогда мы должны были вернуться в расположение команды и сыграть матч в Каире. А мне нужен был отдых. Но у мамы дома было людно, стоял шум, не прекращались гвалт и ссоры. Мирным это место явно не было. Мама, Кеки, Санела и я — мы привыкли встречать Рождество, как все: обычный рождественский обед в четыре часа дня с дальнейшим открытием подарков. Это должно было быть мило. Но сейчас я не мог этого вынести. Меня мучили мигрени, и ныло все тело.

Мне надо было куда-то выбраться, в спокойное место. Или, в крайнем случае, поговорить с кем-нибудь не из семьи. Но кому я бы мог позвонить?

Каждая семья встречает Рождество по-своему. Это святое. Может, Хелена? Я набрал ее, особо ни на что не надеясь. Она ведь все время работала, и, скорее всего, была с семьей в Линдесберге. Но нет, она ответила, она была у себя дома. Она сказала, что не любит Рождество.

Мне плохо, — сказал я.

Бедняжка.

Я не могу терпеть весь этот цирк дома!

Ну тогда приезжай ко мне. Я о тебе позабочусь.

Честно, меня удивил ее ответ. Мы в основном встречались за кофе и переписывались. Ночей у нее дома я еще не проводил. Но да, конечно, звучало это отлично. И, извинившись перед мамой, я свалил.

Ты теперь и Рождество с нами не проведешь?

Извини.

За городом было спокойно и тихо. Как раз то, что нужно. Хелена уложила меня в постель. Не казалось странным, что я провожу

Рождество с ней, а не со своей семьей. Это было одновременно естественно и необыкновенно. Но все равно, мне было плохо.

Я все еще был слаб. Но я пообещал отцу, что приеду к нему на следующий день, в Сочельник. Он не празднует Рождество. Он сам по себе, и на Рождество он занимается своими делами. С того дня в Мальмё у нас с ним были отличные взаимоотношения. Детские обиды давно были позади. И он даже смотрел некоторые матчи. Из уважения к нему я сменил «Zlatan» на «Ibrahimovic» на своей форме.

Но когда я приехал, он уже был в стельку пьян. Так что, не оставаясь там ни секунды, я поехал обратно, к Хелене.

— Как, уже вернулся?

-Да.

Это все, что я мог тогда ответить. Чувствовал я себя просто отвратительно, температура была под 41. Клянусь, я никогда так дерьмово себя не чувствовал. Это был какой-то супергрипп. Три дня я был никаким. Хелене приходилось водить меня в душ, менять мокрые от пота простыни. У меня кружилась голова, и я не мог связать два слова: речь была похожа на скулеж. Возможно, это что-то для нее значило. До этого момента я для нее был дерзким югге. Забавным парнем, который играл в мафиози, водил модные тачки. Надеюсь, что забавным. Но не для нее.

А теперь я был развалиной. По ее словам, ей это даже как-то нравилось. Я стал человеком. Когда мне стало получше, она взяла в прокате несколько

фильмов. И я впервые посмотрел шведские криминальные фильмы, одним из которых был «Комиссар Мартин Бек» (шведский сериал, выходивший в эфир с 1997 по 2009 годы — *прим.пер.).* Для меня это было пробуждением. И откровением: оказывается, шведы могут творить такое! Меня зацепило, и мы сидели вместе, смотрели серию за серией. Мы отлично проводили время. Но парой мы еще не стали.

В эти дни ее часто не было дома. Она ходила на работу, а затем возвращалась и ухаживала за мной. Конечно, иногда мы не понимали друг друга. И мы до сих пор не знали, чего нам хотелось. Ведь мы по-прежнему были такими разными. Это было неправильно. Но думаю, что так все и началось. Быть с ней рядом очень хорошо, и я очень скучал по ней, когда вернулся в Голландию.

Как-то я спросил у нее, не хочет ли она приехать ко мне. Она согласилась и навестила меня в Димене. Это было мило. Но моим маленьким домиком она, мягко говоря, не была впечатлена.

К тому времени мне начало нравиться жить там. И холодильник был всегда полным.

Но, по ее словам, был тот еще беспорядок. Она помыла все полы у меня дома. Говорила, что у меня всего лишь три тарелки, да и те не сочетаются. А стены вообще странные. Смесь фиолетового, желтого и персикового цветов, и в плюс к этому — зеленый ковер. Никакой гармонии. Полная катастрофа. Да еще и я, одетый, как лузер, который только и делает, что лежит в кровати и играет в видеоигры, от которых повсюду провода. Никакого порядка. А я говорю: «Чертовски роскошная баба».

Чертовскироскошнаябаба, на одном дыхании.

Когда она уехала, я снова скучал по ней. И начал звонить и писать ей все чаще. От этого мне стало спокойнее. Боже, она классная. Она всему меня учила. Например, тому, как выглядят вилки и ножи для рыбы. Или тому, как надо пить вино. До того момента я думал, что дорогие вина пьют так же, как и молоко. Нет, нет и еще раз нет. Его надо медленно потягивать. Я начал это понимать. Но это не делало меня спокойнее. Я все время продолжал возвращаться в Мальмё, и не только для того, чтобы увидеться.

Как-то я привел в ее дом некоторых моих друзей. Мы бегали по ее гравийным дорожкам, и ее это взбесило. Она заорала на нас, мол, они же были ровными, а сейчас... Меня, конечно, замучила совесть. Надо было что-то делать с этим. Я отправил моего младшего брата. Он пришел, взял в руки грабли. Но мы никогда не работали в семье граблями или другими инструментами. Посему брат не преуспел. И я вновь услышал в свой адрес,

что я тупой. Забавно.

В другой раз я ей дал ноутбук. Но мы поссорились чуть позже, и я решил забрать его у нее. И вновь Кеки получил от меня задание: вернуть его. Кеки обычно делает то, что я ему говорю. Ну, по крайней мере, иногда. Он пошел к ней. Что, вы думаете, там произошло? «Пошел в задницу» — сказала Хелена. Не вернула она ноутбук, но вскоре мы вновь стали друзьями. Но это был кошмар.

Взять случай с петардами, например. Мы купили их у одного чувака, который сам делал их дома. Они были очень мощными. И тогда у нас был друг, хороший парень, который владел одной забегаловкой в Мальмё. Мы решили взорвать что-нибудь у него, смеха ради. А для этого нам нужна была машина, которая с нами не могла быть связана. У Хелены было много связей, и я спросил у нее:

Ты можешь достать мне внедорожник?

И она достала мне «Лексус». Она думала, что мы что-то хорошее сделаем. Мы поехали к другу и оставили петарду у него в почтовом яшике. И этот ящик взлетел на воздух. Был очень громкий взрыв. Яшик разлетелся на миллионы кусочков. Той же ночью мы позвонили Кеки.

Хочешь развлечься? — спросили мы у него.

Возможно, он и не хотел. Но мы поехали в дом его девушки. Они спали, а мы подбросили две петарды в их сад. И здесь был сильнейший взрыв, полно дыма, грязи, кусков лужайки. Конечно, девушка выскочила, крича на ходу: «Какого хрена тут произошло?». А Кеки решил дурачка сыграть: «Боже, что это было? Так странно! И страшно...» Конечно, он обо всем знал. И придуривался. Мне бы иногда надо попридуриваться, особенно сегодня. Но в «Аяксе» было не до того, это был мой самый безумный период. Это было еще до влияния Мино Райолы и Фабио Капелло.

Помню, как мы покупали мебель для брата в «Икеа». Он мог выбирать все, что хотел. Тогда я уже снова часто помогал семье. Купил маме дом в Свагерторпе; машину отцу, который не хотел никаких подарков. В «Икеа» со мной был друг, и мы укладывали все, что хотели купить, в тележки. Одна из них откатилась и проехала мимо контрольного пункта. Мой друг сразу просек фишку. Я настоял:

Не останавливайся, иди, иди!

Так мы взяли кое-что из этого бесплатно. Это было круто. Не подумайте, что это вопрос денег. Это приключение, это удовольствие. И это адреналин. Как в детство вернулся, в универмаги.

Конечно, порой мы перебарщивали. Как с «Лексусом», например. Его

нашли в каком-то сомнительном месте, и повсюду сообшили об этом. Это привело Хелену в замешательство. «Машину, которую ты взяла напрокат, нашли там, где была обнаружена бомба!» Она была выставлена в плохом свете из-за меня. Прости, Хелена.

Потом появился «Порше Кайенн». Она достала его таким же образом. Но мы его немного повредили, попав в аварию, возвращаясь домой из Бостада. Она разозлилась. Но верхушкой этого айсберга стало ограбление. Хелена много работала. Не только в маркетинге, но еще и в ресторанах. Она не только загородный дом себе купила, но и мебель, мотоцикл, новейшую аппаратуру и кучу других приятных мелочей. Чтобы все это купить, она очень много

работала. И поэтому вдвойне больно, когда кто-то вламывается и крадет ее технику и прочее. Я это понимаю.

А Хелена думала, что я знаю, кто это сделал. До сих пор думает. Но, честное слово, я без понятия. У меня, конечно, много связей в старом районе. Мы узнаем обо всем, что происходит. Однажды я припарковался рядом с домом мамы, и кто-то украл колеса с моего «Мерседеса SL». В пять утра я об этом узнал. Уже ходили разные слухи. Уже была полиция, пресса. Я не выходил на улицу. Но я начал искать, и долго это делать не пришлось. Я нашел парня, который украл колеса, и через неделю он их вернул. Но я так и не смог найти того, что проник в дом Хелены. И порой я не понимаю, как она со мной помирилась. Ведь она связалась с маньяком. Но она со мной помирилась. Сильный поступок. И думала, она вполне осознавала, что ее ждет.

Когда-то я был в основном сам по себе. Мне не с кем было поговорить. Ни о повседневной жизни, ни о том, что беспокоило бы меня лично. Теперь моя жизнь как-то упорядочена. Есть человек, по которому я всегда буду скучать. Хелена приезжала все чаще и чаше. Мы стали маленькой семьей. Особенно после того, как у нас появился толстый мопс, Хоффа. Мы его кормили пиццей и моцареллой в Италии.

Но до этого много чего еще случилось. Моя карьера пошла в гору. А я не переставал кому-то что-то доказывать.

ГЛАВА 10

В моей жизни было много Марко ван Бастена. Я унаследовал его номер. Полагали, что я и на поле буду таким, как он. Конечно, это льстило, но я начал уставать от этого. Не хотел быть новым ван Бастеном. Я был Златаном, и никем другим. Порой хотелось кричать: хватит, надоело, не говорите больше о нем, я уже наслушался. Но, разумеется, было круто,

когда ты встречаешь его лично, и думаешь: вау, он со мной разговаривает!

Ван Бастен — легенда, один из лучших нападающих всех времен. Может, он не так хорош, как Роналдо, но все же он забил более двухсот голов и играл значимую роль в «Милане». Около десяти лет назад ФИФА назвала его лучшим футболистом мира, а сейчас он проходил тренерские курсы и собирался стать ассистентом молодежной команды «Аякса» — его первый шаг на этом поприще. Поэтому мы часто сталкивались на тренировках.

Сначала я был рядом с ним маленьким мальчиком. Но я привык. Мы разговаривали почти каждый день, порой дурачились. Перед каждым матчем он подбадривал меня. Во время бесед мы шутили и даже спорили.

Ну, сколько ты сегодня голов забьешь? Думаю, что один.

Один? Да брось. По крайней мере, два.

Чушь собачья! Хочешь поспорить?

Сколько ставишь?

В таком духе общение и продолжалось. Он давал мне много советов. Потрясный мужик. Он делал все по-своему и плевать хотел на то, что о нем думают наверху. Он был полностью независимым. Меня критиковали за то, что я мало помогаю защитникам, потому что я просто стою на поле, когда соперники атакуют. Конечно, я об этом думал. И не знал, что с этим делать. Я спросил ван Баетена, что он думает по этому поводу.

Не слушай тренеров! — сказал он.

Почему это?

Не трать силы на оборону. Эти силы тебе понадобятся в нападении. Лучшее, что ты можешь сделать для команды — атаковать и забивать голы, а не выжимать себя в защите.

Я запомнил: надо экономить силы, чтобы забивать голы.

Мы поехали на сборы в Португалию. К тому времени Бенхаккер ушел с поста технического директора. Его сменил Луи ван Гал. Пафосный тип. Типа Ко Адриансе. Диктатор без какоголибо намека на чувство юмора. Как игрок он ничем не выделялся, но у него был высокий статус в Голландии, потому что он выигрывал с «Аяксом» Лигу чемпионов в качестве главного тренера. Он получил за это государственную награду (в 1997 году ван Гал был награжден орденом Оранских-Нассау, вручаемым монархом Нидерландов за особые заслуги перед государством — *прим. пер.)*. Ему нравилось говорить о тактических установках. Он был одним из тех, кто судил об игроках по номерам. Пятерка играет там, шестерка играет тут. Поэтому я был счастлив, когда я не видел его. Но в Португалии отделаться от него не получалось.

Я должен был встретиться с ван Галом и Куманом и выслушать, что они думают о моем начале сезона. Эта встреча из тех, где тебя оценивают (в «Аяксе» это любят). Я зашел в комнату, сел перед ними. Куман улыбнулся, ван Гал выглядел сердито.

Златан, — сказал Куман. — Ты очень хорош, но ты получаешь восьмерку. Ты мало работаешь в обороне.

Ладно, хорошо, — ответил я и собрался уходить.

Мне нравился Куман, но с ван Галом смириться я никак не мог. Я подумал: ну отлично, восьмерка — это очень неплохо.

Я могу идти?

Ты знаешь, как играть в защите? — вмешался ван Гал. Я заметил, как это взбесило Кумана.

Ну, я надеюсь, — ответил я.

После этого ван Гал начал мне объяснять. Поверьте, я все это слышал раньше: девятка убегает защищать правый фланг, когда десятка смещается влево, и наоборот. Он рисовал все эти стрелки. Закончилось все достаточно сильно:

Понятно тебе? Ты понимаешь, к чему это все?

Я подумал, что это психологическая атака.

Вы можете среди ночи разбудить любого футболиста, — сказал я, — и спросить его, как надо играть в обороне, и они вам скажут, что девятка идет туда, а десятка — сюда. Мы все это знаем, и

мы знаем, что вы это придумали. Но я работаю с ван Бастеном, а он думает иначе.

Что, прости?

Ван Бастен сказал, что девятка должна беречь силы для игры в атаке. И, честно говоря, теперь я не знаю, кого мне слушать: ван Бастена, легенду, или ван Гала?

И что вы думаете? Ему это понравилось? Он был в ярости. Кого мне слушать, легенду или ван Гала?

Мне нужно идти, — сказал я и свалил оттуда к чертям.

Много говорили об интересе «Ромы», которую тренировал Фа-

био Капелло. Очень суровый мужик. Он без проблем мог усадить человека на лавку или наорать на него, звезда он или нет. Капелло тренировал «Милан», когда там блистал ван Бастен, и именно Капелло зажег его звезду. Поэтому я поговорил с ван Бастеном по этому поводу.

Что ты думаешь? «Рома» — это круто? Я справлюсь?

Оставайся в «Аяксе», — ответил он. — Тебе надо стать более классным нападающим прежде, чем ты поедешь в Италию.

Почему?

Там все гораздо серьезнее. Здесь у тебя есть пять или шесть моментов забить по ходу матча, но в Италии у тебя будет только один шанс, или два. И ты должен уметь использовать этот редкий шанс.

Конечно же, я согласился с ним.

Но до конца я это еще не усвоил. Я забивал голы, но мне еще многому надо было научиться. Например, надо было стать более эффективным в штрафной площади. Но Италия оставалась моей мечтой. Всегда ей была. И я верил в то, что мой стиль игры подходит этому чемпионату. Поэтому я пошел к своему агенту, Андерсу Карлссону:

Есть что-то интересное для меня?

Конечно, Андерс хотел для меня самого лучшего. Он проверил и вернулся, но с чем?

«Саутгемптон» интересуется тобой.

Что за фигня? «Саутгемптон»?! Это что, мой уровень? Саутгемптон!

За это время я купил «Порше Турбо». Отличная тачка, но убийственная. Как будто карт. Я был маньяком за рулем. Мы с другом на ней поехали в Смоланд (городок в 320 километрах от Стокгольма — *прим, пер.),* и я вдавливал педаль газа в пол. Выжимал

250 км/ч. Вроде ничего особенного. А когда я затормозил, то мы услышали полицейскую сирену.

За нами были копы, и я подумал: влипли. Что делать? Могу остановиться и извиниться. Вот мои права. Но я ж в газеты попаду! Оно мне надо? Поможет ли моей карьере информация о том, что я псих за рулем? Едва ли. Я оглянулся. За нами ехали четыре полицейские машины. Хоть у меня и были голландские номера, они меня явно не догоняли. Я подумал, что у них нет шансов, втопил газ в пол, разогнался до 300 км/ч. Сирены звучали громко, но потом тише, еще тише. Полицейские машины исчезали из зеркала заднего вида. И потом их стало вовсе не видно. А мы заехали в туннель и стали ждать там, как в кино. Мы сделали это.

С этой машиной много чего было связано. Помню, как-то я подвозил Андерса Карлссона, моего агента. Сначала в отель, потом в аэропорт. На одном перекрестке был красный. Но блин, не в этой же тачке. Я поехал дальше, а он сказал:

По-моему, там был красный.

Да? — ответил я. — Я не заметил.

И поехал дальше. В городе я очень быстро гонял, а он просто сидел сзади и офигевал. Когда мы приехали в отель, он открыл дверь и ушел, не сказав ни слова.

На следующий день он позвонил мне. Он был очень злым:

Это было худшее, что со мной когда-либо происходило.

Что? — сказал я. Прикинулся, что не понял, о чем он.

Эта поездка.

Андерс Карлссон мне не подходил. Это становилось все более и более очевидно. Нужен был другой агент, который бы не боялся нарушать правила, останавливаться у знаков «STOP». Мне повезло, что Андерс ушел из IMG. Он собирался открыть свою фирму. Он дал мне новый контракт на подпись. Пока я этого не сделал, я был свободен. И как я должен был распоряжаться своей свободой? Без понятия. И к тому времени было мало людей, с которыми я мог поговорить о футболе.

Ну, Максвелл, партнеры по команде. Но это все не то. Везде была конкуренция. Я не знал, кому мог доверять. Особенно когда дело касается агентов и трансферов. Все хотят попасть в топ-клуб, и мне надо было поговорить с кем-то из другой среды. Я подумал о Тейсе.

Тейс Слегерс — журналист. Он брал у меня интервью для Voetbal International (голландский футбольный журнал — *прим. пер.)*. И мне он нравился. После интервью мы говорили по телефону. Он был тем, с кем я мог обменяться идеями, он был в теме. Он знал, кем я был, и с кем я мог общаться. Я позвонил ему и объяснил ситуацию:

Мне нужно сменить агента. Кто мне лучше всего подойдет?

Дай подумать, — ответил он.

Конечно, я дал ему время подумать, ведь я ничего не хотел делать преждевременно.

Слушай, — позже сказал он. — Есть два варианта. Один работает в компании, которая работает на Бекхэма. Он хорош. И есть еще один агент. Но...

-Что?

Он мафиози.

Мафиози? Отлично звучит! — отвечаю я.

Я подозревал, что ты скажешь что-то такое.

Отлично. Назначь с ним встречу.

Чувак на самом деле не был мафиози. Просто стиль такой. Его звали Мино Райола, я о нем раньше слышал. Он был агентом Максвелла, и через него он пытался войти в контакт со мной пару месяцев назад. Он так работает: всегда через посредников. Он всегда говорит: «Если ты подходишь к ним сам, ты кажешься слабым». Но со мной этот номер не прошел — я-то сам дерзкий. Ну я и сказал Максвеллу: «Если он может предложить что-то конкретное, пусть покажется лично, иначе мне это не

интересно». А Мино передал на это такой ответ: «Скажи этому Златану, что пускай идет к такой-то матери». Хоть я и рассердился, но это меня мотивировало. Я о нем кое-что узнал и понял, что он рос в атмосфере вечных посылов к черту и всего такого. У меня так и дома общаются, и я понял, что росли мы с Мино в схожих условиях. Нам обоим ничего не доставалось просто так. Мино родился в Южной Италии, в провинции Салерно. Но когда он еще был ребенком, его семья переехала в Голландию и открыла пиццерию в городе Харлем. В детстве Мино пришлось работать посудомойщиком, а позже — и официантом. Но пацан вырос. Он научился жить по средствам.

Он добивался всего сам. Успевал везде: изучал право, создал свой бизнес и учил языки. А еще он любил футбол и хотел в молодости быть агентом. В Голландии была дурацкая система, по которой игроков, основываясь на возрасте и какой-то статистической хрени, можно было продавать бесплатно. А Мино был против этого. Он даже судился однажды с футбольной федерацией, и он начинал, уже сотрудничая со знаменитостями. В 1993 году он поспособствовал трансферу Бергкампа в «Интер», а в 2001 году помог Недведу перейти в «Ювентус» за 41 миллион евро.

Крутым он еще не был, но говорили, что его репутация на подъеме. Он везде мог найти лазейки, какие-то обходные пути. Мне это нравилось. Я не хотел опять быть паинькой. Я хотел получить хороший контракт. Поэтому я решил впечатлить этого Мино. Когда Тейс назначил встречу в гостинице «Окура» в Амстердаме, я надел свою крутую коричневую кожаную куртку от Gucci. Я уже не хотел быть придурком в спортивных штанах и, конечно, не хотел, чтобы меня снова надули. Я надел золотые часы и поехал туда на «Порше», который припарковал снаружи.

Захожу я, значит, в «Окуру». Вот это отель! Он расположен рядом с отелем «Амстел канал», роскошен до невозможности! Я подумал: ну вот оно, надо держаться крутым. Пошел в суши-бар, ведь там мы забронировали столик. Я не знал, какого мне человека ожидать. Возможно, он будет в крутом полосатом костюме, и с золотыми часами покруче моих.

И что это за хрен появился? Парень в джинсах, в футболке Nike. И еще и с пузом. Вылитый мафиози из «Клана Сопрано».

И этот Санта Клаус — агент? Плюс ко всему, когда мы сделали заказ, что вы думаете? Думаете, что мы взяли немного суши с авокадо и креветок? Мы заказали еды, которой хватило бы и на пятерых. И он просто стал запихивать в себя все это. Но потом мы начали разговор, и он сразу же начал с дела. Никакой элегантной фигни, никакой пыли в глаза, я это сразу

понял. И сказал себе: это хорошо, я хочу работать с этим парнем. Думаем-фп мы одинаково. Я уже готовился пожать ему руку и начать сотрудничество.

Но знаете, что этот самодовольный ублюдок сделал? Он вытащил четыре листа А4 с распечатками из Интернета, на которых было много имен и цифр. К примеру: Кристиан Вьери — 27 матчей, 24 гола. Филиппо Индзаги — 25 матчей, 20 голов. Давид Трезеге — 24 матча, 20 голов. И в конце — Златан Ибрагимович — 25 матчей, 5 голов.

Ты думаешь, что я могу продать тебя с такими показателями? — сказал он. Это еще что, опять психологическая атака?

Если бы я забил 20 голов, даже моя мама смогла бы меня продать, — парировал я, и тогда он успокоился. Он хотел засмеяться, сегодня я это знаю. Но тогда он продолжил свою игру. Не хотел терять инициативу.

Ты прав. Но...

Ну что еще тебе надо? Я подумал, он опять попытается напасть.

Думаешь, что ты весь из себя крутой, да?

Ты о чем?

Думаешь, что можешь удивить меня часами, курткой, «Порше». Знаешь, что-то вообще не впечатляет. Это так...нелепо.

Ок-ок, нелепо так нелепо.

Ты хочешь быть кем: лучшим в мире, или тем, кто до хрена зарабатывает и ходит по улице во всем этом?

Лучшим в мире!

Отлично! Потому что если ты хочешь быть лучшим в мире, то ты много чего еще добьешься. А если это все ради денег, то ничего этого не будет, понимаешь?

Понимаю.

Обмозгуй это, и свяжись со мной потом, — сказал он, и встреча была закончена.

Я вышел из отеля с мыслями, мол, подумаю об этом потом. Я по-прежнему могу быть крутым и заставить его ждать. Но нет. Я даже до машины не дошел, а мне уже хотелось позвонить. Что я и сделал.

Слушай, я не могу ждать, хочу работать с тобой прямо сейчас.

Он притих. И потом ответил:

Ну ладно. Но если хочешь работать со мной, то делай, как я тебе скажу.

Да, хорошо.

Ты продашь свои машины, свои часы и начнешь тренироваться в три раза усерднее. Потому что твоя статистика — дерьмо.

«Твоя статистика — дерьмо»! Я должен был сразу послать его к чертям.

Продать машины? А они-то ему чем не угодили? Далековато он зашел, однако. Но... он ведь был прав, разве нет? Я отдал ему свой «Порше Турбо». Не для того, чтобы казаться послушным мальчиком, а просто, чтобы избавиться от нее. Я бы убился на этой машине. Но на этом дело не остановилось.

Я начал ездить на чертовски скучной клубной машине, «Фиат Стило», и снял золотые часы. Вместо них нацепил ужасные часы Nike. И вновь ходил в тренировочном костюме. Трудное время настало. Я начал тренироваться, как сумасшедший. Я доводил себя

до грани. И до меня начало доходить, что все это правда. Я был слишком доволен собой и всем вокруг. Думал, что я крутой парень. Это был неправильный подход.

Я и вправду ленился и забивал не так много голов. Я не был достаточно мотивирован. Я это понимал все больше и больше. И начал больше отдаваться тренировкам и матчам. Но поначалу такая перемена трудно давалась. Я начал уставать, но к счастью, возможности отдохнуть не было. Мино был тут как тут.

Тебе нравится, когда люди говорят тебе, что ты лучший?

Да, наверное.

Это вранье. Ты не лучший. Ты дерьмо. Ты никто. Работай еще больше.

Да сам ты дерьмо! Только и делаешь, что ноешь. Сам иди тренируйся.

Пошел вон!

Сам пошел!

Да, мы агрессивно вели себя друг с другом. Но это только выглядело так. Нас так вырастили. Я постепенно начал понимать, что да, я действительно ничего из себя не представляю. А он реально преуспел в том, чтобы изменить меня. Я начал сам себе говорить все это: «Ты никто, Златан. Ты дерьмо. Ты даже наполовину не так хорош, как мог бы быть! Тренируйся больше!»

Это меня стимулировало, и я начал даже мыслить, как победитель. Тренер уже не посылал меня домой, даже разговоров таких не было. Я отдавал всего себя в любой ситуации. Я хотел выиграть каждый матч и каждый турнир. Даже на тренировках. Как-то я почувствовал боль в паху. Но мне было плевать, я просто продолжил. Решил не сдаваться. Мне было все равно, пускай будет хуже. Я терпел боль. Некоторые другие игроки тоже были травмированы, но я не хотел доставлять тренеру больше проблем, чем уже было. И я играл на болеутоляющих, пытаясь полностью игнорировать это дерьмо. Но Мино все видел и все понял. Он хотел, чтобы я много тренировался, но не ломал себя.

Парень, так нельзя, — сказал он. — С травмой играть нельзя.

Я наконец понял, что это серьезно, и сходил к специалисту.

Было принято решение, что мне нужна операция.

В медицинском центре в Роттердаме мой пах привели в порядок. Но мне потом пришлось набираться сил в клубном бассейне. Это не круто. Но Мино сказал тренеру по физподготовке, что для меня это фигня.

— Да он только и делал до сих пор, что дурака валял. Сейчас ему надо быть полностью готовым. Нагружай по полной! ·

Пришлось надеть чертов пульсометр и какой-то спасательный жилет, который держал меня на поверхности. И я бегал в воде, пока не кончились силы. После этого мне хотелось блевать. Я просто лег у бассейна. Хотел просто упасть и отдохнуть. Не мог пошевелиться. Сил вообще не осталось. И в один момент я захотел отлить. И чем дальше, тем хотелось все больше и больше. Но сил вообще не осталось! У бассейна была какая-то дырочка. Что мне оставалось? Я туда и отлил. И потом я вновь не мог пошевелиться.

В «Аяксе» у нас было правило: нам не позволяли идти на обед, пока не прозвучало слово «Свободны». Я всегда бежал за едой, еще не услышав первого звука. Я всегда был голоден, как волк. А сейчас я даже головы поднять не мог. Неважно, как громко и долго они бы кричали, я бы просто лежал дальше пластом у бассейна.

Так продолжалось две недели. Странно то, что это была не просто сверхнагрузка. Что-то в этой боли было приятным. Я был рад возможности напрячь себя до полного изнеможения, и я начал понимать, что значит тяжелая работа. Я перешел на новый уровень. Я почувствовал себя сильнее, и эта сила была со мной надолго. Когда я возвращался с физиотерапии, я полностью выкладывался на поле, и я начал доминировать.

Я стал самоуверенным. Начали появляться постеры в духе «Златан — сын бога». Люди выкрикивали мое имя. Я стал лучше. Лучше, чем когда-либо. Это было замечательно. Но, как всегда, когда кто-то начал блистать, обязательно найдутся завистники. В команде уже присутствовало какое-то напряжение, в частности среди молодых игроков, которые хотели, чтобы их заметили и продали в топ-клубы.

Думаю, что Рафаэль ван дер Ваарт был одним из самых недовольных. Рафаэль, пожалуй, был одним из самых популярных игроков в стране, любимцем фанатов, в особенности тех, кто не любит легионеров. Рональд Куман сделал его капитаном, хотя ему еще не было даже 21 года. Я уверен, его эго раздулось в этот момент. И теперь он стал основной добычей таблоидов. Он начал встречаться с какой-то селебрити, и, возможно, ему

трудно было смириться с моими успехами в такой ситуации. Готов поспорить, что Рафаэль видел себя яркой звездой и не хотел иметь никаких конкурентов. Хотя не знаю. Он отчаялся сменить клуб, как и многие из нас. Он хотел что-то делать, чтобы двигаться вперед.

Л

¦у **>г?й(в**

ш.

ШШ}Ч·й» й. JL й',»

Vi®. ейО ***шшвк*** *'О"'¦

Bvwv xwfy ????1??

iifk ??.}: /

1 **1™МЖ^**

Златан Ибрагимович, Давид Лагеркранц

Но скажу еше раз: я его не знал, и мне было на него плевать.

Было начало лета 2004 года. А в августе между нами отношения обострились, как никогда. В мае и июне все было нормально. Мы выиграли

очередной титул, и моего друга Максвелла выбрали лучшим игроком чемпионата. Я был счастлив за него. Никаких обид, не на него уж точно. Помню, как-то мы поехали в Харлем поесть пиццу. Атам вырос Мино, и я поговорил с его сестрой. Кое-что из сказанного ей удивило меня. Это было об их отце.

Папа начал ездить на «Порше Турбо». Это несколько странно. У него раньше была другая машина. Это имеет отношение к тебе?

Твой папа...

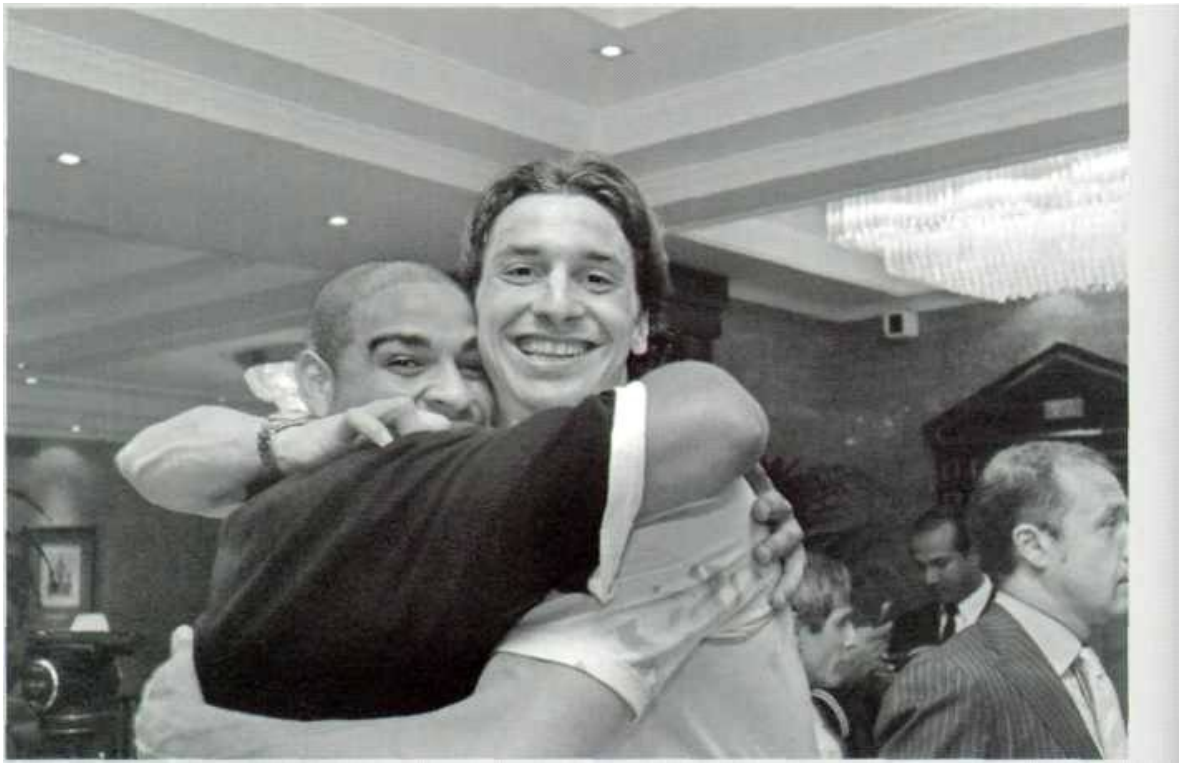
Я скучал по «Порше», но я надеялся, что теперь он находится в лучших руках. Тем летом я хотел держаться подальше от безумных поступков и сфокусироваться на футболе. Приближался Чемпионат Европы в Португалии. Мой первый международный турнир, когда я закрепился в сборной Швеции. Помню, как мне позвонил Хенрик «Хенке» Ларссон. Он был примером для подражания, лично для меня. Он тогда как раз заканчивал играть в «Селтике», и летом должен был перейти в «Барселону». А после поражения от Сенегала на Чемпионате мира он заявил, что никогда не будет больше играть за сборную, потому что хочет проводить больше времени с семьей. Конечно, с ним никто и не думал спорить.

Но его не хватало. В нашей группе была сборная Италии, и нам нужны были сильные игроки, на которых можно положиться. А многие люди после того заявления, наверное, потеряли веру в него. Но теперь он сказал, что сожалеет о своем решении и хочет вернуться в состав. Я воспрял духом.

Теперь в нападении играли мы вдвоем, что делало нас сильнее. С каждым днем давление на нас возрастало, и все больше и больше людей говорило о том, каким получится мой международный прорыв. И я понял, что все — и скауты, и тренеры из-за рубежа — будут наблюдать за мной. За несколько дней до начала турнира вокруг меня толпились фанаты и журналисты. И в таких ситуациях я был рад, что Хенке был рядом. Его самого не оставляли в покое, но те беспорядки, что крутились вокруг меня, были полнейшим безумием. Никогда не забуду, как спросил у него:

Твою ж мать, Хенке, что мне делать? Если кто и знает, так это ты. Как с этим всем справиться?

Извини, Златан. Ты теперь сам по себе. Никогда прежде игрок сборной Швеции не попадал в такой цирк!



«Интер» — чемпион Италии

Ибрагимович – лучший бомбардир Серии А

Ибрагимович и Месси

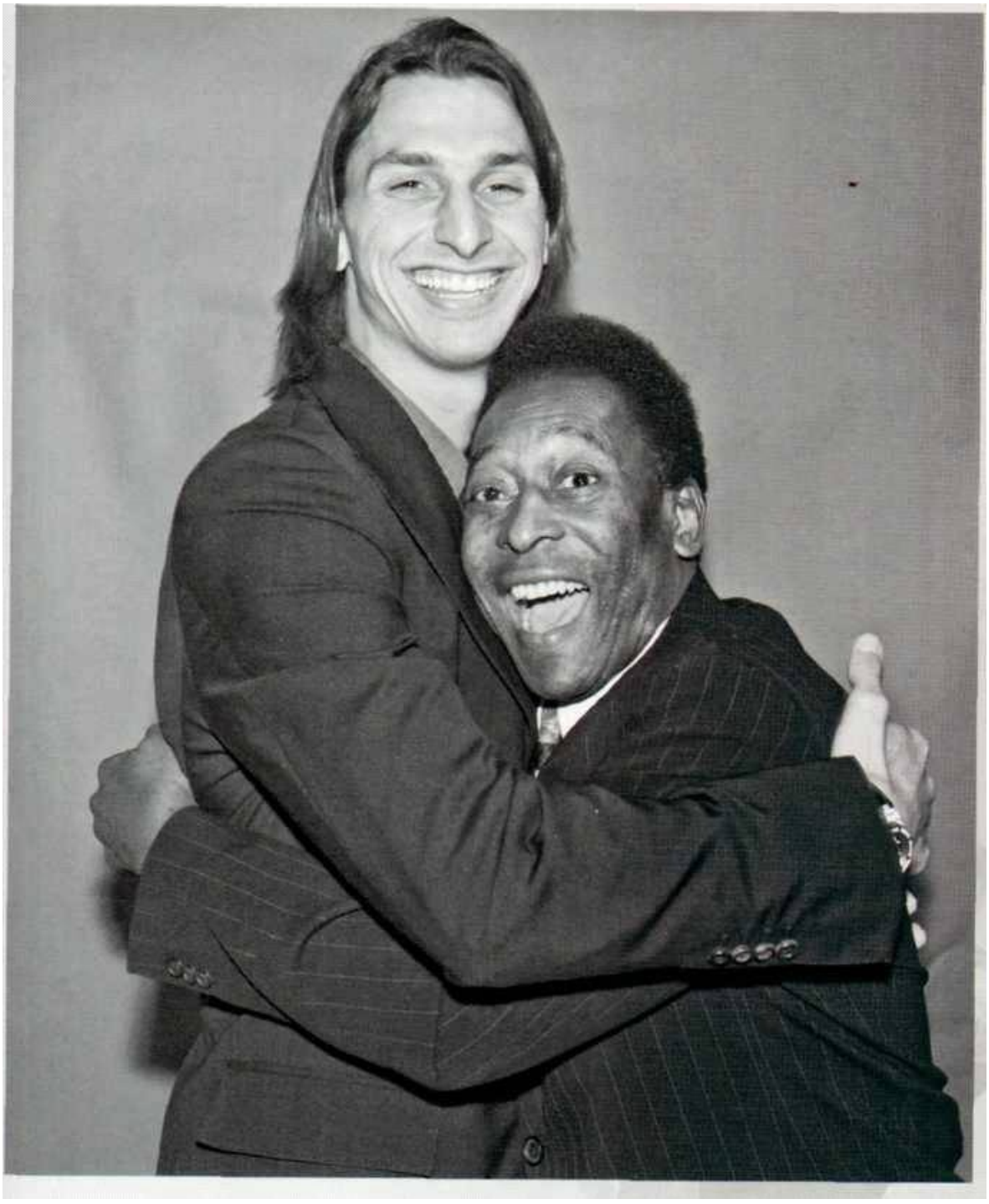
«Король»
в собственном

Уютное семейное гнездышко в Лимхамне

Ибрагимович, Гвардиола и Моуринью

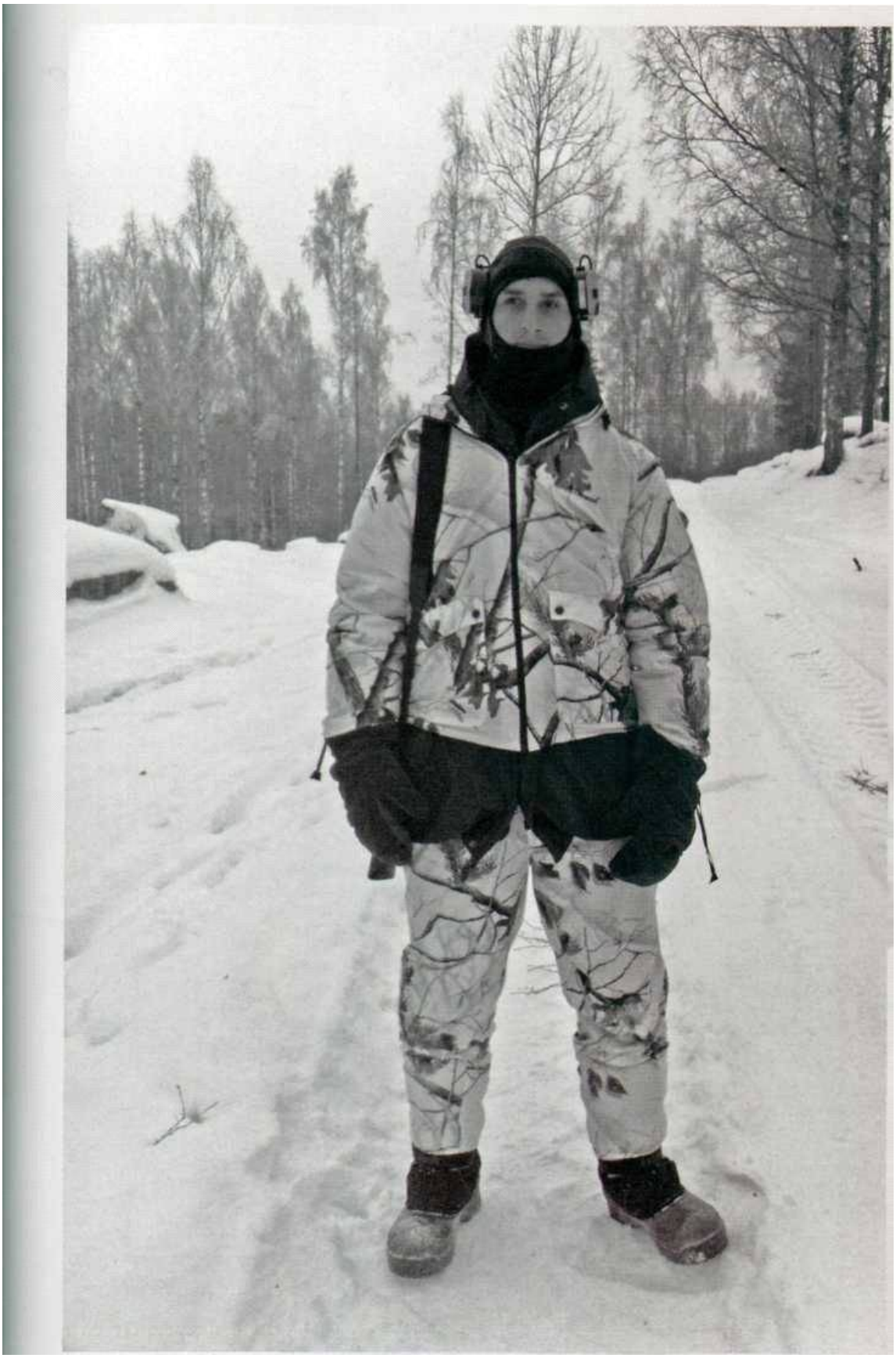
С Тьерри Анри в «Барселоне»

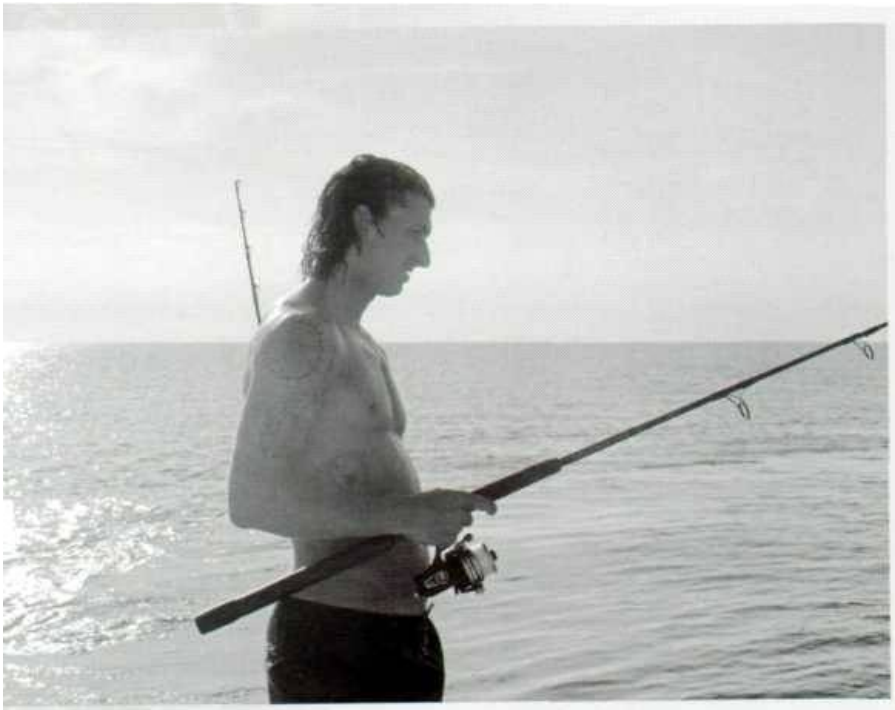
В Милане с Мино Райолой и детьми

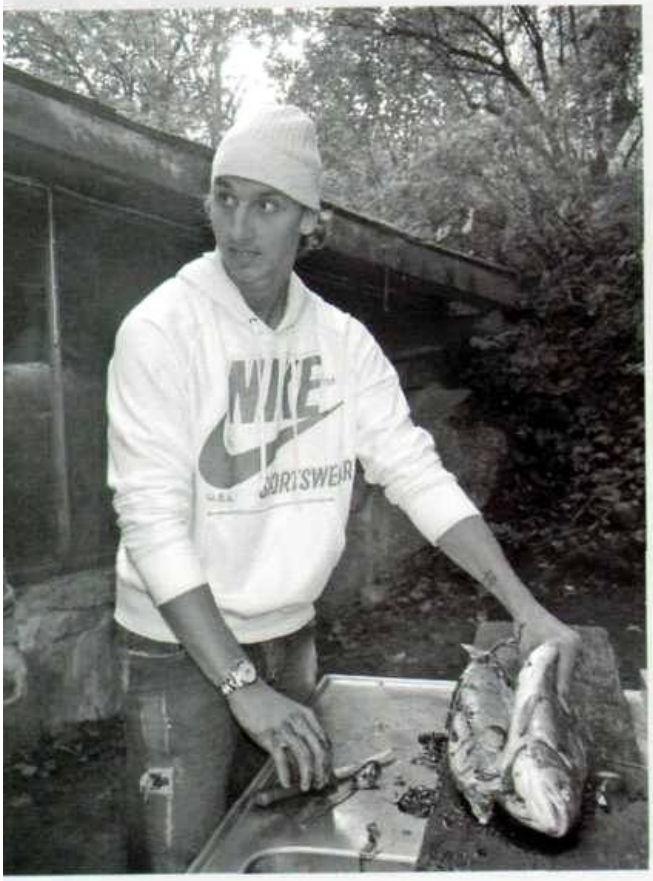


Ибрагимович и Пеле

На пресс-конференции с Эриком Хамреном







Хобби Златана

Корт Златана в Русенгорде

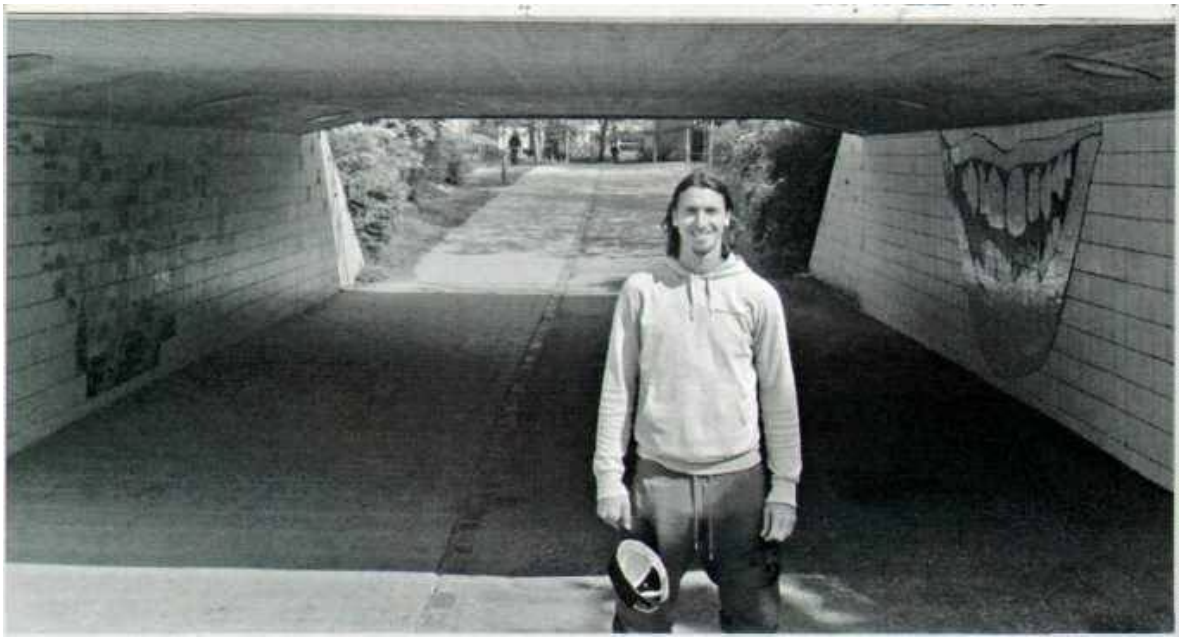
Как-то появился норвежец с чертовым апельсином. Вся эта апельсиновая фигня началась с тех пор, как Джон Карью, который тогда играл в «Валенсии», раскритиковал мой стиль игры. На что я ответил:

То, что Джон Карью делает с мячом, я могу сделать с апельсином.

И теперь этот норвежец подошел ко мне и попросил меня показать, что же я могу сделать с этим фруктом. Но не буду же я делать его популярным, так ведь? Почему я должен клюнуть на эту удочку?

Возьми свой апельсин, почисти его и съешь. Тебе витамины не помешают, — сказал я, и конечно, это появилось в прессе. Типа, он наглый, высокомерный, и все такое. Мои отношения со СМИ были напряженными, и об этом говорили все больше и больше.

Но разве это кого-то удивляло?



Русе **з** горд. Тот самый туннель

ГЛАВА 11

Никто не знал о наших с Хеленой отношениях, даже ее мать. Сохранить все в секрете было не так-то просто. Даже незначительная новость обо мне всегда попадала на первые полосы, и нам не хотелось, чтобы СМИ начали трезвонить и писать о наших отношениях, пока мы сами не решим, как быть дальше.

Мы делали все, чтобы ввести их в заблуждение, и поначалу то, что мы были очень разными, помогало нам. Никто не мог поверить, что у меня роман с такой, как она, карьеристкой, которая еще и на 11 лет старше. Даже если нас замечали вместе в публичных местах, они все равно не верили в это, а нам это было только на руку. Но рано или поздно за такие игры приходится расплачиваться.

Хелена потеряла многих друзей и чувствовала себя одинокой, а я стал вести себя со СМИ еще менее дружелюбно. За год до этого я прилетел в Гетеборг для игры против сборной Сан-Марино. В «Аяксе» все складывалось хорошо, и я пребывал в отличном настроении, свободно общаясь со всеми, в том числе с репортером из Aftonbladet. Я еще не забыл, что проделали СМИ после случая в баре Spy, но считал лишним зацикливаться на этом и таить злобу, поэтому старался перевести тему, даже на свою будущую семейную жизнь. Обычная беседа, мол, неплохо было бы потом завести детей. Но знаете, что сделал журналист?

Он написал статью обо мне, в стиле саморекламы: «Хочешь выиграть со мной Лигу чемпионов? Кареглазый брюнет спортивного телосложения (21 год, 192 см, 84 кг) ищет женщину подходящего возраста для серьезных отношений», — вот что он написал. И что вы думаете, мне это понравилось? Я был в ярости! О каком уважении теперь могла идти речь? Самореклама! Я хотел врезать этому негодяю, и ему не повезло столкнуться со мной на следующий день в темном коридоре стадиона.

Если я правильно понял, то в газете уже знали, что я разозлился. Думаю, кто-то из игроков сборной рассказал им об этом. А теперь журналист хотел извиниться. Ведь мое имя в те дни принесло

им много денег, но из этого ничего не досталось. И хорошо, что я сдержался, встретив его.

Ты, что, клоун? Что, мать твою, ты хотел вообще сказать? Что у меня проблемы с женщинами?

Извини, я лишь хотел... — он не мог внятно выразить свои мысли.

Я больше никогда не буду говорить с тобой, — заорал я. Уходя, я думал, что его запугал или, по крайней мере, заставил газеты больше себя уважать. Но все стало еще хуже. Сборная победила со счетом 5:0, а я сделал дубль. И, как думаете, с каким заголовком вышел Aftonbladet на следующий день? «Вперед, Швеция»? «Следующая остановка — Евро»? Нет, они написали: «Позор Златану», хотя я даже не бегал по полю без трусов и не трогал судью.

Я заработал пенальти и реализовал его. При счете 4:0 на мне нарушили правила в штрафной площади. У Ларса Лагербека был свой список

пенальтистов и первым в нем значился Ким Чельстрём. Но он уже сегодня забил, и я подумал, что пришла моя очередь. Когда Ким подошел ко мне, я убрал руку с мячом от него, типа «моя игрушка, не отдам!», тогда он протянул мне руку и сказал: «Отдай его мне».

Я дал ему «пять», поставил мяч на точку и забил, вот и все. Конечно, это не лучший поступок в моей жизни, и я попросил прошения потом. Но послушайте, это ведь не война какая-то, это всего лишь гол. А Aftonbladet посвятил этому событию целых шесть страниц, что для меня было непонятным. Что за чертовщина, даже когда мы выигрываем 5:0, они продолжают выпускать всякий шлак, типа «самореклам» и «Позора Златану»?

Если кому и должно быть стыдно, то только Aftonbladet,сказал я на следующий день во время пресс-конференции.

После этого я бойкотировал газету. И даже во время португальского Евро наши отношения не улучшались. Я продолжал бороться с ними, но в этом был определенный риск. Если бы я с ними вообще не общался, они бы от этого ничего не потеряли. Но мне не хотелось, чтобы они писали о наших с Хеленой отношениях. Это стало бы катастрофичным тогда, поэтому я действовал очень осторожно. Но что было делать? Я соскучился по ней. «Ты не можешь приехать ко мне?»— спросил я ее, но она была слишком занята. Некоторые из ее боссов купили билеты на Евро, но не могли приехать и предложили кому-то поехать вместо них. Хелена подумала, что это знак и надо ехать. Мы провели вместе несколько

дней, но мы скрывались от всех, и даже никто из игроков сборной не знал, что она здесь. Единственным, кто мог что-то подозревать, был Берт Карлссон, который столкнулся с ней в аэропорту и интересовался, что же она делает среди футбольных фанатов. Но все-таки мы смогли сохранить все в секрете, и я мог сосредоточиться на футболе.

У нас была отличная команда. Но среди множества отличных парней была одна примадонна. «Знаете, в «Арсенале» мы делаем так, потому что так правильно. В «Арсенале» знают, как правильно, а я как раз оттуда».

Это меня бесило. «У меня болит спина» — боже мой, какой кошмар. «Я не могу ехать на обычных автобусах, мне нужен мой собственный, мне нужно это, мне нужно то» — кем он вообще себя возомнил?

Мы поговорили с Ларсом Лагербеком насчет него:

Златан, пожалуйста, отнесись к этому с профессионализмом. Нам не нужны внутри командные конфликты.

Послушай, если он будет уважать меня, я тоже отнесусь с уважением. Вот и вся история.

Невзирая на это, атмосфера была потрясающая. Когда начался первый матч в Лиссабоне с Болгарией, было такое ощущение, что весь стадион был окрашен в желтое, и все вокруг пели песню Маркулио. Было очень круто, и мы разгромили болгар.

После победы со счетом 5:0 ожидания от нас повысились. Но по-прежнему было такое ощущение, будто Евро еще не начался. Большой матч, который все ожидали, был, конечно же, против Италии в Порту 18 июня. Ни для кого не секрет, что итальянцы были настроены серьезно. Они не смогли победить в первом матче турнира датчан и все еще держали в уме поражение от французов в роттердамском финале. У итальянцев была великолепная команда с Каннаваро, Нестой, Дзамброттой в защите, Буффоном в воротах и Вьери в нападении. Даже несмотря на отсутствие Тотти, который плюнул в соперника в первом матче, они представляли серьезную угрозу. Признаюсь, я нервничал.

Это была важнейшая игра для меня, мой отец сидел на трибуне, и вокруг царила потрясающая атмосфера. Еще в ее начале я почувствовал, с каким уважением итальянцы относились ко мне. Было такое ощущение, что они не знали, чего от меня ждать в еледующий момент. А я продолжал давить на них. Но игра не шла. Итальянцы доминировали, и Кассано, молодой парень, который

заменил Тотти в основе, забил нам в раздевалку после передачи Пануччи. Это выглядело закономерностью, поскольку итальянцы владели преимуществом. Во втором тайме мы выровняли игру и имели несколько моментов, но итальянцы по-прежнему держали все под контролем. Они играли только на победу. Про них часто говорили, что у них мощная оборона. Но за пять минут до финального свистка мы получили право на угловой с левого фланга.

Ким Чельстрём подал, и в штрафной началась суета. Сначала пытался Альбек, затем Мёльберг — пожар в штрафной. Мяч все еще был в воздухе, я поспешил к мячу. В этот момент я заметил, что Буффон выбегает из ворот, а на линии остался только Вьери. Я выпрыгнул и пробил в стиле кунг-фу. Позже на фото я увидел, что моя пятка была на уровне плеч, а мяч пролетел точно над головой Вьери, протиснувшись в сантиметры, разделявшие его голову и перекладину. Мяч залетел прямо в девятку. И это против Италии.

Чемпионат Европы. Гол пяткой за 5 минут до конца. Я бежал как угорелый, вся команда неслась за мной, кроме одного, но кого это волновало? Я упал на газон, остальные повалились на меня и Хенрик кричал: «Наслаждайтесь!». Мы всего лишь сравняли счет, но это было

равноценно победе: мы вышли в 1 /4 финала на Голландию. И, конечно, это тоже был напряженный матч.

Голландские болельщики, одетые во все оранжевое, свистели в мою сторону, глумились, будто я играл не за ту команду. Была равная игра с обоюдными шансами, но основное время закончилось вничью 0:0. Начался овертайм. Мы несколько раз попадали в каркас ворот, и должны были забивать, но все дошло до серии пенальти. Казалось, весь стадион молится.

Напряжение витало в воздухе и многие даже не могли смотреть на это. Другие всячески пытались вывести нас из себя. Давление было невероятным. Несмотря на это, все началось хорошо — Ким и Хенрик реализовали свои попытки и счет стал 2:2. Я был еледующим. Так как я носил длинные волосы, у меня был ободок, я улыбнулся. Я чувствовал себя круто, конечно, я нервничал, но никакой паники или чего-то такого. В их воротах стоял Эдвин Ван дер Сар. Я должен был забивать.

Когда я сейчас подхожу к точке, я точно знаю, куда я пробью — в ворота. Но тогда у меня было странное чувство: я просто должен был пробить. Я и пробил. Просто пробил. Но я вообще не попал. Мяч полетел к чертям, это была катастрофа. Мёльберг тоже промазал, и мы вылетели из турнира. Поверьте, это вовсе не пози-

тивное воспоминание, это просто дерьмово. У нас была великолепная команда, и мы должны были пройти дальше на том Евро. И это породило целую череду событий.

Август — непростой месяц. Трансферное окно закрывается 31 -го числа, и везде только и шепчутся о возможных переходах. Сезон еще не начался и газетам просто не о чем писать. Он перейдет сюда? Или туда? Сколько этот клуб готов заплатить? Это доводило игроков до стрессового состояния, особенно четко это проявлялось в «Аяксе».

Все молодые игроки хотели перейти в другой клуб, и все это добавляло нервозности в отношениях. Есть ли предложения? А что будет с ним? Почему агент до сих пор не звонит? Было очень напряженно, существовала некая зависть друг к другу, а я все ждал что будет, хотя пытался концентрироваться на футболе. Помню, мы играли против «Утрехта» и последнее, что я хотел, это быть замененным. Но это случилось. Я был так зол, что врезал по рекламному щиту рядом с полем, ведь я не понимал, какого черта я должен сидеть на скамейке.

В то время у меня была привычка всегда звонить Мино после игр. Было приятно поговорить с ним или просто поныть, но в этот раз я кричал:

Каким нужно быть идиотом, чтобы заменить меня? — несмотря на то, что мы с Мино часто грубили друг другу, в этой ситуации я ожидал от

Мино поддержки: «Да, я согласен. Куман совсем свихнулся».

Но Мино сказал:

Конечно, он убрал тебя. Ты был худшим на поле, играл просто дерьмово.

Что за муть ты несешь?

Тебя надо было раньше заменить.

Слушай, катитесь вместе с Куманом к чертям!

Я повесил трубку, принял душ и поехал домой в Димен, но мое настроение не поменялось. Когда я вернулся домой, я увидел, что кто-то стоит у двери. Это был Мино. «Как этот идиот посмел прийти сюда?», — подумал я. Я еще даже из машины не вылез, а мы уже начали орать друг на друга.

Сколько раз тебе повторять? — закричал он. — Ты играл дерьмово и не должен был пинать рекламный шит. Тебе надо повзрослеть.

Иди к черту.

Да сам иди!

Я и так хочу уйти. В другую команду.

В таком случае можешь ехать в Турин.

Что ты сейчас сказал?

Я практически договорился с «Ювентусом».

Что-что ты сделал?

Ты слышал, что я сказал.

Я действительно слышал, но во время этой ссоры я не мог сходу осознать это.

Ты договорился с «Ювентусом» о моем переходе?

Может быть.

Ты знаешь, что ты просто шикарен, чертов идиот?

Еще ничего не решено, но я работаю над этим.

«Ювентус»! Это вам не «Саутгемптон» какой-то!

«Ювентус» был, пожалуй, лучшим клубом Европы на тот мо-

мент. Там играли Тюрам, Трезеге, Буффон, Недвед, Дель Пьеро. Да, они проиграли в финале Лиги чемпионов за год до этого, но по составу они были сильнейшими. Команда была полна суперзвезд, и как раз они подписали Фабио Капелл о, который еще будучи тренером «Ромы» хотел меня заполучить. Я начал жить ожиданием. Давай, Мино, сделай это для меня!

«Ювентусом» в то время руководил Лучано Моджи, сильный человек, который начинал свой путь с самых низов, а теперь был одним из главных лиц итальянского футбола. Он был королем трансферного рынка.

Этот человек построил «Ювентус». Команда брала один скудетто за другим. Но в широких кругах его репутация не была идеальной. Было много скандалов насчет допинга, дачи взяток, связанных с его именем, также молва относила его к неаполитанской мафии. Это, конечно, было полной чушью, но выглядел он действительно как мафиози. Любил сигары и дорогие костюмы, ни перед чем не останавливался в переговорах. Он был мастером сделок, и никто не хотел бы переходить ему дорогу. Но Мино знал его.

Можно сказать, что они были старыми врагами, которые превратились в друзей. В свое время Мино договорился о встрече с Моджи и пытался начать бизнес. Но начало было не лучшим. В офисе было человек двадцать и все в нетерпении ждали его. Но ничего не случилось, время прошло, и Мино взбесился. Он был зол как черт, как можно игнорировать такую встречу? Моджи был большой шишкой, но Мино это не волновало. Если кто-то грубит

Мино, то ему совершенно плевать на его статус. Он пошел искать Моджи тем вечером в туринском ресторане Urbani — любимом ресторане клуба.

Ты плохо со мной обошелся, — сказал Мино.

Ты кто такой, черт возьми?

Узнаешь, когда будешь покупать через меня игроков, — завопил Мино. Он его просто возненавидел.

Другим футбольным боссам он начал представляться так: «Я — Мино. Я против Моджи». И так как Моджи легко наживал себе врагов, это была хорошая реклама. Но рано или поздно им пришлось бы столкнуться, и это произошло в 2001-м, когда Моджи захотел подписать одного из звездных клиентов Мино — Недведа. Но ничего не было решено, Мино склонялся в сторону «Реала», а с Моджи встретился лишь для того, чтобы обсудить некоторые вещи. Но Моджи пошел на риск: он пригласил фотографов, репортеров и болельщиков. Он собрал всю эту компанию вместе еще до начала переговоров, и Мино с Недведом не смогли избежать ловушки.

Но это не особо беспокоило Мино. Этот прием дал ему шанс потребовать для Недведа контракт получше, но в первую очередь он был впечатлен ходом Моджи. Он, может, и был негодяем, но отлично знал свое дело, и эти двое заключили мир. «Я — Мино. Я с Моджи» — отныне было так. Лучшими друзья они не стали, но взаимоуважение было.

Меня хотели приобрести много клубов. Но Моджи проявлял самый серьезный интерес. У Моджи не было для нас много свободного времени, и мы смогли встретиться лишь на полчаса в Монте-Карло, там проходил

Гран-при Монако, очередной этап Формулы-1, и думаю, Моджи прибыл туда по делам. «Фиат» владел «Феррари» и «Ювентусом», и мы должны были встретиться в VIP-зале аэропорта. Были ужасные пробки, на машине не доберешься: нам пришлось бежать. А Мино явно не феномен физической подготовки, у него были проблемы с весом и он задыхался. К тому же он вспотел и толком не оделся для деловой встречи.

На нем были шорты, свитер от Nike, кроссовки без носков, и он был весь потный. В VIP-зале было невозможно дышать из-за дыма. Моджи курил огромную сигару, выглядел он чуть старше, но его влиятельность проявлялась сразу. Он привык к тому, что люди выполняют все его желания, но сейчас он просто смотрел на прикид Мино:

Что за хрень на тебе надета?

-Мы собрались здесь, чтобы обсуждать, как я выгляжу? — ответил Мино, и переговоры начались.

Тогда у нас был матч сборной против Голландии в Стокгольме. Простой товарищеский матч, но никто из нас не забыл поражение на Евро-2004. И, естественно, мы хотели доказать, что можем их победить. Вся команда была готова взять реванш — играли в атакующий, агрессивный футбол. В начале матча я получил мяч за пределами штрафной. На меня сразу вышли четыре голландца. Одним из них был Рафаэль ван дер Ваарт. Все готовы были атаковать меня, сложная ситуация. Но я продрался мимо них и выкатил мяч Маттиасу Йонсону, который был свободен.

Он открыл счет. А ван дер Ваарт лежал на газоне. Его унесли на носилках. Он растянул связки голеностопа, ничего серьезного. Ну пропустит матч-другой. А он сказал газетам, что я его травмировал специально. Ну что за дерьмо опять? Как он может такое говорить, если даже штрафного не было? И этот парень — капитан команды, где я играю?

Я ему позвонил и сказал: «Слушай, извини, сожалею о твоей травме. Извини, но я не намеренно, понял?» И то же самое я сказал журналистам. Сотню раз. Но ван дер Ваарт продолжал гнуть свое, и я не мог этого понять. Почему он продолжал поносить своего одноклубника. Никакого смысла. Или же он все-таки есть?

Я не переставал удивляться. Не забывайте, это был август, и трансферное окно еще было открыто. Может, он хотел так пробить себе путь в топ-клуб? Или выжить меня из команды? Такое уже раньше пробовали делать. А на его стороне еще были СМИ.

Ну, он ведь голландец. Его любила даже желтая пресса, а я был плохим парнем, иностранцем. «Это что, шутка?» — спросил я у него, когда он

появился на тренировке. Похоже, что это было явью.

О’кей, о’кей, — сказал я. — Говорю в последний раз — я еделал это ненамеренно. Слышишь меня?

Я слышу тебя!

Но он все равно не отступал. Атмосфера в клубе накалялась все сильнее. Вся команда разбилась на два лагеря. Голландцы были на его стороне, а легионеры — на моей. Куман в конце концов собрал нас всех. Мне эта ситуация уже была поперек горла. С какого перепуга меня вообще можно было в этом обвинять? Во мне все кипело. Когда мы все собрались и сели в круг в нашей столовой на

третьем этаже, напряжение царило в воздухе. Это было серьезно. Руководство требовало, чтобы мы все утрясли, ведь мы ключевые игроки, и надо как-то работать дальше. Но никто и не думал начинать мириться. Рафаэль стоял на своем все упорнее.

Златан сделал это намеренно, — сказал он. **Я** начал раздуваться от гнева.

Ну, зараза, почему он не сдается?

Намеренно я тебя не травмировал, и ты это знаешь. А если еще раз обвинишь меня, я тебе ноги переломаю, и это будет намеренно, — ответил я. И конечно, все те, кто был на стороне ван дер Ваарта, сразу начали нести: «Видите, видите, он агрессивен. Он псих!»

И Куман попытался всех успокоить.

Это уже слишком далеко зашло. Нам это не нужно, и надо это уже утрясти.

Но никто не собирался этого делать. И тогда нас вызвали к Луи ван Галу. У нас были разногласия в прошлом, и никакой радости торчать в его офисе вместе с ван дер Ваартом мне не доставляло. Словно вокруг вообще не было друзей. Ван Гал начал с места в карьер.

Я тут главный, — сказал он.

А мы, черт побери, не знали!

-Ия говорю вам: заройте топор войны. Когда Рафаэль воестановится, вы должны играть вместе!

Ни за что, — ответил я. — Пока он на поле, меня там не будет.

Что ты такое говоришь? — парировал ван Гал. — Он мой капитан, и ты будешь играть с ним! Для команды.

Ваш капитан? Что за фуфло? Рафаэль всем газетам сказал, что я его специально травмировал. Что это за капитан такой? Капитан, который обвиняет во всем своих партнеров по команде? Я с ним играть не буду, не дождетесь. Никогда. Говорите, что хотите.

И я ушел. Конечно, я рисковал. Да, я был воодушевлен тем, что мог перейти в «Ювентус». Но ничего еще не было подписано. А у меня все надежды были связаны с этим, и я спрашивал у Мино, мол, что происходит, что они говорят? Наши жизни могли измениться.

В конце августа нам предстояло сыграть против «Бреды» в чемпионате. Газеты еще не перестали писать о нашем конфликте, и журналисты поддерживали ван дер Ваарта больше, чем обычно.

Он явно был их любимчиком. А я был... костоломом, который травмировал его.

Будь готов к тому, что над тобой сейчас будут глумиться, — сказал Мино. — Болельщики будут ненавидеть тебя.

Хорошо.

Хорошо?

Меня такое воодушевляет, сам знаешь. Я им покажу, где раки зимуют.

Я был готов к этому, действительно был. Но ситуация была сложная. Я сказал Куману про «Ювентус». Я хотел подготовить его, ведь подобные разговоры обычно должны проходить деликатно. Мне нравился Куман. Он и Бенхаккер были первыми, кто оценил мой потенциал в «Аяксе», и я не сомневался в том, что он поймет меня. А кто не захотел бы перейти в «Ювентус»? Но Куман едва ли был готов отпустить меня. И я знал, что недавно кое-какие его слова попали в газеты. Он говорил, что некоторые люди считают себя чем-то большим, чем клуб. Очевидно, что речь шла обо мне. Мне пришлось аккуратно подбирать слова, и с самого начала я решил использовать кое-что из того, что использовал при общении со мной ван Гал.

Я не хочу, чтобы это превратилось в скандал, — сказал я Куману, — но «Ювентус» хочет купить меня, и я надеюсь, что ты это поймешь. Такая возможность бывает только раз в жизни.

И конечно, как я и думал, Куман все понял — он ведь сам профессионал.

Но я не хочу, чтобы ты уходил, — сказал он. — **Я** хочу, чтобы ты остался, и буду бороться за это!

Знаешь, что сказал ван Гал?

Что?

Он сказал, что я ему не нужен для чемпионата, что тут ты и без меня справишься. Я ему нужен для Лиги чемпионов.

Какого черта? Он такое сказал?

Куман пуше прежнего разозлился на ван Гала. Исходя из слов последнего, руки Кумана теперь связаны, и это уменьшало его шансы

побороться за то, чтобы сохранить меня в клубе. Но именно это нужно было мне. Я помню, как вышел на поле с настроем «пан или пропал». Важнейший матч для меня. Очевидно, что люди из «Ювентуса» внимательно присматривались ко мне. Но на меня давило другое. Голландцы как будто с цепи сорвались. Они орали и глумились. И среди них сидел всеобщий любимец, золо

той мальчик, Рафаэль ван дер Ваарт. Полный бред. Я чувствовал себя каким-то бастардом. А он был самой невинностью. Но все могло поменяться.

Мы играли против «Бреды», и за 20 минут до конца матча мы вели со счетом 3:0. Вместо ван дер Ваарта играл еще один парень из юношеской академии «Аякса» по имени Уэсли Снейдер. Хороший и умный игрок. Его гол сделал счет 4:1. А через пять минут после его гола я получил мяч метров за 20 до штрафной. Прямо за мной был защитник. Я слегка оттолкнулся от него локтем, вошел в свободную зону, пробежал мимо другого игрока. Это была прелюдия. Это было только начало.

Замах — и я еще ближе к штрафной, где я сделал еще один ложный выпад. Я пытался найти ударную позицию. Но на меня продолжали сыпаться защитники. Они окружали меня, как пчелы. Возможно, мне стоило отдать пас, но я не видел, чтобы кто-то открылся. Вместо паса я ловко двинулся дальше, обошел еше пару защитников, обманул вратаря и левой ногой послал мяч в пустой угол. Это сразу стало классикой.

Гол назвали «моим ответом Марадоне», потому что это было немного похоже на его гол англичанам в четвертьфинале ЧМ-1986. Обвести всю команду и забить... и взорвать весь стадион. Все бесновались. Даже Куман скакал, как кузнечик. Плевать, что я хочу уйти. Как будто вся ненависть в мой адрес мгновенно трансформировалась в любовь и триумф.

Все веселились, все кричали, все стояли, все прыгали. Все, кроме одного человека, конечно. Камера летала по всему стадиону и наконец нашла ван дер Ваарта. Он сидел столбом. На лице не дрогнул ни один мускул, оно ничего не выражало. Словно его команда не забила гол. Он сидел так, словно то, что я сотворил, было худшим, что вообще могло случиться в его жизни. Может, так оно и было. Не забывайте, ведь они все меня освистывали до стартового свистка!

А сейчас они скандировали только одно имя — мое. На ван дер Ваарта было всем плевать. Мой гол показывали по телеку тем вечером и на следующий день. Позже зрители «Евроспорта» признали его лучшим голом года. Но я фокусировался на другом. Время шло. Трансферное окно подходило к концу, а Моджи продолжал суетиться. Или делать вид —

никогда наверняка не скажешь. Неожиданно Моджи объявил, что Трезеге и я не можем играть вместе (Трезеге в «Ювентусе» забивал много).

— Что это еше за идиотизм? — спросил Мино.

Их стили не сочетаются. Ничего не выйдет, — ответил Моджи. И это звучало плохо. Очень плохо.

Если М оджи что-то вбил себе в голову, трудно было заставить его поменять точку зрения. Но Мино нашел способ. Он понял, что Капелло, тренер, думал по-другому. Капелло долго хотел приобрести меня. А Моджи был главным. Но при этом Капелло тоже стоит воспринимать всерьез, ведь он мог приструнить любую звезду одним только взглядом. Мино пригласил их обоих на ужин и рванул с шашкой наголо:

Правда, что Трезеге и Златан не могут играть вместе?

Что за вздор? Как это относится к нашему ужину? — ответил Капелло.

Моджи сказал, что их стили не сочетаются. Так ты сказал, Лучано?

Моджи кивнул.

Посему мой вопрос к Фабио: это правда?

Плевать мне, правда это или нет, и тебе должно быть плевать. То, что происходит на поле, — моя проблема. Мне нужен Златан, и я позабочусь об остальном, — ответил Капелло. Что мог сделать Моджи?

Не он отдавал тренерские установки о том, что надо делать на поле. Ему пришлось сдаться. А Мино наслаждался — ведь он получил то, что хотел. Но ничего еще не было окончательно.

В Амстердаме тогда проводилось мероприятие, где чествовали звезд голландского футбола. Мино и я пришли туда, чтобы поздравить Максвелла, который получал награду лучшего футболиста лиги. Мы были счастливы, как и он. Но праздновать все равно долго не пришлось. Но у Мино еще было много работы. Он вернулся к директорам «Ювентуса» и «Аякса». Возникали проблемы, реальные или мнимые, фиг поймешь. Ситуация казалась уже тупиковой. Трансферное окно закрывалось следующим вечером. Я замкнулся в себе.

Я сидел дома в Димене и играл в Xbox — в Evolution или Call of Duty, обе игры классные. Это помогало мне забыть обо всем. Но Мино названивал мне раз в несколько минут. Он был взбешен. Моя сумка была собрана, и «Ювентус» прислал в аэропорт свой частный самолет, за мной. Определенно, они хотели, чтобы я перешел к ним. Но они не могли договориться о сумме трансфера. Руководство «Аякса» явно не думало, что предложение было серьезным, поскольку итальянцы даже юриста в Амстердам не прислали. Я сам попытался прессинговать «Аякс»:

Как я вижу, я за вас больше не играю. Все, с вами покончено! — сказал

я ван Галу и его парням.

Не помогло. Ничего не происходило, а время шло. Я вновь залип в Xbox — меня в таком состоянии надо видеть. Полностью сфокусирован. Мои пальцы танцевали по кнопкам. Настоящая лихорадка. Весь мой негатив выходил в играх. Я просто щелкал по кнопкам, пока Мино пытался завершить сделку. Он рвал на себе волосы. Почему Моджи не мог послать юриста в Амстердам? Опять какой-то стиль дурацкий?

Конечно, это могла быть игра. Трудно сказать. По-прежнему ничего не было завершено, и Мино решил сделать ход конем. Он позвонил своему юристу.

Лети в Амстердам, — сказал Мино ему, — и притворись, что представляешь «Ювентус».

И да, он полетел, и разыграл этот спектакль. Это приблизило сделку к концу, но она еще не была заключена. Мино перешел к плану Б. Он снова позвонил мне:

К черту все, — сказал он. — Бери юриста и лети сюда. Мы сделаем это.

Я отложил свой джойстик и пулей вылетел из дома. Честно, я едва запер дверь.

Я поехал на стадион. Там меня ждали люди из руководства клуба и адвокат Мино. Когда я вошел, по ним было видно, что они уже на взводе. Адвокат ходил кругами. А потом сказал:

Не хватает одного документа. Только одного документа. И все будет в ажуре.

Времени нет. Надо ехать, Мино сказал, что все будет в порядке.

И мы поехали в аэропорт и сели в частный самолет «Ювентуса».

К тому моменту я уже позвонил отцу. «Привет, это срочно. Я на полпути к переходу в «Ювентус». Ты хочешь присутствовать при

этом?»

Конечно, он хотел. Я был счастлив. Если бы все получилось, моя детская мечта стала бы явью. И было бы еще лучше, если бы папа был там. Мы ведь через столько всего вместе прошли. Я знаю, что он сразу поехал в аэропорт Копенгагена и полетел в Милан, где встретился с человеком Мино, который и повез его в офис клуба, где регистрируют трансферы.

Он приехал туда до меня, и когда зашли мы с юристом, я остолбенел — отец, ты ли это? Это был не тот отец, которого я привык

видеть; не тот, кто сидит дома в рабочих штанах и слушает югославскую музыку в наушниках. Он был в таком крутом костюме, что мог запросто сойти за важную персону. Я чувствовал гордость и... шок. Никогда раньше не видел его в костюме.

Папа.

Златан.

Это было реально круто. Снаружи были и журналисты, и фотографы, слух разлетелся быстро. В Италии это было большим событием. Но, опять-таки, сделка еще не была юридически завершена, а время шло. И его было уже не так много. Моджи продолжал суетиться и блефовать, и к сожалению, у него получилось. С изначального запроса Мино (35 миллионов евро) моя ценаупала до 25, потом до 20, и в конечном итоге до 16 миллионов. Конечно, это все равно было много, в два раза больше, чем за меня когда-то заплатил «Аякс». Для «Ювентуса» это была мелочь, они ведь продали Зидана в «Реал» за 75 миллионов евро. И мой трансфер они могли позволить себе с легкостью. «Аяксу» не следовало волноваться на этот счет. Но они волновались. «Ювентус» не смог предоставить банковскую гарантию. И на это есть объяснение.

Несмотря на все успехи, «Ювентус» потерял в предыдущем году 20 миллионов евро. Ничего необычного для топ-клуба, как раз наоборот. Всегда кажется, что вне зависимости от того, сколько они получают, тратят они все равно больше. И эта фигня про банковскую гарантию... я бы не удивился, что это очередной трюк или блеф. «Ювентус» был одним из самых больших клубов в мире, и должен был найти деньги. Но без гарантии «Аякс» отказывался что-либо подписывать. Время шло. Ситуация казалась абсолютно безнадежной. А Моджи, наверное, сидел в своем мягком кресле, затягиваясь толстой сигарой, убеждая людей, что у него все под контролем, и проблема разрешится сама собой. Но Мино стоял несколько поодаль в наушниках и орал на руководство «Аякса»:

Если вы это не подпишете, то не получите ничего из этих 16 миллионов! Не получите Златана. Не получите ничего! Понятно? НИ-ЧЕ-ГО! Думаете, «Ювентус» откажется от выплаты таких денег? «Ювентус»? Вы все психи. А хотя... знаете, делайте, что хотите, пускайте на самотек. Вперед!

Сильно сказано было. Мино знает свое дело. Но ничего не произошло! Атмосфера накалялась все сильнее. И думаю, что Мино надо было выплеснуть энергию, или он просто злился.

В офисе было полно футбольных вещей. Мино взял мяч и начал им жонглировать. Что-то психологическое опять. Во что он играл? Я не понимал. Мяч летал, прыгал, и залетел Моджи в голову и плечо. Все удивлялись: что за чертовщина происходит? Что за футбольный фристайл в такой ситуации? Посреди зашедших в тупик переговоров? Явно ведь не время для игр.

Прекрати! Ты ему в голову попал!

Не-не-не! Давай поиграем, — парировал Мино. — Мы будем играть, чтобы получить этот контракт. Вставай, Лучано! Вставай и покажи, что ты умеешь. Златан, подай угловой! Вон оттуда подай. Аты, ленивый ублюдок, прими на голову!

Он не останавливался. Не знаю, что думали регистратор и остальные. Но Мино точно приобрел нового фаната тем днем — моего отца. Он просто смеялся. Насколько крутым может быть этот парень, если он выделывает такое перед воротилами типа Моджи? Это как петь мимо нот и танцевать не под музыку. Он гнул свою линию, несмотря ни на что. С тех пор отец собирал вырезки из статей не только обо мне. А еще и о Мино. Мино — любимый менталист моего папы. Отец заметил, что Мино — не псих. Он оформил сделку. «Аякс» не хотел остаться без меня и без денег, и их руководство подписало документы в последний момент. Было уже после десяти, думаю, а клубный офис закрывался в семь. Но сделка была завершена, и потребовалось какое-то время, чтобы это осознать. Я стал профессиональным игроком в Италии? Безумие.

После этого мы поехали в Турин, и где-то на трассе Мино позвонил в «Урбани», ресторан «Ювентуса», и сказал им не закрываться еще какое-то время. С этим трудностей не возникло. Перед самой полуночью нас встретили, как королей. Мы сели вместе за стол, вспоминали все, через что мы прошли до оформления сделки. Я был особо счастлив, что папа был там и наблюдал за всем этим.

Я горжусь тобой, Златан, — сказал он.

Я и Фабио Каннаваро пришли в «Ювентус» в одно время, и на «Стадио Делле Альпи» в Турине у нас была совместная прессконференция. Каннаваро всегда смеется и шутит, мне он сразу понравился. Его признали лучшим футболистом в мире спустя несколько лет, а в самом начале он мне много помогал. Но сразу после пресс-конференции мы с папой полетели в Амстердам. Там мы расстались с Мино перед отлетом в Гетеборг, где мне нужно было играть за национальную сборную.

Это был очень нервный период. Я никогда не возвращался в мой дом в Димене. Он уже был позади. Перед тем, как переехать в квартиру к Филиппо Индзаги, я какое-то время жил в отеле Le Meridien в Турине.

Мино забрал мои вещи из дома в Димене. Но когда он вошел туда, он услышал какой-то шум сверху, и замер. Грабитель? Очевидно, что сверху слышались голоса! Мино прокрадывался наверх, готовый к бою.

Но там не было никаких грабителей. Это был мой Xbox, который работал три недели, с тех пор, как я рванул из дома, чтобы полететь на

самолете «Ювентуса» в Милан.

ГЛАВА 12

Фабио Капелло, возможно, один из лучших европейских тренеров последнего десятилетия, звал меня к себе. Я подумал: а что я такого сделал? В этот миг все страхи детства вернулись ко мне, ведь Капелло может заставить нервничать кого угодно. Уэйн Руни как-то сказал, что, когда Капелло проходит мимо вас в коридоре, рядом словно проносится сама смерть. Да, это действительно так. Обычно он просто берет свой кофе и проходит мимо, бросая на вас свой взгляд. Становится не по себе. Иногда пробормочет «Ciao». А иногда просто исчезает, будто его тут и не было.

Итальянские звезды не станут делать что-то только потому, что так велит тренер. Если этот тренер не Капелло. При нем все по струнке ходят. Рядом с Капелло все стараются быть паиньками. Как-то журналист спросил его об этом:

Как к вам приходит всеобщее уважение?

Оно не приходит просто так. Его надо завоевать, — ответил Капелло. Этот его ответ надолго засел в моей голове.

Если Капелло сердится, вряд ли кто-то осмелится посмотреть ему в глаза. А если не пользоваться теми шансами, которые он предоставляет, то можно с таким же успехом идти продавать хот-доги. К Капелло со своими проблемами не пойдешь. Он не приятель какой-нибудь. Просто так с игроками не общается. Он эдакий sergentediferro, Железный сержант. И когда он зовет к себе, это плохой знак. С другой стороны, никогда не знаешь. Он ломает людей и заново строит их. Помню одну тренировку, когда мы только начинали тактические занятия.

Капелло дал свисток и закричал:

Все внутрь! Вон с поля!

Никто не понимал, что происходит. Что мы не так сделали? К чему это?

Вы ни черта не выкладываетесь! Противно.

В тот день больше не было тренировок, и это сбивало с толку. Хотя у него было что-то на уме. Он хотел, чтобы мы пришли на следующий день заведенными и по-спортивному злыми. Мне такое по душе, у меня ведь в детстве всегда так было. Люблю, когда у людей есть характер. И Капелло верил в меня.

Тебе нечего доказывать. Я знаю, кто ты и на что ты способен, — сказал он в один из первых моих дней там. После этих слов я чувствовал себя в безопасности.

Можно было немного расслабиться. Хотя давление было ужасным.

Многие газеты скептически отнеслись к моему переходу, писали, что я недостаточно много забиваю. Многие прочили мне прозябание на скамейке, полагая, что в такой команде я потеряюсь.

Готов ли Златан к Италии? — писали они.

Готова ли Италия к Златану? — поправлял их Мино, и это была совершенно справедливая ремарка.

Отвечать им в подобном стиле было необходимо. Нужно быть с ними жестким. Иногда я думаю, а удавалось ли мне это без Мино? Думаю, что нет. Если бы я прибыл в «Юве» так же, как в свое время в «Аякс», журналисты бы меня живьем сожрали. Они же в Италии повернутые на футболе. Если шведы пишут о матче за день до него и на следующий день, то тут пресса всю неделю до матча накаляет обстановку. Журналисты следят за каждым шагом, и на первых порах, пока не привыкнешь, это очень тяжело.

Но теперь у меня был Мино. Он был моим щитом, я всегда ему звонил. Ну вот, «Аякс», что там? Да детский сад просто в сравнении с тем, что было здесь. Тут даже на тренировке забить было непросто: нужно было мало того, что пройти Каннаваро и Тюрама, так там еще и Буффон в воротах. Да и спустя рукава никто ко мне не относился, только потому что я новичок. Скорее наоборот.

У Капелло был ассистент, Итало Гальбьяти. Он из старшего поколения, поэтому я звал его старичком. Славный дядя. Капелло и он — это как плохой и хороший полицейские. Капелло говорит что-нибудь такое суровое, жесткое, а остальное — забота Гальбьяти. После первой же тренировки Капелло послал его ко мне:

Итало, займись им!

Все остальные члены команды отправились в душ. Я был совершенно измотан. Я бы тоже с удовольствием завершил этот день. Но вратарь молодежной команды подошел от боковой линии, и я понял, что сейчас будет происходить. Итало собирался, что называется, накормить меня мячами. Меня окружили и стали навешивать, пасовать, просто забрасывать мячи в штрафную. А я должен был бить по воротам, удар за ударом. И не имел права покинуть штрафную. Это была моя зона — так он говорил. Вот где

я должен был быть. И бить, бить, не отдыхая и не сбавляя темпа. А темп был, конечно, сумасшедший.

Следуйте за ним, давайте-давайте, не стесняйтесь! — кричал Итало, и это уже превращалось в привычную вещь.

Иногда такое проделывали с Дель Пьеро или Трезеге, но большую

часть времени доставалось мне. Я, Итало и 50, 60, а то и 100 ударов. А иногда появлялся Капелло, как ни в чем не бывало.

Я собираюсь выбить из тебя этот «Аякс», — сказал он.

Хорошо, я понял.

Мне эти голландские привычки не нужны. Раз-два, раз-два, играй в стеночку, играй хорошо, играй технично. Обводи всю команду. А хотя, без этого можно обойтись. Мне нужны голы, понимаешь? Мне нужно вбить тебе в голову итальянский менталитет, развить в тебе инстинкт убийцы.

Эти процессы во мне уже стартовали. Я прекрасно помнил разговоры с ванн Бастеном и Мино, но я все еще не ощущал себя настоящим голеадором, хотя место мое, без сомнения, было там, впереди. Я чувствовал, что нужно перестраиваться, но из моей головы никак не уходил этот дворовой футбол с кучей финтов. Но Капелло изменил меня. Его стойкость была заразительна: я все больше превращался из позера в борца за результат.

Не то чтобы я раньше не хотел выигрывать. Дух победителя родился вместе со мной. Но не стоит забывать, что футбол для меня был способом выбиться в люди! Каждым своим движением на поле я хотел доказать, что я являюсь кем-то большим, чем просто парень из Русенгорда. Все эти «охи» и «ахи», они заставляли меня двигаться вперед. Я вырос на аплодисментах за собственные трюки. И очень долго я считал идиотами тех, кто не видел разницы между голом-красавцем и каким-нибудь неуклюже закатившимся в ворота мячом.

Но теперь я понимаю, что за филигранную технику или гол через себя «спасибо» никто не скажет, если команда в итоге проиграет. Всем будет плевать, если ты забьешь фантастический гол, но вы не выиграете. Поэтому я постепенно стал играть жестче, превращался на поле в настоящего воина. Конечно, это не значит, что я стал слушать все, что мне говорят. Каким бы жестким и суровым не был Капелло, у меня были свои цели. Прекрасно помню уроки итальянского. Сложно он мне давался. На поле это не было проблемой, у футбола свой язык. Но вне поля было сложновато. Клубу пришлось даже отправить ко мне репетитора. Нужно было

встречаться с ней дважды в неделю. И учить грамматику. Грамматику! Я, что, вернулся в школу? Мне это нужно не было. Я так ей и сказал: «Возьмите деньги и никому ничего не говорите. Представьте, что вы уже тут были, только не принимайте это близко к сердцу». Конечно, она сделала так, как я сказал.

Она приняла мои условия. Но я бы не сказал, что я полностью забил на

итальянский.

Я действительно хотел его выучить, просто другими способами. Я слушал разговоры в раздевалке, в отеле, это был легкий способ. Я достаточно быстро научился, и чувствовал себя довольно уверенно, даже несмотря на хромающую грамматику. Даже в присутствии журналистов я начинал говорить на итальянском, прежде чем переключиться на английский. Думаю, им нравилось. Мол, этот парень даже не должен делать этого, но он пытается. И так я делал со многими вещами — я слушал. Но не вслушивался.

Однако вскоре я изменился: и духом, и телом. Помню мой первый матч за «Ювентус». 12 сентября, в соперниках «Брешиа», я начинал со скамейки. Семья Аньелли, владельцы клуба, сидела в VIP-ложе, очевидно, они хотели лично проверить, на что ушли их миллионы. После первого тайма я вышел вместо Павела Недведа, одного из клиентов Мино, который в прошлом году выиграл 30лотой мяч. Недвед — самый упоротый фанат тренировок, которого я когда-либо встречал. Перед занятиями он где-то час на своем велосипеде гонял. А после мог еще час бегать. В общем, заменить этого парня не так-то и легко, так что в том, что дела в первом матче шли не очень, нет ничего удивительного. Помню, бегу я по левой бровке и натыкаюсь на двух защитников. Ситуация тупиковая. Но я неожиданно рванул, прошел их, и услышал, как с трибун начали скандировать «Ибрагимович, Ибрагимович!». Это было потрясающе. И было это далеко не в последний раз.

Меня начали звать «Ибра» — кажется, Моджи об этом позаботился. Как-то даже назвали «Фламинго». Это потому что я был очень худым. При росте в шесть с половиной футов (195 см) я весил всего лишь восемьдесят четыре килограмма. Капелло считал, что это очень мало.

«Как часто ты делаешь силовые тренировки?» — спросил он.

«Никогда», — ответил я.

Я даже штангу никогда не поднимал. Дошло практически до скандала. Он отправился к нашему физиотерапевту, чтобы заставить меня выкладываться в зале, и я впервые в своей жизни стал

следить за собой. Я прибавил в мышечной массе, стал более мощным игроком. В «Аяксе» всем на это было наплевать. Странно, там ведь куча молодых талантов! В Италии мы ели до и после тренировок, а перед матчами в отеле ели по три раза в день. Так что неудивительно, что я прибавил в весе.

Я стал весить так много, как никогда прежде: 98 килограммов. По ощущениям было как-то многовато. Чувствовал себя как-то неуклюже.

Стоило немного забыть о силовых тренировках и больше времени уделять бегу. В целом я стал более мощным и быстрым, я стал лучше во многих аспектах. И я стал абсолютно беспощаден к звездам, против которых приходилось играть. Нельзя уходить со своего пути. Капелло помог мне это осознать. Всегда нужно стоять на своем. Нельзя позволять этим звездам прогибать вас под себя. Наоборот: нужно всегда двигаться вперед. И я двигался. Я значительно вырос как футболист. Ко мне пришло всеобщее уважение. Точнее, я завоевал его.

Шаг за шагом я становился тем, кем являюсь сегодня. Тем, у кого любая неудача вызывает такой гнев, что никто даже рядом находиться не рискнет. Молодых игроков это пугало: я мог взорваться и кричать от злости. Периодически у меня случались вспышки ярости.

Начиная с «Ювентуса», я стал думать именно так. Я подобно Капелло перестал обращать внимание на какие-то регалии окружавших меня людей. Будь ты хоть Дзамброттой, хоть Недведом, но если ты не выкладываешься на тренировке, ты услышишь об этом от меня. Капелло не просто выбил из меня «Аякс». Он превратил меня в парня, который приходит в клуб только за победой. Без сомнения, это мне помогало. Это изменило меня как футболиста.

Но спокойнее я не стал. У нас был защитник один, француз, Джонатан Зебина. Он играл за «Рому» Капелло и выиграл с ними скудетто в 2001-м. Но теперь он был с нами. Я не считаю его очень уж хорошим игроком. У него вечно были какие-то личные проблемы, и на тренировках он зачастую играл чересчур агрессивно. Однажды он очень грязно под меня подкатился. Я подошел и заорал ему прямо в лицо:

— Если ты хочешь играть грязно, так скажи заранее, я тогда буду играть так же!

А он просто боднул меня, все так быстро произошло. Времени на раздумья у меня не было, так что я просто рефлекторно ему от-

ветил. Он, кажется, еше даже не поднял головы. Ну а я ему, похоже, изо всех сил заехал. Он рухнул на газон, а я не знал, чего ожидать. Думал, что Капелло придет в ярость, начнет орать. Но он стоял неподалеку, совершенно спокойно, будто произошедшее его не касалось. Все, конечно, начали шуметь: что, мол, произошло? В этом гуле я помню только Каннаваро. Он всегда мне помогал.

Ибра, — сказал он, — ты что наделал?

Мне показалось, он выглядел расстроенным. Но потом он подмигнул мне, намекая, что Зебина заслужил. Каннаваро просто вообще не нравился этот парень. А вот Лилиан Тюрам повел себя иначе.

Ибра, ты молодой и глупый. Нечего тут такое устраивать. Ты просто сумасшедший.

Но он не успел продолжить. Раздался крик, и, конечно, только один человек мог так орать.

Тюрааааааааам! — закричал Капелло. — Заткнись и иди отсюда.

Тюрам, как послушное дитя, конечно, ушел. Мне нужно было остыть. Два часа спустя я увидел парня с кучей льда на лице в маесажном кабинете. Это был Зебина. Нехило я приложился. У него до сих пор еще болело. Он долго еще ходил с фингалом, а Моджи влепил нам обоим штраф. А вот Капелло ничего не предпринимал. Он даже к себе нас не вызывал. Сказал только, что это хорошо для команды.

В этом весь он. Адреналин — вот, что было ему нужно. Можно было драться, вести себя как животные. Но были вещи, которые нельзя было допускать: ставить под сомнение его авторитет или действовать опрометчиво. Вот тогда он злился. Помню, мы играли против «Ливерпуля» в четвертьфинале Лиги чемпионов. 0:2 проигрывали. А перед матчем Капелло объяснял нам тактику и говорил, кому с кем играть при угловых. Но Тюрам решил опекать другого игрока «Ливерпуля». И как раз тогда нам и забили. В раздевалке после матча Капелло как обычно прогуливался

туда-сюда, а мы сидели, вжавшись в скамьи, и думали, что же сейчас будет.

Кто сказал тебе держать другого игрока? — спросил он Тюрама.

Никто. Но я думал, так будет лучше, — ответил Тюрам.

Капелло вдохнул и выдохнул пару раз.

Кто сказал тебе держать другого игрока? — повторил он.

Я думал, что так будет лучше.

Услышав то же объяснение, Капелло спросил в третий раз, и получил тот же ответ. Тогда Капелло просто взорвался:— Я говорил тебе держать другого игрока, а? Я здесь принимаю решения или кто-то другой? Я? Или нет? Я говорю — вы делаете. Ты понял?Потом он пнул массажный стол и резко повернулся к нам. В таких ситуациях обычно боишься даже глаза поднять. Все вокруг сидели, уставившись в пол. Трезеге, Каннаваро, Буффон — все и каждый. Ни одна мышца ни у кого в тот момент не двигалась. Никому бы не хотелось сейчас оказаться на месте Тюрама. Никто не хотел бы еше раз увидеть эти полные ярости глаза. Много чего было. И не сказать, что это было легко. Но главное: я продолжал хорошо играть.Капелло убрал из состава Алессандро Дель Пьеро, чтобы освободить место для меня. А ведь Дель Пьеро уже лет десять как имел статус неприкосновенного. Конечно, посадив на лавку настоящую икону клуба, Капелло вызвал тем самым негодование болельщиков. Они освистывали тренера и кричали в поддержку Дель Пьеро.Дель Пьеро семь раз выигрывал скудетто и был ключевым игроком «Ювентуса». Кроме того, он выигрывал Лигу чемпионов и был любимчиком семейства Аньелли. Звезда огромной величины. Ни один обычный тренер не рискнул бы посадить его на скамейку. Но Капелло как раз необычный. Его не заботит ни история, ни статусы. Он просто ведет команду вперед, и я был благодарен ему за это. Но, конечно, вся эта ситуация на меня давила. Я должен был играть особенно хорошо, когда занимал на поле место Дель Пьеро. И действительно: я все реже слышал его имя с трибун, гораздо чаще слышалось «Ибра, Ибра!». В декабре фаны выбрали меня игроком месяца, и это был невероятный успех.В Италии я хотел сделать серьезный шаг вперед. Конечно, я понимал, что все может сложиться по-разному: вот ты вроде король, а теперь — полный ноль. Спецзанятия с Гальбьяти, безусловно, дали свои плоды. Благодаря им, я стал намного более бережно относиться к каждому мячу, и, надо сказать, стал эффективнее в штрафной. Я изучил множество различных ситуаций, поэтому долго думать не приходилось — я действовал уже на автомате.Но не стоит забывать: чтобы оставаться опасным вблизи ворот, нужно иметь голевое чутье. Оно либо

есть, либо нет. Вы можете, конечно, попытаться его приобрести, но, что приобретается, то и теряется. Я никогда не видел в себе просто бомбардира. Я был

игроком, который всегда хотел что-то изменить. Я был готов к великим свершениям. Но в январе я потерял хватку.

Я пять матчей подряд не мог забить. За три месяца я отличился всего однажды. Не знаю, почему так произошло. Капелло начал наседать. Он разрушал во мне все то, что до этого создал.

Ты ни черта не делаешь! Ты бесполезен! — кричал он, но из состава не убирал.

Он все еще держал Дель Пьеро на лавке, и я предполагал, что он так кричал, чтобы меня мотивировать. По крайней мере, я надеялся на это. Конечно, хотел, чтобы его игроки поверили в себя, но видеть их чересчур самоуверенными он не желал. Самоуверенность он ненавидит, и это многое объясняло. Он то поднимал игроков на новую ступень, то сбрасывал их вниз, а потому я понятия не имел, где я нахожусь сейчас.

Ибра, подойди ко мне!

Страх от этого зова никогда меня не покинет, я даже начал думать: я, что, снова украл велик? Боднул кого-нибудь? По пути в раздевалку где он ждал меня, я уже начал придумывать какие-то заумные оправдания. Но это не так-то просто, когда даже не знаешь, что ты натворил. Остается только надеяться на лучшее. Когда я вошел, Капелло предстал передо мной в одном полотенце.Он принимал душ. Его очки были запотевшими, а в раздевалке было все, как всегда. Лучано Моджи хоть и любит красивые вещи, но раздевалки у нас были ужасными. Это часть его философии. «Побеждать гораздо важнее, чем иметь красивое помещение», — частенько говорил он, и я, пожалуй, согласен с этим. Но если четверо были в душе одновременно, то уровень воды поднимался до лодыжек. Но жаловаться было бесполезно. Моджи бы увидел в этом лишь подтверждение своей теории.«Видите ли, необязательно должно быть красиво, чтобы довольствоваться победами», — вот почему это место так выглядело. Капелло подошел ко мне полуголый в этой ужасной комнате, и я снова подумал: да что это за херня? Что я сделал-фп? Когда находишься наедине с Капелло, сразу начинаешься чувствовать себя таким ничтожным. А он наоборот, словно вырастает за счет вас.«Присаживайся», — произнес он, и, конечно, я сел. Передо мной стоял старинный телевизор и еще более старинный видеомагнитофон, в который Капелло вставил кассету.

Ты напоминаешь мне одного игрока, которого я тренировал, будучи в «Милане», — сказал он.

Я думаю, я знаю, кого вы имеете в виду.

Серьезно?

Я тысячу раз это слышал.

Отлично. Выброси из головы все эти сравнения. Ты не новый ван Бастен. Ты лучше. У тебя есть свой собственный стиль. Но Марко ван Бастен лучше двигался в штрафной. Здесь я собрал его голы. Изучи его движение. Впитывай. Учись.

Капелло спешно покинул раздевалку, и я остался наедине с этими записями. Я начал смотреть, и да, там действительно были все голы ван Бастена, с разных точек и расстояний. Мяч пулей влетал в ворота, он забивал снова и снова. Я просидел так минут 10—15, и не знал, когда я смогу уйти.Капелло, наверное, оставил кого-то у двери? Вряд ли. Я решил посмотреть всю кассету. Она шла уже где-то полчаса, и я решил, что хватит. Этого должно быть достаточно. Я ушел. Я сделал это тихо, без лишнего шума. Уяснил ли что-то? Пожалуй, лишь главный посыл: Капелло хочет, чтобы я забивал голы. Я должен был вбить себе это в голову, реализовать в движениях, систематизировать это как-то. Это совсем не шутки, и я это понимал.Мы возглавляли таблицу, но боролись с «Миланом», а потому для победы в чемпионате я должен был продолжать забивать. Серьезно, ничего больше, но там, в штрафной, мне приходилось непросто. Меня очень хорошо опекали. Защитники соперника буквально вцеплялись в меня, как волки. Про мой характер ходили слухи, поэтому игроки и болельщики пытались провоцировать меня какими-то оскорблениями и прочим дерьмом. Цыган, бомжара, что-то про мою мать и семью, еще какая-то фигня. Время от времени я взрывался. Были какие-то удары головой или что-то в этом роде. Но когда я зол, я играю лучше всего. 17 апреля в матче против «Лечче» я оформил хет-трик, болельщики сходили с ума, а журналисты писали: «Говорили, что он забивает недостаточно. Но у него уже 15 голов!»Я был третьим бомбардиром Серии А. Говорили, что я важнейший игрок «Ювентуса». «Ибра, Ибра!» — все вокруг мной восхищались.

Но неприятности поджидали меня прямо за углом.

ГЛАВА 13

Я понятия не имел, что полиция и прокуроры прослушивают телефон Моджи, и это было, наверное, хорошо. Мы с «Миланом» сражались за чемпионство, и впервые в своей жизни я жил вместе с кем-то. Хелена трудилась просто на износ. В дневное время она работала во Fly Me (авиаперевозчик — *прим, пер.)* в Гетеборге, а вечером подрабатывала в ресторане. И еще она успевала учиться в Мальмё.

Она слишком много работала, и ее стало подводить здоровье. Я сказал ей: «Хватит на сегодня. Просто останься со мной». Это было серьезное предложение, я думаю, что она восприняла его хорошо. Наконец-то она получила время для того, чтобы вздохнуть полной грудью.

Я переехал из квартиры Индзаги в удивительные апартаменты с высокими потолками в том же здании на Пьяцца Кастелло. Оно напоминаю мне церковь, а на первом этаже располагалось кафе под названием Mood, где работали ребята, с которыми позже мы подружились. Иногда они обслуживали нас за завтраком, и хотя у нас не было детей, но зато у нас был мопс Хоффа, маленький пухленький зверь. Как-то мы купили три пиццы на ужин — одну для меня, одну для Хелены и одну для Хоффа. Он съел ее всю за исключением корки, которую он распотрошил и разбросал по всей квартире — отдельное спасибо! Эта собака была нам как маленький толстенький ребенок, и мы вместе хорошо проводили время. Правда, мы с Хеленой все же были из разных миров.

В один из наших отпусков мы полетели вместе с моей семьей бизнес-классом в Дубай. Я и Хелена знали, как нужно вести себя во время рейсов. Но моя семья — это нечто. В шесть утра мой младший брат захотел виски. Маме не нравилось, когда ее дети употребляют алкоголь, и только представьте, что она сделала дальше. Это был ее способ решать подобные вопросы. Она просто взяла ботинок и стала бить им по голове Кеки. Просто бах, бум и Кеки совсем сбрендил, попытался ответить. Шесть часов утра, в бизнес-классе полный бедлам. Я смотрю на Хелену, а ей просто хочется провалиться сквозь землю.

Обычно я отправлялся на тренировочную базу в 9:45, но в один прекрасный день я опаздывал. Я метался по квартире, и вдруг мне почудился запах дыма. Ну, так, по крайней мере, сказала Хелена. Я не знаю. Единственное, что я знаю на сто процентов: когда я открыл дверь, чтобы выйти, у парадной двери был пожар. Ктото собрал в охапку несколько роз и поджег их. В здании у всех у нас были газовые плиты, и в соседнем подъезде вдоль стены была проложена газовая труба. Все могло кончиться очень плохо. Мог запросто произойти взрыв. Но мы таскали воду ведрами и потушили огонь, и мне было жаль, что я не открыл дверь на тридцать секунд раньше. Этот идиот был бы пойман с поличным, и я бы уничтожил его.

Полиция так и не узнала, кто это сделал, и позже мы забыли об этом случае. Нельзя же все время помнить о плохом.

Существуют и другие вещи, о которых стоит думать. Все время поступал новый материал для раздумий, и произошло много чего. К

примеру, в Турине у меня была встреча с двумя придурками из Aftonbladet.

Это случилось, когда я еще жил в отеле Meridien. Aftonbladet хотел улучшить наши отношения, как они сказали. Я приносил им доход и Мино думал, что самое время зарыть топор войны. Но я просто так ничего не забываю. Материалы врезались в мою память. Я всегда добиваюсь своего даже десять лет спустя.

Когда ребята из газеты прибыли, я был в своем номере в отеле, и я думаю, что они вели какие-то переговоры с Мино. Когда я спустился, то почувствовал, что оно того не стоит. «Сфабрикованный полицейский отчет!», «Как вам не стыдно, Златан!», — и это по всей стране. Я даже не поздоровался. Я был просто разъярен. Во что они играют? Думаю, научил их уму-разуму, и, возможно, изрядно напугал. Я даже бросил в одного из них бутылкой воды, метя в голову.

— Хрен бы вы справились, будь на моем месте.

Я был сыт всем этим по горло и зол и, наверное, мне сложно объяснить вам, под каким давлением я находился. Это были не только средства массовой информации. Это были фанаты, 60лелыдики, тренеры, руководство клуба, мои товарищи по команде, деньги. Я должен был играть, и если не мог забивать голы, то должен был выслушивать мнение каждого обо всем этом, и мне нужно было найти какой-то выход. У меня был Мино, Хелена, ребята по команде, но они были чем-то не тем. Были простые вещи,

как и мои автомобили, которые давали мне ощущение свободы. В то время я получил свой Ferrari Enzo. Автомобиль стал одним из моих условий на переговорах по контракту. Там был я,'Мино, Мохики, исполнительный директор Антонио Джираудо и Роберто Беттега. Мы сидели в комнате, обсуждали мой контракт, когда Мино вдруг сказал:

Златан хочет Ferrari Enzo!

Все просто переглянулись. Enzo являлся последней моделью Ferrari: самый потрясающий автомобиль, который когда либо был выпущен компанией, и было сделано только 399 автомобилей и нам показалось, что мы просим слишком многого. Но Моджи и Джираудо, казалось, рассматривают все как разумную просьбу. В конце то концов, Ferrari принадлежит владельцам «Ювентуса». Все это было похоже на «да, конечно, парень должен иметь Езжп».

Это не проблема. Мы найдем одну из них для вас, — сказали нам и я подумал: «Ничего себе, какой клуб!».

Но, конечно, не все было так просто. Когда контракт был подписан, Антонио Джираудо сказал мимоходом:

Этот автомобиль — это старый Ferrari, не так ли?

Я был поражен и посмотрел на Мино.

Нет, — сказал он. — Новый. Тот, который был выпущен всего в 399 экземплярах.

Джираудо сглотнул.

Я думаю, что у нас могут быть проблемы, — сказал он.

Оставались лишь три забронированные машины, и была еще

длинная очередь желающих с очень громкими фамилиями. И что делать? Мы позвонили боссу Ferrari Луке ди Монтеземоло и объяснили ситуацию. Будет трудно, сказал он, почти невозможно. Но в конце все получилось. Я получил одну и обещал никогда не продавать.

Я буду хранить ее у себя до своей смерти, — ответил я и, честно говоря, я люблю эту машину.

Хелена не любила ездить на ней. На ее вкус она слишком дикая и какая-то выпуклая. А я сходил с ума по этой машине еще по одной причине. Автомобиль был классный, быстрый: вот он я, который достиг этого в жизни. Enzo дал мне чувство, что я должен работать усерднее, чтобы заслужить его. Я мог смотреть на него и думать: если я не буду хорош, то потеряю его. Эта машина стала моим новым стимулом.

Прежде, когда я нуждался в чем-то подобном, я делал татуировку. Тату стали для меня чем-то вроде наркотика. Я всегда хотел

чего-то нового. Но они никогда не были импульсивным решением, все до одной были хорошо продуманы. Тем не менее, в самом начале я был против них. Мысль о тэту ассоциировалась у меня с плохим вкусом. Но соблазн в скором времени оказался сильнее. Александр Остлунд помог мне сделать выбор, и первой татуировкой стало мое имя белыми чернилами на талии. Увидеть ее можно только тогда, когда тело загорело.

Потом я стал более смелым. Я слышал выражение «Только Бог может судить меня». В газетах написать могли все, что угодно. Какой-нибудь крик с трибун. Но они все еще не могли до меня добраться. Только Бог мог судить меня! Мне понравилось это. Вы должны следовать своим путем. Я знаю это и нанес на свое тело. Я нанес дракона, который в японской культуре означает воина, и я был воином.

Я нанес и карпа (рыба плавает против течения), и символ Будды для защиты от страданий, и пять элементов: воду, землю, огонь и так далее. Я вытатуировал даты рождения членов моей семьи — мужчин на правой руке, потому что правая сторона означает силу: папы, братьев и позже моих сыновей, и женщин на левой, ближе к сердцу: мамы, Санелы, но не моих сводных сестер, которые отделились от семьи. Позже я некоторое

время размышлял: кто же семья, а кто нет? Но это было позже.

Я был полностью сфокусирован на футболе. Ранней весной обострились разговоры о том, кто станет чемпионом. Была команда-фаворит. Но в том сезоне ожидалась тяжелая схватка до самого конца. Мы и «Милан» имели в активе по 70 очков, и по этому поводу были исписаны тонны бумаги. Для драмы было готово все. На 18 мая была запланирована встреча на «Сан-Сиро». Мне казалось, как будто бы играется настоящий финал лиги. Большинство присутствующих думали, что «Милан» выиграет. Не только потому, что они имели преимущество домашней арены. В первом матче на «Делле Альпи» была зафиксирована ничья 0:0, однако «Милан» владел преимуществом. Многие считали их лучшей командой Европы, несмотря на то, что мы тоже были сильны. Никто не был удивлен, когда «Милан» снова попал в финал Лиги чемпионов. «У нас много шансов», — говорили они, но пока это не имело никакого значения, так как все это должно было произойти лишь после нашего матча с миланским «Интером».

Было 20 апреля, прошло всего несколько дней после моего хеттрика в ворота «Лечче», и меня везде хвалили. Мино предупредил,

что «Интер» уделит мне особое внимание. Я был звездой, «Интеру» необходимо было закрыть меня или психологически надломить.

Если ты собираешься пройти это, то тебе нужно быть готовым выстрелить из обоих стволов. В противном случае шанса ты не получишь, — сказал мне Мино, а я ответил ему так, как я это всегда делаю:

Это не проблема. Жесткость заставляет меня двигаться вперед.

Но я определенно нервничал. Причин несколько. Это и застарелая ненависть между «Ювентусом» и «Интером», да и оборона «Интера» в этом году была действительно крепка. Особенно выделялся Марко Материцци. На тот момент ни у кого не было больше красных карточек в Серии А, чем у него. Материцци был известен своей грязной и агрессивной игрой. Спустя год, летом 2006 года, он получил всемирную известность, когда он сказал что-то Зидану во время финала Чемпионата мира и получил удар головой в грудь. Материцци остер на язык и играл грубо. Иногда его называли «Мясник».

В «Интере» также выступали Иван Кордоба, низкорослый, но атлетичный колумбиец, а также Синиша Михайлович. Михайлович был сербом, потому было много написано о том, что матч может стать мини-Балканской войной. Но все это фигня. То, что на самом деле произошло на поле, не имело ничего общего с войной. Михайлович и я позже в «Интере» стали друзьями, меня никогда не волновало, откуда человек родом. Я не

отношусь наплевательски к этническим проблемам, но честно сказать, как я мог отреатировать по-другому? В нашей большой семье все смешано. Мой отец — босниец, моя мама — хорватка, а отец моего маленького брата — серб.

Но Михайлович был действительно жестким игроком. Он был одним из лучших исполнителей штрафных ударов в мире, и он не следил за языком. Он назвал Патрика Вийера *nego dimerda,* черным дерьмом, во время матча Лиги чемпионов, что привело к полицейскому расследованию. Также он ударил Адриана Муту и плюнул в него, и за это получил восьмиматчевую дисквалификацию. Не то чтобы я хочу сделать из него какого-то монстра, ничего такого. Все, что происходит на поле, на нем и остается. Это моя филоСофия, и, честно говоря, вы бы были потрясены, если бы узнали, что там происходит: удары и оскорбления, постоянная борьба, но для нас, игроков, это просто бизнес. Я упоминаю об этом всем для того, что бы дать представление вам о том, что действия этих ребят не следует воспринимать всерьез. Они могли играть противно и грубо, и я сразу понял, что этот матч будет жестоким, не будничным. Матч оскорблений и ненависти.

Меня и мою семью давил груз всякого дерьма и моим единственным ответом могла быть моя игра. В подобной ситуации больше ничего сделать было нельзя. Если вы дрогнете, вас раздавят. Вы должны направлять свой гнев так, чтобы отдать все силы на поле, и я играл мощно, жестко. Я набирал силу. Я больше не был тощим дриблером из «Аякса», стал сильнее и быстрее. Я не был легкой добычей и тренер миланского «Интера» впоследствии сказал:

— Феномен Ибрагимовича в том, что когда он играет на таком уровне, его трудно прикрыть.

Но бог свидетель, они старались, много подкатывались под меня, и я был столь же жесток. Я был диким и несокрушимым. Я был *Il Gladiatore*, как потом меня назвали в итальянских газетах. Всего через четыре минуты мы столкнулись головами с Кордобой, и оба остались лежать на поле. Я встал и шатался, как пьяный. У Кордобы было сильное кровотечение, и он покинул поле из-за необходимости наложить швы. Но он вернулся с повязкой вокруг головы и ничего не изменилось. Назревало что-то серьезное, и мы мрачно посмотрели друг на друга. Это была война. Это были нервы и агрессия, и на 13-й минуте я и Михайлович приземлились на газон после столкновения.

На мгновение мы выключились. Мол, что произошло? Но потом осознали, что сидим на траве рядом друг с другом. Он мотнул головой, я ответил, тоже изобразив удар. Уверен, все выглядело смешно, это было как

угроза, я просто сделал кивок головой в его сторону. Поверьте, если бы я действительно боднул его, то он бы не встал. Это было большим, чем просто прикосновение, скорее просто способ показать, мол, я не признаю тебя, ублюдок! Но Михайлович схватился за лицо руками и упал на землю; конечно, это было представление. Он хотел, чтобы меня удалили. Ноя даже не получил предупреждения.

Минутой позже мы боролись уже с Фавалли. В целом матч не был красивым, но я играл хорошо и участвовал практически во всех наших атакующих комбинациях, но вратарь «Интера» Франческо Тольдо действовал блестяще. Он делал один сейв за другим, а в итоге мы пропустили гол. Хулио Крус забил нам головой. Мы приложили все усилия, чтобы сравнять счет, и были близки к этому, но нам все не удавалось. Воздух был наполнен войной и местью.

Кордоба хотел отомстить мне, ударил в бедро и получил желтую карточку. Матерацци пытался воздействовать психологически, Михайлович продолжил сыпать оскорблениями, делал не совсем чистые подкаты и так далее, а я упорно шел вперед. В первом тайме у меня были неплохие моменты.

Во второй половине я ударил издалека и попал в наружную часть стойки ворот, затем был свободный удар, который Тольдо взял, продемонстрировав невероятную реакцию.

Но гола не было, а спустя минуты я и Кордоба снова столкнулись. Мы столкнулись и я рефлекторно сделал движение, получился еще один сильный удар, удар в подбородок или горло. Я подумал, что в этом нет ничего серьезного, что это часть нашей борьбы на поле, и судья этого не заметил. Но поступок имел свои последствия. Мы проиграли, и это было очень плохо. Матч мог стоить нам скудетто.

Дисциплинарный комитет итальянской лиги рассмотрел видеокадры моего столкновения с Кордобой и принял решение дисквалифицировать меня на три матча. Я был должен пропустить окончание борьбы в Серии А, включая решающий матч против «Милана» 18 мая, и я чувствовал, что со мной обошлись несправедливо.

— Мой поступок оценили необъективно, — так я сказал журналистам.

Все дерьмо обрушилось на меня, и я один оказался пострадавшим.

Было трудно, особенно если принимать во внимание роль, которую я играл в команде. Это был удар для всего клуба, и руководство призвало Луиджи Чиапперо, известного адвоката. Чиапперо защищал «Ювентус» во время старых обвинений в использовании допинга, и теперь он напирал на то, что мой удар не был умышленным, он был частью борьбы за мяч, по

крайней мере, тесно связан с ней. Кроме того, на протяжении всего матча меня постоянно грубо атаковали и оскорбляли, говорил он. Он даже нанял человека, который мог читать по губам, чтобы проанализировать слова, который кричал Михайлович в мой адрес. Но это было непросто. Многое из того было на сербско-хорватском, так что Мино вышел и сказал, что Михайлович говорил веши, которые были слишком грубы для того, чтобы быть повторенными, слова о моей семье и моей маме.

Райола не кто иной, как пиццайоло, — возразил Михайловим.

Мино никогда не готовил пиццу. Он занимался другими вещами в ресторане своих родителей и он парировал:

Самое лучшее в этом заявлении — оно доказывает то, что все и так знали — он глуп. Он даже не отрицает, что провоцировал Златана. Он расист, что и показал нам ранее.

Был беспорядок. Обвинения летели туда и обратно, и Лучано Моджи, который никогда ничего не боялся, намекнул на еговор. Камеры, которые зафиксировали мой удар, принадлежали Mediaset, медиа-корпорации, которая принадлежала Берлускони, а Берлускони был владельцем «Милана». Разве изображения не появились в дисциплинарном комитете удивительно быстро? Даже министр внутренних дел Джузеппе Пизану прокомментировал этот эпизод, споры возникали в газетах ежедневно.

Но ничего не помогло. Запрет был подтвержден, и я должен был пропустить решающий матч против «Милана». Этот сезон был моим, и я не хотел ничего больше, чем быть частью команды и выиграть лигу. Но теперь я должен был смотреть матч с трибуны, и это было тяжело. Давление было ужасным, и со всех сторон летела всякая фигня, связанная и с этой дисквалификацией, и со всем остальным. Это был цирк.

Такова была Италия. «Ювентус» дает silenzio stampa (обет молчания) — никому не разрешалось говорить со средствами массовой информации. Ничто не должно было отвлекать от последних приготовлений. Все должны были молчать и сконцентрироваться на матче, который считался одним из самых важных в том году в Европе. И мы, и «Милан» имели по 76 очков. Это был триллер. Матч стал горячей темой для обсуждений в Италии, и большийство людей сошлись во мнении, в том числе и букмекерские конторы: «Милан» — фаворит. «Милан» играл на своем поле, было продано восемьдесят тысяч билетов, а у меня, ключевого игрока, была дисквалификация. Адриан Муту также не мог выйти на поле. Зебина и Таккинарди были травмированы. У нас был не сильнейший состав, в то время как «Милан» имел блестящую команду с Кафу, Нестой, Стамом и Мальдини в защите, Кака в центре поля, Филиппо Индзаги и

Шевченко на острие.

У меня было плохое предчувствие, и было не смешно, когда газеты писали, мол, мой поступок может стоить нам чемпионского титула. «Он должен научиться контролировать себя. Он должен

успокоиться». Постоянно звучала подобная хрень, даже от Капелло, и это было ужасно, что я не мог ответить.

Команда была невероятно мотивирована. На 27-й минуте первого тайма Дель Пьеро на левом фланге владел мячом и был остановлен Гаттузо, миланским парнем, который пашет на поле усерднее, чем кто-либо другой. Мяч полетел по высокой дуге, и Дель Пьеро бросился за ним. Он ударил через себя в штрафную, где мяч нашел Давида Трезеге, который и отправил его головой в ворота. Однако до конца оставалось еще много времени.

«Милан» стал оказывать невероятное давление, и на 11-й минуте второй половины Индзаги вырвался один на один. Он выстрелил, но Буффон отбил, мяч отскочил к тому же Индзаги, и тот бил уже, казалось, наверняка, но на линии ворот был Дзамбротта, который, выбивая мяч, врезался в стойку ворот.

После этого шансы забить имели обе команды. Дель Пьеро выстрелил в перекладину, а Кафу требовал пенальти. Много чего происходило в это время. Но результат не менялся. Мы выиграли со счетом 1:0, и вышли в лидеры. Вскоре я смог играть снова. Бремя упало с моих плеч, и 15 мая мы играли дома на «Делле Альпи». Пресса уделяла мне большое внимание. Не только потому, что я вернулся после дисквалификации. Десять ведущих спортивных изданий голосовали за меня, как за третьего нападающего в Европе после Шевченко и Роналдо, и были даже разговоры о том, что я мог бы выиграть Золотую бутсу.

В любом случае я был готов к пристальному вниманию ко мне, тем более что Капелло усадил на скамейку Трезеге, героя матча с «Миланом», и я почувствовал, что должен показать себя. Я должен быть накален до определенной точки. Не должно быть больше никаких вспышек и карточек, я был абсолютно уверен в этом. Каждая камера на поле будет следовать за мной. Когда я вышел на поле, я мог слышать скандирование болельщиков «Ибрагимович, Ибрагимович, Ибрагимович».

Вокруг меня все гремело, я жаждал играть, и мы забили. Затем на 23-й минуте после розыгрыша штрафного мяч, посланный Каморанези, полетел высоко над штрафной. Ранее я подвергался критике за недостаточно хорошую игру головой на втором этаже, несмотря на мой рост. Теперь я сделал все, чтобы был гол, и это была фантастика. Я вернулся, и за

несколько минут до финального свистка на электронном табло стадиона вспыхнуло сообщение: «Лечче» сыграло 2:2 с «Миланом», и казалось, что скудетто будет нашим.

Если мы обыграем в следующем туре «Ливорно», то обеспечим себе победу! Но даже этого не потребовалось. 20 мая «Милан» сыграл вничью с «Пармой», хотя вел в счете 3:1, и мы стали чемпионами. На улицах Турина люди плакали от счастья, а мы ехали по городу в автобусе с открытым верхом. Мы едва могли проехать. Люди были повсюду, они пели, приветствовали и кричали. Я чувствовал себя маленьким ребенком, мы отправились отмечать всей командой. Пью я редко — слишком много неприятных воспоминаний, связанных с этим. Но тут я решил послать все к черту.

Мы тоже выиграли чемпионский титул. Это сумасшествие! Ни один швед не делал этого со времен Курре Хамрина, когда он в 1968 году выиграл чемпионат с «Миланом». Я был признан лучшим иностранным игроком лиги и лучшим игроком «Ювентуса». Это было моим личным скудетто, и я пил и пил, и Давид Трезеге подталкивал меня к этому. Больше водки, рюмка за рюмкой, он был французом, но он хотел быть аргентинцем — он родился в Аргентине — и теперь он действительно расслабился. Водка текла рекой. Сопротивляться было бесполезно, и я напился, как свинья, а когда вернулся домой на Piazza Castello, вокруг меня все плыло, и я думал, что мне поможет душ. Но все продолжало плыть и врадаться.

Как только я двигал головой, весь мир вращался вместе с ней и, наконец, я заснул в ванной. Я был разбужен Хеленой, которая просто смеялась надо мной. Но я попросил ее никогда больше не говорить об этом.

ГЛАВА 14

Каким бы ни был Моджи, люди его уважали и поболтать с ним было одно удовольствие. Он очень быстро все схватывал и как-то подталкивал события. В нем чувствовалась сила, да и понимал он все правильно. Это я понял, когда мы обсуждали мой первый контракт. Я надеялся на условия получше и вовсе не хотел дразнить его, поэтому обращался с ним как с важной шишкой. Каковой он на самом деле и являлся.

Вот как это было. Со мной пришел Мино, и повел себя, как последняя скотина. Он ввалился в офис Моджи, развалился в его кресле и закинул ноги на стол.

Что б тебя, — говорю ему, — он вот-вот придет. Ты мне контракт провалишь. Сядь по-человечески.

Засунь свои советы себе в ж... и заткнись, — это он мне. Я, честно говоря, другого от него и не ожидал.

Мино, он такой, зато этот парень умеет торговаться. Собаку на этом съел. Но я все-таки нервничал, что он мне все карты спутает. А совсем мне поплохело, когда вошел Моджи с сигарой да как зарычит:

Какого хрена ты сидишь на моем месте?!

Сядь, тогда мы сможем поговорить! — Мино, конечно, понимал, что он делает; они ведь были знакомы — он и Моджи.

И вот в таком хамоватом духе они и перетерли все, и условия я получил гораздо лучше, чем надеялся. Если буду хорошо играть и нравиться публике, обещал Моджи, стану самым высокооплачиваемым игроком. Это мне подходило. Но потом началась какая-то фигня, и тогда-то я понял, что не все так уж здорово.

На второй год я часто жил в гостиницах и на сборах с Адрианом Муту. Это было весело. Адриан — румын, в 2000-м приехал в Италию играть за «Интер», знал язык и все такое, и это стало мне большим подспорьем. Парень был отвязный. Ох, и истории с ним приключались! Я валялся от смеха в нашем номере, когда он начинал рассказывать. До колик в животе. Когда его купила «Челси», он отрывался по полной. Но это его в конечном счете и подвело.

В крови у парня обнаружили кокаин; «Челси» его выгнал и, сверх того, навесил большую неустойку. Когда мы жили вместе, он уже от всего этого избавился, был чист и спокоен и мы вспоминали всю ту историю со смехом. Но вы уже поняли, кто из нас был заводилой. Одна только история, когда он в ванне заснул, чего стоит.

А теперь в клуб пришел Патрик Виейра. Я так скажу, он упрямый малый, и взаимопонимания мы с ним поначалу не нашли. Я в слабаках ходить не стану. С такими людьми я противопоставляю силе силу, а в «Ювентусе» я стал еще злее, чем был раньше. Я — воин, и вот я бегу по полю, а мяч у Виейра.

Дай мне этот хренов мяч! — ору я, хотя точно знаю, с кем имею дело.

Когда-то Патрик Виейра был капитаном «Арсенала». С этой командой он выиграл премьер-лигу, стал чемпионом мира и чемпионом Европы во Франции, он вовсе не был пустым местом, ни в коем случае. Но я на него наорал. Я был в хорошей позиции, а я так понимаю: высший уровень футбола — это командное взаимодействие.

Заткнись! Поди побегай, — огрызнулся он.

Передай мне мяч, и я заткнусь, — ответил я.

Тут мы сцепились, нас пришлось растаскивать.

Но если честно, ерунда все это: только доказывает, что оба мы — крутые. В этом спорте добрым быть нельзя. Патрик Виейра — отнюдь недобрый. Он из тех, кто выжимает все из любой ситуации, и я видел, что с его приходом команда стала лучше. Мало кого из сегодняшних футболистов я так уважаю. Его игра — высочайшего качества, и просто невероятно здорово было чувствовать позади себя, в полузащите его и Недведа. Так что второй сезон в «Ювентусе» начался отлично.

В матче с «Ромой» я получил пас от Эмерсона в середине поля и, не опуская мяч на землю, пяткой пробросил его над головой Самюэля Куффура далеко вперед. Половина поля «Ромы» была пустая, и я рванул к воротам противника. Я несся стрелой, а Куффур пытался повиснуть на мне. У него не было шансов — он только ухватил меня за футболку, но не удержался и упал. Когда я был уже у штрафной площадки, другой защитник бросился мне нэперерез, а вратарь Дони выскочил навстречу, сокращая угол обстрела. И тогда я послал мяч в верхний ближний угол — вот это был гол! «Мамма миа, что за гол!» — как потом говорил журналистам; и похоже было, что год выйдет победным.

В Швеции я получил золотой мяч и титул лучшего игрока года. Это было забавно, хотя и непросто. Все организовала «Aftonbladet». У меня к этому таблоиду были старые счеты, и я остался дома. На следующий год предстояла зимняя Олимпиада в Турине. Народ толпился на вечеринках и концертах на Пьяцца Кастелло, и по вечерам мы с Хеленой стояли на террасе и смотрели. Нам было хорошо, и мы решили завести детей, впрочем, насчет «решили» я не уверен. Мы просто дали этому случиться, так к таким вещам и нужно относиться, я уверен. Оно просто должно случиться. Кто знает, когда ты будешь готов?.. Иногда мы ездили в Мальмё навестить моих родных. Хелена к тому времени уже продала свою ферму, и мы жили у моей мамы, в доме, который я купил ей в Свегерторке, и иногда я играл в футбол на ее лужайке. И один раз забил. Да еше как!

Я ударил по мячу со всей силы, и он протаранил изгородь. Дыра была внушительной, и мама, женщина темпераментная, чуть меня не убила. «Вот сейчас поехал и купил мне новую загородку! Прямо сейчас!», — заорала она. Само собой, в такой ситуации мне оставалось только подчиниться. Мы с Хеленой отправились на машине в «Баухаус». Но, к сожалению, отдельные секции они не продают. Пришлось купить изгородь целиком, места она занимала, как небольшой дом, и никак не желала влезать в мою машину. Ну, никак. Тогда я взвалил ее на спину и топал до дома два километра. Притопал, приделал изгородь на место, мама была счастлива, и, как я уже сказал, нам всем было хорошо.

Но вот на поле я стал терять кураж. Я сам себе казался слишком тяжелым. Весил 95 кило, и далеко не все они приходились на мышцы. Мне ведь иной раз приходилось есть пасту дважды в день, а это чересчур. И вот я принялся ходить в спортзал и сел на диету, чтобы вернуться в форму. Но были и еще проблемы. В чем, например, заключалась тактика Моджи? В какие игры он играет? Я не врубался.

Нам предстояло обсудить новый контракт. Но Моджи отложил разговор. И пришел с извинениями. Он всегда темнил. Но на этот раз все выглядело совсем уж бесперспективно. На следующей неделе, говорил он. В будущем месяце. Все время что-то мешало. Ни туда, ни сюда. Наконец, я взбесился. И говорю Мино:

— К лешему! Подпишем сегодня. Я не могу больше спорить.

И мы сладили дело, как нам, показалось, совсем неплохо; я бы сказал, даже хорошо, так я был счастлив наконец скинуть все это.

Но не тут-то было! Вернее, да — Моджи сказал: ладно, хорошо, подпишем через пару дней. Но сначала надо было играть в Лиге чемпионов против «Баварии». Дело было дома, в Турине, и против меня вышел центральный защитник по имени Валерьен Исмаэль. Он буквально повис на мне и так достал, что я со злости врезал ему ногой и увидел перед собой желтую карточку. Но на том не кончилось.

На 90-й минуте меня сбили в штрафной «Баварии» (на самом деле, нарушение произошло за пределами штрафной площадки — *прим. пер.)*. Мне бы успокоиться — все-таки ведем 2:1, игра заканчивается, — но я так обозлился на этого Исмаэля, что снова ударил его и огреб вторую желтую карточку. Меня удалили с поля, чему Капелло, ясно, не обрадовался. Он завопил как резаный. Смешно, ведь Капелло собирался преподать мне урок хорошего поведения.

Но Моджи, что с ним делать? Он объяснил, что контракт больше не действует. Ты профукал свой шанс, сказал он, и я взвился. Что, все псу под хвост из-за одной ошибки?

Скажи Моджи, что я больше ничего не подпишу, что бы он ни предложил, — сказал я Мино. — Я хочу, чтобы меня продали.

Думай, что говоришь, — ответил Мино.

И я стал думать. Я не желал подчиниться. И это означало войну, что ж еще. Я был сыт по горло и поэтому Мино отправился к Моджи и сказал ему все как есть:

Приглядывай за Златаном. Он вне себя, и ты его потеряешь.

И буквально через две недели Моджи показал мне контракт.

Мы такого и не ждали. Он боялся потерять меня. Но дело на этом не

закончилось. Мино назначал встречи, Моджи их откладывал и снова являлся с извинениями. Он собирался уезжать, то, се, и вот что я отлично помню: Мино позвонил мне.

Что-то не так, — сказал он.

Что ты хочешь сказать? Что именно?

Сам не пойму. Но Моджи ведет себя странно.

Вскоре это стало ясно не только Мино. Что-то витало в воздухе, и дело было не только в Лаппо Элканне, хотя и это сыграло свою роль. Лаппо Элканн приходится внуком Джанни Аньелли. Я с ним пару раз встречался. И мы не поладили. Парни этого типа себе на уме. Плейбой, икона стиля, разве ему управиться с «Ювентусом»? Моджи и Джираудо там рулят, а вовсе не хозяева. Но, конечно, паренек являлся символом ц клуба, и «Фиата», а еще входил в список самых элегантных людей мира и все такое. Скандал с его участием стал событием.

Лаппо Элканн переборщил с кокаином. Да еще в компании проститутки-транссексуала, и не где-нибудь, а в его собственных апартаментах в Турине. Оттуда его увезли в больницу, где он и валялся в коме. Новость обсасывала вся Италия. И, конечно, Дель Пьеро и еще кое-кто из игроков выступали в прессе, выражали поддержку. Но к футболу это отношения не имеет. В дальнейшем на Элканна стали смотреть как на катастрофу для клуба.

Когда у Моджи закрались подозрения, я не знаю. Но копы явно допрашивали его еще до того, как история просочилась в прессу. И началось все, как я понимаю, со старого допингового скандала, в котором «Ювентус» оправдали. В этой связи полиция начала прослушивать телефон Моджи и услышала кое-что, что к допингу отношения не имело, но звучало подозрительно. Моджи явно пытался заполучить на матчи «Ювентуса» «правильных» судей. Телефон оставили на прослушке, и наружу выплыло много дерьма. По крайней мере, так это выглядело, если сопоставить факты, хотя я сам не придавал бы такого значения этим свидетельствам. Просто многим поперек горла то, что «Ювентус» — клуб номер 1! Я в этом уверен.

Когда кто-то занимает господствующее положение, другие хотят втоптать его в грязь, и меня совсем не удивило, что все эти обвинения предъявили, когда мы выигрывали Лигу. Выглядело все хуже некуда, и мы вылетели. Пресса среагировала так, будто началась третья мировая. Но все это просто дерьмо собачье, так я сказал. Рефери подыгрывают нам? Вперед! Мы ждем вас с распростертыми.

Мы рискуем своими ногами, и никакой чертов рефери нам не помогает.

Ни разу ни один из них не принял мою сторону, честно. Я для этого великоват. Если парень врежется в меня, я останусь на месте, но если я в него — он отлетит метра на четыре. Мне на поле помогают мое тренированное тело и стиль игры.

И ни разу я не подружился ни с одним рефери. Нет, нет, просто мы были лучшими, и нас хотели сбросить «с рельсов». Вот в чем состоит правда, и тут поработало немало мутных людей. Например, Гвидо Росси, тесно связанный с «Интером». А «Интер» от всей этой заварухи только выиграл.

И все это было затеяно только для того, чтобы доказать: в «Ювентусе» собрались плохие парни. «Милан», «Лацио», «Фиорентину» и союз рефери также наказали. Но нам пришлось хуже всех, потому что телефон Моджи прослушивали. Хотя доказательства были жиденькие. И все-таки, смотрелось все это не здорово, согласен.

Выходило, будто Моджи оказывает давление на босса рефери всей Италии, чтобы тот посылал на его игры только добреньких ребят. И там слышно, как он орет на них, например, на одного по имени Фандель, который судил наш матч с Юргорденом. Какието судьи сказали, что после нашего проигрыша «Реджине» в ноябре 2004 г. их заперли в раздевалке и немного «наказали». А потом эта история с папой. Понтифик умирал. И все игры отменили — страна надела траур. Но поговаривали, будто Моджи добрался до министра внутренних дел и настаивал, чтобы игра с «Фиорентиной» обязательно была проведена, и все якобы потому, что у наших противников два ведущих игрока получили травмы, а двое дисквалифицированы. Не знаю, сколько в этом правды. Но, кажется, подобное в порядке вещей, и, если честно, кто, черт побери, не орал на судей? И кто не радеет родному клубу?

Это была знатная заваруха, говорили даже о Моджигейте, и мое имя тоже всплыло. Я ничего другого и не ждал. Ясное дело, что лучшие игроки тоже оказались под прицелом. Пошли слухи, что Моджи, говоря о моей драке с Ван дер Ваартом, сказал что-то вроде того, что все делаю, чтобы меня выставили из клуба. А коекто утверждал, что он подговаривал меня полезть в драку, и не за просто так. Это, правда, похоже на Моджи. Но и эти слухи — дерьмо, да и только. Подрались мы с Ван дер Ваартом, только и всего.

Но это теперь легко говорить, а утром 18 мая мне позвонили. Мы с Хеленой отдыхали тогда в Монте-Карло в компании с Александром Остлундом и его семьей. И вот мы слышим по телефону, что у дверей нашей квартиры стоит полиция. И полиция желает войти. И у них есть

ордер на обыск в наших апартаментах. И что мне делать? Я выехал немедленно. За час дорулил до Турина и подхожу к своим дверям. Полицейские, надо сказать, вели себя по-джентльменски. Просто у них работа такая. Но это не значит, что было приятно. Они прочесали все мои поступления от «Ювентуса», будто я преступник какой-то, спрашивали, получал ли я деньги в конверте. Я ответил им как на духу: никогда! А они глаза прячут. Я им и говорю:

— Это-то вы и ищете?

Я дал им все наши с Хеленой банковские документы, это их удовлетворило. Они сказали «спасибо» и «до свидания», а еще

«удачи!» и «мы — поклонники вашей игры». Весь менеджмент «Ювентуса» — Джираудо, Беттега и Моджи — подал тогда в отставку. Они были по уши в дерьме. Моджи сказал газетчикам:

— Я потерял свою душу; она убита.

На следующий день «Ювентус» выставили на торги, а мы собрались на кризисное совещание в спортзале. Я это никогда не забуду.

Приехал Моджи. С виду он был как обычно: одет прекрасно, голову держит высоко. Но это был уже другой Моджи. К этому моменту начался новый скандал, с его сыном, что-то об измене. Он рассказал об этом и о том, как его все достало. И я с ним согласился. Это его личное дело, и к футболу оно не имеет отношения. Но даже не это тронуло меня больше всего.

Он заплакал, при всем честном народе. У меня живот перехватило. Я никогда прежде не видел его слабым. Он просто излучал мощь. А теперь... как объяснить? Еще совсем недавно он был моим начальником и грозил разорвать контракт, и все такое. А сейчас мне стало его жалко. Мир встал вверх дном. Мне, может быть, следовало сказать: ты сам во всем виноват. Но я чувствовал, как ему плохо. Мне больно было видеть, как пал человек такого рода. Я после много думал об этом, и вовсе не на тему: никому верить нельзя. Я начал кое-что понимать. Почему он все откладывал наши переговоры? Почему придавал им такое значение?

Может, он защищал меня?

Я все сильнее верил в это. Не знаю, право, но я все больше был склонен понимать это именно так. Он знал, что должно произойти. Он знал, что «Ювентус» уже никогда не будет прежним, и что я окажусь в дерьме, если он привяжет меня к клубу. И тогда мне уже будет от «Ювентуса» не отделаться. Я уверен, что он так думал. Моджи вообще-то редко жал на тормоза перед красным сигналом светофора, он вообще не дружил с правилами. Но он отлично справлялся со своей работой, берег игроков, я это точно знаю, без него моя карьера вряд ли была бы такой. Я благодарен ему за это. И когда весь мир поливал его грязью, я встал на его сторону. Мне нравился Лучано Моджи.

«Ювентус» напоминал тонущий корабль, толковали о переводе его в серию B или даже C. Вот до чего безумие дошло. Но и сегодня не все до меня доходит. Неужели мы, создавшие такую команду и выигравшие подряд два скудетто, станем ничем из-за чего-то, что не имеет к нашей игре никакого отношения? Это было уже че-

ресчур. И, похоже, только тогда до начальства дошло, насколько серьезно обстоит дело. Помню, рано утром мне позвонил Алессио Секко.

Алессио Секко был мой менеджер. Это он звонил мне и назначал тренировки: «Тренируемся сегодня в десять! Не опаздывай!» И все. А теперь он вдруг стал директором. Это было тошнотворно, я не мог принимать его всерьез. Но при первом звонке он сказал открытым текстом:

Если тебе поступят предложения, Златан, подписывайся. Это мой тебе совет.

Впрочем, это было последнее доброе слово, которое я услышал. Они тут же сделались такие все из себя крутые. Один за другим уходили игроки. Тюрам и Дзамбротта в «Барселону», Каннаваро и Эмерсон в мадридский «Реал», Патрик Виейра в «Интер». А те, кто остался, взывали к своим агентам:

Продайте нас, продайте! Чего не продаете?

В воздухе веяло отчаянием. Но и того, что сказал Алессио Секко, я больше не слышал. Клуб теперь боролся за свою жизнь.

Управленцы изо всех сил старались сохранить тех, кто остался, используя все закорючки в наших контрактах. Это был кошмар. Моя карьера остановилась. Перерыв затянулся. Неужели все обрушится? Было очень тревожно, и вместе с тем день ото дня нарастало ощущение: я должен бороться. Ни при каких обстоятельствах я не хотел пожертвовать годом: им только дай год, потом конца не будет видно. Год пропадет, еще один уйдет на раскачку, потом еще один на то, чтобы вернуться в Лигу чемпионов, и даже тогда не факт, что подвернется классная команда. Под

угрозой оказались мои лучшие годы в футболе. Время от времени я теребил Мино:

Сделай хоть что-нибудь. Вытащи меня отсюда.

Я над этим работаю.

Работай лучше.

Наступил июнь 2006 г. Хелена была беременна, и я был счастлив. Ребенок должен был родиться в конце сентября, а я все еще висел между небом и землей. Что будет? Я ничего не знал. Я был на сборах со сборной Швеции перед чемпионатом мира, который этим летом проводился в Германии. На чемпионат собиралась приехать вся моя семья: мама, отец, Спарко, Санела, ее муж и даже Кеки. И, как всегда, я должен был все организовать: гостиницы, билеты, деньги, прокатные машины...

Я уже заранее нервничал. В последнюю минуту отец передумал, и началась свистопляска с его билетами. Что с ними делать? Кто поедет вместо него? Ситуация, мягко говоря, не успокаивала, вдобавок я стал чувствовать боли в паху, такие же, как те, при которых меня оперировали, когда я играл в «Аяксе». Я рассказал об этом менеджеру нашей сборной.

И все же решили, что я буду играть. А у меня есть важный принцип: если я играю плохо, травмы тут ни при чем. Глупо, конечно. Но вот в чем дело: если тебе мешает играть травма, зачем выходить на поле? А тут, как ни ответь, все выйдет плохо. Нужно просто перемочь и идти дальше. Но правда и то, что на этот раз пришлось особенно тяжко. А 14 июля из Италии прилетела «последняя капля».

Нас лишили двух скудетто, мы потеряли право на участие в Лиге чемпионов, но и это не главное: мы вылетели в группу «В» и должны были открыть сезон не с нуля, а с жирным минусом — целых 30 очков. Я все еще оставался на тонущем корабле.

ГЛАВА 15

Еще до этого, в сентябре 2005 г., мы играли с венграми отборочный матч Кубка мира на стадионе Ференца Пушкаша в Будапеште. Чтобы попасть на Кубок, нам надо было выиграть во что бы то ни стало. Все дни перед матчем мы страшно нервничали. А потом наступила реакция. Ничего не случилось, но я не мог включиться в игру. Я устал, был не в форме, мы отыграли полное время, счет был 0 : 0, и все только и ждали финального свистка.

Некоторые газеты поставили мне за игру единицу. Я расстроидея, а многие сочли это доказательством: да, он просто-напросто переоцененная звезда. А потом я получил пас, кажется, от Матиаса Джонсона, и никак не

мог сообразить, что с ним делать. На мне повис защитник, я даже начал движение назад, не очень понимая, зачем я это делаю. Не забывайте, положение было как раз то, ради которых я играю в футбол, и со стороны кажется, будто я просто прогуливаюсь. Я сделал над собой усилие, рванул вперед, резко, агрессивно, сделал несколько быстрых шагов к боковой линии. Защитник отстал, а я вышел на голевую позицию, впрочем, не самую удачную. Угол был острый, вратарь стоял в удобной позиции, и никто ничего не ждал.

Забить так редко удается. В лучшем случае мяч попадет в верхний угол ворот, и то если вратарь не успеет среагировать. Он и не реагировал. Он даже рук не поднял, и какую-то долю секунды мне казалось, что я промазал. И не только мне. Зрители никак не отреагировали, а Олаф Мёльберг печально склонил голову: мол, вот дерьмо, совсем близко, да еще и в дополнительное время. Он отвернулся и ждал, когда вратарь введет мяч в игру. На другой стороне поля наш вратарь Андреас Исакссон думал: что-то слишком тихо и Олаф выглядит расстроенным. Но тут я поднял руки и побежал вокруг ворот. Вот тут стадион и проснулся.

Мяч даже не задел штангу. Он влетел в ворота под немыслимым углом, а у вратаря не было даже секунды, чтобы его перехватить. Тут раздался финальный свисток. Никто больше не ставил мне единиц.

Этот гол стал классикой, мы попали на Чемпионат мира, а я надеялся, что мне, наконец, улыбнется удача. Мне это было очень нужно. А вообще, несмотря на хаос в «Ювентусе», в нашем немецком лагере на Чемпионате мира я чувствовал себя хорошо. После ухода Томми Сёдерберга к нам пришел новый второй тренер, и не кто-нибудь, а Роланд Андерссон. Тот самый, кто однажды сказал: «Златан, отставь свои мальчишеские штучки», кто вытащил меня наверх, в мою первую команду. Я не видел его с тех пор, как его вышибли из «Мальмё», и теперь было приятно показать ему: вы были правы, Роланд, ваши уроки пошли мне на пользу. Хотя многие критиковали его за жесткость. Однако теперь мы были вместе, я и Роланд, мы успели многое пережить, и атмосфера установилась прекрасная. На чемпионат приехало много шведских болельщиков, с детьми, они пели песенку:

Никто не бьет так по мячу Как Златан, Златан наш!

Ich liebe dich,

Zlatan Ibrahimovic!

Неплохое музыкальное оформление. Но на этом фоне были проблемы. Меня беспокоил мой пах. Вдобавок раскапризничалось мое семейство. Начался настоящий дурдом. Не важно, что я — младший брат (младше

меня только Кеки), я был вроде отца, особенно здесь, в Германии. Папа не приехал, его билеты нужно было сдать, гостиница оказалась далеко, старшему брату Спарко понадобились деньги, а когда он получил их, никак не обменять их. К тому же Хелена на седьмом месяце. Со своими проблемами она справлялась сама, но этот хаос вокруг нее... Когда она выходила из автобуса перед нашей игрой с Парагваем, на нее налетели болельщики. От греха подальше она решила улететь домой. В общем, все время что-то случалось, то и дело слышалось:

— Златан, миленький, сделай это для меня...

Работая гидом-переводчиком для семейства, я не мог сосредоточиться на игре. Телефон звонил не умолкая. То и дело кто-то жаловался. Мне стало невмоготу. Дьявол, я же играю на Чемпионате мира. И при этом должен думать о прокатных машинах, счетах, отелях и прочем дерьме. И пах ноет так, что сил нет. Но Лагербек был уверен: мне надо играть. Первый матч предстоял с Тринададом и Тобаго. Мы его, разумеется, должны выиграть, и с переве-

сом не в один гол, а в два, три, пять. Но все было против нас. Их вратарь стоял насмерть, и мы даже не размочили счет, несмотря на то, что соперники заканчивали игру вдесятером. Единственный плюс от этой игры я получил потом. Когда увидел их тренера.

Это был Лео Бенхаккер. Я был поражен, снова увидев его. Боже мой, кто только не подписывался под моей карьерой. Большинство были просто дерьмом, хотели заработать на моем имени, но некоторые мне и правда здорово помогли. Первый — Роланд Андерссон, а второй Бенхаккер. Он поверили в меня тогда, когда другие еще сомневались. Надеюсь, когда стану постарше, тоже смогу делать такие вещи. Не только замечать тех, кто на что-то способен: гляди-ка, он снова финтит! А смотреть на полшага вперед.

От той встречи с Бенхаккером осталась фотография. Я уже снял футболку, и моя рожа, несмотря на разочарование от матча, сияет. Впрочем, ничего особого от этого турнира я не ждал. Мы сыграли вничью с Англией, но в первом же матче на вылет немцы разделали нас под орех, причем я был кругом виноват, потому что играл дерьмово. А все семейка. О каждом надо заботиться. Но работать гидом — это не мое, и этот турнир стал мне хорошим уроком. Поеле него я всем объяснил: «Пожалуйста, приезжайте, я все для вас организую. Но на месте решайте свои проблемы сами».

Я вернулся в Турин, но вовсе не чувствовал себя дома. Атмосфера в клубе царила пакостная, из Турина надо было уезжать. И тут разразилась

новая беда.

Джанлука Пессотто играл защитником клуба с 1995 г. Он много сделал для клуба, и считал, что он и «Ювентус» — одно целое. Я хорошо его знал. Мы играли вместе два года и парень был что надо. А кроме того, очень чуткий, добрый и всегда старался держаться в тени. Что потом случилось, я точно не знаю.

Пессотто повесил бутсы на гвоздь и, когда Алессио Секко еделали директором, занял его место менеджера клуба. Может, трудно заниматься офисной работой после стольких лет на поле. Так или иначе, он тяжело переживал и судейский скандал, и перевод в серию В, да еще что-то стряслось у него в семье.

В тот день он, как всегда, сидел у себя в кабинете на четвертом этаже. Но вдруг открыл окно и с четками в руке шагнул вниз, приземлившись на асфальт между двумя машинами. Он пролетел 15 метров! И, что самое удивительное, остался жив. Его увезли в больницу со множественными переломами и внутренним крово-

течением, но живого. И все были от этого счастливы, несмотря ни на что. Но его попытка самоубийства вновь остро поставила вопрос: кого мы потеряем следующим?

Веселого было мало, и новый президент, Джованни Коболли Джильи внятно сказал: мы не можем потерять больше ни одного игрока. Значит, теперь начальство будет зубами держать каждого из нас. Мы все время обсуждали это с Мино и пришли к выводу: выход только один. Надо отвечать на удары. Так что Мино отправился к газетчикам и объявил: «Мы используем все легальные способы, чтобы выбраться из этого клуба».

Мы не хотели казаться слабыми, ни на одну минуту. Если «Ювентус» бьет под дых, мы делаем то же. Но это была не просто война. На кону стояло очень многое, и я опять переговорил с Алессио Секко, который тужился стать вторым Моджи, и неожиданно услышал, что его мнение изменилось:

Ты должен остаться в клубе. Мы настаиваем на этом. Ты должен продемонстрировать лояльность команде.

Раньше вы говорили по-другому. Что мне стоит принять любое предложение.

Ситуация изменилась. Мы в кризисе. Мы предложим тебе новый контракт.

Я не останусь, — сказал я. Ни на каких условиях.

Однако с каждым днем, с каждым часом давление нарастало. Меня раздражало все и вся: Мино, законы... Но правда и то, что я не мог

позволить себе слишком много. Я все еще получал зарплату в клубе, и главным вопросом стало: как далеко я могу зайти? Я говорил об этом с Мино.

И вот что мы решили. Я буду тренироваться вместе с командой, но играть не стану. Если верить Мино, в контракте есть для этого лазейка. Вот почему, несмотря ни на что, я поехал со всеми перед сезоном в лагерь в горах. Игроки итальянской сборной еще не вернулись из Германии. Италия прошла весь турнир и стала чемпионом мира. Это грандиозно для команды, учитывая все те скандалы, которые происходили дома, так что их оставалось только поздравить. Но мне это ничем не помогало. Нашим новым тренером стал Дидье Дешам. Француз, в прошлом тоже футболист. Он был капитаном французской сборной, когда она выиграла в 1998 г. домашний Чемпионат мира. И на своей новой работе твердо решил вытянуть «Ювентас» обратно в элитный дивизион. На него дико давили. В один из первых дней Дешан подошел ко мне:

Ибра, — начал он.

-Что?

Я хочу построить на тебе игру. Ты — мой самый важный игрок. За тобой будущее. Ты должен подставить нам плечо.

Спасибо, но...

Никаких «но». Ты должен остаться здесь. Я не принимаю отговорок, — закончил он.

Слыша в его голосе, насколько это для него важно, я продолжал гнуть свою линию:

Нет, нет. Я ухожу.

В лагере я жил в одной комнате с Недведом. Мы с ним дружили. И Мино был нашим общим агентом. Но положение у нас было разное. Недвед, как Дель Пьеро, Бюффон и Трезеге, решил остаться в «Ювентусе». Я отлично помню, как Дешам подошел к нам, может, хотел поссорить, уж не знаю. Но отказаться от своей идеи он не хотел.

Слушай, Ибра, — начал он, — я возлагаю на тебя большие надежды. Ты — главная причина, по которой я согласился на эту работу.

Оставьте меня, — сказал я. — Вы пришли работать для клуба, а не для меня.

Обещаю: если ты уйдешь, уйду и я, — продолжал он, и я невольно улыбнулся.

Ладно, собирайте чемодан и вызывайте такси, — ответил я, и мы оба рассмеялись, как будто это была шутка.

Что до меня, то я далеко не шутил. «Ювентус» бился за свою жизнь —

как суперклуб, а я за свою — как футболист. Год в серии B — и все остановится. И тут ко мне пришли Алессио Секко и Жан Клод Блан. Жана Клода, гарвардского выпускника, семья Аньелли наняла вытаскивать «Ювентус» из катастрофы, и он понимал, что к чему. Он принес гору бумаги с разными вариантами контракта. «Даже не читай! — подумал я. — Устрой скандал. Чем больше шума, тем легче они тебя отпустят».

Даже смотреть не хочу. Я ничего не подпишу, — ответил я.

Да ты хоть посмотри, что мы предлагаем. Там щедро!

С чего? Я все равно не подпишу.

Как ты можешь знать, пока не посмотрел?

Знаю. Да предложи вы мне 20 миллионов евро, мне неинтересно.

Высоко же ты себя ценишь, — хихикнул Блан.

Понимайте как хотите, — сказал я, повернулся и ушел.

Я, конечно, понимал, что задел его, что рискую и при плохом развитии событий останусь в сентябре без клуба.

Но игру надо было доиграть, пусть и рискованно. Мне нужно было двигаться вперед, а мои позиции на переговорах были далеки от идеальных. На Чемпионате мира я выступил плохо, последний сезон в «Ювентусе» также не был выдающимся. Я погрузнел, забивал мало голов. Но все же надеялся, что найдутся люди, способные оценить мой потенциал. Зато позапрошлый год у меня был удачным, меня признали лучшим иностранным игроком в лиге. Я надеялся заинтересовать несколько клубов, а Мино над этим работал.

«Интер» и «Милан» заинтересовались, — сказал он мне, наконец. Забрезжил свет в конце туннеля.

Но оказалось, разговор был пустой, и я по-прежнему не знал, что мне делать с контрактом и «Ювентусом». Могу ли я уйти, если они меня не отпускают? Я не был в этом уверен. Зато Мино излучал оптимизм, такая уж у него работа. А мне не оставалось ничего, кроме как ждать и бороться. Пресса все-таки прознала, что я хочу уйти, несмотря на гонорары. А тут прошла информация, что мною заинтересовался «Интер». А ведь болельщики «Ювентуса» йенавидят «Интер», а футболист всегда окружен болельщиками. Они вечно толкутся вокруг тренировочных полей, просят автографы, а то, приплатив, пробираются внутрь. Вроде как у них и дел больше нет. Вот и сейчас их было полно в нашем горном лагере, и они орали мне на тренировках: «Свинья и предатель!» Такие веши, что и говорить, не радуют.

Но, честно говоря, игрок ко всему привыкает, и слова эти я научился пропускать мимо ушей. Мы играли тренировочный матч со «Спеццией», а

что я говорил о матчах? Что я в них не играю. Я сидел в своей комнате и играл на ПлейСтейшн. А снаружи стоял автобус, который должен *был* отвезти нас на стадион. Все спустились вниз, Недвед в том числе, и автобус завел двигатель. Где этот долбаный Ибра? Они ждали-ждали, и наконец Дешам заявился ко мне в комнату. Он был в бешенстве.

Ты чего тут сидишь? Мы уезжаем!

Я и головы не повернул, продолжал играть.

Ты меня не слышал?

А ВЫ меня слышали? — ответил я. — Я тренируюсь, но не играю. Я говорил вам это десять раз.

Нет, зараза, играешь. Ты — член команды. Ты идешь немедленно. Вставай!

Он подошел вплотную, но я сидел. Играл.

И что это за принцип такой — сидеть тут и гонять стрелялку?— заорал он. — Тебя оштрафуют за это, слышишь?

О’кей.

Что о’кей?

Штрафуйте. Я остаюсь здесь.

Тогда он ушел. Ушел в ярости, все уехали, а я остался в комнате с приставкой. И если раньше было плохо, то теперь стало еще хуже. О происшествии доложили, разумеется, наверх. Меня оштрафовали, на 30 тысяч евро, кажется. Началась настоящая война, а на войне тактика важнее всего. Чем я мог ответить? Какой шаг еледовало сделать? Я думал и думал.Ко мне повадились тайные визитеры. В лагере меня навестил Ариэль Брайда из «Милана». Я потихоньку ускользнул и ветретился с ним в соседнем отельчике. Мы поговорили об условиях перехода в «Милан». По правде сказать, мне это все не нравилось. Разговор шел в таком духе: «Кака звезда, а ты нет. Зато «Милан» может сделать тебя звездой». Создавалось впечатление, что мне «Милан» нужен больше, чем я «Милану». И я был не слишком уверен, что вообще кому-то нужен. Я уже готов был сказать: «спасибо» и «до свидания», но позиции мои были не слишком хороши. Мне чертовски хотелось расстаться с «Ювентусом». Но ничего хорошего не подворачивалось, и, похоже, мне предстояло вернуться в Турин, так и не получив хороших предложений.Стояла жара. Уже наступил август, срок родов приближался, и Хелене было нельзя волноваться. За нами по пятам ходили папарацци, и я поддерживал ее, как только мог. Но сам я болтался между небом и землей. Я ничего не понимал про свое будущее, все было непросто. Клуб обзавелся новым тренировочным оборудованием. Освобождались от всего, что было связано

с Моджи, даже от старых раздевалок. А я продолжал тренироваться. Надо же было чем-то себя занять. Но ощущение было странное. Никто уже не считал меня членом команды. Война продолжалась. Все время что-то случалось, и наконец случилось кое-что хорошее: «Ювентус» перестал держаться за меня так, как держался раньше.Кому нужен парень, который ни черта не делает, а только играет на приставке?

Но впереди меня ждал еще долгий путь, а в первую очередь нужно было ответить на все тот же вопрос: «Интер» или «Милан»? Казалось бы, ответ на поверхности. «Интер» не выигрывал скудетто целых 17 лет, он вообще не был больше топ-клубом. Надо идти в «Милан», твердил Мино. А вот я не был уверен. «Интер» когда-то был командой Роналдо, к тому же они действительно меня хотят. Я все вспоминал, о чем мне говорил в горах Брайда: «Ты пока еще не настоящая звезда». И я склонялся в пользу «Интера».

— Ладно, — сказал Мино. — Только помни: «Интер» — это новый вызов. Ты там на дармовые скудетто не рассчитывай.

А я вообще не хотел ничего дармового. Я хотел вызовов и ответственности. Это желание становилось все сильнее. Я начал понимать, что такое прийти в клуб, не выигрывавший чемпионат 17 лет, и что это может значить для меня. Это поднимает вещи на совсем другой уровень. Но ничего еще не было улажено. Нам еледовало, наконец, что-то сделать. Нужно было спрыгнуть с тонущего корабля и уцепиться хоть за что-нибудь.

«Милану» предстояло играть квалификационные игры Лиги чемпионов — следствие все того же большого скандала в итальянском футболе. Сразиться им предстояло с белградской «Црвеной Звездой». Первый матч должен был состояться на миланском стадионе «Сан-Сиро». Для меня это тоже была важная игра. Если «Милан» пройдет в основную сетку Лиги чемпионов, у них будет больше денег на покупку игроков. Адриано Галлиани, вицепрезидент «Милана», сказал мне: «Мы подождем, чем все это кончится, и вернемся к твоему вопросу».

До сих пор большую заинтересованность во мне проявлял «Интер», но с ними тоже было непросто. «Интер» принадлежал Массимо Моратти. Моратти — важная шишка, нефтяной магнат. Как хозяин клуба он мне много крови попортил. Четыре раза снижал цену, все что-то случалось. Так что 8 августа я сидел в нашей квартире на Пьяцца Кастелло.

Матч «Милан» — «Црвена Звезда» начинался в 20.45. Я не стал смотреть. Мне было чем заняться. Но в самом начале игры Кака с подачи Филиппо Индзаги забил гол, и это резко повысило шансы «Милана».

Почти сразу же у меня раздался телефонный звонок. Вообще-то телефон трезвонит постоянно, и, как правило, звонит Мино. Он сообщал мне о каждом шаге в переговорах, а сейчас сообщил, что со мной хочет встретиться Сильвио Берлускони. Я предпочитал уклониться от этого. Не потому что Берлускони,

а потому, что это значило, что клуб очень заинтересован. А я все еще не принял решения. Хотя склонялся в пользу «Интера». Но я, конечно, понимал, что это очень важный разговор.

Что мы можем из этого извлечь? — спросил я.

Сам понимаешь, что, — ответил Мино.

И позвонил Моратти, потому что если этого человека что-то может прошибить, так это желание насолить «Милану», ближайшему соседу и злейшему врагу.

Я хочу проинформировать вас, что Ибрагимович ужинает сегодня с Берлускони, — заявил ему Мино.

Что?!

Они заказали столик в ресторане «Джаннино».

Черта с два, — отозвался Моратти. — я пошлю к вам своего парня немедленно.

Парнем оказался Марко Бранко, спортивный директор «Интера», этакий тощий парнишка. Но когда он час спустя позвонил ко мне в дверь, мне пришлось о нем кое-что узнать. Он оказался самым заядлым курильщиком из всех, кого я знал. Он расхаживал взад и вперед по квартире, и пепельницы на его пути мгновенно заполнялись. Он, конечно, нервничал. Ему надо было обделать дело до того, как Берлускони повяжет галстук и отправится на ужин в «Джаннино». Было от чего нервничать. Легко сказать: устроить облом самому могущественному человеку в Италии, ни больше, ни меньше. И Мино, конечно, сыграл на этом. Ему нравится, когда контрагент находится под давлением. Это делает людей мягче. То и дело звонил телефон, звучали то одни, то другие цифры. Вот мой контракт. Мои условия. А часы тикают. А Бранко курит и курит.

Вы согласны? — спросил он.

Я посмотрел на Мино. Мино сказал:

Соглашайся.

Ладно. Согласен.

Бранко закурил новую сигарету и набрал номер Моратти. В его голосе звучало торжество.

Златан согласен, — сказал он.

Это была хорошая новость. Это было здорово. И это слышалось в его

голосе. Но ничего еще не было улажено. Теперь «Интеру» и «Юве» предстояло разбираться между собой. За какую цену меня продадут? Начиналась новая игра. Разумеется, теряя меня, «Ювентус» запросит солидную сумму. Мне позвонил Моратти.

Вы довольны?

Я доволен, — ответил я.

Итак, добро пожаловать.

Тут, вы понимаете, я глубоко вздохнул, и это был вздох облегчения.

Всю неопределенность весны и лета как будто вымело за одну секунду. Мино оставалось сообщить новость начальству «Милана». Берлускони теперь вряд ли пригласит меня ужинать. О погоде нам говорить неинтересно. Как я понимаю, ребята в «Милане» обомлели: что за хрень? Ибра в «Интер» переходит?

Иной раз все случается очень быстро, — подытожил Мино.

Меня продали за 27 миллионов евро, это был самый крупный

трансфер в Серии А этого года. И я так и не заплатил тот самый штраф за игровую приставку. Это уж Мино постарался. А Моратти в заявлении для прессы подчеркнул, что покупка Ибрагимовича сыграет для клуба такую же важную роль, как в свое время покупка Роналдо. Это, конечно, тронуло меня. Я был готов войти в «Интер». Но прежде мне надо было сыграть за сборную Швеции в Гетеборге, это была как бы разминка перед моим возвращением к настоящей жизни.

ГЛАВА 16

Матч со сборной Латвии мы выиграли 1:0. Забил мяч Ким Чельстрём, а на следующий день, 3 сентября, у нас был выходной. В этот день Олафу Мёльбергу, капитану «Астон Виллы», исполнялось 29 лет. Мы познакомились в нашей сборной, и поначалу он был очень тихим, почти какТрезеге. Но потом он раскрылся, и мы стали друзьями. Он хотел, чтобы я и Чиппен (Кристиан Вильхельмссон — *прим, пер.)* пошли с ним отметить. А почему бы и нет?

Мы обосновались в клубе на Авенин (главная улица Гетеборга — *прим, ред.),* в том, где на стенах фотографии. Газетчики описывали его, как «заведение». Каждое место, куда я прихожу, непременно становится «заведением». Там было пусто, мы сидели чуть ли не в пустом зале и спокойно выпивали. Делать больше было нечего; на часах 11. По правилам сборной, в 11 мы уже должны быть в отеле. Какого черта, сказали мы. Стоит ли так беспокоиться о времени? Мы и раньше поздно возвращались, и никто не поднимал из-за этого шума. Да и в конце концов, у Олафа был

день рождения, мы совсем тихо посидели и в четверть первого, как хорошие мальчики, уже лежали в кроватях. Вот, собственно, и все. Мои друзья из Русенгорда ничего и не узнали бы, если бы я им не рассказал. Да ничего и не было, правда.

Но вот в чем проблема. Мне не удается даже выйти молока купить, чтобы об этом не узнали газеты. Куда бы я не отправился, за мной шпионят. «Я видел Златана там, я видел Златана тут»... Видимо, кому-то это скрашивает жизнь. И, видимо, это почему-то круто. Так всегда бывает, но в большинстве случаев люди встают на мою сторону: «О чем, собственно речь? Златан ничего не еделал». На этот же раз газетчики проявили изобретательность.

Они решили поднять шум и позвонили менеджеру сборной. Не стали спрашивать про нас или про то, когда мы явились, а просто спросили, каковы правила. Он ответил как есть: все должны быть в отеле в 11.

— Но Златан, Чиппен и Мёльберг явились позже. У нас есть свидетели, — заявили журналисты.

Наш менеджер — хороший парень, он нас всегда защищает. Но в этот раз он не успел просчитать варианты, а может, ему-просто в голову не пришло. Все ведь ошибаются, правда?

Если бы он сообразил, и сделал, как делают менеджеры итальянских команд, он спросил бы журналистов, нельзя ли перезвонить им позже, чтобы дать точную информацию. Он потом мог бы сказать им, что мы припозднились, потому что получили разрешение, или что-то в этом роде. И, конечно, нельзя было говорить, что мы избежим наказания, ни в коем случае. Таковы фундаментальные принципы: мы команда, мы одно целое, и, если мы заслуживаем наказания, нас могут наказывать, как считают нужным.

Но менеджер сказал, что никто не имеет права приходить позже 11 и что мы нарушили правила. И тут все полетело к черту. Утром мне позвонили: «Тебя вызывает Лагербек, будет разборка». Терпеть не могу разборок. Хотя, конечно, кое-какой опыт у меня есть. На разборки меня вызывали даже в начальной школе, так что ничего необычного для меня тут не ожидалось. Такая уж у меня жизнь, тем более, на этот раз я знал, о чем пойдет речь. Я позвонил одному из охранников, который, как я знал, кое-что смыслит.

Чего мне ждать?

Похоже, тебе пора собирать чемоданы, — ответил он.

Я ничего не мог понять. Собирать чемоданы? Потому что я немного опоздал? Но потом смирился. А что мне оставалось? Я упаковался и даже

не стал придумывать оправдание. Уж слишком все глупо. Раз в жизни правда должна восторжествовать. Я пришел, там сидел Лагербек и вся банда, а также Мёльберг и Чиппен. Они были не так спокойны, как я. Потому что не привыкли. А я чувствовал себя как дома. Я даже скучал по такому: словно бы я в школе и меня грозят оставить на второй год.

Мы решили отправить вас домой, — объявил Лагербек. — Что вы на это скажете?

Я прошу прощения, — сказал Чиппен. — Мы и правда поступили глупо.

И я прошу прощения, — сказал Мёльберг. — Но... как вы преподнесете это прессе?

Тут все начали это обсуждать, а я сидел совершенно спокойно. Я ничего не говорил, и Лагербек, видимо, почувствовал, что чтото не так. Не был я похож на проштрафившегося мальчишку.

А ты, Златан? Ты что скажешь?

Ничего.

Что ты имеешь в виду?

Именно то, что сказал. Ничего!

Тут, я заметил, они заволновались. Им, наверное, удобней было бы, если бы я начал препираться. Больше похоже на меня. А тут что-то новенькое. Ничего! Их, казалось, это потрясло. Что этот Златан задумал за сей раз? И чем спокойней я держался, тем больше они нервничали. Это было странно. Мое молчание нарушало равновесие. У меня появилось преимущество. Все так знакомо. Универмаг «Весселс», школа, команда юниоров... Я случал речь Лагербека о том, что правила сформулированы предельно точно, с тем же интересом, с каким я слушал бубнеж учителя: «Ты снова болтал на уроке». Говори, меня это не колышет. Но одна вещь меня задела. Это когда он сказал: «мы решили, что ты не будешь играть с Лихтенштейном». Не то чтобы это беспокоило меня само по себе. Да и чемодан я уже упаковал. И кому, по правде сказать, есть дело до Лихтенштейна? Не это вывело меня из себя. А вот что: кто это «мы»?Он большой босс. Почему он прячется за чьими-то спинами? Будь мужчиной и скажи: «Я решил», и я тебя буду уважать. А это трусость. Я с яростью взглянул ему прямо в глаза, но по-прежнему молчал. А потом поднялся в свою комнату и позвонил Кеки. В подобных обстоятельствах никто не поможет лучше, чем семья.

Приезжай и забери меня!

Что ты натворил?

Я опоздал.

Перед отъездом я переговорил с менеджером сборной. Он знал меня лучше других в команде, знал мое прошлое, мой характер. Он знал, что я легко не прощаю.

Эй, Златан, — сказал он, — я не волнуюсь за Мёльберга и Чиппена. Они обычные шведские парни, они примут наказание и вернутся. Но ты, Златан... Боюсь, не выкопал ли Лагербек себе могилу.

Посмотрим, — сказал я.

Уже через час я покинул отель. Мы с братом посадили в машину и Чиппена, и еще одного парня. Остановившись на заправке, мы увидели свежие газеты.Ну и бучу они подняли! Можно подумать, НЛО сел на Землю. А дальше стало только хуже. Я поддерживал Мёльберга и Чиппена. Был им как папочка. «Ребята, не обращайте внимания. Это, скорее, вам в плюс. Никто не любит пай-мальчиков.»

Но самого меня, честно говоря, это все больше и больше раздражало. Лагербек с кодлой добились своего: мы против них. Смешно, право слово. Не так давно я подрался с одним парнем в Милане. Огучи Оньеву его зовут. Я потом расскажу об этом, мы крепко схлестнулись. Никто не сказал, что драка — это хорошо. Но руководство команды защитило меня от прессы, объяснило, что я был перевозбужден, что-то в этом роде. В Италии заботились о сохранении команды. А здесь разделили на хороших и плохих мальчиков. Нельзя так работать. Это я и сказал Ларсу Лагербеку.

Я уже все позабыл, — ответил он. — Ты можешь вернуться.

А я? Я не приеду. Вы могли оштрафовать меня. Вы могли много чего сделать. Но вы сдали нас газетчикам с потрохами. Я это так оставлять не намерен.

Этим все и кончилось.

Я сказал «нет» сборной Швеции и выбросил всю эту историю из головы. Нет, конечно, не выбросил, я вспоминал о ней все время, но жалел я только об одном. Я мог бы устроить скандал погромче, раз уж меня выкинули. Что за черт: посидели в пустом зале со стаканчиком и опоздали на час? Что это такое? Надо было разнести бар, утопить машину в фонтане там, на Авенин или отправиться домой в одних трусах. Вот это скандал моего уровня. А то чепуха какая-то.

Нельзя просить себя уважать. Уважать заставляют. Когда ты новичок в клубе, легко дать себя унизить. Все новое, у каждого своя роль. Проще всего пригнуться и принюхаться, чем пахнет. Но так ты теряешь инициативу. Теряешь время. Я шел в «Интер», чтобы изменить свою жизнь и чтобы клуб начал выигрывать после 17 лет поражений. И поэтому нельзя было стыдиться или начать осторожничать только потому, что тебя

критикуют в газетах и ктото испытывает к тебе предубеждение. Златан — плохой парень. У Златана проблемы из-за его темперамента. И точка. Можно, конечно, с пеной у рта начать доказывать, что ты хороший. Но тогда тебе придется век этим заниматься.

Досадно, но происшествие в Гетеборге уже попало во все итальянские газеты. Выглядело это так, что парень плюет на правила, а он к тому же страшно дорогой. Может, мы переплатили? Или он подонок? Много слышалось такого. А хуже всего, что какой-то шведский «эксперт» сказал: «С моей точки зрения, «Интер» делает странные приобретения... индивидуалистов каких-то... вы купили себе проблему».

А я, как уже говорил, раздумывал над словами Капелло. Уважение надо взять. Это как в Русенгорде в чужой двор зайти. Нельзя оглядываться назад. Нельзя думать о том, что кто-то мог что-то слышать. Надо сделать шаг вперед. И я этот шаг сделал: я ушел из «Ювентуса». Эй, ребята, вот он я, и я по-прежнему выигрываю.

Я тренировался как проклятый. Я победитель с диким темпераментом и железной волей. Когда кто-то на поле не старался, я выходил из себя. Я орал, если мы не только проигрывали, но просто играли хуже, чем могли бы. И совершенно неожиданно, впервые в жизни я стал лидером. Я видел это в глазах ребят; теперь я за все отвечал. Я должен был привести их к победе, и снова рядом со мной был Патрик Виейра. А рядом с ним можно сделать многое. Мы, два чудо-победителя, должны были поднять дух команды.

Моратти, хозяин и президент, сделал для «Интера» многое. Он потратил на игроков более 3 миллионов евро. Он покупал таких ребят, как Роналдо, Майкон, Креспо, Кристиан Вьери, Фигу и Баджо. Он рисковал очертя голову. Но его отличало еще одно качество. Он был очень добрый, благородный. После однойединственной победы он мог выплатить нам огромные бонусы. И меня это задевало. Не то чтобы я против бонусов. С чего бы? Но их давали не после выигрыша лиги или Чемпионата мира. Он платил после самой обычной, рядовой игры.

С моей точки зрения, это было неправильно. Но, конечно, игроку так просто к Моратти не подступиться. Он ведь из известной финансовой семьи. Он — это власть. Он — это деньги. Но мое положение в клубе не оставляло выбора. При всем том, Моратти не тяжелый человек. С ним легко говорить. Вот я и сказал:

День добрый!

Да, Ибра?

Не берите это в голову.

В каком смысле?

Я про бонусы. Ребята могут почувствовать себя удовлетворенными. Черт, один выигрыш — это ничто. Нам платят по контракту за то, чтобы мы выигрывали. Вот выиграем скудетго, тогда дайте нам что-нибудь, если хотите. Но не после каждого выигрыша.

Он меня понял. И прекратил, потому что понял правильно. Я вовсе не говорю, что мог бы управлять клубом лучше Моратти, вовсе нет. Но если я вижу что-то, что может негативно повлиять на мотивацию команды, я об этом говорю, и история с бонусами была только началом. Настоящим вызовом стали группировки в

команде. И не только потому, что я родом из Русенгорда, где царит сущий бедлам: турки, сомалийцы, югославы, арабы. А еще потому, что в футболе, что в «Аяксе», что в «Ювентусе» я успел усвоить: команда играет лучше, если игроки держатся вместе. А не когда бразильцы сидят в одном углу, аргентинцы — в другом, а остальные — в третьем. Это разобщает, расслабляет.

Ладно, группировки время от времени возникают. Это плохо, но случается. Но пусть хотя бы ребята выбирают себе друзей и за них держатся. А тут все держалось на национальности. Так примитивно. Они ведь в футбол играют. Но они словно жили в разных мирах. Это меня бесило, и я поставил цель сломать это. Если не удастся, не выиграть нам лигу. Кто-то, может, и скажет: «Какая разница, с кем мы ходим обедать?». Поверьте, разница есть. Если не держаться вместе за пределами поля, это отразится на игре.

Это влияет на мотивацию и командный дух. В футболе все связано, и такие вещи могут оказаться решающими. И я видел тут мое первое большое испытание: сумею ли я это преодолеть. Но я понял, что одними разговорами не обойтись.

Я пришел и говорю: «Что за бред? Что вы сидите по углам, как дети малые?» И большинство со мной согласилось. Остальные помялись, но ничего не произошло. Привычки оказались сильнее. А невидимые барьеры непреодолимы. И снова я отправился к Моратти и постарался высказаться так ясно, как только можно. «Интер» не выигрывал уже целую вечность. Так и будет продолжаться? Мы останемся лузерами, только потому, что ребята не общаются друг с другом?

Нет, конечно, — ответил Моратти.

Тогда надо разбить группировки. Нам не выиграть лигу, если мы не станем командой.

Не думаю, что Моратти понимал, насколько это плохо, но он меня

услышал. Он сказал, что и сам того же мнения.

Мы в «Интере» должны быть одной семьей. Я с ними поговорю.

Не откладывая он пошел к ребятам, и сейчас вы поймете, какое уважение к нему испытывали.

Моратти — это и был клуб. Ему и говорить особо не понадобилось. Он владел ситуацией и имел огромное влияние на всех игроков. Он произнес совсем короткую, но пламенную речь о том, что мы все должны держаться вместе. И ребята посмотрели на меня, не без этого. Звучало, как мои собственные слова. Не Ибра ли это го-

ворит? Многие были в этом уверены. А мне было все равно. Я хотел одного: сплотить команду, и понемногу, шаг за шагом дело пошло на лад. Группировки исчезли и народ стал держаться вместе.

Мы сплотились очень тесно, а я все метался от одного к другому, стараясь склеить команду еще крепче. Но, конечно, выиграли мы лигу не только из-за этого. Я помню мой первый матч. Мы играли против «Фиорентины». Дело было в 2006 г., и «Фиорентина» намеревалась уничтожить нас. Они тоже пострадали из-за скандала, и начали чемпионат с минус пятнадцатью очками. Стадион «Артемио Франки» прямо набух ненавистью.

«Интер» от скандала не пострадал (даже наоборот — *прим, ред.),* но многие считали, что он уже выжат досуха. Обе команды жаждали выиграть. «Фиорентина» — чтобы восстановить свою честь, а мы — чтобы завоевать уважение и скудетто.

С начала матча в нападении играли я и Эрнан Креспо. Креспо аргентинец, он перешел к нам из «Челси». Начали мы хорошо. И во второй половине я получил длинный пас в штрафной площади, мощно пробил по воротам и забил. Это было такое облегчение! Начало было положено, и с тех пор я в команде понимался все выше и выше. И легко сказал «нет» сборной Швеции, когда меня позвали играть отборочные для чемпионата Европы против испанцев и исландцев. Я хотел отдавать свое время только «Интеру» и семье. Мы с Хеленой считали дни. Вот-вот должен был родиться наш первый ребенок, и мы хотели, чтобы это случилось в Швеции, в больнице Лунда. Шведской медицине мы доверяли больше, несмотря ни на что. Но были проблемы.

Главная из них — папарацци. Они выделывали черт знает что, нам даже пришлось нанять частного охранника и поставить в известность руководство больницы, которое пошло нам навстречу и закрыло отделение для посторонних. Вход разрешили только по пропускам. Снаружи патрулировала полиция. Но мы все равно беспокоились. Как-то дурно все

это пахло. Люди туда-сюда бегают, в коридорах шумят, разговаривают. Я уже говорил, что йенавижу больницы. Я их ненавижу. Мне хорошо, когда люди вокруг хорошо себя чувствуют. А когда вокруг меня больные, я сам заболеваю. Я не могу объяснить, но мне действительно становится плохо в больницах. Что-то там не то в воздухе, и, как правило, я стараюсь побыстрее выбраться наружу.

Но сейчас мне пришлось остаться и участвовать во всем этом. Это меня напрягало. Я получаю массу писем со всего мира, боль-

шинство я просто не распечатываю. Это плохо, но это так. Но дело в том, что я просто не могу всем ответить, вот потому и не открываю. Раз не могу всем, значит никому, никто не должен быть в привилегированном положении. Но иногда Хелена проявляет елабину, особенно когда нам рассказывают какие-то жуткие истории. Например, ребенок должен умереть не позднее, чем через месяц, а я его кумир. В таких случаях Хелена спрашивает: «Что мы можем сделать? Может, послать им билеты на матч? Или футболку с автографом?» Мы всегда стараемся помочь. Но мне от этого плохо. Это моя слабость, я понимаю. И вот теперь я собирался ночевать в больнице. Меня это тревожило, а Хелену еще больше. Она реально страдала. Трудно быть объектом охоты, когда собираешься родить своего первого ребенка. Если что-то пойдет не так, об этом узнает весь мир.

А вдруг и в самом деле пойдет не так? Такие мысли меня посещали. Но роды прошли прекрасно, и я был счастлив. Такой славный мальчик, и это мы его сотворили! Мы стали родителями. Я — папа, и мне в голову не приходило, что с мальчиком может что-то случиться, особенно когда все осталось позади, и доктора и сестры выглядели такими счастливыми. Но цирк еще не кончился. Вовсе нет.

Мы назвали сына Максимилианом. Я даже не знаю, откуда мы взяли это имя. Но звучит оно мощно. Ибрагимович — мощно само по себе. А Максимилиан Ибрагимович — мощнее некуда. Красиво и в то же время мощно. Сокращенно — Макси, тоже звучит хорошо. Все выглядело обнадеживающе, и я уехал из больницы, как только смог. Но выбраться было не так-то легко. Вокруг толпились журналисты. Наш охранник напялил на меня пальто доктора. Доктор Ибрагимович, звучит, а? А потом они засунули меня в корзину для прачечной, огромную и вонючую, и я лежал в ней скрючившись. Так меня пронесли по всем коридорам в гараж, а там я выпрыгнул, переоделся в свою одежду и уехал в Италию. Так мы всех обдурили.

Хелене пришлось хуже, чем мне. Ей было совсем нелегко. И роды

выдались тяжелыми, и быть центром внимания она не привыкла так, как я. А я больше об этом не думал, это же просто часть моей жизни. Хелена же нервничала все сильнее, тогда ее с Макси тайком, в разных машинах, перевезли в дом моей матери в Свагерторпе. Нам казалось, там она сможет передохнуть. Как наивны мы были. Им хватило часа. Через час все газетчики толпи-

лись перед домом. Хелена чувствовала себя затравленным зверем и улетела в Милан.

А я уже был там, собираясь играть против «Кьево» на стадионе Сан-Сиро. Я был на скамейке запасных. Почти не спал. Наш тренер Роберто Манчини считал, что я не смогу сконцентрироваться, и, наверно, был прав. Мысли мои блуждали, я смотрел то на поле, то на зрителей. Ультрас «Интера» повесили огромную растяжку. Она колыхалась на ветру, словно пиратский парус, на ней черным по голубому значилось: «Бенвенуто, Максимилиан!» То есть: «Добро пожаловать, Максимилиан!». А я удивился: «Кто такой этот Максимилиан? Разве у нас есть игрок с таким именем?»

И только потом догадался. Это мой сын. Ультрас приветствовали моего мальчика! Это было так здорово, что я чуть не заплакал. Эти фанаты, с ними столько хлопот. Они крутые ребята, я не раз с ними дрался. А теперь... ну что сказать? Это была Италия во всей своей красе. Любовь к футболу, любовь к детям. Я снял растяжку на телефон и послал фото Хелене. Честно, мало что так ее порадовало. До сих пор слезы наворачиваются у нее на глаза, когда мы вспоминаем об этом. Получилось, что ей передал привет целый стадион «Сан-Сиро».

А еще я завел щенка. Мы назвали его Трастор. Вот теперь у меня есть семья. Хелена, Макси и Трастор. В эту пору я все время играл в Xbox. Сверх всякой меры. Это стало как наркотик. Я не мог остановиться. Часто сидел с маленьким Макси на коленях и играл. Мы тогда ожидали, когда будет готова наша квартира, и жили в Милане в отеле. Когда мы заказывали еду, то чувствовали, что они устали от нас, а мы — от них. Отель действовал нам на нервы, и мы решили переехать в другой — в Nhow на Виа-Тортона. Там нам стало получше, но все-таки сумбурно.

С Макси нам все было внове, но мы, конечно, заметили, что он плохо реагирует на окружающих и не набирает вес, даже наоборот, теряет. Он худел. Но мы не знали, как должно быть. Может, все нормально? Кто-то сказал, что малыши иногда теряют вес сразу после рождения, а с виду он крепкий, не правда ли? Он ел, его животик надувался и казался твердым, затем его рвало. Он все время хныкал. Разве это нормально? Мы ничего не

понимали. Я обратился к семье, к друзьям; все меня успокаивали: ничего, скорее всего, все в порядке. Но я так не думал. Я искал объяснений.

Это круто. Он мой ребенок. Что может быть не так? Но мы не переставали волноваться, потому что Макси не усваивал пишу и все больше худел. Он родился с весом 3 кг. Сейчас он весил мень-

ше 2 кг 800 г, и я нутром чуял, что это не дело, совсем не дело. Наконец я не выдержал:

Что-то не так, Хелена!

Мне тоже так кажется, — ответила она.

Как вам объяснить? То, что было смутным подозрением, превратилось в уверенность. Меня просто корежило. Я никогда прежде ничего не принимал так близко к сердцу. Пока у меня не было ребенка, я был Мистер Непробиваемый. Я мог рассердиться, даже взбеситься, испытать любые эмоции. Но все улаживалось, если я боролся. А тут... Я ощущал бессилие. Я не мог заставить его быть здоровым. Я вообще ничего не мог.

Макси все слабел. Он был такой маленький и худенький — просто кожа да кости. Казалось, жизнь покидает его. Мы метались в панике, и вот к нам в отель пришла врач. Меня не было, я в этот день играл. Но нам повезло.

Докторша понюхала рвоту, осмотрела ребенка и твердо сказала: «Вам срочно нужно в больницу». Дальше я помню все очень точно. Я был в команде, мы играли домашний матч с «Мессиной». У меня зазвонил телефон. «Макси будут оперировать! — кричала Хелена в истерике. — Он в опасности!». «Неужели мы его потеряем? — пронеслось у меня в голове. — Неужели такое возможно?». В мозгу роились самые параноидальные мысли, и я пошел к Манчини. Он, как многие тренеры, сам в прошлом футболист, начинал карьеру тренера под руководством Свена Ёрана Эрикссона в «Лацио». Он имел сердце, он понял меня.

Мой ребенок болен, — сказал я, заглядывая ему в глаза и чувствуя себя дерьмовей некуда.

У меня в голове теперь была не победа в матче. Там был Макси, и больше ничего, мой крошечный мальчик, мой любимый сынишка. Манчини предложил мне самому решить: играть или нет. Я уже забил шесть голов в этом сезоне и был в отличной форме. Но теперь-то что делать? Да, конечно, Макси не станет лучше, если я буду сидеть на скамейке. Но сумею ли я выступить? Я не знал. Мои мозги буквально кипели.

Хелена мне докладывала о каждом шаге. Они приехали в больницу, вокруг — орущие дети и никто не говорит по-английски. Сама Хелена не знает ни слова по-итальянски. Она совсем растерялась. Ничего не понимала, кроме того, что ребенок в опасности, а врач требовал, чтобы она подписала какие-то бумаги. Какие? Она пыталась понять, но думать времени не было. Она подписала.

Думаю, в такой ситуации подпишешь все что угодно. Затем принесли еще какие-то бумаги. Она подписала и их, и они забрали у нее Макси. Она страдала, я это чувствовал.

И что же дальше? Хелена вся извелась, Макси слабел. Но она выдержала. А что еще ей оставалось? Только принять все как есть и надеяться. А Макси унесли врачи и сестры. Тогда понемногу до нее начало доходить, что происходит. Желудок мальчика не работал, как полагается, и ему требовалась операция.

А я на безумном стадионе «Сан-Сиро» никак не мог сосредоточиться. Я все-таки решил играть. Но все было как в тумане, и вряд ли я играл хорошо. Да и как я мог? Помню, я заметил у боковой линии Манчини. Он сделал мне знак: дескать, заменю тебя через 5 минут. Я кивнул. Конечно, я покину поле. Все равно не могу еделать ничего путного.

Но через минуту я забил. «К черту Манчини!» — промелькнуло в голове. Пусть только попробует заменить меня. Я играю, и мы выигрываем. Я играл на ярости и диком возбуждении, а когда матч кончился, буквально вылетел с поля. Никому не сказал ни слова в раздевалке и едва запомнил дорогу. Сердце бешено колотилось.

Но больницу помню отлично. Помню этот запах, и как я несся вперед, спрашивая у всех: где? где? — и неожиданно наткнулся на помещение, где Макси лежал в инкубаторе вместе с другими детьми. Он казался еще меньше, чем обычно, просто воробышек. От носа и тельца тянулись трубки. Сердце выпрыгивало у меня из груди, когда я смотрел на него и на Хелену. И что вы скажете. Я крутой парень из Розенгерда?

— Я люблю вас, ребята, — сказал я, — вы для меня — все. Но я не могу тут больше, мне надо наружу. Звоните мне почаще, почаше! — И я

выбрался оттуда.

Это было жестоко по отношению к Хелене. Она осталась с ним одна. Но я просто не мог, я был в панике. Я ненавидел больницу больше, чем когда-либо, и поехал в отель, и, наверно, играл в Xbox. Это меня всегда успокаивает. Всю ночь я лежал в обнимку с телефоном, время от времени вскакивая, будто ожидая чего-то ужасного. Но все обошлось. Операция прошла успешно, Макси поправлялся. На животе у него остался шрам. Но так или иначе, сегодня он здоров, и я думаю, это что-то значит. Это открывает передо мной перспективы, правда.

В тот год «Интер» выиграл скудетто, а позже, в Швеции, меня выдвинули на приз имени Свена Йерринга. Там лауреатов выби-

рает не жюри, а шведский народ. Шведы голосуют, кто из спортсменов был лучшим в прошедшем сезоне. Конечно, такой приз почти всегда присуждают мастерам в индивидуальных вйДах: горнолыжнику Ингемару Стенмарку, легкоатлету Стефану Хольму, гольфистке Аннике Зёренштам, гораздо реже командам. Сборная по футболу получила его в 1994 г. А в этом, 2007-м меня выдвинули одного. Вручали приз в «Спорт-гала». Мы пошли вместе с Хеленой; на мне был смокинг. Перед церемонией я пошел побродить по залу и наткнулся на Мартина Далина.

Мартин был великим футболистом. С его участием наша сборная завоевала третье место на Чемпионате мира, в 1994 г. его с командой наградили призом Йерринга; как профи он выступал за «Рому» и «Боруссию» и забил уйму голов. Но, как водится, возникает конфликт поколений. Старики хотят оставаться лучшими всегда. Молодые хотят их обскакать. Мы не хотим, чтобы звезды прошлых лет стучали нам по головам, мы не хотим то и дело слышать: «Вот в наше время...» и прочее дерьмо. Мы хотим двигать футбол вперед. Помню этакую усмешку в голосе Мартина:

О! Ты здесь?

А почему бы мне не быть здесь? Ты ведь здесь? — отозвался я с той же усмешкой и с удивлением заметил, что на нас стали обращать внимание.

Мы выиграли приз в 1994 г.

Да, командой. А меня выдвинули индивидуально, — ответил я с улыбкой.

Ничего особенного. Легкая пикировка.

Но в этот момент я почувствовал, что жажду этого приза всей душой, и сказал об этом Хелене, когда вернулся за столик. «Пожалуйста! Я хочу выиграть!» — ни разу раньше я не произносил таких слов, даже когда речь шла о Чемпионате мира. Мне доводилось получать множество разных

призов, и никогда меня это так не трогало. Не знаю, может быть для меня это стало доказательство, что меня принимают всерьез как человека, а не только как футболиста, несмотря на все мои выходки в прошлом. И поэтому, пока они на сцене перечисляли кандидатов, я испытывал сильное напряжение.

В финальном списке оказались я, Сюзанна Каллур и Аня Перссон. И что дальше? Я не представлял себе, а секунды бежали. Будь оно проклято, думал я. Победителем стал...

Прозвучало мое имя. У меня на глаза навернулись слезы, а я, поверьте, не так-то легко плачу. В моем детстве это не поощря-

ли, но сейчас я так расчувствовался, что встал во весь рост. Народ вокруг визжал и аплодировал. Двигаясь к сцене, я прошел мимо Мартина Далина и не удержался:

— Прости Мартин, но я иду получать приз.

Я принял приз из рук принца Карла Филиппа и взял микрофон. Я не из тех, кто готовит речи заранее, совсем нет. Я просто говорил и вдруг подумал о Макси и обо всем, что мы с ним пережили. И подумал: как все странно. Мне дали приз, потому что я помог «Интеру» выиграть скудетто впервые за 17 лет, и я задался вопросом: Макси родился в сезон, когда мы выиграли? Именно в сезон, а не в том же году. Я вдруг все позабыл и спросил Хелену: «Макси родился в этом сезоне?». Она кивнула в ответ.

Глаза у нее были на мокром месте. Я этого никогда не забуду, правда.

ГЛАВА 17

Может быть, я повзрослел. А может и нет. Мне нужно было какое-то сумасшествие. Оно всегда было мне нужно, с самого детства. Иногда, конечно, я окончательно слетал с катушек. Но с кем не бывает. Есть у меня один старый друг, владелец пиццерии в Мальмё. Он весит примерно 19 стоунов (примерно 121 кг — *прим, пер.).* Иногда мы гоняли с ним на моем «Порше» из Бостада к заладному побережью Швеции, прямо до Мальмё. Честно сказать, мало кто любит со мной кататься. Не потому что я плохо вожу, нет. Просто я слишком крут. Разогнался, значит, до трех сотен, ну а что, адреналинчик! Но мне показалось, что этого мало. 301, 302...а дорога все сужается и сужается. Но я не сбавлял оборотов, и когда стрелка спидометра достигла отметки в 325 км/ч, мой пассажир взорвался:

— Златан, Христа ради, да сбавь ты скорость, у меня же семья!

-Ау меня, жирный ублюдок, нет ее, что ли?

Тогда я, хоть и неохотно, но замедлился, и мы улыбнулись друг другу. В конце концов, кто еще позаботится о тебе, если не ты сам. Но нелегко

было всегда поступать разумно. От таких вещей я получал настоящий кайф, и хотя наркотики я никогда не принимал, я все-таки был одержимым. Есть веши, которые заглатывают меня полностью. Охота, например. Или Xbox. Кстати, в ноябре вышла новая игрушка.

Она называлась GearsofWar. И, надо сказать, меня она не на шутку зацепила. Я вообще не мог оторваться. Превратил одну из комнат в игровую и часами оттуда не выходил, где-то до трехчетырех утра. Вообще-то нужно было, конечно, идти спать, чтобы потом не быть как сонная муха на тренировках. Но я все играл, играл... GearsofWar — это прямо наркотик какой-то. GearsofWar и CallofDuty Я все время только и делал, что в них рубился.

Причем, чем дальше, тем больше. Остановиться я не мог. На серваке были британцы, итальянцы, шведы, еще кто-то, часов 6—7 в день. У меня был свой ник, поэтому никто из них никогда бы не догадался, что с ними играет Златан.

Но я впечатлял их, даже скрываясь под ником, это я вам тарантирую. Я всю жизнь играю в видеоигры, так что я не какой-нибудь слабак. Я всегда был сосредоточен. Всех их рвал. Но был там еше один парень, который был так же хорош, как и я, и тоже всю ночь висел в онлайне. У него еще был ник...что-то на D. Иногда я едышал, как он что-то болтал, у нас у всех же были наушники, чтобы переговариваться во время игры.

Я пытался не раскрывать рот. Хотел оставаться анонимным. Хотя не всегда это было легко. Как-то они заговорили о машинах. И тут этот самый D заявил, что у него Porsche 911 Turbo. Я уже не смог сдержаться. Я ведь точно такую же тачку отдал Мино поеле того обеда в Okura в Амстердаме. В общем, я заговорил. Они начали догадываться. Кто-то там ляпнул, что, мол, кажется, это Златан. Да не-не, вы что. Они начали задавать всякие вопросы. Я уходил от ответов, и разговор зашел о «Феррари». Лучше б не заходил, конечно...

У меня есть одна, — сказанул я. Единственная в своем роде.

Что за модель?

Да вы мне даже не поверите, — ответил я, и этот D, конечно, заинтересовался.

Ну так что за модель?

Энцо.

Он замолчал.

Да ну, заливаешь!

Не, я серьезно.

Прям-таки Энцо?

Ага.

Ну ты тогда точно не простой парень.

Ну а кто? — нарывался я.

Тот, о ком мы говорили.

Может быть. А может, и нет.

В общем, мы продолжили играть, а в паузах продолжили болтать, я поспрашивал немного этого парня и выяснил, что он был брокером.

С ним было легко и интересно болтать, мы быстро нашли общий язык. И он больше не спрашивал, кто я такой. Мы говорили вообще о другом, ему нравился футбол и быстрые тачки. Он был не грубый, такой чувствительный скорее, вдумчивый парень. Как-то раз мы говорили с ним о часах, еще одной вещи, которой я увлекаюсь. D хотел приобрести очень дорогие часы, и кто-то из

B

онлайна сказал, что, мол, есть вещи и поважнее. Может, и есть. Но не для меня. Хорошо быть футболистом в Италии. Продавцы пропускают без очереди, делают скидки. Я прервал его и сказал:

Я могу достать такие для тебя.

Ты шутишь?

Ни в коем случае.

И как же ты это сделаешь?

Просто позвоню одному знакомому, — сказал я. Ну а что мне было терять?

Если бы D отказался от часов, или он вообще просто пустомелил, я бы оставил их себе. Сделка не была какой-то масштабной, да и парень казался мне надежным, он же говорил о Феррари и других дорогих вещах. Вроде бы это было не напоказ. Ему действительно нравились эти вещи.

Слушай, я скоро двигаю в Стокгольм, остановлюсь в Scandic Hotel.

Хорошо.

И если ты в 4 будешь в лобби, ты получишь свои часы.

Ты это серьезно?

Я вообще серьезный парень.

После этого я позвонил своему знакомому, раздобыл эти уникальные часы. Славная вещичка. Затем я написал для D свои банковские реквизиты через Xbox-ский аккаунт. И отправился в Стокгольм. У нас там был отборочный матч к Чемпионату Европы, и мы, как обычно, останавливались в ScandicParkHotel. С Jlагербеком мы уже помирились, я прибыл в отель, поздоровался с ребятами. Коробка с часами у меня лежала в сумке, и в назначенное время я спустился вместе с ней в лобби. Я

чувствовал себя абсолютно спокойно. Тем более, со мной был Янне Хаммербек, охранник, ну, на всякий случай.

Я понятия не имел, как D может выглядеть, и кто он вообще такой. По голосу-то он славный парень, но в реальности он мог оказаться кем угодно, может, вообще каким-нибудь психом с десятком неадекватных друзей в придачу. Но мне не хотелось в это верить.

В общем, никогда не знаешь заранее. Я начал оглядываться, влево, вправо, и единственным, кого я приметил, был темноволосый парень, скромно сидящий в кресле.

Ты сюда за часами пришел? — спросил я.

Эээ, да; я...

Я встал, и я увидел его в полный рост. Он смутился. Думаю, он уже понял, кто перед ним стоит, но не кричал ничего в стиле «Да это же вы!» Хотя со мной такое сто раз уже бывало.

Люди при виде меня обычно чувствуют себя неловко, поэтому я стараюсь быть более открытым и доброжелательным. Я спросил у него про работу, чем он вообще обычно занимается. В конце концов, я его разговорил, и мы начали болтать про Xbox. Ну что я могу сказать? Это было круто. Что-то новенькое.

Мои русенгордские товарищи — простые уличные парни, они всегда ходят толпами, и в этом нет ничего такого, я тоже там рос. Тем не менее, этот парняга был умен и предприимчив, он мыслил не так, как все. Он не мачо, конечно, ему не нужно было быть дерзким. Обычно я так близко людей не подпускаю. Я уже прочувствовал на себе, как бывает, если кто-то хочет просто нагло к тебе подмазаться, показывая, какой он весь из себя замечательный.

Между мной и этим парнем что-то такое промелькнуло, я сразу это почувствовал. Я сказал ему: «Я оставлю часы на ресепшн, и как только на моем счету появятся деньги, ты сможешь их забрать».

Через полчаса он перечислил наличку. Мы с ним контакт не теряли. Мы переписывались, болтали по телефону, однажды он даже приехал к нам в Милан. Он очень хорошо воспитанный шведский парень, всегда говорил «приятно познакомиться». Совсем не похож на моих русенгордских друзей. Но с Хеленой они поладили. Он ей вообще нравился, он же не бросал петарды в шашлычные! Он стал новым человеком в моей жизни. Хелена любит вспоминать нашу интернетную историю знакомства.

Помните Милен? Ту самую, где мы крали велики или катались на автобусе? Ведь это было не так-то и давно. Я часто думаю о тех временах. Не потому, что это происходило тогда, когда меня вотвот должны были

взять в основу. Так вот, там многое изменилось. Одни особняки на Лимхамнсваген (улица в Мальмё — *прим.пер.)* чего стоят! Они казались такими необъятными, особенно один из них, розовый, который был огромным, как замок. В те времена я и представить себе не мог людей, которые жили подобным образом. Должно быть, им хорошо жилось.

Я до сих пор так думаю. С такими людьми я не чувствовал себя неловко, как раз наоборот. Но я помнил всю ту боль, которая стояла за этим миром. Те чувства не забываются. Но я хотел показать, что я больше не тот пацан с Fido Dido из Русенгорда. Хотел по-

казать, что я могу себе позволить иметь охренительный дом. Мы с Хеленой действительно хотели дом в Мальмё.

Мы не могли больше оставаться с мамой в Свагерторпе. У нас должен был появиться еще один ребенок. Я хотел, чтобы у нас был свой уголок. В общем, мы с Хеленой начали изучать варианты. Мы составили список из 10 лучших домов, и какой дом оказался на первом месте, как бы вы думали? Розовый дом на Лимхамнсваген, конечно, и не потому что, что это было моей давней мечтой. Этот дом был действительно потрясающим, самый лучший во всем Мальмё. Но была одна проблемка.

Там уже жили люди, и они ни в какую не хотели продавать дом. Ну а что поделаешь? Вот такой вот возник вопрос. Но мы сдаваться не собирались. Пожалуй, стоило сделать им предложение, от которого невозможно отказаться. Нет, я не собирался просить русенгордских парней устроить им темную. Все должно было быть сделано изящно. Мы продолжали наседать. Однажды Хелена была в IKEA.

Она встретила там своего друга, и они поговорили как раз о розовом доме.

О, так там живут мои хорошие друзья!

Назначишь им встречу? Мы бы очень хотели с ними пообшаться.

Что, серьезно?

Конечно, серьезно.

Этот друг позвонил им, объяснил ситуацию, но они все равно не собирались уступать. Уж так им нравилось там жить: и дом прекрасный, и соседи замечательные, и трава зеленая, и вид на Пляж Риберсборг, и на пролив Эресунн....ну и все такое прочее. Но друг, следуя просьбе Хелены, объяснил им, что нас такой ответ не устраивает. Даже если они были настроены остаться там, мы были готовы заплатить любые, только давайте лично все обсудим. В конце концов, разве не круто поболтать за чашкой кофе с Хеленой и Златаном? Не всем это, знаете ли, удается.

В общем, они все-таки согласились. Я, конечно, понимал, что я должен

их уговорить, все же я не последний человек, но определенные сомнения у меня были. Когда я проходил через эти ворота, я чувствовал себя огромным и крохотным одновременно. Будто ребенок, который таращит глаза на дома, пробегая по Милен, и в то же время — звезда мирового масштаба. Сначала мы с Хеленой обошли дом вокруг, все осмотрели. «Прекрасный дом, просто пре-

красный, чудесное место». Я вел себя очень вежливо. Но когда мы принялись за кофе, я уже не мог себя сдерживать.

Мы здесь, потому что вы живете в нашем доме, — сказал я, и хозяин начал смеяться, думая, что я, разумеется, шучу. Типа шутка такая, все как в кино. Но я продолжил:

Можете, конечно, смеяться. Но я говорю абсолютно серьезно. Я намереваюсь купить этот дом, вижу, вы здесь счастливы, но тем не менее.

Он, конечно, ответил, что он не продается ни в коем случае. Он был непреклонен. Хотя, он скорее блефовал. Тут все, как на трансферном рынке. Своего рода игра. Он явно хотел определенную сумму, это по глазам было видно. Я объяснил ему, что не хочу заниматься вещами, в которых не соображаю. Я футболист, а не риэлтор. Поэтому я пришлю человека, который с вами договорится.

Да не Мино, конечно, если вы уже успели так подумать. Я послал юриста. И не думайте, что я дурак и готов выбрасывать деньги на ветер, нет. Я был предельно осторожен, продумывал каждый шаг.

Я не просил его договориться любой ценой, ничего подобного. Я просил его договориться на наименьшую возможную сумму. Ну а мы сидели дома и ждали. Сидели. И ждали. Но тут раздался звонок.

Они готовы продать его за 30 миллионов.

Ну, тут нечего было обсуждать. Мы купили его за эти 30 миллионов крон (около 3 миллионов евро — *прим. пер.)*. И я держу пари, они были даже рады продать нам дом за такие деньги.

Все получилось. Не за бесплатно, конечно. Мы заплатили, чтобы их оттуда выселить. Но это было только начало. Там еще с ремонтом пришлось возиться. Мы хотели сделать стены в саду выше, но нам не разрешали. Тогда мы пошли на хитрость, и углубили фундамент в землю. Ну и еще много всего такого. Мы тратили много денег, и соседи всегда искоса на нас поглядывали.

Дома в этом районе, как правило, передаются по наследству. Папочки платят бабки, поэтому никто из таких, как я, не мог туда перебраться. Там живет элита, и никто не сказал бы об этом доме, что он охренительный. Изысканный, шикарный — да, но не охренительный.

Но я хотел показать, что даже такой парень, как я, может себе это позволить. Для меня это было важно с самого начала, но я, конечно, понимал, что просто так никто не будет мне аплодировать. Однако я все еще был удивлен. «Они собираются сделать это? И вот это?» Они постоянно что-то такое несли, возмущались вечно. Но нам было плевать, мы этот дом переделали под себя.

Над этим работала Хелена. Она очень тщательно обустраивала дом, что-то заказывала из музеев, что-то еще откуда-то. Я почти ничего не делал, у меня нет такого вкуса. Но была одна вещь, которую приобрел я. На красной стене в коридоре я повесил картину, где были две грязные ноги. Когда друзья приходили к нам, они все время удивлялись:

У вас такой прекрасный дом, тут так здорово! Но что это за хрень у вас на стене?

Идиоты. Если бы не эти ноги, ничего этого бы не было.

ГЛАВА 18

Помню, как увидел его на тренировке. Приятное ощущение, когда что-то вопреки всем моим переездам из клуба в клуб не меняется. Я крикнул ему:

Ты что, преследуешь меня?

Нуда. Кому-то ведь надо следить, чтоб твой холодильник не пустовал.

Но спать на твоем матраце я не буду!

Будешь хорошо себя вести — тебе и не понадобится.

Приятно, что Максвелл был в «Интере». Он перешел туда на несколько месяцев раньше меня, но он получил травму колена и проходил курс физиотерапии, поэтому прошло какое-то время прежде, чем я увидел его. Я не знаю более... элегантного игрока, что ли. Он агрессивный бразильский защитник, который даже глубоко в обороне умеет сыграть красиво. Мне нравится смотреть на его игру. Я порой даже удивляюсь, как ему удается. Обычно у хороших парней, как он, в футболе мало что получается. Нужно быть крутым и жестким, таким, каким я стал после «Ювентуса». Сейчас я был в гуще событий и выкладывался на полную в мой первый год в «Интере», чтобы завоевать титул. Не только на поле выкладывался, но и за его пределами.

Та история с группировками была позади. Мой авторитет в клубе быстро рос, и конечно, это заметил Моратти. Он хорошо ко мне относился. Он позаботился, чтобы у моей семьи не было проблем. А я продолжал блистать на поле. Мы вновь возглавляли таблицу. Ушли эти ужасные 90-е, когда «Интер» не добивался серьезных успехов. Все происходило так, как я

и хотел: команда была на подъеме, когда я туда пришел. И до нас с Мино дошло, что в переговорах это может быть сильной стороной.

Пришло время пересмотреть условия моего контракта. Лучше Мино в переговорах нет никого, и он использовал все свои фишки на Моратти. Понятия не имею, как переговоры проходили, меня там никогда не было. Но появился слух, что меня хотел купить «Реал», и Мино надавил этим на Моратти. Правда, игра не стоила

свеч, ситуация была другой. В «Интер» я перешел потому, что я отчаянно хотел уйти из «Ювентуса», и Моратти мог козырнуть этим. Всегда надо искать слабые места у оппонентов в этом деле, это часть игры. Они должны быть в ежовых рукавицах.

Он снижал мою зарплату четыре раза, но мы с Мино отклонили эти предложения. Моратти уже не казался таким сильным. И учитывая мою репутацию в клубе, он не мог позволить, чтобы я ушел. Вскоре он сказал:

— Дадим парню то, чего он хочет.

Контракт был отличным. Позже, когда всплыли детали, меня начали называть самым высокооплачиваемым футболистом мира. Но не все об этом знали тогда. Одним из условий Моратти была секретность. В течение шести или семи месяцев о переговорах не должен был знать никто. Но мы-то знали, что рано или поздно это всплывет, и тогда уже не зарплата будет главной, а шумиха, поднятая из-за этой зарплаты.

Если тебе платят больше всех в мире, люди смотрят на тебя иначе. Словно включается еще один прожектор. Публика, другие игроки, болельщики, спонсоры — все увидят тебя в новом свете. А что они будут говорить? Кто имеет, тому дано будет, и приумножится. Достигнув вершины, ты идешь еще выше. Чистая психология. Номером 1 интересуются все. Так устроен рынок. Хоть я и не думал, что кто-то стоит таких денег, я знал, насколько ценен я. Это было у меня в крови: чтобы больше не облажаться, как с «Аяксом». Но с огромными зарплатами много и другой хрени приходит, давление, например. С этим не поспоришь. Надо продолжать плодотворно пахать на поле.

Но мне нравилось это давление. Оно подхлестывало меня. За полсезона я забил за команду 10 мячей, что влекло за собой всеобщую истерию. Везде скандировали: «Ибра, Ибра!» В феврале уже возникало ощущение, что очередной титул обеспечен. Люди думали, что никто и ничто не может остановить нас. Но потом у меня начались проблемы с коленом. Я пытался не обращать внимания на них, но они никуда не уходили. И с каждым днем было все хуже. Мы заняли первое место в лигочемпионской группе. И там казалось, что все выглядит многообещающим.

Но в 1/8 финала нам в соперники достался «Ливерпуль», и в первом матче на Энфилде я ощутил, что травма сильно ограничивает мои возможности. Наша игра была ужасна, и мы проиграли со счетом 0:2. После этого мне было очень больно, и я не мог

больше терпеть. Меня обследовали, и быстро поставили диагноз: воспаление коленного сухожилия.

Матч против «Сампдории» я пропустил. Я думал, что ничего страшного в этом нет, и для меня лично, и для команды. «Сампдория» ведь не «Ливерпуль». Парни и без меня должны были справляться. У нас в чемпионате продолжалась великолепная беспроигрышная серия. У нас даже был рекорд по количеству побед подряд в серии А (в сезоне 2006/07 «Интер» одержал 17 побед подряд — *прим. пер.)*. Все это не помогло.

Игра против «Сампдории» была мертвой. Это был один из первых знаков, что что-то не так. Мы были близки к поражению. Нас спас Эрнан Креспо, забивший гол головой на последних минутах. Вырванная на зубах ничья — 1:1. И это было только начало. Мы стали играть хуже после того, как я получил травму. Если, конечно, дело все было в моей травме. Мы сыграли вничью 1:1 с «Ромой» и проиграли «Наполи». Я слышал, что говорили Манчини и партнеры по команде: они были обеспокоены. Мне нужно было вернуться на поле. Нельзя было упускать лидерство. Меня отправили на курс лечения, ведь мне быстро нужно было встать на ноги. Вскоре после этого, 18 марта 2008 года, меня включили в заявку на матч против «Реджины».

«Реджина» занимала предпоследнее место в лиге, и поэтому были споры о том, надо ли мне играть. Боль еще никуда не ушла. Но я играл на болеутоляющих уколах, и «Реджина» не должна была стать проблемой. Однако нервное напряжение охватило всю команду. Уверенность в своих силах испарилась напрочь, пока меня не было. И нас пугали «Рома» и «Милан», медленно, но верно нагоняя нас в чемпионате. Манчини не хотел рисковать. Мы были побеждающей всех и вся машиной, а теперь у нас даже против команд из низов таблицы колени дрожали. Я не мог сказать «нет» в такой ситуации, особенно тогда, когда доктор, пусть и с явной неохотой, сказал, что играть можно. В каком-то смысле, мое колено мне не принадлежало.

В каком-то смысле, мне не принадлежали мои плоть и кости, они принадлежали руководству. Футболист моего уровня — как апельсин: клуб выжимает тебя, пока не останется сока, а потом его надо продавать. Жёстко, но так оно и есть, это часть игры. Мы принадлежим клубу. Мы не поправлять здоровье пришли сюда, а побеждать. Порой даже доктора не

знают, как им быть. Осматривать игроков, как пациентов или как продукты... Это ведь не обычная больница, доктора здесь просто являются частью команды.

Ау тебя никого и ничего нет, кроме собственной головы. Ты можешь говорить громко, даже кричать. Не поможет. Но боль тогда была очень сильная. Никто не знает твое тело лучше тебя-самого.

Но давление напрягало. Обычно играешь, и плевать на последствия. Ты управляешь риском. Может, я и был бы полезен тогда, но ухудшил бы ситуацию и для себя, и для команды в долгосрочной перспективе. Все эти вопросы... что делать? Кого слушать? Докторов, которые, несмотря ни на что, более осмотрительны, или тренера, который включает тебя в заявку, думая только о предстоящем матче. Плевать на завтрашний день, лишь бы сегодня выиграть!

В итоге против «Реджины» я все-таки сыграл. В этом Манчини оказался прав — я забил им свой 15-й гол в сезоне и привёл команду к победе. Стало легче. Но это также означало, что клуб хотел, чтобы я играл и в следующих матчах. И я согласился. А что было делать? Больше уколов, больше болеутоляющих. Вокруг я все время слышал: «Нам без Ибры никуда. Нельзя давать ему отдыхать». Не обвинишь ведь их. Как я уже говорил, я не был пациентом. Я был тем, кто вел команду вперед с самого первого дня. Было принято решение, что в ответном матче против «Ливерпуля» в Лиге чемпионов я также сыграю. И это было действительно важно, и для меня, и для команды.

Лига чемпионов стала навязчивой идеей. Я хотел выиграть этот проклятый турнир. Но из-за поражения в первом матче нам нужна была крупная победа, чтобы идти дальше. Мы очень усердно тренировались. Но игра снова не получилась. И у меня ничего не получилось. Я растранжирил много моментов, а на 50-й минуте удалили Бурдиссо.

Безнадега. Мы играли жестко, боролись, но это не помогало. С каждой минутой я ощущал, что это все. Боль слишком сильная. Я убиваю себя. В конце концов, я еле-еле ушел с поля, сильно хромая из-за непрекращающихся болей. Никогда это не забуду.

Гостевой сектор освистывал меня. Когда ты травмирован, ты постоянно задаешь себе вопросы: играть или отдохнуть, и насколько я готов жертвовать собой в этом матче? Ситуация подобна рулетке: ты не можешь знать правильный ответ. Ты просто делаешь ставку и надеешься ничего не потерять. Ни сезон, ни что-то еще. Я играл, потому что этого хотел тренер. А еще потому, что я думал, что могу быть для команды полезным.

Однако случилось то, что случилось: моя травма усугубилась, и мы

проиграли со счетом 0:1. Я сам довел себя до ручки, а толку от

этого никакого не было. Еще и английские фаны глумились надо мной. С англичанами у меня вообще отношения не складываются. Ни с болельщиками, ни с прессой. Тогда меня назвали «плачущей примадонной» и самым переоцененным игроком в Европе. Обычно такое меня подбадривает. Как тогда, когда родители моих партнеров по детской команде подписывали петиции, чтобы избавиться от меня — тогда я просто приложил усилие и показал этим сволочам, чего я стою. А сейчас мое тело не позволяло мне сделать это. Боли продолжали беспокоить меня, и моральный дух команды еще больше упал. Все поменялось. Гармония и оптимизм испарились. Журналисты писали: «С «Интером» что-то не то». Роберто Манчини объявил о том, что он покидает клуб.

Он сказал, что он уходит. А потом он взял свои слова назад — и внезапно он уже никуда не уходит. Чего он этим хотел добиться? То он уходит, то остается. Ну нельзя тренеру так непрофессионально себя вести.

А мы, тем временем, продолжали терять очки.

У нас был большой отрыв от второй команды чемпионата, но он стремительно сокращался. Мы добились лишь ничейного результата с «Дженоа» (1:1) и проиграли дома «Ювентусу». В том матче я, идиот этакий, играл. Не мог отказаться. Но после игры боли были невыносимыми, я едва мог ходить. Помню, как вошел в раздевалку с желанием рвать и метать. Сорвать все с этих стен. Я наорал на Манчини. Вел себя, как полный псих. Это была крайняя точка. Мне нужны были отдых и физиотерапия. Я не мог помочь команде в чемпионате. Не было выбора, пришлось отступить. Поверьте, это было очень непросто.

Ты сидишь на месте, когда остальные тренируются. Ты спешишь в качалку, из окна которой видишь партнеров по команде на поле. Как будто смотришь фильм, в котором ты должен быть, но тебе элементарно нельзя. Это больно. Это ощущение хуже самой травмы. Я решил сбежать из этого цирка. Поехал в Швецию. Там весна, а весной красиво. Но насладиться поездкой толком не удалось.

В голове прочно засела одна мысль — вновь набрать форму. Меня осмотрел доктор из сборной Швеции. Помню его шок. Как они только позволили мне играть так долго на болеутоляющих? Всего два месяца оставалось до Чемпионата Европы в Австрии и Швейцарии. Участие в нем было теперь под вопросом.

Я довел себя сам до такого дерьмового состояния. Теперь надо было себя из него вывести и набрать форму. Я позвонил Рикарду

Дахану. Он был физиотерапевтом в «Мальмё», мы хорошо знали друг

друга, еще с тех времен, когда я там играл. Мы начали работать вместе и пришли к выводу, что нужно показаться одному доктору.

Я полетел на север Швеции, в город Умео, доктор был там. Он сделал мне несколько уколов, которые убили несколько клеток в коленном сухожилии. Мне стало лучше. Но до оптимальной формы все равно было далеко. Играть я не мог, надежды на это не было. Я был взбешен. А в чемпионате продолжалась полоса неудач. Парни могли обеспечить себе скудетто в матче против «Сиены». Одна победа — и все закончится. Патрик Виейра забил первый гол, и фанаты пустились в пляски. Все шло к тому, что мы удержим этот результат. Тем более, молодой талант Марио Балотелли, который играл вместо меня, забил второй гол. Ну уж против «Сиены» матч не мог закончиться иначе.

Однако «Сиена» сравняла счет. За 10 минут до конца матча матч стал невероятно напряженным. Чуть позже Матерацци сбили в штрафной. Последовал свисток. Нужен был гол. На кону было все. В такие моменты обычно пенальти бьет аргентинец Хулио Крус. Но Матерацци был темпераментным, и у него был весомый авторитет в команде. И на поле все об этом знали. Пробить решил он. Думаю, это устроило всех. Ему было 34 года. Он был одним из ветеранов, и он был частью той команды, которая выиграла Кубок Мира, и он тогда гол забил.

А сейчас он пробил ужасно. Вратарь отбил мяч, и болельщики заорали в гневе.

Вы можете это понять. Возникло ощущение полной катастрофы. Я полагал, что уж кто-кто, а Матерацци решит эпизод. Кое в чем он похож на меня: месть и ненависть ему придают уверенность. Но сейчас для него это просто так не прошло.

«Ультрас» были в ярости и агрессивно настроены. И в прессе о матче написали в гневных тонах. В команде всем пришлось несладко. Мы упустили свой шанс, а «Рома» победила «Аталанту» и приблизилась к нам. «Рома» была на ходу. В лиге остался всего один тур, и, разумеется, мы волновались. Охренеть, как волновались!

Казалось, что до скудетто было подать рукой. Многие полагали, что борьбы уже давно не было. Но потом я получил травму, и наши девять очков преимущества превратились в одно. Поэтому уже никого не удивляло мнение людей о том, что у нас шансов было меньше. Возможно, футбольные боги тоже так думали. Это

уже было плохо. Что происходило с «Интером»? Почему у них ничего не получается? Повсюду говорили об этом.

Если мы не обыграем «Парму», а «Рома» победит «Катанию», — а они

наверняка это сделают, потому что «Катания» на последнем месте в лиге, — мы потеряем все. Я уже вернулся в Милан, но еще до конца не восстановился. Не помогло: я опять услышал всю эту хрень. Ибра должен играть. Обязательно должен играть. И об этом говорили все чаще. Такого давления мне испытывать пока не прихолилось. Я лечился полтора месяца и не был готов играть. Последний матч, в котором я играл, прошел 29 марта. А сейчас была середина мая, и все знали наверняка, что я форму не набрал.

Но всем было плевать. Я их не виню. Я был самым важным игроком «Интера», а в Италии футбол важнее самой жизни, особенно в такие моменты. Много лет прошло с тех времён, когда судьба титула решалась в последнем туре. И это было противостояние двух больших городов, Милана и Рима. Люди только об этом и говорили. Тогда стоило включить любую спортивную передачу по телевизору, а там только «Ибра, Ибра». Будет ли он играть? Есть ли шанс на это? Справится ли он? Набрал ли он форму за время отсутствия? Никто не знал. Это обсуждали все поголовно. Фанаты кричали, мол, помоги нам, Ибра!

Нелегко было думать о здоровье и о предстоящем Евро. В моей голове был только матч против «Пармы». Стоило выйти на улицу, как я видел себя на первых полосах газет с заголовками: «Сделай это для команды и для города». Помню, как Манчини пришел ко мне за несколько дней до матча. Он немного сноб, Манчини, со своими дорогими костюмами, носовыми платочками. Но я никогда не был против него. Правда, после той ситуации с объявлением об уходе его авторитет несколько упал. По мне, так ты либо уходишь, либо нет. Ты не должен говорить, что хочешь уйти, и потом оставаться. Это многих бесит. Клубу не нужна была тренерская чехарда, ему нужна была стабильность. Сейчас Манчини уже пришлось бороться за свое место. Приближался важнейший день в его карьере тренера. Все должно было пройти, как по маслу. Поэтому меня не удивило то, что он выглядел очень серьезно.

Да? — сказал я.

Я знаю, что твоя травма не становится лучше.

Так и есть.

А мне плевать, если честно, — сказал он.

Вот и правильно.

Отлично! Я намереваюсь включить тебя в заявку на матч против «Пармы» вне зависимости от того, что скажешь ты. Ты будешь играть. В основе, или на замену выйдешь. Но ты там нужен. Нам нужен этот титул.

Знаю. Я и сам хочу играть.

Я действительно хотел, больше всего на свете. Не хотелось остаться в стороне, когда разыгрывался скудетто. Потом ведь с этим пришлось бы жить, чего явно не хотелось. Лучше уж корчиться потом от боли долгое время, чем пропустить такую битву. Но я не знал, в какую форму я пришел. Я не знал, выдержит ли мое колено этот матч, смогу ли я играть в полную силу. Может, Манчини и разделял мои сомнения, но он явно не хотел быть неправильно понятым.

Он послал за мной Михайловича. Вы его помните. Когда я играл в «Ювентусе», между нами были трения. Я его боднул, ну или сделал вид, что боднул, а он выкрикнул в мой адрес все известные ему слова. Но это было очень давно. Что происходит на поле, на поле и остается. Мне часто удавалось сдружиться с теми, с кем я сталкивался на поле лбами, может, из-за того, что мы похожи, не знаю. Нравилось мне быть среди воинов, а Михайлович как раз из таких. Он всегда хотел побеждать. Он уже не играл, но был ассистентом Манчини. Кстати, некоторые даже учили меня бить штрафные, как это делал он.

А делал он это мастерски. Он забил больше 30 голов со штрафных в Серии А. Большой, славный, помятый парень.

Он сразу перешел к делу:

И бра.

Да, я знаю, чего ты хочешь.

Хорошо, но тебе надо кое-что знать. Тебе не нужно тренироваться. Тебе вообще ничего не надо делать. Но ты должен быть с командой. И должен помочь нам завоевать скудетто.

Я попытаюсь.

Ты не попытаешься. Ты сделаешь это, — сказал он, и мы пошли к автобусу.

ГЛАВА 19

У футбольных клубов бывают такие времена, о которых вспоминать не хочется. Для «Интера» это 90-е. Даже несмотря на наличие Роналдо, они тогда не выиграли ни одного чемпионата. Оставалось чуть-чуть, но чего-то всегда не хватало. Вот, например,сезон 1997/98.

Мне было лет 16-17, и про Равелли и всю эту банду я и понятия не имел. Зато про «Интер» я все знал. И про Роналдо, естественно. Я изучал его финты, его рывки. Многие потом пытались повторить. Но ни у кого не получалось, как у меня. Я не упускал ни одной детали. Я думаю, что без него я бы стал другим игроком. Я так говорю не потому, что я такой вот впечатлительный. Однажды я обедал в Барселоне с королем Швеции. Да, быть может, я неправильно держал вилку и называл его на «вы» вместо

«ваше величество», но это было круто. Я это я. И всегда остаюсь собой. Но Роналдо... тут все было иначе. Я был в «Интере», а он играл за «Милан», и на YouTube есть видео, где я жую жвачку и пристально за ним наблюдаю, будто не могу поверить, что нахожусь с ним на одном футбольном поле.

В его игре была такая легкость. И такая страсть. В каждом его движении чувствовался класс. И тот «Интер», образца сезона 1997/98, был просто изумителен. Они выиграли Кубок УЕФА, Роналдо наколотил 25 голов и был признан лучшим игроком мира второй год подряд. Они доминировали в Серии А. Но в начале весны они все потеряли. (У нас в преддверии матча с «Пармой» была похожая ситуация.) «Интеру» тогда конкретно не везло. На носу было дерби с «Ювентусом» на стадионе «Делле Альпи» весной 1998-го. Между командами было то ли одно, то ли два очка. Настоящая развязка сезона, и это напряжение прямо-таки стояло в воздухе. Роналдо вошел слева в штрафную, но его жестко блокировали. Стадион взревел. Но судья не свистнул. Он позволил игре продолжиться. Как итог: «Юве» со счетом 1:0 выиграл матч, а потом и чемпионат. Вот так это обычно бывает. «Интер» остался вторым. Об этом до сих пор идут разговоры. Что, мол, был очевидный пенальти. Но его не по-

ставили, и это породило кучу протестов по всей Италии, разговоров о взятке судье, о том, что вообще все судьи в этом замешаны. Словом, у «старичков» клуба были об этих временах неприятные воепоминания. Тем более что примерно в это же время у клуба был еще ряд подобных неприятностей. Они практически выиграли скудетто в прошлом сезоне, но проиграли решающую битву «Лацио». А год спустя Роналдо получил травму. Все стало просто ужасно, команда потеряла свой мотор, заглохла и финишировала только на 8-м месте — это, наверное, худший результат в истории.

Но вслух об этом не говорили. Никто не хотел «накаркать». Но многие думали обо всем этом перед нашим матчем с «Пармой». Были плохие предчувствия. Люди об этом помнили и были даже в какой-то мере помешаны на этом. А тут еще и незабитый Матерацци пенальти. Ребята имели несколько шансов оформить чемпионство, но упустили все. Чаще всего из-за каких-то мелочей. Невезение, ошибки. Разная хрень случалась, поэтому на матч с «Пармой» все настраивались основательно. Но это тоже могло стать проблемой. Об этом шептались. Был риск, что давление окажется слишком большим. Все могло зайти в тупик, и руководство клуба запретило нам общаться с прессой. Мы должны были сохранять полную концентрацию. Даже Манчини, который всегда проводил пресс-конференции перед матчами, держал рот на замке. Поэтому единственным,

кто взял слово, стал Моратти.

Он вечером появился в нашем отеле, и не сказал журналистам ничего, кроме: «Пожелайте нам удачи. Она нам сегодня пригодится». Но ведь и «Парма» настраивалась на бой, чтобы сохранить свое место в Серии А. Для них этот матч был так же важен, как и для нас. Мы понимали, что просто так ничего не будет, и как раз перед тем, как мы отправились на стадион, было принято решение, что на этот матч мы будем лишены поддержки собственных болельщиков.

Это к вопросу о справедливости. По соображениям безопасности фанатам «Ромы» было запрещено ехать на матч с «Катаньей», и поэтому решили и нас лишить поддержки в матче с «Пармой». Однако многим все же удалось пройти. Они были «разбросаны» по стадиону. Каждая маленькая деталь тогда была важна, все выносилось на всеобщее обсуждение. Помню, Манчини взбесился, когда узнал, что судить матч будет Джанлука Рокки.

— Вот всегда на нас ставят этого ублюдка, — сокрушался он. Тучи сгущались.

Было что-то похожее на дождь. Я начинал на скамейке. Я ведь долго не играл, поэтому в старт Манчини поставил Балотелли и Круса. «Будь наготове», — сказал он мне. Я кивнул. Мы все сидели под навесом, и я слышал, как по крыше стали стучать первые капли дождя. Вскоре он забарабанил не на шутку, матч начался, а зрители посвистывали. Давление было ужасным, но мы доминировали. Мы прессинговали, и у Круса с Майконом было пару шансов забить, но реализовать их не удалось. Все выглядело както безнадежно, и, конечно, мы очень активно следили за игрой с наших мест. Мы кричали, ругались, волновались, и одним глазком всегда поглядывали на огромное табло на стадионе.

Потому что там была информация не только о нашем матче. Мы смотрели, как играет «Рома». У них тоже были нули на табло, и это было здорово для нас. Мы все еще возглавляли таблицу. Скудетто будет наш. Но тут цифры поменялись. Мы были в ступоре. Пожалуйста, нет, «Рома», не забивай! Это было бы слишком жестоко. Лидировать весь сезон и потерять все в последнюю минуту. Это было просто уму непостижимо. Но да, «Рома» действительно забила «Катанье», и мы уже на втором месте. Просто нереально. Я посмотрел на людей на скамейке: физиотерапевтов, врачей, обсуживающий персонал, всех, кто помнит, как там это было в 90-е. Они побледнели. Неужели история повторится? Неужели старое проклятье вернется?

Я никогда в жизни не видел ничего подобного. Их мир вмиг потерял

всякие краски. Просто кошмар, настоящая трагедия. Этого просто не могло произойти. Катастрофа. И дождь продолжал идти. Лило как из ведра. Фанаты хозяев ликовали. Такой расклад их устраивал, потому что при поражении «Катаньи» «Парма» оставалась в лиге. Но для нас это было смерти подобно, футболисты выглядели невероятно напряженными. Я видел это. Они словно несли невероятную ношу на своих спинах. Я не могу сказать, что я был настроен намного оптимистичнее, но все же у меня было уже три скудетто, и этого старого проклятья я на себе не ощущал. Я был слишком молод для этого. И с каждой минутой я становился все более сосредоточенным. Я прямо-таки горел изнутри.

Я собирался выйти и перевернуть все с ног на голову, и неважно, что у меня там болело. И другого варианта я не принимал. К перерыву счет все еще был 0:0, и теперь судьба титула была уже в руках «Ромы». Мне скомандовали разминаться. Я отчетливо помню, как это было: все посмотрели на меня — Манчини, Михайлович, все

работники клуба, физиотерапевты — и я видел, как все они рассчитывают на меня. Я смог разглядеть это в их глазах. Они умоляюще смотрели на меня, и, конечно, нельзя было не ощутить давление.

Сделай это для нас, — повторяли они один за другим.

Сделаю, я сделаю!

Но сразу после перерыва я не вышел. Прошло еще 6 минут, и только тогда я появился на поле. Газон был мокрым. Бежалосьтяжело, я ведь был не до конца готов. Давление было колоссальным. Тем не менее, такого настроя у меня не было никогда, и я практически сразу попытался пробить, протащив мяч почти от центра поля до штрафной.

Не попал. Через несколько минут я попробовал еще раз. И снова мимо. Казалось, что я снова и снова там оказывался, ничего из этого не извлекая. На 62-й минуте я получил мяч в том же месте. Получил передачу от Станковича, прошел парня, который бросился на меня. Я бежал к цели, и каждый раз, когда я касался мяча, отлетали огромные брызги воды. Я нашел момент и пробил, и нельзя сказать, чтобы очень сильно пробил.

Удар получился низом, мяч катился по газону и от левой штанги влетел в ворота. Вместо того, чтобы праздновать, я просто стоял и ждал. Ко мне подбежали все: и кто был на поле, и кто сидел на скамейке. Первым был Патрик Виейра, потом Балотелли, ну а потом все остальные: команда, персонал, ребята из магазинов, те, кто так умоляюще на меня смотрел. И я увидел, что страх утих. Деян Станкович бросился на мокрое поле, и, кажется, благодарил богов. Началась полная истерия, где-то там, на трибунах ликовал Массимо Моратти, он прямо-таки устроил танцы в VIP-

ложе, словом, все до единого в клубе прочувствовали этот момент.

Камень был сброшен. Мир снова заиграл яркими красками. Это было намного больше, чем просто гол. Как будто я спас их от потопа, не меньше. Я посмотрел в сторону зрителей. Ликования наших болельщиков перекрывались свистом, и я поднес руку к уху, мол, что это я слышу? Стадион был словно заряжен электрическим током. А когда все чуть поутихли, матч продолжился.

Ничего еще не было решено. Один гол «Пармы», и все бы вернулось на круги своя, те же нервы, то же напряжение, но не тот страх. Все боялись выдохнуть. В футболе случаются вещи и пострашнее ничьих. Но тогда Майкон прошел по правому флангу, обыграл одного, второго, третьего, и подал. Я поборолся с защитником, и хоть мы рванулись одновременно, я успел выставить ногу и вколотить мяч в ворота. Представляете, что началось? Я отсутствовал два месяца, журналисты столько дерьма про меня и команду понаписали...

Писали всякую хрень, типа «Интер» разучился побеждать, что все уходит у нас из-под носа, что я не так уж и крут, как Тотти и Дель Пьеро, и когда нужно, вообще не показываю свою лучшую игру. Но теперь я им показал. Я опустился на колени на этот мокрый от дождя газон и ждал, когда они все снова на меня навалятся, чтобы всем телом почувствовать: до финального свистка осталось совсем немного, скудетто наш.

«Интер» не выигрывал его семнадцать лет. Долгие 17 лет, полные каких-то проклятий, невезения и прочего дерьма. Но пришел я, и мы дважды подряд выиграли титул. Народ выбежал на поле, праздновал вместе с нами, а в раздевалке все кричали и прыгали от счастья. Но вдруг все замолчали. Зашел Манчини. Он не был осо60 популярен, особенно после своих заявлений относительно будущего в клубе и неудач в Лиге чемпионов. Но теперь он выиграл скудетто, и игроки стал подходить к нему со словами: «Спасибо большое, что вы сделали это для нас». Потом Манчини подошел ко мне, упоенный победой и поздравлениями. Но я его не поблагодарил. Я сказал «Всегда пожалуйста», и все рассмеялись. Потом, когда я общался с журналистами, кто-то спросил:

Кому вы посвящаете эту победу?

Вам, — ответил я. — Журналистам, которые сомневались во мне, в «Интере», и поливали нас грязью!

Так-то. Я всегда планирую свою месть. С тех самых русенгордских времен. Не забуду, как Моратти тогда сказал в СМИ:

Вся Италия была против нас, но Златан Ибрагимович стал символом нашей борьбы.

Я был признан игроком года в Серии А. А вскоре после этого всплыла информация, что я самый высокооплачиваемый футболист в мире, и началось глобальное сумасшествие. Я едва мог выйти на улицу, и куда бы я не пошел, везде был полный хаос. Конечно, все думали, что мой контракт улучшился после матча против «Пармы». Но сделка была согласована месяцев 7—8 назад, и я подумал, Боже мой, Моратти сейчас, наверное, ни капли не жалеет после такого. Я чувствовал, что все сейчас перевернется.

Небо прояснилось. Я был в состоянии нанести ответный удар. Потому что признаки для беспокойства были. Я заметил это сразу после матча с «Пармой».

Мое колено снова распухло. Я не был полностью готов, и думаю, для многих стало шоком, что я пропустил финал Кубка Италии. Мы могли оформить дубль. Но в мое отсутствие «Рома» сумела отомстить нам в финале Кубка. Приближался Чемпионат Европы-2008, и я понятия не имел, в каком состоянии будет мое колено. Я переусердствовал в том сезоне.

И я дорого за это заплатил.

ГЛАВА 20

На улицу я выходил все реже, чаще был дома, с семьей. Я ведь стал отцом во второй раз. Теперь у нас был маленький Винсент. Винсент! Такой милый. Его имя происходит от итальянского елова, означающего «победитель», и мне это, конечно, нравилось. Он родился как раз во время того цирка. Но он уже был вторым ребенком, и поэтому пресса отреагировала на это спокойнее.

Два мальчика! Это уже не шутки. Я начал понимать, каково было маме справляться с нами, когда я был ребенком. Дети, уборка — ничего и рядом не стоит. Я и Хелена были финансово обеспечены, с этим проблем не было. Но я начал чувствовать, насколько тяжело было матери. После драмы с Макси я порой впадал в паранойю: что это за сыпь? Почему Винсент так тяжело дышит? Почему его животик так вздулся?

Нам пришлось сменить няню. Предыдущая с кем-то там познакомилась, пока жила с нами в Мальмё, и сказала нам об этом. Началась легкая паника, ведь нам нужна была помощь. И нам нужна была шведка. Хелена обзванивала кадровые агентства в поисках. Как надо было это сделать? Не вешать же рекламу в духе: «Златан и Хелена ищут приходящую няню». Нужные люди на нее вряд ли клюнут.

Хелена выдала нас за послов. Текст объявления был таким: «Шведская дипломатическая семья ищет няню». Мы получили более 300 откликов. Хелена прочла каждый из них. Как всегда, очень внимательно. Она ожидала, что это будет трудно. Но сразу нашлась няня, которая была нужна. Девушка была родом из Даларны в средней Швеции. Именно это, пожалуй, и было главным аргументом в ее пользу: Хелена хотела кого-то из деревни. Ведь она сама вышла из сельской местности, а девушка была квалифицированной воспитательницей в детском саду. Плюс к этому, она говорила на иностранных языках и держала себя в форме, как Хелена. В общем и целом, она была трудолюбивой и приятной.

Я не вмешивался. Хелена позвонила этой девушке, не представляясь. Она все еще была «супругой посла». Девушка казалась заинтересованной, легко шла на контакт. Хелена послала ей

e-mail: «Приезжайте и проведите неделю с нами в качестве испытательного срока!»

Было решено, что женщины поедут на арендованной Хеленой машине в аэропорт Стокгольма и полетят в Милан с мальчиками, поэтому девушка должна была встретиться с Хеленой в Линдесберге. Ее привез туда отец. Но перед отъездом Хелена отправила им билеты, и это ввело девушку в ступор. Согласно билетам, детей дипломатов звали Максимилиан и Винсент Ибрагимович, что было немного странно. Такие имена ведь могут быть у дипломатов, почему нет? Может, в Швеции полно всяких Ибрагимовичей! Она сказала отцу:

Посмотри-ка на это.

Похоже, ты будешь нянчить детей Златана, — ответил папа. Девушка сразу запаниковала и хотела отказаться.

Она была напугана, ведь звучало это устрашающе. Но уже было поздно отступать. Билеты были забронированы, и поэтому девушка с отцом полетели. У нее душа ушла в пятки, как она потом сказала нам. Но Хелена... а что Хелена, собственно? Она становится чертовскироскошнойбабой, когда разоденется. Нужно набраться храбрости, чтобы подойти к такой женщине. Но она удивительно спокойна. Она легко входит в контакт с людьми, и те чувствуют себя комфортно в общении с ней. Женщины провели долгое время за знакомством. Очень долгое.

Проблемы начались в аэропорту. Они должны были полететь через EasyJet (британская авиакомпания — *прим. пер.).* Только их самолет в тот день летел в Милан. Но что-то произошло. Полет был отложен на час. На два. На три. Шесть. Двенадцать. Восемнадцать. Невероятный скандал. Все от усталости и раздражения на стену начали лезть. Я взбесился, надоело это терпеть. Позвонил знакомому пилоту, который летает на доступном мне частном самолете.

Лети и доставь их сюда, — сказал я ему. Это, собственно, и произошло.

Хелена и девушка собрали сумки и сели в частный самолет. Я удостоверился в том, чтобы на борту была клубника со сливками. Надеялся, что им это понравится. После такого испытания они это заслужили. Я наконец познакомился с девушкой. Она заметно нервничала, и я это понимаю. Но она справилась с волнением. Она по сей день живет у нас и всячески помогает. Дети сходят по ней с ума, да и Хелена стала ей,

как сестра, с которой можно упражняться и заниматься. Каждое утро, в 9 часов, они вместе выходят на тренировку. В наш режим дня добавились некоторые новые пункты.

Как-то мы отправились в Санкт-Мориц. Думаете, я там чувствовал себя, как дома? Как бы не так! Я в жизни никогда не катался на лыжах. Одна только мысль о походе в Альпы была, как мысль о походе на Луну.

Санкт-Мориц — место для зажиточных людей. Они там завтрак шампанским запивают. Шампанским! А я сидел в спортивных штанах и хотел каши. С нами был Олаф Мёльберг. Он пытался научить меня кататься на лыжах. Это было бесполезно. В этом месте я чувствовал себя полным идиотом. А Мёльберг и другие рассекали склоны. Я выглядел очень смешно. Чтобы хоть как-то спасти положение, я надел лыжную маску и массивные солнцезащитные очки. Никто меня не узнает.

Но один раз я был на подъемнике, а рядом сидел итальянский паренек с отцом. И он начал присматриваться. Я подумал, что ничего страшного. В таком наряде он меня не узнает. Ни за что. А чуть позже он сказал:

— И бра?

Чертов нос. Наверно, он меня выдал. Я всячески отрицал это. Какой Ибра? Где Ибра? Кто такой Ибра? Хелена начала смеяться. Пожалуй, это была самая смешная история, свидетелем которой она была. А пацан продолжал городить: «Ибра! Ибра!» Наконец я ему сказал: «Да, это я». Возникла неловкая пауза. Он был под впечатлением. И это была проблема, потому что оно наверняка пропало бы после того, как он увидел, как я катаюсь на лыжах. Я думал, как решить эту проблему. Я ведь звезда спорта, и нельзя было показать себя плохим райдером. Однако все стало только хуже. Слово за слово — и уже в мою сторону повернулась толпа людей, которые хотели бы посмотреть на то, как я катаюсь на лыжах. Еще и с перчатками возникли проблемы, я еле-еле надел их так, чтобы они налезли мне на руки.

Я повозился и с курткой, и со штанами, и с креплениями. Я ведь видел, как надо работать с лыжными креплениями. Люди расправлялись с ними играючи, пристегивая и отстёгивая лыжи. Кто знал, может, я суперпрофессионал, у которого все должно быть сделано по науке перед тем, как я начну спускаться по склону, как Ингемар Стенмарк? Но это, по всей видимости, всех только раздражало: чем дольше я возился, тем больше были их ожидания. Какие же трюки он исполнит? Рванет ли он вперед, как пушечное ядро, с такими-то ногами?

Я приводил в порядок шарф, кепку, волосы. Толпе это надоело, и она разошлась, дескать, нам до тебя нет дела. Ну да, я действи-

тельно Ибра, но это же не значит, что на меня можно пялиться вечно. Я спокойно преодолел спуск. Неплохо для новичка, коим я и был. Олаф и другие сразу же спросили:

Где ты был? Чем ты там занимался?

Да так, приводил себя в порядок.

Но при этом большую часть времени я пахал. После победы над «Пармой» и завоевания второго скудетто в составе «Интера» я должен был играть на Чемпионате Европы-2008 в Австрии и Швейцарии. Но я все еще беспокоился по поводу колена. О травме писали многие, я говорил о ней с Лагербеком. Никто не знал, смогу ли я выложиться на 100% в финальном турнире. В нашей группе были Россия, Испания и Греция. Выглядело непросто.

У меня был подписан контракт с Nike. Мино был против этой сделки, но я настоял, ведь это было весело. Мы с Nike сделали несколько смешных видеороликов. В одном из них я жонглирую куском жвачки и запинываю его себе в рот; а мой отец делает вид, что он забеспокоился: а вдруг она попадет не в то горло? Также Nike участвовали в постройке Zlatan Court в Русенгорде, где я еще ребенком играл.

Поле было отличное. Его построили из подошв старых резиновых ботинок. И освещение было замечательным, поэтому дети не прекращали играть на этом поле из-за наступления темноты. Мы оставили там надпись:

«Здесь мое сердце. Здесь моя история. Здесь моя игра. Продолжайте в том же духе. Златан»

Я официально открыл поле. Это было фантастическое ощущение. Дети кричали: «Златан, Златан». Цирк, да и только. Но это происходило у меня дома, и я был реально тронут. Я играл с детьми в темноте. А вы могли предположить, что такое произойдет с сопляком с района?

Но на Евро-2008 наши с Nike интересы разошлись. У них было строгое правило, что все те, кто связан с ними контрактом, должны носить бутсы одного цвета. Ну о’кей, подумал я, плевать. Но потом выяснилось, что кто-то другой все равно собирался надеть бутсы своего цвета. Я сразу же обратился в Nike: мол, и что это за хрень такая? Все же должны носить бутсы одного цвета! Они ответили, дескать, ну, мы так решили. Я им высказал все, что я об этой ситуации думал, и они поменяли свою позицию. Внезапно мне стало можно надевать бутсы того цвета, который мне нравится. Но это уже было не круто. В таком вопросе не надо было говорить

сначала так, а потом эдак. Я решил надеть старые бутсы. Может, звучит это все глупо, но люди должны отвечать за слова.

Наш первый матч был против сборной Греции. Меня прикрывал Сотириос Кириакос. Он талантливый защитник с длинными волосами, которые он собирал в конский хвост. Каждый раз, когда я прыгал или ускорялся, его волосы закрывали мое лицо, практически попадали мне в рот. Он хорошо справлялся со своими обязанностими, здорово меня сдерживал. Но на две-три секунды он потерялся, и это все, что мне было нужно. Мне вбросили мяч из-за боковой, я сыграл в стеночку с партнером, а Кириакос оказался далеко. Передо мной было пространство, и я пробил прямо в девятку.

Отличный старт для чемпионата Европы. Мы выиграли со счетом 2:0. Урок Чемпионата мира в Германии был выучен, и поэтому я уже не был координатором для семьи, они заботились о себе самостоятельно. А я сосредоточился на футболе. Но вновь заболело мое колено, оно вздулось, а следующим нашим соперником была сборная Испании. Они были одними из фаворитов турнира, в первом матче победили Россию со счетом 4:1, и мы знали, что нам придется тяжко. Много разговоров было о моей травме и о том, должен ли я был играть. Я не был в этом уверен. Травма была болезненной, но я был рад снова игнорировать боль.

Это ведь был Чемпионат Европы, и я мог выйти на поле хоть с ножом в ноге. Но я уже говорил, что в футболе существуют краткосрочные и долгосрочные перспективы. Есть матч сегодня, но потом всегда есть матчи завтра, послезавтра. Можно пожертвовать собой и приложить усилие сегодня, а потом быть вне команды. Нам сначала предстоял матч против Испании, а потом против России, а потом был бы четвертьфинал, если бы мы прошли дальше. Начали поговаривать о том, что я буду играть на болеутоляющих уколах. В Италии я так часто делал. Но шведский доктор был против этого. Боль — это предупреждающий сигнал тела. Можно на время облегчить боль, но ты рискуешь более серьезными повреждениями. Бегать с травмой — это как азартная игра. Насколько важен матч? Насколько можно рискнуть игровыми кондициями парня сегодня? А если он выбудет из строя на недели и месяцы, будет ли это стоить того? Доктора в Швеции обычно более предусмотрительны, чем в континентальной Европе. Они относятся к игрокам, как к пациентам, а не как к футбольным машинам.

Всегда непросто, когда давишь сам на себя. Ведь есть матчи, которые кажутся такими важными, что аж хочется воскликнуть:

«К чертям будущее! Плевать на последствия!» БудущегоОто не избежать. Когда играешь за национальную сборную, клуб всегда на втором плане.

В меня вкладывали огромные средства в клубе. Мне нельзя было ломаться. Я не мог пожертвовать своим здоровьем в матче, не связанном с «Интером». Врачу сборной позвонил клубный доктор. Разговор наверняка мог бы пройти на повышенных тонах, ведь интересы сторон были диаметрально противоположными. В клубе бы хотели, чтобы игрок сыграл в чемпионате, в сборной — чтобы игрок играл на Евро.

До предсезонных сборов оставался месяц, а я был самым важным игроком «Интера». Но оба врача оказались разумными людьми, и дискуссия была спокойной. Они пришли к соглашению: на уколах я играть не буду, но меня должен был обследовать остеопат, и в конечном итоге было принято решение: я сыграю против сборной Испании.

Хорошо, что впереди со мной играл Хенрик Ларссон. Но испанцы тоже были хороши. В начале матча они получили право на угловой. Хави коротко сыграл на Давида Вилью, тот отправил мяч назад, открытому Сильве. Последовал пас на Фернандо Торреса. Торрес в борьбе Петтером Ханссоном буквально протолкнул мяч в ворота. Счет стал 1:0, и легче от этого явно не стало.

Трудно сравнять счет против испанцев. Но они отошли назад и пытались удержать победный счет, обеспечив тем самым себе место в четвертьфинале. Они дарили нам шансы, и я забыл про свое колено. Я выкладывался на поле по максимуму, и на 34-й минуте Фредрик Стоор выдал отличный кросс на меня в штрафную. Передо мной был только Касильяс, и я пытался просто попасть по мячу с лета и забить. Это та самая позиция, о которой со мной говорил ван Бастен и которую наигрывали со мной Капелло и Талбиати, потому что такие шансы надо использовать. Но я не попал по мячу как следует, а уже через полсекунды передо мной оказался Рамос, молодая звезда, защитник «Реала».

Но я никогда просто так не сдаюсь. Я прикрыл мяч корпусом, подработал его и снова пробил, на этот раз в коридор между ним и другим защитником, и мяч залетел в ворота. Счет сравнялся, я хорошо себя чувствовал, и матч продолжался. Турнир для меня начался шикарно, но... Когда судья дал свисток на перерыв, и адреналин меня отпустил, я понял, что мне очень больно. С коленом все было плохо. Что делать? Решение было не из простых.

Я был важен для команды, и ломаться было нельзя. Впереди был, как минимум, один матч, и наши перспективы выглядели хорошо. Мы набрали три очка в матче против Греции, и даже в случае поражения от испанцев мы могли завоевать путевку в четвертьфинал в последнем матче в группе против России. В перерыве я подошел к Ларсу Лагербеку.

Мне очень больно, — сказал я.

Черт побери.

Думаю, нам придется сделать выбор.

Хорошо.

Что для тебя важнее: второй тайм или матч с Россией?

Россия, — ответил он. — Против них у нас больше шансов!

Поэтому я остался на скамейке на второй тайм. Вместо меня Лагербек выпустил Маркуса Розенберга, это казалось разумным. У испанцев было много моментов во втором тайме, но мы их сдерживали. Я не играл, и из нашей игры что-то пропало. Некий момент непредсказуемости. Я был в отличной форме, и я проклинал свое колено. Вот же черт! Парни бились до конца, и когда истекли 90 минут, счет все еще был 1:1. Окончание матча было близко, и казалось, что все сложится хорошо. Мы ободряюще кивали друг другу на скамейке запасных — может, все-таки получится? Но через две минуты кто-то грязно отобрал мяч у Розенберга, на дальней бровке. Лагербек был в ярости. Гребаный судья! Очевидный же штрафной был!

Но судья продолжил игру, несмотря на наше негодование. Со скамейки казалось, что арбитр был настроен против нас, люди кричали, шумели, но недолго. Катастрофа все-таки случилась. Хоан Калдевила, тот самый, что обокрал Розенберга, выдал длинный пас вперед, и Фредрик Стоор попытался его прервать. Но сил уже не было ни у кого, и у него в том числе. Давид Вилья пробежал мимо него и Петтера Ханссона и забил. 2:1. И почти сразу же судья дал финальный свисток. Могу сказать, что это было очень обидное поражение.

В матче против сборной России нас раздавили. Боли в колене никуда не ушли, и казалось, что россияне были лучше во всем. Мы покинули этот турнир и были ужасно разочарованы. Все так хорошо начиналось, а в итоге... слов нет. Но жизнь продолжалась. Еще до начала чемпионата Европы я узнал, что Роберто Манчини был уволен из «Интера».

Его сменил человек по имени Жозе Моуринью. Я с ним еще не виделся, но он уже успел произвести на меня впечатление. Впоследствии он станет человеком, за которого я готов был умереть.

ГЛАВА 21

Я до сих пор не все о нем знаю. Но уже тогда он был *«Осо*бенным», поэтому я много о нем слышал. Говорили, что он был дерзким, из пресс-конференций всегда устраивал шоу, говорил, что думает. Но мне действительно мало что было известно о нем. Вроде как он похож на Капелло, такой же суровый, и с такими же лидерскими качествами. Мне

это нравилось. Но кое в чем я все же ошибался. Моуринью — португалец, ему нравится находиться в центре внимания. Игроками он манипулирует, как никто другой. Но это еще ничего не значит.

Этот парень многое перенял у Бобби Робсона, некогда игрока, а потом тренера английской сборной. Робсон тогда тренировал лиссабонский «Спортинг», и ему нужен был переводчик, которым, так уж случилось, стал Моуринью. У него с языками было все в полном порядке. Однако вскоре Робсон сообразил, что Моуринью хорош и в других амплуа. Он схватывал все на лету, все идеи и мысли впитывал в себя, как губка. Однажды Робсон попросил его подготовить отчет о команде соперника. Не знаю, что уж он там ожидал. Что там этот переводчик может знать? Но Моуринью, судя по всему, подготовил высококлассный анализ.

Робсон просто обалдел: парень, который никогда не был профессиональным футболистом, подготовил лучший материал, который ему приходилось видеть. «Черт, а этот переводчик не так прост!», — наверное, пронеслось у него в голове. Когда Робсон сменил команду, он забрал Моуринью с собой, и тот продолжал учиться, теперь уже не только тактике, но и психологии. Пока сам не стал тренером. Это случилось в 2002-м. До этого он был никому не известен. Для масс он был просто «переводчиком». А «Порту», который он принял, был самым популярным клубом Португалии.

Но давайте будем смотреть правде в глаза: все-таки не великим клубом. Прошлый сезон они завершили в середине турнирной таблицы. Да и что такое португальская лига? Не знаю даже, с чем сравнить. На «Порту» никто не ставил, особенно в Лиге чемпионов. Но Моуринью привнес в команду нечто новое: детальный

анализ соперника. Что еще? Я не знал. Но я выяснил это позже: в то время он много говорил о передвижениях на футбольном поле, когда атакующая команда должна уметь за максимально короткий промежуток времени быстро перейти из атаки в оборону.

Эти секунды очень важны. В таких случаях любая маленькая тактическая ошибка, любое неверное движение могут обернуться катастрофой. Моуринью изучал эти аспекты тщательнее любого другого в футболе. Он пытался научить игроков мыслить аналитически, и как можно быстрее. «Порту» стал мастером в этом деле. Они не только стали чемпионами Португалии, но и выиграли Лигу чемпионов, оставив позади «Манчестер Юнайтед» и «Реал», клубы, где один игрок зарабатывал столько же, сколько вся команда Моуринью. Но это не помешало ему и его подопечным стать лучшими в Европе.

Это стало просто бомбой: Моуринью тут же стал самым желанным тренером в мире. Шел 2004-й. Роман Абрамович, российский миллиардер, только приобрел «Челси» и начал вкладывать в клуб деньги. Первым и самым значимым приобретением россиянина стал Моуринью. И что вы думаете, как его приняли в Англии? Иностранец все-таки. Португалец. Снобы-журналисты постоянно доставали его вопросами, и на одной из пресс-конференций он сказал:

— Я не какой-то парень из ниоткуда. Я выиграл Лигу чемпионов с «Порту». Я особенный.

Так его и стали называть.

В британских СМИ его отныне именовали «The Special One». Причем поначалу скорее чтобы поддеть, нежели уважить. Этот парень же всех бесит. И не только потому, что он выглядит, как кинозвезда. Он говорил провокационные вещи. Он знал себе цену и иногда мог яростно отстаивать свою точку зрения. Когда он подумал, что Арсен Венгер из лондонского «Арсенала» копирует игру его «Челси», он назвал француза «одним из тех парней, которые держат у себя дома бинокль и любят заглядывать в окна других семей». Вокруг Моуринью всегда происходили какие-то скандалы.

Но он был горазд не только языком болтать. Когда он пришел в «Челси», клуб 50 лет не видал титула победителя АПЛ. А с Моуринью они выиграли чемпионат два года подряд. Моуринью — особенный. И теперь он направлялся к нам. Зная его репутацию, я с первых минут ждал жестких указаний. Но прямо во время Чемпионата Европы мне сообщили, что Моуринью хочет мне позвонить. Что могло случиться?

Он просто хотел поболтать. Сказать, как круто будет работать вместе, что он с нетерпением ждет встречи со мной. В общем, ничего примечательного, кроме того факта, что он говорил на итальянском. Я не врубился. Он же никогда итальянские команды не тренировал. Но говорил он даже лучше меня. Говорили, что он язык за 3 недели выучил, или около того. Как так-то? *В* общем, мы перешли на английский, обсудили еще кое-какие вопросы, и тут я понял, что он нервничает. Вопросы были самыми разными, а после игры с испанцами я получил SMS-ку.

Я часто их получаю. Но эта же была от Моуринью. «Хорошо сыграл», — написал он мне, после чего дал несколько советов. Я был в шоке. Такого раньше еще не было. SMS-ка от тренера! Я к тому, что это же была игра сборной, его это не касалось. Но он переживал, я ответил, и понеслось. Черт побери, Моуринью следит за моей игрой! Я прямо почувствовал, как меня ценят. А может, не такой уж он и суровый.

Я понял, зачем он посылал мне сообщения. Хотел меня подбодрить.

Расположить к себе. И я мгновенно его полюбил. Мы подружились. Мы отлично понимали друг друга, и я сразу понял, что этот парень очень много работает. Вдвое больше всех остальных. 24 часа в сутки смотрит футбол и составляет свои отчеты. Никогда еще не встречал тренера с таким огромным багажом информации о соперниках. И это не поверхностные сведения, мол, играют они так-то и так-то, тактика у них такая-то, держать нужно того-то, вовсе нет. У него было все, каждая деталь, вплоть до размера обуви третьего вратаря. Сразу складывалось впечатление: этот парень знает свое дело.

Но вживую мы встретились не сразу. Сначала было Евро, затем отпуск. Я не знал, чего мне ожидать. Я видел много его фотографий. Он был элегантен, уверен в себе, но несмотря на это я был удивлен, когда мы-таки увиделись: у него был небольшой рост и плечи, плюс к этому рядом с другими игроками он выглядел просто маленьким.

Но несмотря на это, его как бы окружало невидимое вибрационное поле. Он построил людей в шеренгу, причем это коснулось и парней, считавших себя «неприкасаемыми». Несмотря на то, что он едва доставал им до плеч, он не пытался подстроиться. Он сразу перешел к делу и сурово произнес: с этого момента это вы делаете вот так, а это — вот так. Понятно? Все были напряжены, следили за каждым его словом. Нельзя сказать, что они его испугались.

Это все-таки не Капелло. Он установил связь с игроками посредством SMS-сообщений и электронных писем, его интересовало то, как поживают наши жены и дети, да и к тому же он никогда не кричал. Каждый понимал: он занимается своим делом. Он очень много работал, чтобы подготовить нас. Он строил нас перед играми. Что-то вроде театра или психологической игры. Он мог нам показывать видео, где мы играли плохо, и говорить: «Посмотрите! Какой кошмар! Безнадежно! Это не можете быть вы. Это скорее ваши братья, или ваши плохие клоны». И мы кивали головой, мы соглашались. Нам было стыдно.

Я не желаю видеть вас такими сегодня! — продолжал он.

Нет-нет, — думали мы, — такого более не повторится.

Будьте на поле голодными львами! Будьте воинами! — продолжал он.

Только так и никак иначе! — кричали мы ему в ответ.

Сначала вы должны быть вот такими... — говорил он, ударяя кулаком по ладони. — А потом...

Он выкинул доску! Да так выкинул, что она вылетела из комнаты, адреналин вскипел в нас, и мы вышли на поле, как разъяренные звери. Подобное происходило у нас постоянно, неожиданные вещи, которые

подстегивали нас, и я чувствовал все больше и больше, что этот парень отдается команде полностью. Поэтому я готов был на все ради него. Эта была его отличительная черта. Люди за него были готовы убивать. И это не было пустыми разговорами. Этот парень мог опустить всего парочкой слов, к примеру, зайдя в раздевалку абсолютно спокойным и сказав:

Ты сегодня полный ноль, Златан, полный ноль. Ты ни хрена не сделал.

И в такие моменты я не кричал что-либо в ответ.

Я не защищался не потому, что я был напуган или имел чрезмерное уважение к нему. Просто он был прав. Я не справился с задачей, и для Моуринью не имеет никакого значения, каким ты был вчера или позавчера. Самым важным был день сегодняшний. Сейчас тебе говорили: «Убирайся отсюда, иди играть в футбол».

Вспоминается матч против «Аталанты». На следующий день я должен был получить награду лучшего легионера и лучшего игрока Серии А, но после первого тайма мы проигрывали 0:2, а я словно растворился на поле. В раздевалке ко мне подошел Моуринью.

Награду завтра получаешь, да? — спросил он.

Мм, да, — ответил я.

Знаешь, что тебе следует сказать, когда ты получишь эти награды?

Нет, что?

Тебе должно быть стыдно. Ты должен покраснеть. Тебе еледует знать, что ты даже не наиграл даже на самый дерьмовый приз. Разве можно вручать награды тем, кто так ужасно играет. Ты должен подарить свою награду маме или кому-нибудь другому, кто заслужил ее больше, — сказал он.

У меня в голове крутилось: «Я покажу ему, он увидит, что я достоин этих наград, пусть просто подождет второго тайма. Кровь из носу я выйду, и все ему докажу. Я снова буду на коне».

И вот так всегда. Он то поднимал меня до небес, то с треском сбрасывал вниз. Он был мастером в манипулировании командой, и меня тогда по-настоящему беспокоила только одна вещь — выражение его липа во время нашей игры. Что бы я на поле ни делал, какие бы голы ни забивал, его лицо не выражало никаких эмоций. Никаких тебе улыбок или жестов — вообще ничего. Как будто ничего и не происходило вовсе, как будто это была вялая игра в середине поля, но тогда я был в самой лучшей своей форме. У меня получались невероятные вещи, однако на Моуринью это не производило ровным счетом никакого впечатления.

К примеру, мы играли против «Болоньи», и на 24-й минуте бразилец Адриано пофинтил на левом фланге и сделал острую передачу низом в

штрафную. Прострел получился сильным и не особо удобным: мяч летел слишком низко, чтобы ударить головой и слишком высоко для удара с лета. К тому же, меня хорошо прижали в районе штрафной. Однако я сделал один шаг вперед и ударил пяткой. Это было похоже на удар из каратэ, просто бац, и прямиком в сетку. Безумие какое-то. Позднее этот гол признают голом года. Толпа взревела от сумасшествия, люди повскакивали, стали кричать и аплодировать, все, даже Моратти в VIP-ложе. Но Моуринью, что же сделал он? Он стоял там в своем костюме, руки в карманах, с каменным выражением лица. «Что за черт творится с этим человеком?» — подумал тогда я. Если его не трогают подобного рода вещи, что его может впечатлить тогда вообще?

Я решил поговорить об этом с Руи Фария. Он тоже португалец. Тренер по физподготовке и правая рука Моуринью. Эта парочка следует друг за другом из клуба в клуб и знают друг друга очень, очень хорошо.

Объясни мне одну вещь, — сказал я ему.

Да, хорошо.

Я забивал голы в этом сезоне, которые, честно говоря, даже я сам не могу понять, как получались. Я не думаю, что Моуринью доводилось видеть что-то подобное до этого. Но несмотря на это, он просто стоял как статуя.

Не бери это на свой счет, парень, — сказал Руи. — Он вот такой. Он не реагирует на все так же, как все остальные.

Ну, может, и так. Хотя... Даже если мне придется совершить чудо, я оживлю эту статую. Так или иначе, я заставлю этого человека радоваться.

ГЛАВА22

Лига чемпионов стала для меня idee fix. Начался новый сезон, болей в колене стало меньше, я один за другим забивал отличные голы, и у нас практически сразу появилось ощущение, что мы и в этом году завоюем титул чемпионов Италии. Скажу прямо: скудетто уже не казалось чем-то запредельным. Я уже выигрывал его четыре раза, и меня называли лучшим игроком сезона. Ключевым турниром становилась Лига чемпионов. Далеко я в ней пока не проходил. В 1/8 финала этой ЛЧ мы играли против «Манчестер Юнайтед».

Они были одной из лучших команд в Европе. «МЮ» был действующим на тот момент обладателем трофея, и их цвета зашишали Криштиану Роналду, Уэйн Руни, Пол Скоулз, Райан Гиггз и Неманья Видич. Но никто из них не тащил игру на своих плечах, никто не солировал. Скорее, наоборот: чувствовалось, что «Юнайтед» — это команда. Не было игрока,

который значил больше, чем команда. Не было тренера, который проповедовал эту философию усерднее, чем Алекс Фергюсон... сэр Алекс Фергюсон, думаю, так правильнее. Все знают сэра Алекса. В Англии он подобен Богу. Он никогда не выматывает своих звезд, он их ротирует.

Фергюсон был работягой из Шотландии. Когда он пришел в «МЮ» тренером, в 1986 году, это был заурядный клуб. Было похоже, что их звездные дни были позади. Порядка не было, игроки нарушали режим, напивались. И это было нормой. Но Фергюсон начал воевать с этим, иначе не скажешь. Пиво они пьют, ишь ты! Он привил парням дисциплину. Он выиграл 21 трофей с клубом и стал рыцарем в 1999 году, когда «Юнайтед» в одном сезоне выиграл титул чемпиона Англии, кубок Англии и Лигу чемпионов. Вот и представьте себе соперничество между таким мужиком и Моуринью. Только об этом речь и шла.

Моуринью против сэра Алекса. Криштиану Роналду против Златана. Про нас писали очень много. Мы ведь еше и для Nike рекламу вместе снимали, где у нас была дуэль. Финты, жонглирование мячом, голы. И Эрик Кантона в роли ведущего. Но я его

не знаю, мы никогда не встречались во время записи. Снимали каждого по отдельности. Меня не особо волновало внимание со стороны СМИ.

Я полагал, что у нас есть шансы против них. Моуринью нас готовил самым тщательным образом. Но первый матч на «СанСиро» был разочарованием. Мы сыграли вничью, 0:0, и я в игру толком не вошел. Британские газеты написали кучу дерьма после этого. Но это была их проблема, не моя. Пускай продолжают писать, что им заблагорассудится, плевать. Однако я действительно хотел победить в ответном матче, на «Олд Траффорд», и продолжить борьбу в Лиге чемпионов. Я чувствовал что-то внутри себя. Помню, как я выбежал на стадион, и услышал аплодисменты, смешанные со свистом.

Нервное напряжение витало в воздухе. Моуринью надел черный костюм и черное пальто. Он выглядел серьезным, и, какобычно, не садился. Он стоял у бровки, смотрел за игрой, как генерал на поле битвы, и несколько раз болельщики пели (или кричали): «Садись, Моуринью!» А он просто отмахивался.

Он кричал: «Вперед, помогите Ибре!» Я был практически в одиночестве впереди, и меня хорошо держали. От меня многое зависело, и так было на протяжении всего сезона. Моуринью играл по схеме 4-5-1, где единственным форвардом был я. Поэтому я находился под давлением, ведь надо было забивать голы. И мне нравилась такая ответственность.

Но «Юнайтед» играл острее, резче. Я словно действовал отдельно от

команды, и меня всегда держали не поодиночке. Я проклинал всю ситуацию. А хуже всего то, что уже на четвертой минуте Райан Гиггз подал угловой, и Видич забил головой. 1:0. Ушат холодной воды. Весь «Олд Траффорд» встал и прокричал:

— Ты больше не Особенный, Моуринью.

Моуринью и меня освистывали громче всех. Игра продолжалась, а ситуация не менялась: чтобы пройти дальше, нам нужен был один гол. Счет 1:1 был бы в нашу пользу, и я завелся. Игра пошла лучше, и через полчаса после начала я головой замыкал длинную передачу. Мяч отскочил от земли, попал в перекладину, и от нее отлетел за лицевую. Опасный был момент, и я чувствовал, что мы забьем, момент следовал за моментом. Хороший шанс был у Адриано, но гола не случилось. А потом Уэйн Руни получил мяч рядом со штрафной, навесил на Криштиану, и тот головой отправил мяч в ворота. 2:0, и это уже было просто отвратительно. Время

шло, у нас не получалось даже сократить разрыв, и играть было тяжело. Ближе к концу матча весь стадион пел: «Пока, Моуринью. Это конец». Я хотел бить ногами по земле и сломать что-нибудь ценное. Помню, как вошел в раздевалку. Моуринью пытался нас приободрить. Сказал, что теперь надо сфокусироваться на чемпионате. Перед матчем и во время матчей он выглядит, как скала. Иногда он анализирует наши поражения несколько дней, после чего так критикует нас, что мы больше никогда не повторили бы таких ошибок. Но в такой ситуации, на нас сваливать нечего, это просто бесцельно. Мы были итак расстроены случившимся.

Со стороны выглядело так, как будто каждый из нас готов убить. И тогда я подумал, что во мне разрасталось желание, что нужно двигаться дальше. Я ведь неугомонный, двигаться вперед надо всегда. Я уже ребенком часто менял школы, дома, клубы. Я к этому привык. Так вот, значит: сидел я в раздевалке, смотрел себе под ноги, и у меня закралось подозрение: я не выиграю Лигу чемпионов с «Интером». Я думал, что команда не слишком хороша. Уже в первых послематчевых интервью я намекал на это. На один из вопросов вместо «да, конечно, мы обязательно выиграем в еледующем году» я ответил честно.

Сможете ли вы выиграть Лигу чемпионов, если останетесь в «Интере»?

Я не знаю. Посмотрим, — ответил я, и фанаты сразу начали что-то подозревать.

Это положило начало всеобщему напряжению. Я поговорил с Мино. «Хочу двигаться дальше», — сказал я. «Хочу в Испанию». Он точно понял, о чем я говорю. Испания означает «Реал» или «Барселону». Перейти в «Реал» было, конечно, соблазнительно. У них замечательные традиции, и у

них играли Роналдо, Зидан, Фигу, Роберто Карлос и Рауль. Но я все-таки больше склонялся в сторону «Барселоны». Они играли великолепно, и у них играли Лионель Месси, Хави, Иньеста.

Но как это организовать? Это непросто. Нельзя просто сказать: хочу в «Барсу». Не потому, что это разрушит мою репутацию в «Интере». Это было бы подобно объявлению, что я могу играть бесплатно. Так себя предлагать нельзя. А потом руководство поймет, что тебя можно будет купить по более низкой цене. Нет, клуб должен сделать шаг тебе навстречу. Руководство должно ощущать, что хочет купить тебя за любые деньги. На самом деле, это не было огромной проблемой.

Проблемой были мой статус и мой контракт в Италии. Я был слишком дорогим. Я был игроком, который не мог уйти. Я многое об этом слышал. Я в «Интере», Кака в «Милане», Месси в «Барсе» и Криштиану Роналду в «МЮ». Полагали, что с нашими контрактами никто не идет в сравнение. На наших ценниках была написана слишком большая сумма. Даже Моуринью высказался по этому поводу: «Ибра остается. Нет клуба, у которого есть нужная сумма. Никто не выложит сотню миллионов евро». Звучало абсурдно.

Я слишком дорог для рынка? Мона Лиза, которую нельзя продать? Ситуация была тяжелой. Наверно, это было глупо — в открытую говорить со СМИ. Полагаю, надо было говорить то же дерьмо, что и остальные: я навсегда останусь в своем клубе, блабла-бла.

Но я так не могу. Я не могу врать. Мое будущее было неопределенным, и я так и сказал. Конечно, это многих взбесило, особенно фанатов, для которых это было сродни предательству. Или чему-то в этом духе. Многие начали беспокоиться. Дескать, он мотивацию потерял? Подобные разговоры возникли, когда я сказал: «Я хотел бы попробовать что-то новое. Я в Италии уже пять лет. Я люблю техничный футбол, а в такой играют в Испании».

Не было никакой хитроумной тактики и никаких трюков, чтобы покинуть команду. Дурацкая честность. Но это было непросто для игрока моего уровня, а я был самым важным игроком «Интера». И никто не хотел, чтобы я уходил. Много шума и волнений возникало каждый раз, когда я заговаривал об этом. Возможно, просто зря время убили. Предложений не было, и дешевле я не становился. Конечно, мне нужно было что-то новое. На игру это не влияло. Я был полностью готов, даже лучше, чем обычно. Я продолжал делать все, чтобы заставить Моуринью среагировать.

Например, мой гол «Реджине». Я владел мячом почти от самого центра, прошел трех защитников. Болельщики наверняка ожидали, что я пробью

сильно. Но я видел, что вратарь вышел слишком далеко, нарисовал себе эту картинку и подсек мяч левой ногой. Он перелетел через кипера. Идеальнее быть просто не могло. Мяч по красивой дуге залетел в верхний угол, весь стадион радовался. Кроме, конечно же, Моуринью, который, немного нахмурившись, стоял в своем сером костюме и жевал жвачку. Словом, как всегда. Как бы то ни было, этот гол был лучшим среди других моих голов, и я догнал Марко Ди Вайо из «Болоньи» в борьбе за звание лучшего бомбардира лиги. Это значимо в Италии — быть ведущим

голеадором, я начал фокусироваться на этом. Такой вызов мне и был нужен. Я действовал впереди так агрессивно, как никогда. Больше тиффози бомбардиров никто не любит.

И никто не любит бомбардиров, которые хотят покинуть свой клуб. Не помогло и мое объявление после матча:

— Я полностью сосредоточен на завоевании титула в этом году, но насчет следующего сезона мы еще посмотрим.

Без слов понятно: напряжение подскочило. Что с Иброй? Что происходит? До конца этого тупого сезона еще было долгое время. Никакой конкретики не было. Но газеты уже спекулировали на тему. Говорили о тандеме Ибрагимовича и Криштиану Роналду в «МЮ». А может, кого-то из нас купит «Реал»? А смогут ли они это себе позволить? Слухи не прекращались. Например, поговаривали о том, что «Реал» предложить обмен, и за меня отдадут Гонсало Игуаина.

В таком случае раскошеливаться сильно клубу не придется, частью цены становился бы Игуаин. Но это были только слухи, пустая болтовня. Невзирая на то, что это неправда, весь этот треп оказывал влияние. Многие хотели поставить меня на место. Нет игрока важнее, чем клуб; Ибра неблагодарен, Ибра — дезертир. Говорили всякое, но мне было плевать.

Я отрывался. В компенсированное время матча против «Фиорентины» я отлично пробил штрафной.

109 км/ч — с такой скоростью мяч залетел в ворота после дальнего удара. Мы были близки к очередному скудетто. Но у любой медали есть две стороны. Чем лучше я играл, тем больше беспокоились болельщики о моем желании уйти из «Интера». Перед матчем с «Лацио», 2 мая 2009 года, атмосфера на стадионе уже была взрывоопасной. Когда-то ультрас вывешивали плакат «Добро пожаловать, Максимилиан». Они могли показать свою любовь. Но они могли и ненавидеть — и не соперников, а игроков своей команды. Я почувствовал это сразу же, как выбежал на поле. «СанСиро» кипел.

Всю неделю в газетах писали о том, что я хочу уйти из команды и

попробовать что-то новенькое. Такого не упустишь. В начале матча я продирался к штрафной площади. Боролся за мяч, но не мог его выцарапать. В таких ситуациях фанаты аплодируют, мол, молодец, попытался. А сейчас ультрас меня освистывали. Какого хрена? Мы тут работаем в поте лица, мы на вершине таблицы, а вы вот так, значит! Да кто вы такие после этого? Я пытался их утихо-

мирить, приложив палец ко рту. Лучше не стало. Перед перерывом счет не был открыт, хотя мы давили, и фанаты начали освистывать всю команду, и это добавило мне адреналина.

Я им покажу. Как я говорил, я играю лучше, когда я злой. Помните: если вы видите меня в ярости, не беспокойтесь. Да, я могу сделать глупость и получить красную. Но чаще это хороший знак. На желании наносить ответный удар строилась вся моя карьера. Во втором тайме я получил мяч метров за 15 до штрафной, развернулся, рванул вперед, ушел от защитника и пробил между защитниками. Со злости получился удар, и гол был неплохим. Но люди говорили не об этом забитом мяче.

А о моем жесте. Я не праздновал. Я бежал к центру поля лицом к ультрас и держал палец у рта, словно тем самым говоря: «Заткнитесь!» Это был мой ответ на всю эту хрень. Я забиваю, а вы свистите. Мой жест стал центральным моментом матча. Это было чем-то новым.

Началась публичная схватка между фанатами и главной звездой команды. А на бровке стоял Моуринью, от которого, разумеется, никакого победного жеста. А чего еще ожидать от него? Но он был со мной согласен: неправильно освистывать свою команду. Он пальцем показал на голову, дескать, вы там все идиоты на трибунах. Конечно, все стало только напряженнее, стадион прямотаки рычал. Но я продолжал играть хорошо. Мною двигала ярость. Одна из моих передач вперед стала голевой. Я доминировал на поле и был рад, когда судья дал финальный свисток. Но это был не конец. Как только я ушел с поля, мне сказали, что некоторые лидеры ультрас ждали меня в раздевалке. Вот только для чего?

Но вот они, человек семь или восемь в проходе. И они явно не перекинуться парой фраз хотели. По ним было сразу видно, что они с улицы, как и я: они прямо-таки излучали агрессию. Вокруг меня все занервничали, и мой пульс подскочил до 150. Это выводило из себя. Но я сказал себе: нельзя испугаться сейчас. Там, откуда я пришел, не отступают. Я подошел к ним и сразу увидел, что им стало некомфортно, но они повели себя нагло. Какого рожна Ибра подходит к нам?

Что, у людей ко мне есть претензии? — спросил я.

Ну, да, многие из них злы... — начали они.

Так скажите им спуститься на поле, и там мы и поговорим, один на один!

Потом я ушел, хотя сердце еще стучало. Но было приятно.

Я справился со стрессом. Я постоял за себя. Однако дерьмо не прекратилось. Фан-клуб потребовал официальной встречи. Да ладно! Зачем с ними встречаться? Мне-то что? Я футболист. Фанаты могут быть верны клубу, и это замечательно. Но карьера футболиста коротка. Он преследует собственные интересы. Он переходит в разные клубы. Фанаты это знали, я это знал. Я им сказал: извинитесь на вашем сайте за свои освистывания, и я буду доволен. Мы замнём это. Ничего не произошло. Ультрас решили, что они не будут освистывать меня. Но и аплодировать тоже не будут. Сделают вид, что меня нет вовсе. Я подумал: ну и удачи вам в этом.

Меня всегда было трудно игнорировать. Я был в форме, а разговоры вокруг не прекращались. Он уходит? Или остается? Комунибудь хватит на него денег? Как перетягивание каната какое-то. Не хотелось при этом оставаться в стороне. Не хотелось становиться одним из тех, кто остается в клубе с поджатым хвостом. Это была игра нервов. Я позвонил Мино. Есть ли какие-то предложения? Что-нибудь вообще происходит? А ничего не происходило. Становилось очевидно, что на меня будет затрачена рекордная сумма денег. Да даже в этом случае я бы игнорировал СМИ. Но не так все просто. Ведь все из-за меня и происходило. Я постоянно контактировал с Мино, все больше надеясь на переход в «Барселону». Они выиграли Лигу чемпионов в том году, победив «Манчестер Юнайтед» со счетом 2:0. Голы забили Это’о и Месси. Я подумал: этот клуб для меня. Я названивал Мино.

Ты чем там занимаешься? Дрыхнешь?

Пойди-ка ты в задницу, — ответил Мино. — Ты дерьмо. Тебя никто не хочет покупать. Придется возвращаться в «Мальмё».

Пошел ты!

Понятно было, что он делал все, что мог, чтобы разрешить эту ситуацию. И не потому, что он был на моей стороне. Ведь это сделка, о которой мечтали мы оба. Конечно, она могла провалиться, и кроме разгневанных вконец ультрас и руководителей «Интера» мы бы ничего не добились. Но, с другой стороны, это могла быть величайшая сделка всех времен, и мы подготовились к игре, где ставки были высоки.

Тем временем я продолжал играть за «Интер». Мы уже обеспечили себе скудетто. Но я очень хотел стать лучшим бомбардиром. Выиграть Capocannoniere (приз лучшему бомбардиру серии А — *прим, пер.)* значило вписать свое имя в историю. Ни один швед со времен Гуннара Нордаля в 1955 году не добивался этой чести.

У меня был шанс, хотя это еще не было решено. Борьба в бомбардирской гонке была плотной. Вровень шли Марко Ди Вайо из «Болоньи» и Диего Милито из «Дженоа». Моуринью был тут не при делах, он тренировал всю команду. Но он в раздевалке тогда сказал:

— Теперь мы должны помочь Ибре стать лучшим бомбардиром.

И все сказали мне, что помогут. Публично.

Но Балотелли оказался той еще сволочью. В одном из последних матчей он получил мяч в штрафной, и я бежал рядом. Я был абсолютно открыт в великолепной позиции. А Балотелли продолжал держать мяч, и я посмотрел на него. Что же ты делаешь? Не собираешься мне помогать, значит? Я был зол, но что уж там, молодой ведь парень был. Он забивал голы. Не мог ведь я прямо там начать орать на него, но я был очень сердит, как и вся скамейка. Что за черт? Забивать гол, когда у Златана отличная позиция? Я подумал, если все так и будет, ну ее к черту, эту Золотую бутсу. Спасибо тебе, Балотелли. Но я переборол это.

В следующем матче я забил, и до конца сезона оставался еще один матч. Зубодробительная концовка: у Ди Вайо и меня было по 23 мяча, а у Диего Милито — 22. 31 мая. Все газеты только об этом и пишут. Кто победит?

Жаркий предстоял денек. Судьба скудетто уже была решена — мы давно его обеспечили себе. Но все равно в воздухе было напряжение. При небольшом участии госпожи Фортуны этот матч был бы моим последним в серии А. Я на это надеялся, но ничего не знал о том, что будет. Вне зависимости от того, последний это матч или нет, я хотел отыграть его на ура и стать лучшим бомбардиром. Даже в мыслях не было, что матч мог закончиться со счетом 0:0.

Конечно, все зависело не только от меня, а еще и от Ди Вайо, и от Милито. Их матчи играли параллельно. «Болонья» Ди Вайо встречалась

с «Катанией», а Милито и «Дженоа» встречались с «Лечче». Я не сомневался, что эти сволочи забьют. Мне кровь из носу надо было чем-то отвечать. Надо было забивать, но это было не так-то просто. Если переусердствовать, то ничего не получится, каждый форвард знает об этом. Не надо зацикливаться на этом. Все дело было в инстинкте. Ты просто следуешь ему. Поэтому против «Аталанты» предстоял тот еще матч. Через несколько минут после начала матча счет уже был 1:1.

На 12-й минуте Эстебан Камбьяссо выдал длинную передачу вперед, находясь недалеко от нашей штрафной, а я стоял на одной линии с защитниками. Я рванул, будучи на грани офсайда, и защитники меня не удержали. Я бежал, как молния, и выбежал один на один с вратарем. Мяч прыгал, но я подработал его коленом, и на меня как раз выбегал кипер. Но я пробил мимо него, и счет стал 2:1. Я возглавил бомбардирскую гонку. Люди кричали это мне, и я начал надеяться на то, что сработает. Но вокруг что-то происходило, и я не понимал, что именно. Кто-то кричал со скамеек что-то вроде: «Милито и Ди Вайо забили». Я не мог поверить. Звучало так, как будто парни на скамейке выдумали эту чушь. В футболе достаточно просто говорить всякое дерьмо, чтобы позлить людей. Я продолжал игру. Думал, что одного гола мне вполне было бы достаточно, и я не думал ни о чем-либо другом. Настоящая драма развернулась в других матчах.

На третьем месте в зачете снайперов шел Диего Милито, аргентинец. Он забил в сезоне очень много. За несколько недель до матча ему дали зеленый свет на переход в «Интер». Поэтому мы бы играли вместе, если бы я остался. Против «Лечче» он был великолепен. Он забил два мяча за 10 минут, и у него теперь было 24 гола, как и у меня, и не покидало ощущение, что третий гол очень близок. Но дело было не только в Милито. Ди Вайо ведь тоже забил. Об этом я ничего не знал. Но все трое шли вровень. В таком случае ты не побеждаешь, такую награду не делят. Ты должен один завоевать этот приз. И на меня начал давить факт, что мне нужен еще один гол. Это можно было понять по лицам скамейки, по давлению с трибун. Время шло. Ничего не происходило. Казалось, что матч так и закончится вничью. За 10 минут до конца счет был 3:3. Моуринью вывел Эрнана Креспо — нужна была свежая кровь.

Он хотел, чтобы мы шли в атаку, размахивал руками, мол, вперед! Иди, забивай! Я боялся, что теряю шанс выиграть трофей лучшего бомбардира. Я оставлял на поле последние силы. Я орал на других, чтобы дали мне мяч. Многие из игроков устали. Матч был равным. Но у Креспо были силы. Он пробежал с мячом по правому флангу, я бежал параллельно — и навстречу голу. Длинная передача вперед — и возникла борьба за мяч. Я оттер

одного зашитника и оказался спиной к воротам, а мяч еще прыгал. У меня появился шанс. Но я уже сказал, что я не той стороной к воротам стоял. А что надо делать, когда стоишь спиной к воротам? Бить пяткой. Я ударил пяткой. Да, я забивал голы пяткой — итальян-

цам на Евро, приемом из каратэ «Болонье». Но в этой ситуации гол пяткой — это было бы слишком уж чересчур.

Мяч не мог залететь в ворота. Нельзя выиграть титул лучшего снайпера таким ударом в последнем матче. Так не бывает. Но мяч залетел в ворота. Счет стал 4:3. Я сорвал с себя футболку, зная о том, что мне покажут желтую. Но Боже мой! Это же нечто! Я встал у углового флага со снятой футболкой. Все запрыгивали на меня, Креспо, все. Почти с агрессией все давили на спину. Все кричали мне, один за другим: ты стал лучшим бомбардиром!

Понемногу я осознал происшедшее. Это был исторический момент. Это была моя месть. Когда я приехал в Италию, вокруг говорили: Златан мало забивает. А теперь я стал лучшим бомбардиром чемпионата. Сомнений быть не могло. Но я держался спокойно. Я отошёл назад вдоль поля. И кое-что другое заставило меня замереть.

Моуринью, человек с каменным лицом. Человек, который никогда и глазом не моргал, наконец проснулся. Он был, как безумец. Он прыгал, как школьник, и я улыбнулся: я все-таки заставил тебя сделать это. Но для этого пришлось потрудиться.

Пришлось забивать пяткой, чтобы стать лучшим снайпером чемпионата.

ГЛАВА 23

3 июня Кака перешел в «Реал» за 65 миллионов евро, а чуть позже Криштиану Роналду продали в тот же клуб за 100 миллионов. Уровень этих трансферов был запредельным, и я пошел к Моратти. Он был в курсе происходящего и спокойно реагировал на это.

Слушай, — сказал я. — Эти годы были невероятными, и я буду счастлив остаться. Плевать, если будут интересоваться всякие там МЮ или Арсеналы, или кто-нибудь еше. Но если случится так, что появится интерес со стороны «Барсы»...

То...

То я прошу тебя по крайней мере провести с ними переговоры. Не продавать меня сразу за конкретную сумму, нет. Решай сам, но поговори с ними, — добавил я. Он посмотрел на меня и понял, что деньги на горизонте большие, и неважно, как бы он сильно не хотел меня отпускать.

Хорошо, я обещаю, — ответил он.

Мы отправились на тренировочный сбор в Лос-Анджелес. Началась предсезонка. Я делил комнату с Максвеллом, как в старые добрые времена. Но мы очень устали, и еще эта смена часовых поясов. И журналисты словно с цепи сорвались. Они окружили отель, и на этот раз их главной темой было то, что я оказался «Барсе» не по карману. Вместо меня они собирались купить Давида Вилью. Газеты ведь ни хрена не знали, но опасения у меня появились. Много чего происходило последние несколько недель, и я отчаялся. Надежды были, но теперь все снова стало плохо, и чертов Максвелл делу не помогал.

Максвелл — самый славный парень в мире. Но тогда он меня разозлил. С самых первых дней в Амстердаме мы с ним следуем друг за другом, и сейчас оказались в этой же ситуации. Целью обоих была «Барселона». Однако он был на шаг впереди — даже хуже, он был в шаге от перехода, а передо мной словно закрывалась дверь в «Барсу». Он не мог спать, он висел на телефоне: все готово? Так готово или нет? Это действовало мне на нервы. Без остановки: Барса там, Барса тут, Барса то, Барса это. День и ночь, день

за днем. По крайней мере, так казалось. Это жужжание окружало меня, и я почти ни слова не слышал о своем будущем. А это злило еще больше. Я срывался на Мино — чертов Мино, для Максвелла все на блюдечке, а для меня... Я позвонил ему:

·— Значит, на него ты работаешь, а на меня — нет?

Пойди-ка ты далеко-далеко, — только и ответил Мино. Это было незадолго до того, как Максвелл перешел в «Барселону».

Если я куда-то перехожу, то СМИ следят за каждым шагом этого процесса. Переговоры Максвелла, в отличие от моих, удалось сохранить в тайне. Никто не верил в то, что он станет игроком «Барсы». В тот день, когда мы пришли в раздевалку, где все сидели в круге, ожидая нас, он рассказал всем, что происходит.

Я перехожу в «Барселону»!

Все воодушевились: ты переходишь? Серьезно? Поднялся шум, ведь такие вещи всегда заставляют людей воспрянуть духом. «Интер» — не «Аякс». Люди там более спокойные. А «Барса», выигравшая Лигу чемпионов, была лучшей командой в мире. Конечно, некоторые завидовали. Да и Максвелл выглядел смущенным, когда собирал вещи.

И мои бутсы захвати, — сказал я громко. — Я еду с тобой.

Все засмеялись, дескать, молодец, хорошая шутка. Они дума-

ли, что я был слишком дорогим игроком для трансфера. Ну, или мне и в

«Интере» хорошо. Нет, Ибра останется. Никто не может его себе позволить, думали люди.

Да сядь ты, не поедешь ты никуда! — закричали парни, и я отшутился. Но я и сам не был уверен в себе.

Я знал, что Мино делал все, что было в его силах. Могло произойти все, что угодно. В один из дней мы играли против «Челси» в тренировочном матче, и я столкнулся с Джоном Терри. У меня после этого болела рука, но я игнорировал это. Рука? Ну и фиг с ней, играешь-то ты ногами. Я названивал Мино, ибо только о «Барсе» и думал. Но вместо хороших новостей меня словно ножом в спину ударили.

Президентом «Барселоны» был Жоан Лапорта, большая шишка. Он руководил командой как раз во время ее доминирования в Европе.

Я знал, что он прилетел в Милан на частном самолете, чтобы поужинать с Моратти и Марко Бранкой, спортивным директором. Я, конечно же, многого ожидал от этой встречи. Но ничего не произошло. Едва Лапорта переступил порог двери, Моратти сказал:

Если вы за Златаном, то можете разворачиваться и возвращаться домой! Он не продается!

Я взбесился, когда услышал об этом. Какого ж хрена! Они обещали! Я позвонил Бранке и спросил у него, мол, во что играет Моратти? Бранка отказался взять на себя ответственность. Он сказал, что встреча меня не касалась. Это была ложь, Мино мне сказал. Я чувствовал, что меня предали. Но я также понимал, что это игра. Может быть. «Не продается» — другой способ сказать, что игрок стоит дорого. Но я не знал, что происходило на самом деле, а проклятые журналисты вели себя, как бешеные собаки.

Они постоянно спрашивали: что будет дальше? Вы переходите в «Барселону»? Остаетесь в «Интере»? Ответов у меня не было. Полная неразбериха. Даже Мино, который пахал, как проклятый, начал звучать пессимистично:

«Барса» хочет тебя приобрести, но они не могут заставить их тебя отпустить!

Я был на нервах. В Лос-Анджелесе было жарко и шумно. Далее произошла цепь событий, по итогам которой я наверняка оставался бы в «Интере». В следующем сезоне я бы играл под 10-м номером, а ведь его носил Роналдо, когда играл в «Интере». Еще прошло несколько PR-акций, парочка приятных мелочей. Но при этом многое оставалось неопределенным. Это напрягало.

Позже я узнал, что Жоан Лапорта и Чики Бегиристайн, спортивный

директор «Барсы», снова воспользовались своим частным самолетом. Но этот полет не был связан со мной. Их пунктом назначения была Украина, и летели они туда, чтобы приобрести Дмитрия Чигринского, одного из ключевых игроков донецкого «Шахтера», который удивил всех победой в Кубке УЕФА. Однако же их полет и для нас имел какое-то значение. Хитрый Мино, знающий все уловки, еще раз встретился с Моратти и почувствовал, что можно начинать действовать, несмотря ни на что. Он позвонил Чики Бегиристайну, который был в одном самолете с Лапортой. Они уже готовились лететь обратно, в Барселону.

Вам нужно приземлиться в Милане, — сказал Мино.

Зачем?

Потому что я знаю, что Моратти сейчас сидит дома, и если вы постучитесь к нему, то, думаю, сможете заключить сделку по Ибрагимовичу.

Хорошо, подожди минуту. Надо обсудить с Лапортой.

Минута эта тянулась долго, ведь ставки были высоки. Моратти никому ничего не обещал, и не ожидал, что кто-то может постучать в его дверь. Все произошло быстро. Чики Бегиристайн перезвонил и сказал: «Хорошо, мы разворачиваемся. Приземлимся в Милане». Я сразу смекнул, что тут к чему.Мино позвонил мне. Телефон буквально разрывался от звонков и сообщений. Моратти сказали, что руководство «Барсы» уже на пути к нему. Он мог подумать, что это немного неожиданно. Ну, или, не знаю, что они могли хоть договориться о встрече. Конечно, он впустил их к себе. У него был свой стиль, он не хотел терять лицо. В этой ситуации лично мне уже можно было не стесняться. Я должен был сделать все, что было в моих силах.Я написал Бранке: «Я знаю, что руководство «Барселоны» на пути к Моратти. Вы обещали мне, что поговорите с ними, и вы знаете, что я хочу играть за них. Не надо мешать им, и я ни в чем не помешаю вам». Я долго ждал ответа, и не дождался. Думаю, у них были свои причины. Как я уже сказал, это была какая-то игра. Но теперь я ощущал, что все серьезно. Это случится! Ну, или не случится. Пан или пропал. Время шло. О чем они там толкуют? Я бьш без понятия.Я знал, во сколько началась встреча. Смотрел на часы, ожидая, что пройдёт несколько часов. Но спустя 25 минут позвонил Мино, и я прямо-таки подпрыгнул на месте. Что там опять? Моратти снова их послал? Пульс зашкаливал, во рту пересохло.

Да, — сказал я.

Ну все, — ответил он.

Что все?

Ты едешь в «Барселону». Собирай вещи.

Мать твою, ты так не шути!

Я не шучу.

Как это могло случиться так быстро?

Сейчас нет времени трепаться.

Он повесил трубку, и я не сразу понял, что произошло. Голова трещала. Я был в тот момент в отеле. Что было делать? Я вышел в коридор. Мне надо было с кем-то поговорить. В коридоре был Патрик Виейра. Ему можно доверять.

Я перехожу в «Барсу», — сказал я.

Он посмотрел на меня.

Нуда, конечно, — ответил он.

Да точно тебе говорю!

О какой сумме речь?

Я не знал. Понятия не имел. Могу сказать, что и он тогда сомневался. Он думал, что я стою слишком много. И я засомневался. Могло ли это быть правдой? Но вскоре Мино снова мне позвонил, и кусочки головоломки начали складываться. Моратти, на удивление, пошел на сотрудничество.У него было только одно условие. И достаточно необычное. Он хотел обойти «Милан» и продать меня за большие деньги, чем «Реал» заплатил за Кака. Эта была огромная сумма, и трансфер становился вторым самым дорогим в истории. Очевидно, что у Лапорты не было с этим проблем. Они с Моратти быстро пришли к соглашению. Когда я услышал сумму, пришлось какое-то время обмозговать ее. 85 миллионов крон, которые за меня когда-то заплатил «Аякс», казались копейками по сравнению с этими деньгами. Речь шла более чем о 700 миллионах крон.«Интер» получал за меня 46 миллионов евро и Самюэля Это’о в придачу. А Это’о — это не кто-то там. Он забил в прошедшем сезоне 30 голов. Он был одним из лучших бомбардиров в истории «Барселоны». И он стоил 20 миллионов евро. Получалось, что сумма сделки — 66 миллионов евро, т.е. на один миллион больше, чем «Милан» выручил за Кака. Такое началось, когда об этом стало известно. Я ничего подобного никогда не испыты вал.40 градусов жары. Воздух и так кипел. А еще всеобщее внимание было приковано ко мне. Это было... даже не знаю, как именно. Думать было невозможно.Мы играли тренировочный матч против мексиканской команды, и я играл под 10-м номером в первый — и в последний раз в составе «Интера». Мое время в клубе закончилось, и я начал это осознавать. Когда я только перешел в «Интер», они не могли выиграть скудетто 17 лет. А сейчас мы добивались этого успеха три года подряд, и я стал лучшим бомбардиром чемпионата. Я посмотрел на Моуринью, на человека, которого я заставил

отреагировать на гол. Конечно, я видел, что он зол и разочарован.Он не хотел, чтобы я уходил, и усадил меня на скамейку в этом тренировочном матче. Я тоже чувствовал: как бы хорошо мне не было в «Барсе», печально было покидать Моуринью. Он особенный. На следующий год он ушел из «Интера» и перешел в «Реал». Соответственно, он простился и с Марко Материцци. Материцци, наверно, самый жесткий защитник в мире. Но когда он обнял Моуринью, он начал плакать. Я могу его понять. Моуринью

пробуждает чувства в людях. Помню, как мы столкнулись с ним в отеле на следующий день. Он подошел ко мне.

Ты не можешь уйти!

· — Прости, но я воспользуюсь этой возможностью.

Но если ты уйдёшь, то и я уйду.

Боже, что на такое можно ответить? Это действительно меня задело. «Если ты уйдешь, то и я уйду».

Спасибо, — сказал я. — Ты многому научил меня.

Тебе спасибо.

Потом мы немного поболтали о том, о сем. Он немного похож на меня: гордый и добивается успеха любой ценой. Конечно, он не мог устоять и крикнул мне:

Эй, Ибра!

-Да?

Уходишь в «Барсу», чтобы выиграть ЛЧ, да?

Да, может быть.

Помни одно: выиграем все равно мы!

Потом мы попрощались.

Я улетел в Копенгаген и вернулся в наш дом в Лимхамсвагене, где встретился с Хеленой и детьми. Я ждал возможности рассказать им обо всем и немного спуститься на землю. Но наш дом в буквальном смысле осаждали. Журналисты и фанаты спали у порога. Они звонили в дверь, орали, распевали, размахивали флагом «Барселоны». Полнейшее сумасшествие. Моя семья нервничала — родители, Санела, Кеки — никто не смел выйти на улицу. И их сразу начинали преследовать. Я суетился, чтобы пройти мимо них. В этой сутолоке я обратил внимание на то, что рука-то у меня болит.Ни минуты покоя, постоянно что-то происходило. Всплыли детали моего контракта. Это’о трудно шел на контакт, хотел больше денег. Хелена и я обсуждали, где мы будем жить. Нет, было очень трудно спуститься на землю и все хорошенько обдумать. Через два дня я полетел в Барселону. Обычно я летаю на частных самолетах. Это может звучать высокомерно, но если летаешь на обычных самолетах, то все тебя

узнают, преследуют и прочее. Хаос. И в аэропорту, и на борту.Но на этот раз я полетел обычным самолетом. Я поговорил по телефону с людьми из «Барсы». Общеизвестно, что «Барселона» и «Реал» находятся в постоянных трениях между собой, они заклятые соперники. И многое связано с политикой. Каталония про-

тестует против главной испанской власти, и прочая политическая фигня. Кроме всего прочего, у клубов разная философия. «Мы, «Барселона», не возносим себя до небес. Мы не «Реал». JVIbi летаем обычными самолетами». Так мне сказали, и это звучало вполне обоснованно. Я полетел через SpanAir и приземлился в Барселоне в 17:15. И если я до этого не понимал всех масштабов этого перехода, то понял сейчас.

Хаос — это не то слово. Сотни фанатов и журналистов ждали меня, все газетные страницы только об этом и писали. Люди говорили об «Ибрамании». Кошмар какой-то. Я не просто стал самой дорогой покупкой «Барселоны». Никакой новичок не привлекал такого внимания. Меня должны были представить на «Камп Ноу» вечером. Это клубная традиция. Когда переходил Роналдиньо, в 2003-м году, его приветствовали около 30 тысяч человек. Столько же человек приветствовало Тьерри Анри. А сейчас... как минимум, в два раза больше. И они ждали меня. Мурашки по коже бежали, честное слово. Меня вывели через чёрный ход аэропорта и повезли на специальной машине на стадион.

Сначала прошла пресс-конференция. Несколько сотен журналистов толкались в комнате, как в банке с вареньем. Они нервничали: почему он не выходит? Но мы не могли выйти, потому что Это’о добавил сложностей «Интеру» на самом флажке. «Барселона» ждала окончательного подтверждения сделки. Время шло. Голоса, доносящиеся из комнаты, были все более взволнованными. Назревал бунт. Мы слышали все это очень четко, как будто мы находимся в центре событий. Я, Мино, Лапорта и другие шишки сидели за кулисами и ждали. Что же там происходило? Как долго еще сидеть?

Надоело, — сказал Мино.

Нам нужно подтверждение...

Да пошло оно, — сказал он, подзывая остальных. Мы наконец вошли.

Так много репортеров я никогда не видел. Пока я отвечал на их вопросы, я слышал рев со стадиона. Сумасшествие, да и только. Когда я вышел с пресс-конференции, я пошел надеть форму «Барсы». Мне дали 9-й номер, тот же номер, под которым играл Роналдо, когда он играл в клубе. Это очень эмоционально. Градус на стадионе был очень высок. 60 или 70

тысяч человек было на трибунах. Несколько глубоких вдохов — и я вышел к ним. Никогда, наверно, не смогу описать это.

Держу в руках мяч и иду к специально установленной трибуне. Толпа рычит и выкрикивает мое имя. Весь стадион рукоплещет. Пресс-атташе бегает вокруг меня и говорит всякую фигню в духе: «Скажи Visca Ваг^а!» Это означало «Вперед, “Барса”!» Я сделал то, что он говорил мне — пожонглировал мячом, вверх, вниз, на грудь, головой, пяткой. Болельщикам нужно было большее, и я поцеловал эмблему клуба на форме. Про это стоит рассказать. Потом начали говорить, мол, как он мог поцеловать клубную эмблему? Ведь он только что ушел из «Интера»? Ему что, плевать на старых фанатов? Люди жаловались по этому поводу. Появились даже комедийные скетчи по телевизору и прочее дерьмо. Но меня попросили сделать это. Они с ума сходили, прикрикивая: «Поцелуй эмблему, поцелуй эмблему». Я сделал то, что они просили, я подчинился. Все тело вибрировало в этот момент. Помню, как я хотел вернуться в раздевалку и успокоиться.

Адреналин витал в воздухе. Я дрожал. Когда все это закончилось, я посмотрел на Мино. Он не отставал более чем на десять метров. В такие моменты он был для меня всем. Мы вместе зашли в раздевалку и посмотрели на все имена на стене: Месси, Хави, Иньеста, Анри, Максвелл. И мое — Ибрагимович. Я снова посмотрел на Мино. Он был поражен. Как будто он стал родителем. Никто из нас не мог тогда полностью осознать происшедшее. Все было гораздо круче, чем мы могли это себе представить. Затем мне пришло сообщение. Кто же это был? Это был Патрик Виейра. «Наслаждайся, — написал он. — Это не с каждым происходит». Можно слышать разную хрень от разных людей. Но когда ктото типа Виейра посылает тебе такое сообщение, ты понимаешь, что стал частью чего-то невероятного. Я присел, чтобы спокойно подышать.

Впоследствии я сказал журналистам: «Я самый счастливый человек в мире! Это лучшее событие моей жизни после рождения сыновей». В подобных ситуациях такие вещи говорят все спортсмены. Но я не лукавил, так действительно и было. Событие было очень большим. Я поехал в отель Princesa Sofia. И его осаждали фанаты, для которых делом всей жизни было получить шанс увидеть меня, сидящего в лобби и пьющего кофе.

Неудивительно, что той самой ночью мне было очень трудно заснуть. Я не контролировал тело, да и рука болела. Хотя, я долго об этом не думал, потому что и без этого было, о чем подумать. Я никак не мог предположить, что уже завтра, при медосмотре,

возникнут проблемы. Это обычное дело при смене клуба — тщательное

обследование. Вес, рост, количество жира в организме, готовность к матчу.

На обследовании я сказал: «Рука болит». Мне сделали рентген.

Рука оказалось сломанной. Перелом! Безумие. При смене клуба важно пройти предсезонные сборы, чтобы узнать партнеров по команде, их стиль игры. Это вообще не должно было обсуждаться, и решение надо было принять быстро. Я поговорил с Гвардиолой, с тренером. Он казался приятным и сказал, что сожалел о том, что его не было на официальной презентации. Он был в Лондоне. Как и все остальные, он заявил, что мне нужно прийти в форму как можно скорее. Они не хотели рисковать, поэтому было решено сразу прооперировать меня.

Ортопед вживил две стальные пластины в руку, чтобы зафиксировать перелом и ускорить восстановление. Тем же днем я полетел в тренировочный лагерь в Лос-Анджелесе. Абсурдно, в каком-то смысле — я ведь вот только что тут был. С «Интером». Теперь я летел туда в новой команде и с огромным гипсом на руке. До полного восстановления должно было пройти три недели. По меньшей мере.

ГЛАВА 24

Нам предстояло сыграть с мадридским «Реалом» на «Камп Ноу». Это было в ноябре 2009-го. Я 15 дней отсутствовал. У меня все еще были боли в бедре, поэтому я начинал на скамейке, что, конечно, меня не радовало. Не каждый день все-таки Эль Класико. Давление сумасшедшее. Настоящая война. Газеты выпускают специальные дополнения, страниц по 60. Ни о чем другом больше не говорят. Большие команды, заклятые враги.

Я хорошо начал сезон, несмотря на небольшой перелом руки. Я забил 5 голов в первых 5 матчах чемпионата и имел высокие оценки. Неплохо. Было понятно, что нужно показывать себя именно в Ла Лиге. «Реал» и «Барса» потратили почти два с половиной миллиарда шведских крон на Кака, Криштиану и меня, что помогло обставить Серию А и АПЛ. Ла Лига была на коне. И все должно было быть замечательно. Так я думал.

Даже на предсезонных сборах, когда я бегал с гипсом, я стал частью этой банды. С языком было, конечно, непросто, поэтому я тусовался рядом с теми, кто говорил на английском, с Тьерри Анри и Максвеллом. Но ладил я со всеми. Месси, Хави и Иньеста — славные ребята. Эта низкорослая троица была легка как на поле, так и в общении. Не было ничего вроде «Я тут самый крутой», и этих бесконечных показов мод в раздевалке, которые я встречал в Италии, здесь тоже не было. Месси и компания обычно ходили в тренировочных костюмах и были довольно скромны. Но было одно но. Гвардиола.

Он выглядел как обычно. Подходил пообщаться со мной после каждой тренировки. Он хотел помочь мне влиться в коллектив, ведь у клуба действительно специфическая атмосфера. Это сразу чувствовалось. Что-то похожее на школу, как «Аякс». Но это «Барса», лучшая команда мира. Я ожидал увидеть здесь другие настроения. Но здесь все были тихими и вежливыми командными игроками. Иногда я думал: но ведь эти ребята суперзвезды, почему же они ведут себя как школьники? Хотя может это и хорошо, а я просто не понимаю. Но меня все же интересовало: как бы эти ребята выглядели в Италии? Как боги.

Но сейчас они все подчинялись Пепу Гвардиоле. Гвардиола каталонец. Бывший полузащитник. Он 5 или 6 раз выигрывал Jla Лигу с «Барсой», а в 1997-м стал ее капитаном. Когда я пришел в команду, он уже 2 года руководил клубом, и делал это достаточно успешно. Он определенно заслуживал уважения, поэтому я посчитал логичным попытаться вписаться в его структуру работы. Это не было для меня чем-то незнакомым, я ведь несколько раз менял клубы, и никогда не получалось просто так войти в коллектив. Для начала нужно разведать: кто силен, а кто слаб, над кем можно пошутить, а с кем нужно держаться вместе.

В то же время, я ведь прекрасно знаю себя. У меня были конкретные доводы о том, что я с моим менталитетом победителя могу значить для команды. Как правило, я старался сразу привлечь к себе внимание, много шутил. Не так давно я в шутку пнул Чиппена Вильхельмсона на тренировке шведской сборной. И когда я открыл газеты на следующий день, я не мог поверить своим глазам. Люди увидели в этом жестокость и агрессию. Но это ж яйца выеденного не стоило, ерунда какая-то. Мы так делаем иногда. Нельзя быть всегда серьезными. Мы здоровые парни, которые целый день вместе, поэтому позволяем себе какие-то шуточки, чтобы не сойти с ума. Ничего особенного. Юмор такой. А вот в «Барсе» было скучно. Я был паинькой, не позволял себе кричать на кого-то на поле.

Ну а газеты писали, что я был плохим парнем. Это породило во мне желание доказать обратное. Но это зашло слишком далеко. Вместо того, чтобы быть собой, я пытался быть хорошим мальчиком. Глупо. Нельзя позволять какому-то мусору из СМИ сломить себя. Это было непрофессионально, признаю. Но это не главное.

«Мы не витаем в облаках. Мы рабочие. Мы здесь работаем. Мы обычные парни».

Может, это и не звучит так уж странно, но было в этих словах что-то такое, что я начал задумываться: почему Гвардиола говорит об этом со мной? Думает, что я не такой, как все? Я не мог начать ему тыкать, не с

самого же начала. Но это мне не казалось правильным. Иногда это напоминало молодежную команду «Мальмё». Как будто это был тренер, который видел во мне пацана не с того района. Но я ничего такого не делал: не бодал партнеров по команде, ни у кого не угонял велики. Никогда себя таким елабаком не чувствовал. Я был полной противоположностью своего медийного образа. Я ходил буквально на цыпочках и принимал

взвешенные решения. Старый добрый дикий Златан исчез. Я был тенью самого себя.

Раньше такого никогда не случалось, но сейчас это было неважно. Работа продолжалась, и я думал, что скоро стану самим собой. Дела налаживались, а, может быть, это было только у меня в голове, какая-то паранойя. Гвардиола не был такой уж неприятной персоной. Казалось, он верит в меня. Он видел, как я забиваю и сколько значу для команды...но чувство, что он считает меня «другим», не покидало меня.

«Мы не задираем нос. Мы не витаем в облаках!»

А он, что, думал, что я как раз витаю? Не понимаю. Поэтому я попытался просто забить. Сказал себе, что лучше сосредоточиться. Просто выбросить из головы! Но эта нездоровая атмосфера все еще присутствовала там, и я начал задаваться вопросом: в этом клубе, что, все должны быть одинаковыми? Это кажется ненормальным. Все же разные. Иногда люди, конечно, притворяются. Но так они делают только себе хуже, да и команде это не на Пользу. Да, Гвардиола был успешен. Клуб под его руководством много выиграл. И я готов аплодировать, ведь победа есть победа.

Но оглядываясь назад, я вижу цену этому. Все личности были убраны. Это ведь не случайно, что у него были проблемы с Роналдиньо, Деку, Это’о, Анри и мной. Нас не назовешь «обычными парнями». Мы представляем для него угрозу, поэтому он от нас избавляется. Все просто. Ненавижу такую хрень. Если ты не являешься «обычным парнем», ты должен им стать. В перспективе-то от этого никто не выигрывает. Черт, да если б я пытался походить на шведских парней из «Мальмё», я бы никогда не стал тем, кем являюсь. Как ни крути — в этом причина моего успеха.

Но это правило работает не для всех. Но для меня оно подходит, а Гвардиола этого не понимал. Он хотел меня изменить. В его «Барсе» все должны быть, как Хави, Иньеста и Месси. В них самих нет ничего плохого, я уже говорил. Было потрясающе играть с ними в одной команде. Хорошие игроки меня мотивируют, и, находясь рядом с такими талантами, я думаю: а могу ли я чему-то научиться? Могу ли я приложить еще больше усилий?

Но обратимся к их историям. Хави оказался в «Барсе» в 11 лет, Иньеста

— в 12, Месси — в 13. Они росли в этом клубе. Они знали то, чего не знали другие, и это было хорошо для них. Но это их дело, не мое, я-то пришел извне. Я пришел уже состоявшейся личностью, и, казалось, для меня не было места в этом маленьком

мире Гвардиолы. Вот так я себя ощущал тогда, в ноябре. Но в тот момент меня мучила другая проблема:

Буду ли я играть, и, если да, то буду ли я достаточно опасен поеле своего отсутствия?

Давление было колоссальным. Как и подобает в преддверии Эль Класико на «Камп Ноу». Тренером «Реала» тогда был чилиец Мануэль Пеллегрини. Поговаривали, что его могли уволить в случае, если «Реал» не выиграет. Также были разговоры обо мне, Кака, Криштиану Роналду, Месси, Пеллегрини и Гвардиоле. Очень многое было тогда против этого парня. Город кипел от нетерпения. Я приехал на стадион клубной «Ауди» и отправился в раздевалку. Гвардиола решил начать с Анри впереди, Месси справа и Иньестой слева. На улице было темно. Стадион был освещен не только лампами, но и вспышками фотокамер, которые были повсюду.

Мы почувствовали это сразу: «Реал» вышел заведенным. Они создали больше моментов, а на 20-й минуте Кака со своим элегантным дриблингом оставил не у дел нашу оборону и отпасовал на Криштиану Роналду, которого никто не держал. У него была отличная позиция, но Вальдес, наш вратарь, ногой отразил удар. А уже через минуту реальный шанс был у Игуаина. Это уже было по-настоящему опасно. Моментов было много, а мы играли слишком статично, к тому же, были проблемы с игрой в пас. Напряжение переходило на трибуны, наши фанаты свистели, особенно досдавалось Касильясу, голкиперу «Реала». Он все тащил. А «Реал» продолжал доминировать, так что нам впору было радоваться нулевой ничьей к перерыву.

В начале второго тайма Гвардиола отправил меня разминаться, и я сразу воспрянул духом. Зрители кричали, скандировали. Этот рев окутал меня, и я стал аплодировать в ответ. А на 51-й минуте я заменил Тьерри Анри. Я был готов играть отчаянно. Слишком долго я был от этого отлучен. Может быть, это еще из-за того, что я пропустил матч против «Интера», своей бывшей команды, на групповом этапе Лиги чемпионов. Но теперь я снова в игре. Несколько минут спустя бразилец Даниэл Алвес получил мяч на правом краю. У Алвеса очень скоростной дриблинг, поэтому атака развивалась стремительно. В обороне «Реала» был некоторый беспорядок, а я в таких ситуациях не думаю. Я просто спешил в штрафную площадь. А тут и кросс подоспел. Я рванулся вперед.

Я оторвался от опеки и пробил левой ногой — бам — и мяч в воротах. Стадион стал похож на извергающийся вулкан, и я чув-

ствовал его всем телом: ничто не могло меня остановить. Мы выиграли, 1:0. Я был победителем, похвала доносилась отовсюду. Теперь уже никто не сомневался, стою ли я 700 миллионов крон. Я поймал кураж.

Наступили рождественские каникулы. Мы отправились на север Швеции, и я покатался на своем снегоходе. Было весело. Но это стало поворотным моментом. После Нового года ситуация, которая беспокоила меня осенью, обострилась. Мне стало еще больше не по себе. Я чувствовал это. Я стал другим, не известным ранее Златаном. После каждой встречи Мино с руководством я спрашивал:

Что они обо мне думают?

Что ты лучший нападающий в мире!

Да я не о том. Что они думают обо мне, как о человеке?

Раньше это меня никогда не беспокоило. Такие вещи меня не

заботили. Сколько я играл, столько про меня и говорили. А теперь вдруг это стало важно, и это показывало, что я что-то делаю не так. Моя уверенность куда-то делась, я чувствовал себя подавленным. Я почти не праздновал, когда забивал. Не позволял себе злиться, и это было, конечно, не очень-то хорошо. Меня словно посадили в бутылку, хотя я не особо чувствителен. Я слишком жесток. Я через многое прошел. Тем не менее, все эти взгляды и фразы о том, что я не такой, словно впивались мне под кожу. Это было словно возвращение в те времена, когда моя карьера была еше на рассвете. Многое из этого не стоит внимания: взгляды, фразы, речевые обороты. Раньше меня это не заботило. К ударам судьбы я привык. Я вырос на них. Но сейчас я чувствовал себя приемышем в этой семье. Что за грязь?

Сначала я действительно пытался влиться в коллектив, но мне был оказан достаточно холодный прием. Все дело в Месси. Ну, вы помните первую главу. Месси — большая звезда, и это в некотором смысле его команда. Он действительно был скромным и воепитанным. Он мне нравился. Но теперь я был там, даже доминировал на поле, и вообще вызвал немало шума.

Это выглядело так, будто я зашел к нему в дом и спал на его кровати. Он сказал Гвардиоле, что не хочет больше играть на фланге. Он хотел играть в центре. Я был постоянно закрыт и не получал мячи, осенняя ситуация повторялась. Я перестал быть единственным забивалой. Был еще Месси, поэтому я решил поговорить с Гвардиолой. Руководство меня прессовало:

Поговори с ним! Разберитесь!

Но как все обернулось? Началась война, и против меня играли в молчанку. Он перестал со мной разговаривать. Перестал смотреть на меня. Он со всеми здоровался, кроме меня, и это стало меня напрягать, ведь все действительно так и было. Я делал вид, что мне все равно. Какое мне дело до типа, который хочет меня запугать? В другой ситуации я бы обязательно что-то сделал. Но здесь я проявил слабость.

Эта ситуация меня сломала, было непросто. Босс, который имеет на тебя такое давление, и при этом тебя сознательно игнорирует...в конце концов, это очень задевает. Причем заметил это не только я. Многие это видели, и не могли понять, что вообще происходит, в чем, собственно, дело. Они советовали:

Ты должен поговорить с ним. Так не может дальше продолжаться.

Нет, я достаточно с ним говорил. Я не собирался пресмыкаться перед ним, поэтому я стиснул зубы и начал снова хорошо играть, невзирая на мою позицию на поле и ужасную атмосферу в клубе. У меня была серия из пяти-шести голов. Но Гвардиола все так же держал дистанцию. Теперь я понимаю, что этому было объяснение.

Моя игра была тут не причем. Сама моя личность была причиной. Мысли крутились у меня в голове днем и ночью: я что-то не так сказал? Что-то не так сделал? Я выгляжу странно? Я проанализировал каждый маленький эпизод, каждую встречу. Но все равно ничего не мог понять. Я сохранял внешнее спокойствие, хоть и грузился. И продолжал спрашивать себя: что это? Что это могло быть? Но я не реагировал агрессивно.

Я думал, что со мной что-то не так. Все время об этом думал. Но он не сдавался, и это было даже не просто противно. Это было непрофессионально. Это отразилось на результатах команды, и руководство забеспокоилось. Гвардиола собирался уничтожить главную клубную покупку. Нам предстояли важные матчи в Лиге чемпионов. И грае «Арсеналом» на выезде. Между тем, стена между мной и главным тренером никуда не исчезла, и я бы уже предпочел, чтобы он совсем на меня забил. Но так далеко он заходить не хотел, поэтому я вышел в старте вместе с Месси.

Но получил ли я какие-то инструкции? Нет! Я просто должен был быть сам по себе. Мы были на «Эмирейтс». Это была большая игра. Как это обычно бывает, против меня были настроены мно-

гие болельщики и журналисты. «Он никогда не забьет английскому клубу» и всякий такой хлам. На пресс-конференции я старался быть собой, несмотря ни на что. Думал про себя: «Подождите, и вы все сами увидите. Я

вам покажу».

Но это было непросто, с таким-то тренером. Только я вышел на поле, как началась жесть. Темп игры даже позволил мне забыть о Гвардиоле. Как по волшебству он исчез из моей памяти. Никогда мне так хорошо не игралось. Хотя я упустил несколько шансов. Все время бил в арсенальского вратаря. Должен был хотя бы один забить, но это не случилось, и мы ушли на перерыв при счете 0:0.

«Гвардиола обязательно меня заменит», — подумал я. Но он позволил мне продолжить игру. Не успела начаться вторая половина встречи, как я рванулся на передачу Пике из глубины. Рядом был защитник и вратарь двигался мне навстречу. Я дал мячу стукнуться о газон, а потом перебросил вратаря и мяч оказался в воротах. Счет стал 1:0. А спустя 10 минут с небольшим я получил пас от Хави и полетел как стрела к воротам. На этот раз я не стал перебрасывать, а ударил на силу. Мяч с огромной скоростью влетел в ворота, счет стал 2:0, и казалось, что игра сделана. Я ее сделал. Ну а что Гвардиола? Аплодировал? Он заменил меня. Умный ход! После этого команда расслабилась и «Арсенал» в концовке сравнял счет.

Я ничего не чувствовал во время матча. Но после я почувствовал боли в голени, и становилось только хуже, вот дерьмо. Я ведь только набрал форму. А теперь я должен был пропустить ответную игру с «Арсеналом» и весеннее Эль Класико. И никакой поддержки от Гвардиолы. Только больше игнора. Я заходил в комнату, он выходил. Он даже рядом находиться не хотел. И сейчас, вспоминая это, я думаю, это какой-то бред.

Никто не понимал, что происходит. Ни руководство, ни игроки. Никто. Есть в этом человеке что-то странное. Я не завидую его успехам и не говорю, что он плохой тренер в других аспектах. Но у него были серьезные проблемы. Он не мог справляться с такими парнями, как я. Может быть, из-за того, что он боялся потерять свой авторитет. Как-то это странновато, правда? Тренеры, которые имею определенные качества, но не могут иметь дело с сильными личностями, даже путем их отстранения. Трусливые лидеры, что еще сказать.

Так или иначе, он никогда не спрашивал меня о моей травме. Не решался. Ну, на самом деле, перед полуфинальным матчем Лиги чемпионов против «Интера» он поговорил со мной. Но он

действовал странно, и все пошло не так. Моуринью был прав. Не мы, а он выиграл Лигу чемпионов. После этого Гвардиола стал относиться ко мне так, будто я во всем виноват. И вот тогда-то и начала назревать настоящая буря.

Это было страшное ощущение: будто все, что копилось внутри, уже

готово выйти наружу. Я был счастлив, что у меня есть Тьерри Анри. Он меня понимал, мы, как я уже говорил, обычно шутили. Это позволяло ослабить давление, не давать всей этой фигне действовать на меня. Ну а что я еще мог сделать? Впервые футбол оказался не на первом плане. Я сосредоточился на Макси, Винсенте и Хелене, стал ближе к ним в то время. И я благодарен за это. Мои дети для меня все. Серьезно.

Но эта атмосфера в клубе никуда не делась, и вулкан, все это время дремавший внутри меня, наконец проснулся. В раздевалке после матча с «Вильярреалом» я орал на Гвардиолу. Орал про его трусость, про то, как он обосрался на глазах у Моуринью, ну вы представляете. Это была война: я против него. Гвардиолы, маленького перепуганного гения, который даже в глаза мне не смотрел и не здоровался, и меня, человека, который был белым и пушистым в течение всего сезона, но наконец взорвался и стал самим собой.

Это была не игра. В другом месте, с другим человеком все бы так не повернулось. Подобные вспышки для меня не являются чем-то из ряда вон, я так рос. Я к такому привык, и частенько поеле подобного все шло впоследствии хорошо. Взрыв очищает воздух. С Виейра мы стали друзьями после того, как повздорили. Но с Пепом... Я мог бы сказать сразу.

Он не мог с этим справиться. Он меня избегал, а я не спал по ночам, обдумывая всю эту ситуацию. Что будет дальше? Что я должен сделать? Одно было понятно: все так же, как в молодежной команде «Мальмё». Во мне видели «другого». Значит, мне нужно было снова стать лучшим. Я должен быть так чертовски хорош, что даже Гвардиола не смог бы меня усадить в запас. Но я ни за что больше не хотел выдавать себя не за того, кем являюсь. «Мы здесь вот такие. Обычные ребята». Я все больше и больше понимал, как тут все устроено. Приличный тренер может работать с разными личностями. Это часть его работы. Команда работает хорошо, когда состоит из разных людей. С некоторыми труднее, а с некоторыми, как с Максвеллом или Месси, легко.

Но Гвардиола не мог это усвоить, и я чувствовал, что он хочет от меня избавиться. Это прямо в воздухе витало. Видимо, его со-

всем не волновало, что это стоило бы клубу сотни миллионов. Нам предстоял последний матч сезона. Я был на скамейке запасных. Собственно, ничего другого я и не ожидал. Но сейчас он вдруг захотел со мной поговорить. Он позвал меня в свой кабинет на стадионе. Это было утром. В кабинете у него висели футбольные формы, собственные фотографии и все в этом духе. Атмосфера была леденящей. С тех пор, как я сорвался, мы не разговаривали. Он здорово нервничал. Его глазки бегали.

Этот человек не обладает ни природной харизмой, ни настоящим авторитетом. Если не знать, что он главный тренер топ-клуба, его можно не заметить, входя в комнату. Он нервничал. Уверен, он ждал меня, чтобы что-то сообщить. Я ничего не говорил. Ждал.

Итак, — начал он. Он не смотрел мне в глаза.

Я не совсем уверен, как поступить с тобой в следующем сезоне.

О'кей.

Все зависит от тебя и Мино. Я хочу сказать, что ты же Ибрагимович. Тебя ведь не устроит играть через два матча на третий?

Он хотел, чтобы я что-то сказал. Я-то мог. Но я ж не дурак. Я прекрасно понимал, что тот, кто в таких ситуациях больше говорит, остается в проигрыше. Так что я держал рот на замке. Не двигался. Сидел абсолютно неподвижно. Разумеется, я понимал, что он сказал, будто бы пока ничего не ясно. Но звучало это так, будто он хочет от меня избавиться, а это не шутки. Я был крупнейшей покупкой клуба за всю историю. Но я сидел тихо. Ничего не предпринимал. Тогда он повторил:

Я не знаю, что с тобой делать. Что скажешь? Как ты на это смотришь?

Мне было нечего сказать.

Это все? — кое-как выдавил я.

Да, но...

Что ж, спасибо, — сказал я и ушел.

Полагаю, я очень сурово на него взглянул. По крайней мере, я хотел так на него посмотреть. Но внутри я просто горел. И когда я вышел, я позвонил Мино.

ГЛАВА 25

Порой я слишком строг к людям. Не знаю, я всегда такой был. Отец, когда выпивал, становился похож на разъяренного медведя, вся семья боялась и старалась куда-нибудь уйти. А я оставался с ним, как мужчина с мужчиной, и кричал что-то вроде: «Ты должен бросить пить!» Он злился. «Это мой дом, черт возьми! И я буду делать, что захочу. Выгоню вас к чертям».

Иногда там царил настоящий хаос. Квартира ходуном ходила. Но мы никогда не доходили до драки. У него было большое сердце. Он жизнь был готов за меня отдать. Но я, честно говоря, к бою был готов.

Я был готов ко всему, хотя это не имело смысла. Это привело бы только к яростному противостоянию. Это не стало бы шагом в правильном направлении — как раз наоборот. Тем не менее, я продолжал с ним бороться. Не то чтобы я хвастаюсь, что я самый крутой в семье, вовсе нет. Просто говорю, как есть.

У меня всегда была эта черта. Я оставался. Не убегал, причем это касается не только папы. Так было везде. В моем детстве было полно людей жестких и вспыльчивых: мама, сестры, парни из моего района. И вот с тех самых пор во мне сидело вот это: Что случилось? Кто хочет подраться? Я всегда готов.

Я избрал такой путь. Другие члены семьи избрали себе другой. Санела была эмоциональной. А я был бойцом. Если кто-то подсунет мне дерьмо, я ему это дерьмо верну обратно. Таков мой способ выживать, и я научился не подслащать пилюлю. Говорил все прямо, ничего вроде: «Ты очень хорош, ты прекрасен, но...». Скорее так: «Контролируй себя, мать твою». Потом уже наступали последствия. Как-то так. Но я повзрослел. Уверен, что я изменился, когда оказался в Барселоне. У меня появилась Хелена, дети, я стал спокойнее, даже говорил: «Передайте, пожалуйста, масло». Но все-таки многое во мне еше оставалось. В те дни я, сжав кудаки, был готов отстаивать свою позицию. Это было в конце веснычале лета 2010 года. Чемпионат мира в ЮАР был уже на носу, а Жоан Лапорта покидал «Барселону».

Они выбирали нового президента клуба, а такие вещи всегда порождают волнения. Людям непросто. Был назначен парень по имени Сандро Россель. До 2005-го года он был вице-президентом и тесно сотрудничал с Лапортой. Но что-то произошло. Теперь ходили слухи, что они были врагами. Поэтому, конечно, все были обеспокоены. Разгонит ли Россель прежнюю банду? Никто не знал. Спортивный директор Чики Бегиристайн подал в отставку еще до того, как Россель мог бы его уволить. Мне, конечно, было интересно, как это скажется на моем конфликте с Гвардиолой.

Лапорта потратил на меня рекордную сумму. То, что Россель будет стремиться показать ему, что это было глупое приобретение, не казалось чем-то нелогичным. Многие газеты писали, что главной целью Росселя станет мой трансфер. Журналисты понятия не имели, что произошло между мной и Гвардиолой, да и я, собственно говоря, тоже. Но они заметили, что что-то было не так, хотя тут и не нужно быть футбольным экспертом, чтобы понять. Я ходил с опущенной головой, не проявлял на поле обычные для меня эмоции. Гвардиола меня уничтожил. Помню, как Мино позвонил новый президент клуба. Он поведал, что Гвардиола сказал на той встрече.

Что за хрень этот парень имеет в виду? — спросил он. — Он хочет избавиться от Златана?

Нет-нет, — ответил Россель. — Гвардиола верит в него.

Тогда почему он такое сказал?

Россель не мог ответить. Никто, казалось, не мог. А он был новичком. Ситуация была неопределенной. Мы выиграли чемпионский титул и отправились в отпуск. Мне нужен был отдых. Нужно было уехать, поэтому мы с Хеленой путешествовали по Лос-Анджелесу, Вегасу, а в то время шел Чемпионат мира. Я лишь мельком его смотрел. Я был слишком разочарован. Швеции на турнире не было, поэтому и о футболе-то думать не особо хотелось. Я пытался забыть о барселонском хаосе. Но вечно это не могло продолжаться. Дни шли. Скоро нужно было возвращаться, и вопросы, сколько бы я их не откладывал, снова возникали в моей голове. Что будет дальше? Как я должен поступить? Голова просто гудела, и, конечно, я понимал, что самое очевидное решение в этой ситуации — покинуть клуб. Но я не хотел так просто отказаться от своей мечты. Ни за что. Я решил пахать, как лошадь, на тренировках и стать лучше, чем когда-либо.

Никто не собирался меня сломать. Я бы всем им показал. Но как вы думаете, что произошло? Я не получил шанса кому-то чтото доказать. Я не успел даже бутсы надеть, как меня снова позвал

Гвардиола. Кажется, это было 19 июля. Большинство игроков еще не вернулось с Чемпионата мира. Вокруг нас было довольно тихо, и Пеп попытался завести светскую беседу. У него явно была какаято новость. Он был взволнован и вообще выглядел нелепо. Но он, судя по всему, хотел начать с приятных вещей.

Как прошел отпуск?

Хорошо!

И как ты себя чувствуешь перед новым сезоном?

Прекрасно. Я готов. Собираюсь выложиться на все сто процентов.

Слушай...

-Да?

Тебе надо быть готовым к тому, что придется сидеть на скамейке, — сказал он. И это, как я уже сказал, был первый день. Еше даже не началась предсезонка. Гвардиола не видел моей игры, даже минуты не видел. И его слова нельзя было понять иначе как очередной выпад в мою сторону.

О’кей, — это все, что я сказал. — Я понимаю.

Как ты знаешь, мы приобрели Давида Вилью из «Валенсии».

Давид Вилья был отличной покупкой, вне всякого сомнения.

Он был одним из звезд сборной Испании, которая выиграла Чемпионат мира. Но все же он был вингер. А я играл в центре. Мне бы он никак не помешал.

А что ты думаешь об этом? — продолжил он.

Мне в голову сначала, кроме поздравлений, ничего не пришло. Но тут меня шибануло: а почему бы не проверить Гвардиолу?

Почему бы не проверить, важен ли ему сам футбол или он думает только о том, как выгнать меня из клуба.

Что я об этом думаю? — начал я.

-Да.

Ну, что я буду работать усерднее. Буду пахать как сумасшедший, чтобы заслужить место в команде. Я докажу, что я достаточно хорош, — сказал я, но сам даже и не верил в это.

Я никогда раньше так не подлизывался к тренеру. Моя философия всегда заключалась в том, чтобы моя игра говорила за меня. Говорить, что ты будешь выкладываться на все сто, просто смешно. Тебе платят, чтобы ты выкладывался на сто процентов. Но я просто пытался понять. Хотел услышать, что он скажет. Если бы он сказал «хорошо, посмотрим, как у тебя получится», это бы еще что-то значило. Но он просто смотрел на меня.

Я это знаю. Но как мы поступим? — спросил он.

Я буду усердно работать, и если вы посчитаете, что я достаточно хорош, я буду играть на какой захотите позиции, под или *над* Месси. Где угодно. Это вам решать.

Я это знаю. Но как мы поступим?

Он все время повторял одно и то же и ничего осмысленного не произносил. Он так не умеет. Но этого и не требовалось. Я все понял. Заработаю я место или нет, было совершенно не важно. Это личное. И вместо того, чтобы подойти и сказать, что я ему не нравлюсь, он пытался подсластить пилюлю размытыми фразами.

Как мы поступим?

Я буду вести себя, как остальные, буду играть за Месси, — сказал я.

Я это знаю. Но как мы поступим?

Это было смешно. Я думаю, он хотел, чтобы я ушел, крича, что я не понимаю этого и покидаю клуб. Тогда он сказал бы, что Златан и сам хотел покинуть клуб, что это было мое решение. Может, я и диковат, часто вступаю в споры. Но я знаю, когда нужно сдержаться. С объявления о трансфере я бы не получил ничего, так что я спокойно поблагодарил его за разговор и удалился.

Само собой, я был в ярости. Бесился. Но встреча все-таки была продуктивной. Я понял, в чем было дело. Он бы не позволил мне играть, даже научись я летать. Вопрос стоял так: смогу ли я ежедневно посещать

тренировки, зная, что передо мной стоит вот этот парень. Я засомневался. Может быть, стоило сменить тактику. Я думал об этом. Я все время об этом думал.

Мы отправились в Южную Корею и Китай для предсезонных сборов, и я даже получил возможность сыграть в нескольких матчах. Но это ничего не значило. Просто ключевые игроки еще не вернулись с Чемпионата мира. Я все еще был белой вороной, и Гвардиола держал дистанцию. Если ему что-то было нужно, он подсылал кого-то со мной поговорить. СМИ вышли из-под контроля. Все лето продолжалось: Что происходит со Златаном? Перейдет ли он куда-то? Или останется? Они постоянно ходили за мной, да и за Гвардиолой, по пятам. Его постоянно об этом спрашивали, и что вы думаете он сказал? Что-нибудь прямое, типа «я не люблю Златана и хочу от него избавиться»? Как бы не так. Он чувствовал дискомфорт, и вместе с ним просто уходил.

Златан сам решит свое будущее.

Полная чушь. Что-то внутри меня уже начало пульсировать. Я был словно под огнем, ярость меня переполняла. И хотелось сделать что-то такое...взрывное. Но...как? Что-то внутри уже зажглось. Я понял, началась новая стадия. Теперь это была не просто война. Теперь началась борьба на трансферном рынке, а это я люблю, ведь на моей стороне лучший из лучших в этом деле — Мино. Мы все время общались с ним, и решили действовать жестко. Другого Гвардиола и не заслуживает.В Южной Корее я встретился с Хосепом Марией Бартомеу, новым вице-президентом клуба. Мы сидели в отеле и разговаривали. Парень хотя бы откровенен.

Златан, если у тебя есть какие-то предложения, обдумай их, — сказал он.

Я никуда не уйду. Я игрок «Барселоны». Я останусь в «Барсе».

Хосеп Мария Бартомеу был удивлен.

Но как мы тогда решим эту проблему?

У меня есть одна идея, — ответил я.

Какая же?

Вы можете позвонить в мадридский «Реал».

Ас чего бы это нам им звонить?

Потому что если я действительно должен покинуть «Барсу», я хочу перейти в «Реал». Не сомневайтесь, они меня возьмут.

Хосеп Мария Бартомеу ужаснулся.

Ты шутишь, — выдавил он.

Я посмотрел на него пронзительно серьезным взглядом.

Вовсе нет. У нас есть проблема, — продолжил я. — Есть **тре**нер,

который слаб в коленках и не может прямо **сказать, что** не хочет меня здесь видеть. А я хочу остаться. Но если он **хочет** меня продать, ему придется самому сказать об этом, громко и **четко.** И единственный клуб, в который я согласен **перейти,** это **Мадрид**ский «Реал», как вы уже поняли.

Я покинул комнату, и переживать было уже нечего. Это была игра ва-банк. Мадридский «Реал». Конечно, это было только начало, провокация, блеф. На самом же деле шли переговоры с «Манчестер Сити» и «Миланом».Конечно, мне было известно о чудесных преображениях в «МанСити», обо всех этих деньгах, которые посыпались в клуб с тех пор, как арабский шейх стал владельцем команды. «Сити» в ближайшие годы мог бы стать большим клубом. Но мне скоро ис-

поднялось 29. У меня не было времени смотреть на перспективу, так что не деньги стали ключевым фактором. Я хотел в команду, которая может быть хороша прямо сейчас. А клуба с такой историей, как у «Милана», в мире не найти.

' — Перехожу в «Милан», — сказал я.

Сейчас, когда вспоминаю, это кажется невероятным. С того самого дня, как Гвардиола позвал меня, чтобы сказать, что я теперь сижу на скамейке, мы начали жесткую игру, и, конечно, думали, что выведем этим Гвардиолу и руководство клуба из себя. Такой у нас был план. Идея заключалась в том, что этим ребятам так все надоест, что они продадут меня дешево, но я смогу получить хороший личный контракт! У нас была встреча с Сандро Росселем, новым президентом, и мы сразу заметили, что он был в плохом настроении.Он не понял, в чем была проблема между мной и Гвардиолой. Он видел, что ситуация нездоровая, и собирался продать меня за любую цену. Если он только не собирался уволить тренера. Но он не мог этого сделать. Только не после всех клубных успехов. У Росселя не было выбора. Любил он меня или ненавидел — ему нужно было от меня избавиться.

Я сожалею, что так вышло. Но все так, как есть. Может, есть какой-то клуб, в который ты бы хотел перейти?

Мы с Мино начали гнуть ту же линию, что и против Бартомеу.

На самом деле да. Есть такой клуб.

Хорошо, просто отлично, — оживился Россель. — А что за клуб?

«Реал».

Он побледнел. Переход звезды из «Барсы» в «Реал» равен государственной измене.

Это невозможно. Что угодно, но только не это.

Он был потрясен, ну а мы с Мино просто играли свою партию. Я спокойно продолжил:

Ну, вы же сами задали вопрос, а я дал вам конкретный ответ. И я с радостью его повторю: «Реал» — это единственный клуб, в котором я себя вижу. Мне нравится Моуринью. И вы должны позвонить им и сказать обо всем. Хорошо?

А ничего хорошего на самом деле. Для них не было ничего хуже, и, конечно, мы знали, что Сандро Россель запаниковал. Меня приобрели за сумму, равную 700 миллионам крон. Ему нужно было както вернуть свои деньги, но если бы Россель продал меня в «Реал», новый клуб Моуринью, он навлек бы на себя болелыцицкий гнев.

Мягко говоря, все было непросто для него. Он не мог держать меня в команде из-за тренера. И не мог продать в стан злейшего врага. Он потерял нити управления, а мы продолжали давить. -

Думаю, все должно пройти гладко. Моуринью сам сказал, как сильно он хочет меня заполучить!

На самом деле мы не знали ничего подобного. Это все была игра.

Нет, — сказал он.

Плохо! «Реал» — это единственный клуб, который у нас на уме.

Мы покинули комнату и улыбнулись. Мы продолжали говорить о «Реале». Это была наша официальная позиция. А на самом деле мы вели переговоры с «Миланом». Если бы Россель отчаялся, это не значило бы для «Барсы» ничего хорошего. Но значило бы для «Милана». Самым большим разочарованием для Росселя было продать меня дешевле, чем я был куплен. А мы бы от этого только выиграли. Это был спектакль: что-то было на публику, а что-то происходило за кулисами. Но часики тикали. Трансферное окно закрывалось 31 августа, а 26-го у нас был товарищеский матч непосредственно с «Миланом» на «Камп Ноу». Ничего еще не решилось. Но в СМИ фигурировало. Везде были какие-то спекуляции на эту тему, и вице-президент «Милана» Галлиани официально заявил, что не покинет Барселону без Ибрагимовича.На стадионе болельщики размахивали плакатами «Ибра, останься». Ко мне было приковано много внимания. Но в первую очередь это был матч имени Роналдиньо. Он для «Барселоны» бог. Он играл за «Милан», но раньше выступал в «Барсе», где два года подряд признавался лучшим игроком мира. Перед матчем должны были показать клип с его лучшими моментами на большом экране, а он должен был бежать по стадиону круг почета. Ну вот что за парень... он просто делает, что хочет.Мы сидели в раздевалке, ожидая выхода на поле. Так странно. Я мог слышать рев толпы. Гвардиола, как обычно, на меня не смотрел, а я думал: неужели это мой последний матч в этой команде? Что будет дальше? Я понятия не имел. Мы были наготове. И тут Роналдиньо

заглянул в дверной проем — ох уж этот Роналдиньо, есть у него харизма. Он один из по-настоящему великих. Все вылупились на него.

Ибра, — крикнул он, ухмыляясь.

Да, — ответил я.

Упаковал чемоданы? Я здесь, чтобы увезти тебя с собой в Милан! — выпалил он, и все засмеялись, как будто это обычное дело: Роналдиньо, пробирающийся в нашу раздевалку. Все посмотрели на меня.

Конечно, у всех были свои подозрения. Но никто их не озвучивал, как раньше. Теперь это повторялось снова и снова. Я должен был выйти в старте. Матч по сути ничего не значил, и перед стартовым свистком мы с Роналдиньо продолжали шутить, мол, ты, что, спятил? Наши фотографии, где мы смеемся на поле, разлетелись повсюду. Но самое страшное было в туннеле на выходе после перерыва. Пирло, Гаттузо, Неста, Амброзини — все звезды звали меня.

Ибра, ты должен приехать! Ты нужен нам!

«Милан» переживал не лучшие времена. В последние годы в Италии доминировал «Интер», и, конечно, все в «Милане» ждали новой эры славы. Теперь я знаю, что многие игроки, особенно Гаттузо, оказывали давление на руководство.

Ради бога, купите Ибру. Нам в команде нужен человек с настоящим духом победителя.

Но это было не так просто. «Милан» не располагал такими средствами, как раньше, а Сандро Россель любыми способами хотел извлечь из моей продажи как можно больше денег. Миллионов 40-50. Но позиция Мино по-прежнему была твердой.

Вы ни черта не получите. Ибра собирается в «Реал». В «Милан» он не перейдет.

А как насчет 30?

Время шло, и Россель снижал и снижал цену. Ситуация становилась все более многообешающей, Галлиани навестил меня и Хелену в нашем доме в горах. Галлиани, старый друг и бизнеспартнер Берлускони, в этом деле был тяжеловесом. Великий переговорщик, настоящий хищник.

Я уже имел с ним дело. Когда я переходил в «Ювентус», он сказал: «Предлагаю или так, или никак». А сейчас «Ювентус» был в кризисе, и у него были все карты. Ситуация перевернулась. Он был под давлением. Он не мог вернуться без меня, особенно после того, что он пообещал. К тому же, игроки и фанаты тоже ждали. Но мы ему помогали. Мы были уверены, что сбили цену. Шло к тому, что все сложится.

Таковы мои условия, — заявил я. — Или так, или никак.

Я заметил, как он задумался и вспотел. Условия-то были довольно жесткими.

По рукам, — сказал он.

По рукам.

Мы пожали друг другу руки, а переговоры о моей трансферной стоимости продолжились. Они шли между клубами, так что я нисколько не волновался. Но там развернулась настоящая драма с кучей сопутствующих факторов. Во-первых, время. Оно таяло. Во-вторых, беспокойство продавца. В-третьих, со мной не мог работать тренер. С каждым часом Сандро Россель все больше нервничал. а моя трансферная стоимость падала. В итоге, я был продан за 20 миллионов. 20 миллионов! Благодаря одному человеку мой ценник стал меньше на 50 миллионов евро.

Из-за проблем Гвардиолы клуб был вынужден пойти на провальную сделку — просто сумасшествие. Я все это высказал Сандро Росселю. Хотя мог бы и промолчать. Он знал это, и я уверен, он ночами не спал, проклиная эту ситуацию. Я имею в виду мои 22 гола и 15 передач за сезон в «Барселоне». Тем не менее, моя стоимость упала на почти 70 процентов. Кто был в этом виноват? Сандро Россель все хорошо знал, и я помню, как мы все стояли в офисе на «Камп Ноу»: он, Мино, я, Галлиани, мой адвокат и Хосеп Бартомеу. Контракт лежал перед нами. Оставалосьлишь подписать его, сказать «спасибо» и попрощаться.

Я хочу, чтобы ты знал...— начал Россель.

-Да?

Я сейчас совершаю худшую сделку в моей жизни. Я продаю тебя слишком дешево, Ибра!

Видите, сколько может стоить никчемность тренера.

Я знаю, что с этим не все в порядке, — сказал он, ставя подпись.

Теперь была моя очередь. Я взял ручку в руки, все смотрели на

меня, и чувствовал, что должен что-то сказать. С другой стороны, а почему бы и нет. Может, слишком уж долго я молчал. И я не удержался.

У меня есть послание для Гвардиолы, — я начал так, что все напряглись: Что сейчас происходит? Может, хватит уже спорить? Может, он просто подпишет?

Так что у тебя?

Ах да. Передайте ему...— а потом я озвучил, что именно я хотел ему сказать.

Все в комнате задержали дыхание. Они, наверное, думали, как же так вышло, что он только сейчас во всем признаётся? Но поверьте, я должен был это сказать. Что-то в голове щелкнуло.

Я снова чувствовал мотивацию. Одна только мысль о возможности снова делать свое дело подстегивала меня. Это правда.

Поставив на документе подпись и произнеся эти слова, я снова стал собой. Это было похоже на пробуждение после кошмара, и впервые за долгое время я жутко хотел играть в футбол. Все плохие мысли ушли, и я снова стал играть в удовольствие. Вернее сказать, смешались радость и злость: радость, что я вырвался из «Барсы» и злость, что один человек погубил мою мечту.

Я будто снова стал свободен, стал видеть все более четко. Мне приходилось подстегивать себя по ходу дела, убеждать, что не так уж все и плохо, что я им всем еще покажу. И продолжал действовать в этом ключе. Но сейчас, когда это действительно закончилось, я понял, как тяжко все было. Невероятно трудно. Человек, который очень много для меня значил, как футболист, оказал мне такой холодный прием. Это было едва ли не худшее, через что мне пришлось пройти. Я был под невероятным давлением. В таких ситуациях просто нужен тренер.

А что я получил? Парня, который меня избегал. Парня, для которого я будто не существовал. Я должен был стать суперзвездой. А вместо этого я ушел, чувствуя, что не нужен. Черт возьми, я работал с Моуринью и Капелло, двумя самыми требовательными тренерами в мире, и с ними у меня никогда не было проблем. А тут этот Гвардиола... Я бесился, когда об этом вспоминал. Никогда не забуду, как я сказал Мино:

Это он во всем виноват.

Златан.

-Да?

Мечты могут осуществиться и сделать тебя счастливым.

Ну да.

Но мечты могут осуществиться и убить тебя.

Я сразу понял, что это правда.

Моя мечта сбылась и разрушилась в «Барсе». Я шел вниз по лестнице к морю журналистов, ждущих снаружи. И вот тогда-то ко мне и пришла мысль: я не хочу называть его настоящим именем. Нужно было что-то другое, и я вспомнил всю чушь, которую он нес, когда разглагольствовал. И вдруг, за пределами «Камп Ноу» я придумал. Философ!

Я буду звать его Философом!

Спросите Философа, в чем проблема, — сказал я, собрав внутри остатки гордости и злобы.

ГЛАВА26

Внимание ко мне было приковано огромное. Помню, как Макси сказал

две вещи. Первая — это просто смех. Он спросил: «Почему все смотрят на тебя, папа?» Я попытался объяснить ситуацию: «Папа играет в футбол. Люди смотрят на меня по телевизору и думают, что я хорошо играю». После этого я загордился собой — а папа-то хорош. Но потом дело повернулось в другую сторону. Няня об этом рассказала.

Макси спросил, почему все смотрят на *него*. Конечно, это было из-за того, что много чего происходило в те дни, особенно когда мы с ним прибыли в Милан. Хуже всего то, что он добавил: «Мне не нравится, когда на меня так смотрят». Я чувствителен к таким вещам. Он что, теперь будет чувствовать себя другим? Ненавижу, когда дети начинают чувствовать себя чужими (изолированно), потому как это напоминает мне мое детство: Златану тут не место, ведь он такой-то и такой-то. Такие вещи не забываются.

Я старался проводить тогда много времени с Макси и Винсентом. Они замечательные, прямо-таки дикие дети. Но это было непросто. Ситуация выходила из-под контроля. После того, как я поговорил с журналистами за пределами «Камп Ноу», я поехал домой, к Хелене.

А она, похоже, не ожидала, что придется переезжать так скоро. Я думаю, она бы хотела остаться. Но она лучше других знала, что если у меня плохи дела на футбольном поле, то я просто сникаю, и это сказывается на всей семье. Поэтому я сказал Галлиани: я хочу переехать в Милан со всеми: Хеленой, мальчиками, собакой и Мино. Галлиани закивал, мол, да, конечно. Всех бери с собой. Очевидно, он организовал нечто особенное, поэтому мы покинули Барселону на одном из миланских частных самолетов. Помню, как мы приземлились в аэропорту «Линате» в Милане. Как будто это Обама прилетел. Восемь черных «Ауди» стояли перед нами, и была развернута красная дорожка. Я вышел с Винсентом на руках.

Буквально пару минут у меня брали интервью несколько специально подобранных журналистов, с Milan Channel, Sky и других каналов, а по ту сторону ограждения кричали сотни фанатов. Это было

великолепно. Я чувствовал, что клуб ждал этого очень долго. Пять лет назад, когда Берлускони забронировал столик для него и меня в Ristorante Giannino, люди думали, что все уже решено, и тщательно подготовились к этому. Даже на официальном сайте сделали красиво: сначала страница была черной, а потом в середине появлялся огонек, а потом, после ряда звуковых эффектов, появлялось мое имя — Ибрагимович. Появление тоже сопровождалось громкими звуками, а имя мигало. Потом появились слова: «Наконец-то наш!»

Это безумие. Они и сейчас это сделали, но никто не ожидал того, что сайт упадет. Я помню, как проходил мимо ограждений, а фанаты выкрикивали: «Ибра, Ибра!»

Я сел в одну из «Ауди», и мы поехали по городу. В городе был хаос: Златан прилетел. За нами ехала куча машин, скутеров, телекамер. Это было так смешно. Адреналин скакал, и я понял, какой же черной дырой была Барселона. Как будто меня посадили в тюрьму, а когда я вышел из нее, сразу попал в фестивальную толпу. Я всюду чувствовал, что меня ждет весь Милан. Им хотелось, чтобы я взял на себя ответственность, чтобы я вел их к новым трофеям. Мне это нравилось.

Улица перед отелем Boscolo, в котором мы собирались остановиться, была оцеплена. Жители Милана кричали, размахивали руками. А уже внутри отеля его руководство встало в ряд и поклонилось. В Италии футболисты подобны богам, и нас заселили в роскошный номер. Сразу можно сказать, организация была на высшем уровне. Ведь это был солидный клуб с традициями. Я всем телом дрожал.

Мне уже не терпелось играть в футбол, и в тот же день «Милану» предстоял матч открытия сезона против «Лечче». Я спросил у Галлиани, могу ли я сыграть.

Это было невозможно, потому что еще не вся бумажная волокита была завершена. Но я все равно поехал на стадион. Меня собирались представить в перерыве матча. Я никогда не забуду это чувство. Я не хотел заходить в раздевалку, чтобы не беспокоить игроков во время отдыха. Но рядом с раздевалкой была комната отдыха. Галлиани, Берлускони, я и еше несколько больших шишек присели там.

Ты напоминаешь мне игрока, который уже играл у меня, — сказал Берлускони.

Конечно, я догадался, о ком он говорил, но я был вежливым.

Кого же? — спросил я.

Парня, который мог сам решать проблемы.

Он говорил, конечно же, о ван Бастене. А потом он официально приветствовал меня: «Это большая честь» и прочее, потом мы пошли на трибуны. Мне нужно было сидеть в двух местах от него по каким-то политическим причинам. Мужик постоянно попадал в какие-то переделки. Тогда все было более или менее спокойно, не то что потом. Через два месяца поползли слухи, связанные с Берлускони, которые касались юных девушек, судебных разбирательств.

Но тогда он был на стадионе. И он выглядел довольным. Я начал чувствовать эту атмосферу. Люди скандировали мое имя. Когда я выходил

на поле, они постелили красную дорожку и установили на поле маленькую сцену. Я ждал какое-то время в технической зоне. Казалось, что ждал долго. Стадион был заполнен до краев, несмотря на то, что на дворе был август, и курортный сезон еще не кончился. Наконец я вышел на поле. Рев прокатился по трибунам. Я снова почувствовал себя маленьким мальчиком. Но долго это ощущение не продолжалось, ведь я уже был в подобной ситуации, на «Камп Ноу». Под аплодисменты я пошел по красной дорожке, вдоль которой стояли дети. Много детей. Я всем давал «пять». Наконец, я поднялся на сцену.

— Теперь мы выиграем все, — сказал я по-итальянски, и трибуны заорали еще громче.

Стадион буквально дрожал. После этого мне вручили футболку с моей фамилией на ней, но без номера. Номера пока не было. Мне предложили несколько вариантов на выбор, но номера были так себе. Появился шанс, что я получу 11-й номер, который на тот момент был у Класа-Яна Хунтелаара. Его выставили на трансфер, но еще не продали, поэтому мне пришлось ждать. В любом случае, все начиналось с этого. Я собирался помочь «Милану» выиграть первый титул за семь лет. Я пообещал, что в клубе начнется славное время.

Нас с Хеленой сопровождали телохранители. Некоторые могут подумать, что это непозволительная роскошь. Это вовсе не роскошь. В Италии звезды футбола окружены истерией, огромным давлением. Происходили и плохие веши, не только пожар в Турине. Когда я играл в «Интере», был один матч на Сан-Сиро, и нас навестила Санела. Они с Хеленой поехали на стадион на новом большом «Мерседесе». У стадиона были пробки и царил хаос. Хелена продвигалась буквально на миллиметры вперед, и у людей вокруг было много времени, чтобы посмотреть на нее и понять, кто она. А потом какой-то парень на мотороллере быстро пролетел мимо ее машины, попутно задев боковое зеркало.

В подобной ситуации Хелена не могла сказать наверняка, намеренно это было сделано или нет. Было похоже на случайность. Она открыла окно, поправила зеркало. И кое-что увидела краем глаза: другой парень в велосипедном шлеме бежал к ней, и она поняла, что это ловушка. Она попыталась закрыть окно, но это была новая машина, к которой она еще не приспособилась. Хелена нажимала все кнопки, но не успела закрыть окно вовремя. Парень подбежал и ударил ее в лицо.

Началась драка, и «Мерседес» врезался в машину, стоявшую впереди. Парень пытался вытащить Хелену из окна. К счастью, рядом была Санела. Она ухватилась за Хелену и держала ее. Полнейшее безумие. Казалось, что

это была схватка не на жизнь, а на смерть. Наконец Санела затащила Хелену обратно в машину, а потом ей каким-то образом удалось развернуться.

И она ударила этого ублюдка ногой в лицо. А на ней были каблуки в 10 см. Это наверняка было адски больно, и парень убежал. Потом около машины собралась толпа. Несколько ушибов после этого инцидента у Хелены осталось.

Все могло кончиться очень плохо, и, к сожалению, это был не единственный подобный случай. Поэтому нам и нужна была защита.

Мой телохранитель отвез меня на тренировочную базу в Миланелло в первый день. Я проходил обычное медобследование. Миланелло находится примерно в часе езды от Милана. Конечно же, у ворот ждали фанаты. Я почувствовал весомость традиций «Милана», когда приветствовал легенд клуба: Дзамбротту, Несту, Амброзини, Гаттузо, Пирло, Аббьяти, Зеедорфа, Индзаги, молодого бразильца Пато. И Аллегри, не самый опытный тренер, который только что пришел из «Кальяри», тоже показался приятным человеком. Порой, когда ты приходишь в новую команду, твои способности подвергают сомнению. Ты сражаешься за место в клубной иерархии, за статус. Но здесь я сразу почувствовал уважение к себе. Может, я не должен говорить об этом, но многие игроки впоследствии сказали мне, что я поднял моральный дух команды на 20 процентов. Что я вывел их из тени. Что «Милану» было довольно туго в чемпионате предыдущие несколько лет. Да и в городе долгое время клуб не был на первых ролях.

«Интер» доминировал. Причем с тех пор, когда я перешел туда, с 2006-го года. Капелло как-то сказал, что тренировки важны так же, как и сами матчи, и с этой установкой я и переходил тогда. Нельзя тренироваться абы как и играть при этом агрессивно. Надо биться каждую минуту, иначе я настигну тебя, говорил Ка-

пелло. Я всюду ходил, пытаясь воодушевить парней, подшучивая над ними. Словом, делал все то, что я делал везде. Везде, кроме «Барселоны». Это напомнило мне о первых днях в «Интере». Веди нас вперед, говорили парни. И я подумал: баланс сил теперь снова изменится. Я отдавал всего себя на каждой тренировке, я кричал на всех так же, как я делал это до «Барселоны». Я шумел, орал, насмехался над проигравшими. И меня спрашивали: чувак, что с тобой? Мы давно не видели таких воодушевленных людей.

В команде был и другой новичок, Робсон де Соуза, но люди называли его Робиньо. Я поучаствовал в этом переходе. Галлиани спросил меня,

когда я еще был в «Барселоне», мол, что я о нем думаю и смогу ли с ним играть.

«Отличный игрок, покупай его. Остальное — дело техники».

Клуб заплатил за него 18 миллионов евро, что казалось малой суммой. Престиж Галлиани поднялся на этом фоне: ему удалось сбить цену на меня и на Робиньо. Не так давно «Манчестер Сити» выложил за бразильца едва ли не в два раза больше. Но эта покупка была достаточно рискованной. Робиньо был невероятно одаренным игроком, но немного подрастерял талант. В Бразилии нет иного бога, кроме Пеле, а в 90-е годы он руководил юношеской организацией «Сантоса». Это был родной клуб Пеле, и они долгие годы проходили через огонь, воду и медные трубы. Люди мечтали о том, что он откроет миру новый суперталант, но немногие верили в то, что это произойдет. Новый Пеле! Новый Роналдо! Игрок, который появляется лишь несколько раз за столетие. Пеле присутствовал на первой его тренировке, и он был поражен. Он даже прервал тренировку, как говорят, чтобы подойти к этому худощавому, бедному мальчику на поле и сказал:

— Я готов разрыдаться... ты напоминаешь мне меня самого.

Робиньо. Он вырос и стал звездой мирового масштаба, которую ждали в своих рядах многие клубы. По крайней мере, поначалу. Его купил мадридский «Реал», а потом он перешел в «Манчестер Сити». Но в последнее время о нем говорили уже больше с оттенком сожаления. Вокруг него много чего происходило. Мы сдружились в «Милане», ведь мы оба выросли в трудных условиях, и в наших жизнях было много общего. На нас орали из-за того, что мы передерживали мяч. Мне нравилась его техника. Но он частенько был несобранным, и много финтил на фланге.

Я хорошо понимал его. Я хорошо понимал всех игроков команды. Перед моим первым матчем, на выезде против «Чезены», я прямо-таки излучал энергию. Страницы газет были набиты ста-

тьями о том, что я собираюсь показать с первого матча, что я значу для новой команды.

В основе в атаке вышли я, Пато и Роналдиньо. Казалось, что это мощно. Робиньо начал в запасе. Но все бесполезно. Я изнурил себя с самого начала, как я частенько делал в «Аяксе». Хотел слишком многого, а получили мы слишком мало: на перерыв мы ушли, уступая «Чезене» со счетом 0:2. Мы, «Милан», проигрываем «Чезене»? Это меня бесило, и я выкладывался на поле максимально, но ничего не получалось. Я пахал, как собака, и ближе к концу мы получили право на пенальти. Кто знает, может, мы бы перевернули игру? Я пошел бить пенальти. Удар пришелся в

штангу. Мы проиграли. Как, вы думаете, я себя чувствовал? Мне еще пришлось проходить допинг-тест после матча. Я зашел в тот кабинет, будучи злее черта, аж стол сломал. Мужик в кабинете перепугался не на шутку.

Успокойтесь, успокойтесь...

Слушай, не говори мне, что надо делать, иначе закончишь, как этот стол.

Не стоило так поступать, он ведь ни в чем не повинный человек, отвечающий за допинг-контроль. Но с этим настроем я приехал в Милан, и после нашего поражения в глазах было темно. В таких случаях меня надо оставлять в комнате, где можно ломать и крошить. Внутри меня все кипело, и я был рад, когда на следующий день пришли газеты, в которых мою игру признали слабой. Заслуженно. Мне оставалось лишь кулаки сжать.

Но в следующем матче лучше не стало. И в последующем. Я забил свой первый гол за «Милан» в ворота «Лацио», и мы даже были близки к победе. Но на последних минутах мы упустили победу. На этот раз не было допинг-контроля.

Поэтому я сразу пошел в раздевалку и со всей силы пнул доску, где тренер рисует игровые схемы. Она полетела, как снаряд, и попала в игрока.

Не играйте с огнем, это опасно, — прорычал я, и в комнате воцарилась тишина. Думаю, все сидящие там люди точно поняли, что я имел в виду: мы должны были побеждать, и мы, мать вашу, не должны были пропускать ненужные голы в конце. Так продолжать было нельзя.

После четырех матчей у нас было лишь пять очков. Во главе таблицы, конечно же, был «Интер». Я чувствовал, что давление на меня становится все сильнее. Мы до сих пор жили в отеле Boscolo, и нам удалось немного освоиться. Хелена, которая не выходила на

публику, дала первое интервью. Оно было для журнала Elle, и это был фарс. Каждое сказанное слово попадало в заголовок. Я мог сказать какую-то фигню в духе: «После встречи с Хеленой стало гораздо меньше лапши с фрикадельками». Эти фразы стали в журнале неким подобием признания в любви Хелене, что показывало, что я менялся. У меня был бзик по поводу прикованного ко мне внимания, а сейчас я начал становиться более застенчивым.

Вокруг меня было не так много людей, и мы вели спокойную жизнь. Я сидел дома, и через несколько месяцев мы переехали в квартиру в центре города, которую для нас нашло руководство клуба. Конечно, это было мило, но там не было нашей мебели, наших вещей. Все это было здорово,

но все это было чужим. По утрам меня в фойе дожидался телохранитель, с которым мы ехали в Миланелло, где я завтракал перед тренировкой и обедал после оной. Всегда было много всякой PR-фигни, фотосессий. Как всегда это происходило в Италии, я был далек от семьи. Перед выездными матчами мы оставались в отелях, а перед домашними — в Миланелло. И я начал ощущать это.

Ощущать, что я скучаю по дому. Винсент рос, он говорил все больше. Это сумасшествие. Макси и Винсент так много переезжали с места на место, что они спокойно говорили на трех языках: шведском, итальянском и английском.

Начинался новый этап в жизни, и я частенько задумывался, а чем же я займусь после окончания карьеры, а Хелена начнет свою? Меня посещали подобные мысли. Порой я даже ждал конца карьеры. Порой — нет.

Но я был не менее заряженным на поле, и скоро футбольные дела начали налаживаться. Я решил исход семи-восьми матчей подряд, и вернулась старая добрая истерия. «Ибра, Ибра» повсюду. Газеты сделали фотоколлаж. В центре был я, а на мне вся остальная команда. Мол, я ташу весь «Милан» на своих плечах. Это обсуждали так горячо, как никогда прежде.

Я знал одну вещь, касающуюся футбола, лучше других: в футболе ты сегодня можешь быть богом, а в другой день — совершенно бесполезным. Приближался главный матч осени, дерби против «Интера» на Сан-Сиро. Никаких сомнений в том, что ультрас будут меня ненавидеть. Давления должно было стать еще больше. Помимо всего прочего, у меня начались проблемы с одноклубником Огучи Оньеву, американцем размером с небольшой дом. Както я сказал одному товарищу по команде:

— Что-то серьезное произойдет. Я это чувствую.

ГЛАВА 27

Говорят, что это добрейший человек на Земле. Отучи Оньеву похож на боксера-тяжеловеса. Двухметрового роста и весит под центнер. В «Милане» он не имел твердого места в основном составе команды. Зато раньше был признан лучшим легионером бельгийского чемпионата и игроком года в США. И он хотел поддеть меня.

Я не такой, как другие защитники, — сказал он.

Это хорошо!

Меня не бесит твоя болтовня. Твой рот, который не закрывается.

Ты о чем?

Да ладно. Я видел тебя в игре. Ты все время препираешься, — продолжил он.

Мне это надоело.

И не только потому, что я устал от защитников, которые все время провоцировали меня. Я болтать не люблю. Я беру реванш на поле. Я за свою жизнь столько дерьма наслушался: меня и гребаным цыганом дразнили, и мать мою обзывали и всякое-разное. А хуже всего это: Вот встретимся после матча! Это, блин, о чем? На парковке встретимся или как? Глупее не придумаешь. Я вспомнил Джорджо Кьеллини, центрального защитника «Ювентуса». Мы играли вместе, а потом, когда я уже был в «Интере», мы встретились на поле. Он все время висел на мне: «Давай-давай, это ведь не как раньше, а?» Он провоцировал и провоцировал, а потом блокировал меня захватом сзади. Как самый настоящий трус, понимаете? Ведь парня сзади себя ты не видишь. Я согнулся и почувствовал боль. Сильную боль. Но ничего не сказал. Я никогда в таких ситуациях не разговариваю, отвечаю тем же. В данной ситуации я сделать ничего не мог, просто не успевал. И уже после финального свистка я подошел к нему, схватил за волосы и оттаскал, как провинившегося пса. Кьеллини испугался. Я увидел это.

Ты ведь хотел подраться? Так чего обосрался? — прошипел я и ушел в раздевалку.

Ну да, я лучше владею своим телом, чем языком. Это я и сказал Оньеву. Но он не унимался, и тогда я заорал:

Это запрещенные приемы!

А он тыкал в меня пальцем, дескать, вот ты всякое дерьмо несеть. «Ну все, с меня хватит», — подумал я и сказал:

Следи лучше за собой.

А он снова пальцем тычет. У меня в глазах потемнело. Но я ничего не сказал. Ни слова. Ублюдок будет теперь знать, как я «говорю» в такие минуты, и в следующий раз, когда он завладел мячом, я ринулся к нему, прыгнул и очутился прямо перед ним. Это самый худший блок. Но он-то меня видел. Он отпрянул, и мы оба упали на траву, и сначала я подумал: черт, промахнулся. Ладно, в следующий раз я его достану. Но когда я поднимался, чтобы уйти, получил тычок в плечо. Это плохая идея, Огучи Оньеву.

Я бросился к нему, и мы схватились. И всерьез. Мы хотели душу друг из друга вытрясти. Брутально вышло: мы, два парня под центнер каждый, катались по траве, орудуя даже коленями. Конечно, вокруг собралась вся команда, нас пытались растащить. Но это было непросто, совсем непросто. Мы просто озверели от бешенства, да, именно так. На поле всегда много адреналина: игра — это схватка. Но тут его было сверх меры, мы дрались

не на жизнь, а на смерть. Но тут произошло самое странное.

Огучи Оньеву вдруг со слезами на глазах стал молиться богу. Он крестился, а я думал: что это с ним? И решил продолжить. Это, правда, выглядело чересчур. Тут подоспел Аллегри, тренер.

Ибра, успокойся!

Это не помогло. Я просто-напросто сгреб его, оттащил в сторону и снова ринулся к Оньеву. Но меня остановили товарищи по команде. И хорошо сделали. Потому что это могло плохо кончиться. Позднее Аллегри вызвал нас обоих. Мы пожали друг другу руки и извинились. Но Оньеву был холоден как лед и официален. Ты холоден, ладно, и я буду, нет проблем. И я поехал домой. Потом мне позвонил наш босс, Галлиани. И, заметьте, я не люблю винить других. Не по-мужски это. Дерьмо, если просто сказать, особенно в команде, где ты вожак.

Слушайте, — сказал я Галлиани, — на тренировке произошла дрянная история. Я виноват, и готов ответить. Я прошу прощения, а вы должны меня наказать.

Ибра, — ответил он, — это «Милан». Мы так не работаем. Ты уже извинился. И давай глядеть в будущее.

Но дело на этом не закончилось, нет еще. На трибунах ошивались болельщики, и инцидент просочился в газеты. Из-за чего возникла драка, никто не знал. И стали говорить, что плохой мальчик Ибра создает в команде нездоровую атмосферу, и все такое, как обычно. Меня это не колыхало. Пишите себе, что хотите! Но, черт побери, в груди у меня болело, и я пошел провериться. Оказалось, сломано ребро, а что ты сделаешь со сломанным ребром? Ну, замотали меня бинтами.Прямо скажем, досадное происшествие. Мы начали готовиться к дерби против «Интера». У нас Пато и Индзаги получили травмы. Об этом много писали, как и о моем поединке с Матерацци. Вот ведь подлость. И не только потому, что Матерацци крутой парень, мы враждовали и играли вместе. Матерацци смеялся надо мной за тот поцелуй эмблемы «Барсы» на «Камп Ноу». И так, и этак. Об этом много говорили, но одно было ясно: Матерацци старается вывести меня из равновесия, потому что работа у него такая. Для команды важно было остановить меня. А в таких ситуациях есть только один способ ответить. Ты тоже должен напрячься. Иначе потеряешь инициативу и огребешь по полной.Нет болельщиков хуже, чем ультрас «Интера». Они никого не прошают, вы уж мне поверьте, а я стал врагом номер один. Они не забыли нашу драку на стадионе «Лацио», и я знал, что мне предстоит свист и все такое. Но, черт побери, это тоже часть игры.Я был не первым игроком «Интера», который перешел в «Милан». Я

был в хорошей компании: Роналдо пришел в «Милан» в 2007 г. и его тоже освистывали болельщики «Интера». Игры «Милана» с «Интером» всегда вызывают бурю эмоций, иногда даже политику к ним примешивают. Это серьезное соперничество.Это как «Реал» — «Барса» в Испании. Я помню игроков на поле. Все это у них в глазах было. Просто грандиозно! Матч был важный. Мы лидировали, и выигрыш значил очень много. «Милан» уже несколько лет не выигрывал дерби. А «Интер» в этом году выиграл Лигу чемпионов. «Интер» был фаворитом. И если... если мы выиграем, в воздухе сформируется столб силы, а на поле мы услышим рычание и громкую музыку. В воздухе витали восторг и ненависть, и я даже не волновался, не то это слово.Я был словно накачан. У меня все зудело, так хотелось броситься в драку. Но, конечно, я знал, что такое адреналин. А ведь можно запросто выпасть из игры и ничего не сделать. Знаете, я помню, как отлично начался этот матч, помню рокот трибун на «Сан-Сиро». К такому никогда не привыкнуть. Игра кипит вокруг

тебя, и вдруг Зеедорф бьет головой и мяч попадает в стойку. Одним словом, игра.

На пятой минуте я с мячом приближался к воротам «Интера». На мне висел Матерацци. Он словно бы говорил: «Врешь, не уйдешь!» Но он слишком увлекся — толкнул меня, я упал на траву, и, конечно, подумал: будет пенальти? Будет? Должно быть. Но точно я не знал. Вокруг поднялся шум. Игроки «Интера» волной подняли руки. Что за черт!Тут рефери вбежал в штрафную и я глубоко вздохнул. Пенальти! Бить буду я, вы только представьте. Я чувствовал за спиной свою команду и не сомневался, что они все думали: «Ибра, не промахнись! Ради всего святого, не промахнись!»Передо мной были ворота и вратарь, а на трибуне за ними все ультрас «Интера». Они бесновались. Они свистели и орали. Они готовы были на все, чтобы мне помешать, а у некоторых были лазерные указки. Зеленый луч уперся мне в лицо, и Дзамбротта взбесился. Он отправился к рефери.

— Какого черта они мешают Ибре? Они слепят его!

Но что тут поделаешь? Искать того, что направил луч? Это невозможно, и я сосредоточился изо всех сил. Они могли направить на меня еще лучи, даже прожекторы. А мне надо было забить. И в эту минуту я точно понял: мяч полетит в правый угол ворот. Я помедлил пару секунд и потом почувствовал: я просто не могу не забить. В начале сезона я уже промахнулся, пробивая пенальти. Это не должно повториться. Я заставил себя перестать думать. На поле много думать вредно, там надо играть. И я разбежался и ударил.Я забил именно так, как собирался, мяч зашел в тот

самый угол, и я поднял вверх руки и поглядел болельщикам «Интера» прямо в глаза: мол, вы, ублюдки долбанные, я сильнее вас! И тут, могу сказать, стадион взорвался; я посмотрел на табло: «Интер» — «Милан»; ноль — один, Ибрагимович. Было приятно. Я снова в Италии.Но ведь игра только началась. Схватка становилась все яростнее. На пятнадцатой минуте второго тайма Абате получил красную карточку. Попробуйте-ка играть вдесятером против «Интера». Мы бились как львы. Матерацци пристал ко мне, как банный лист; через пару минут, оказавшись с ним один на один, я бросился за мячом, налетел на него и опрокинул. Не нарочно, разумеется. Но он не вставал. Прибежал врач, игроки «Интера». Шум среди болельщиков нарастал, особенно когда Матерацци унесли на носилках.Последние двадцать минут давление было чудовищным. Я вымотался напрочь. Меня даже мутило от усталости. Но мы сделали

это. Собрали себя в кулак и выиграли. На следующий день мне вручали Золотой мяч в Швеции. Они предупредили заранее, но мне после такого матча хотелось только до кровати добраться. Однако мы решили отметить победу в ночном клубе под названием «Кавалли». Хелена тоже приехала. Мы тихонько сидели в уголке с Гаттузо, зато Пирло, Амброзини и остальные отрывались по полной. Это был настоящий отходняк, сумасшедшая радость. Домой мы попали только в 4 утра.

В декабре «Милан» купил Антонио Кассано. У Кассано репутация не лучше моей, он любит быть на виду и чтобы вокруг толковали, какой он фантастический игрок. Парень через многое прошел, не раз дрался и с игроками, и с тренерами, в том числе с Капелло в «Роме». Капелло даже термин придумал — «кассанутый», то есть «бешеный», «ненормальный». Но играл Кассано великолепно. Он мне нравился, и как команда мы стали лучше.Но возникла проблема. Во мне поселилось неприятное чувство. Я чувствовал себя выжженным. Я полностью выкладывался в каждой игре и никогда не думал, что буду чувствовать такое давление. Странно звучит, если вспомнить все, что мне довелось пережить. Сурово пришлось, когда переходил в «Барсу». С «Интером» тоже не все получалось гладко. Но тут я ошушал все душой: мы должны выиграть лигу, а я — лидер команды. И каждый матч я играл, как финал Лиги чемпионов. И дорого за это платил. Я был измотан.И еще: я уже не мог воплотить свои идеи и планы в игре. Тело тоже требовало отдыха. Хотя бы на пару матчей. Но Аллегри был новичком. И тоже хотел выиграть любой ценой. Ему нужен был Златан, и он выжимал из меня все соки. Но я не обвиняю его, вовсе нет.Это была его работа. А я хотел играть. Я вошел в поток. Вошел в ритм. Я хотел бы играть даже со сломанной ногой, а Аллегри здорово взбадривал меня. Мы уважали друг друга. Но платить приходилось мне. А я уже не так молод.Я отяжелел, но не так, как во втором сезоне в «Ювентусе». Я не позволял себе фаст-фуда, лишнего веса не было. Напротив, я сидел на строгой диете. Это были только мышцы, но я стал старше и играл теперь по-другому, чем в начале карьеры. Не злоупотреблял дриблингом, как во времена «Аякса». Я стал тяжеловесом, и теперь мне требовалось больше сил и умения, чтобы выигрывать, как прежде. В феврале я совсем устал.Считалось, что об этом знают только в клубе, но новость просочилась к журналистам, начались досужие толки. Выдержит он?

Справится? Вдобавок в нескольких играх подряд мы теряли очки. Мы ничего не могли с этим поделать, пропустили несколько голов, а один месяц я не забил ни одного мяча. Тело утратило былую пружинистость. В Лиге чемпионов мы уступили «Тоттенхэма», и это было несправедливо: мы сильнее. И в лиге мы упустили инициативу, а «Интер» снова набрал обороты.

Обставят они нас? Потеряем мы преимущество в лиге? Об этом поговаривали. И писали. А мои сомнения не прибавляли оптимизма. Первая игра было против «Бари», аутсайдера. Мы проигрывали 0:1, я был с мячом, на мне повис защитник, я среагировал инстинктивно. Я ударил его ладонью в живот, и он упал на траву. Полная дурь с моей стороны,

допускаю.

Но это был рефлекс, ничего больше. Хотелось бы мне иметь объяснение получше, но его не было. Футбол — это схватка. На тебя нападают, ты нападаешь... нет-нет да и хватишь через край, сам не зная почему. Со мной такое не раз случалось. С годами я многому научился. Я уже больше не сумасшедший из «Мальмё», но совсем это из меня не ушло. Инстинкт победителя имеет свою оборотную сторону. Я был как пьяный, и в том матче с «Барии» получил красную карточку. Красные карточки хоть кого с ума сведут. Но я ушел с поля, не сказав ни слова. А вскоре Кассано забил мяч. Это было здорово. А я, вот дерьмо! сидел на скамье запасных не только в следующем матче с «Палермо», но и в новом дерби с «Интером».

Руководители «Милана» пытались протестовать. Целую бучу устроили. Но не помогло. И это добавляло горечи. Но я не переживал это так, как в былые времена. Это правда. Мне помогала семья. Теперь хоронить себя было нельзя. Дети... Жизнь продолжалась. Мы снова играли с «Фиорентиной», и я, как казалось, начал хорошо. Мы вели, до конца игры оставались считаные минуты. И тут игрок соперника, вбрасывая мяч из-за боковой, попал прямо в меня. Я разъярился и заорал ему: «Vaffanculo» (энергичное итальянское ругательство — *прим. ред.).* Это, конечно, было неправильно, особенно если помнить про тот эпизод в матче против «Бари». Но знаете что? Вы на поле бывали? Там все время кто-то что-то в этом роде говорит. И никто ни на кого не показывает пальцем. Иногда, конечно, удаляют. Но чаще не обращают внимания.

Ты все время слышишь грубости. Но я-то Ибра. А «Милан» — это «Милан». Мы лидировали в первенстве. В этом был политический момент. Они нашли повод наказать нас. Я так это понимаю.

Меня не просто удалили, но и дисквалифицировали на три матча. Похоже было, что за эту дурь нам придется поплатиться скудетто, и клуб делал все, что мог, чтобы спасти положение. Мы защищались. Мы сказали, что я дал зарок на будущее. Мы отбивались: «Он огорчился из-за собственной ошибки, и вообще он кричал это о самом себе».

Но честно, дерьмо все это. Да и наказание было смешным. «Vaffanculo»? Глупость с моей стороны, конечно. Но ведь это елово ничего не значит. Когда ругаются, говорят гораздо хуже. Я сам сколько раз слышал. Но раз случилось, то случилось. Следовало принять и насмешки, и все остальное, вплоть до издевательского «приза» от одного телеканала, «Золотой тапир» называется. Таковы правила игры. Ты на виду, тебя поносят. Я уже привык.

На второе место в чемпионате, опередив «Интер», вышел «Наполи».

Лучшее время команды из Неаполя пришлось на восьмидесятые, когда за клуб играл Марадона. А потом наступил спад. Мы были на три очка впереди; мы проиграли шесть матчей, в трех из них я не участвовал. Дисквалификация — это плохо, но все же я получил время подумать о своей жизни. Я работал над этой книгой. Все время приходилось что-то вспоминать, и это ранило меня. Я не был лучшим парнем на свете. Не всегда говорил правильные веши, а за все приходится отвечать. И винить только самого себя.

И все-таки таких людей, как я, немало. Молодые мальчишки и девчонки взвиваются только потому, что они не такие, как все, а еще потому, что им необходимо взвиваться. Я верю в дисциплину. Но что выводит меня из себя, так это тренеры, которые не приводят команду к победе, но при этом уверены, что должны поступать так, как они говорят, и никак иначе. Дурь какая!

Существует тысяча способов действовать, и самый необычный и смешной часто оказывается самым правильным. Я ненавижу, когда шельмуют то, на чем я стою. Если бы я был как все, я не сидел бы тут. Но я, конечно, не хочу сказать: «Будьте, как я. Попробуйте стать Златаном». Ни в коем случае. Я говорю, что каждый должен идти своим путем, только своим, и никто не имеет права тебя с него сталкивать, только потому, что ты не похож на других.

Но, что ни говори, ничего хорошего нет в том, чтобы от излишка темперамента упустить скудетто, причем то, которое ты пообещал своему клубу.

ГЛАВА 28

Адриано Галлиани сидел на трибуне римского «Стадио Олимпико» с закрытыми глазами и молился. «Боже, дай нам победить. Боже, дай нам победить». И я могу его понять. 7 мая 2011 года. Половина одиннадцатого вечера, и минуты шли. Шли они очень медленно. Аллегри и парни ерзали на скамейке. Неважно, верили ли мы в бога или нет, настало время молиться. Мы встречались с «Ромой», и если набирали хотя бы одно очко, скудетго было бы нашим, впервые за семь лет.

Я вернулся на поле. Это ощущение было замечательным. Я отсутствовал какое-то время из-за дисквалификации. Но теперь я могу принять участие в матче и помочь выиграть титул. Но я знал, что это будет не просто. «Рома» и «Милан» — непримиримые соперники, и не только потому, что встречаются команды из двух крупных городов.

Мы сражались за победу в чемпионате, «Рома» — за четвертое место, которое позволяло участвовать в Лиге чемпионов, а это означало

гарантированную прибыль за показ по ТВ. Но было еще кое-что. Это случилось в 1989 году, а итальянские болельщики навсегда запоминают подобное, это не забывается.

Многие помнят, как однажды не назначили пенальти за нарушение против Роналдо, и «Интер» проиграл скудетто. Но то, о чем говорю я, гораздо серьезнее. Это история Антонио де Фальки, юного болельщика «Ромы», который поехал в Милан, чтобы посмотреть гостевой матч против россонери. Его мама была обеспокоена, и сказала ему: «Не надевай ничего красно-золотого. Не выдавай в себе болельщика “Ромы”». Он послушался.

И оделся так, чтобы не привлекать к себе внимание. Его могли принять за болельщика абсолютно любой команды. Один из заядлых болельщиков «Милана» подошел к нему и попросил прикурить. И Антонио выдал его акцент. Его окружали, приговаривая: «Так ты, ублюдок, за «Рому» болеешь?» Его избили до смерти. Ужасная трагедия, и перед началом нашего матча в его честь провели tifo.

Tifo — это трибьют от трибун. И на стадионе желтым и красным высветили имя Антонио де Фальки. Это хороший жест, и он повлиял на всеобщее настроение в этот напряженный день. Главной звездой «Ромы» был Тотти. Он играл за команду с 13 лет. В этом городе

он подобен богу. Он выигрывал Чемпионат мира, Capocannoniere, Золотую бутсу, в общем, все. Несмотря на то, что он был уже не молод, он был на пике формы. Конечно, повсюду были его постеры, эмблемы. Но также были баннеры с Иброй и знамена «Милана». Наших фанатов тоже было много, и они надеялись отпраздновать скудетто, и в воздухе, над трибунами, было много дыма.

Матч начался, как обычно, в 20:45. Впереди играли мы с Робиньо, а Кассано и Пато остались на скамейке. Начали неплохо, но на 14-й минуте хороший момент был у Вучинича, и уже казалось, что он забьет, но Аббьяти, наш вратарь, великолепно отразил мяч, на чистом рефлексе. Напряжение нарастало. В матче на «Сан-Сиро» мы уступили «Роме», и поэтому мы начали работать усерднее. Моменты были у меня, Робиньо пробил в штангу, хорошая позиция была у Боатенга, но забить нам так и не удалось. Время истекало. Ничья 0:0 нас вполне устраивала. Наконец 90 минут основного времени истекли, и вдруг этот грёбаный арбитр добавляет целых пять минут! Пока мы играли эти пять минут, думаю, что молиться начал не только Галлиани. Семь лет без скудетто — это много для такого клуба, как «Милан», а сейчас титул был совсем рядом. Помните, я обещал, что мы выиграем? Это было первым, что я сказал, когда меня представляли на Сан-Сиро. Конечно, спортсмены разное могут говорить. Пообещать

достать Луну, например, но ничего ведь у них не выходит. А некоторые, вроде Мухаммеда Али, держали слово, и я хотел быть одним из таких. Я хотел подтвердить слова делом. Я приехал в Милан, чтобы побеждать. Я пообещал, поклялся, работал, сражался, и сейчас оставались считаные секунды. 10,9, 8, 7... вот оно!

Судья дал финальный свисток, мы победили. Все выбежали на поле, дым поднялся над стадионом. Люди орали, пели. Это было красиво и в фп же время безумно. Феноменально! Мы качали Аллегри; Гаттузо бегал с огромным бутылём шампанского, поливая всех. У Кассано брали интервью, вокруг меня царило сумасшествие. Многие говорили: «Спасибо, Ибра, что сдержал обещание». Много было безумия.

Во всех говорил адреналин, а Кассано был спокойным. Может, его надо было привести в чувство? Я проходил мимо него и корреспондента и ударил Кассано ногой в голову — не сильно, конечно, но и не совсем слабо. Он аж вздрогнул.

Что он делает? — спросил корреспондент.

Да он псих.

Похоже на то!

Но игроку, который помогает нам выиграть чемпионат, можно все, — ответил на это Кассано, смеясь.

Ему все же было больно, он потом со льдом на голове ходил. Немного похулиганили, все ведь можно. Потом начались празднования. На этот раз я в ванне не заснул. Когда я перестал думать о вечеринке, я понял, что играл в Италии шесть лет и каждый раз выигрывал скудетто. Кто-нибудь вообще такое делал? Сомневаюсь. И мы не только серию А выиграли, мы еше и суперкубок добавили к трофеям — матч между чемпионом и обладателем кубка страны. Мы поехали в Китай. И там вокруг меня творилось сплошное безумие. Я забил гол, меня назвали игроком матча, и я выиграл свой 18-й трофей. 18-й. Я действительно был счастлив.

Но что-то во мне изменилось. Футбол перестал быть для меня всем. У меня была семья, и я снова отказался играть за сборную. Мне нравился Ларс Лагербек, но я не забыл ту ситуацию в Гётеборге. Память у меня хорошая.

Я хотел проводить больше времени с Хеленой и мальчиками. Поэтому какое-то время я не играл за сборную. В мой последний год в «Барсе» было очень трудно, и меня бесило это. Я чувствовал себя чужим человеком из пригорода, который не вписывался в общую картину.

Тем летом многие мои каталонские одноклубники играли на Чемпионате мира и выиграли его, и я чувствовал, что я скучаю по этому.

Не то что я хочу играть за сборную, нет, но мне этого не хватает. Хоть я почти никогда и не был дома с детьми.

К тому времени Ларе Лагербек ушел из сборной, и новым главным тренером стал Эрик Хамрен. Он позвонил мне.

Привет. Я новый главный тренер.

Скажу сразу и прямо: возвращаться не планирую, — ответил я.

-Что?

Не знаю, чего там тебе наговорили, но зря надеяться не стоит. Играть я не буду.

Черт, Златан, да ты у меня почву из-под ног выбиваешь.

Но он был упрямой заразой, а мне такие нравятся. Разговор продолжился. Это же будет круто, замечательно, говорил он. Я пригласил его в наш дом в Мальмё и сразу понял, что мужик он крутой. Мы сдружились. Он не был обычным шведским тренером. Он был не прочь действовать не по правилам, а такие люди всегда лучше. Я не доверяю приверженцам правил. Иногда надо их нарушать, только так можно двигаться вперед. Например, что произошло с парнями из молодежки «Мальмё», которые вели себя, как паиньки? Про них написали какие-нибудь книги?

В итоге мы пришли к соглашению: он делает меня капитаном и лидером национальной сборной. Мне это нравилось, как и то, что

именно я буду принимать на себя удар со стороны СМИ в случае поражения.

Когда мы встретились на тренировке с партнерами по сборной, я видел их удивление. Ведь на наши тренировки обычно приходят люди, которых можно по пальцам пересчитать. А сейчас их было около шести тысяч. Я спокойно сказал:

Добро пожаловать в мой мир!

Я часто приезжаю в Мальмё. Просто находиться там — это нечто особенное, ведь это мой дом. Но я обычно зависаю дома, и там меня посещают воспоминания. Летом, после победы в серии А и суперкубке, проводился товарищеский матч между «Мальмё» и «Миланом». Переговоры между клубами и спонсорами длились долгое время, а когда началась продажа билетов, люди толпами стояли в очередях. Я слышал, что тогда шел дождь, а люди под зонтами не расходились. Все билеты были распроданы за 20 минут, спрос был сумасшедшим. Очереди до парка тянулись.

Я много чего плохого сказал про «Мальмё» за эти годы. Я не забыл, что сделали Хассе Борг и Бенгт Мадсен, но я все равно люблю этот клуб.

Никогда не забуду, как мы приехали в город в тот день. Меня приветствовал весь город. Как будто я на карнавал приехал. Улицы были оцеплены, а толпа пребывата в истерии. Люди прыгали, махали руками, кричали, едва завидев меня. Многие из них стояли там часами, чтобы хотя бы долю секунды посмотреть на меня. Весь Мальмё веселился, все в Мальмё ждали Златана. Я побывал на многих переполненных стадионах, но атмосфера в Мальмё была особенной. Она объединяла прошлое и настоящее.

Это была вся моя жизнь. Весь стадион пел и выкрикивал мое имя. В старом документальном фильме Bladarar есть сцена, в которой я еду в поезде и разговариваю сам с собой.

Одно я точно для себя решил, — говорю я в той сцене. — У меня будет фиолетовый Diablo, машина, Lamborghini Diablo. И вместо номерного знака по-английски будет написано TOYS (игрушки — *прим. пер.)*.

Ребячество, да и только. Но я и был молод. Мне было 18, а крутая тачка — это лучшее, что может пожелать себе ребенок вроде меня. Мир меня еще не знал, но уже всюду говорили: а вы слышали, что этот молокосос Златан сказал? Фиолетовый Diablo! И это было давно. Но той ночью, на стадионе в Мальмё, фанаты развернули гигантский баннер на передней трибуне, и мой взгляд замер на нем на какое-то время. Я заметил, что там был нарисован я, а рядом со мной — машина с надписью TOYS вместо номера.

«Златан, возвращайся домой. Мы достанем тебе машину мечты» — было написано на баннере.

Это глубоко меня тронуло. Или, как сказал один изОмоих друзей: весь мир — это сказка. Это путешествие к мечте. Не так давно кто-то прислал мне фотографию моста Аннелунд, сразу за Русенгордом, и там было написано: «Можно уехать из Розенгорда, но Русенгорд навсегда останется в тебе». И подписано: Златан.

Я об этом ничего не знал. Тогда я был травмирован, ногу растянул, поэтому поехал домой, в Мальмё, на несколько дней, чтобы подлечиться. Со мной поехал физиотерапевт из «Милана», и както мы с ним пошли к этому мосту, чтобы посмотреть на надпись. Странное было чувство. На дворе было лето, на улице было тепло, но как только я вышел из машины и увидел это, я почувствовал, что внутри что-то перевернулось. Это место было особенным.

Под этим мостом ограбили моего отца и прокололи ему легкое. Недалеко отсюда есть туннель, через который я перепуганный бежал домой в темноте. Бежал к маме, ориентируясь на уличные фонари. Это был

район моего детства. Именно с этих улиц все началось. Как это выразить словами? Наверное, примерно так: взрослый Златан и Златан-малыш одновременно! Я был героем, который вернулся домой. Я был звездой футбола и напуганным ребенком в туннеле. Я был тем, кто не знал, сможет ли он бегать быстро. Я был всем сразу. Миллионы воспоминаний нахлынули.

Я вспомнил папу с его наушниками, его рабочую одежду, пустой холодильник, пивные банки. Вспомнил, как он нес мою кровать на себе, километр за километром. Вспомнил, как он приглядывал за мной в госпитале. Вспомнил лицо мамы, когда она возвращалась домой после работы, и ее объятия, когда мы улетали на Чемпионат мира в Японии. Вспомнил мои первые футбольные бутсы, которые я купил за 59,90 кроны в супермаркете, где бутсы лежали рядом с овощами. Вспомнил мои мечты о том, чтобы стать лучшим футболистом мира, и подумал: я осуществил эту мечту, и этого никогда бы не случилось, если бы не все великие игроки и тренеры, с которыми и под чьим руководством я играл. Я всем им благодарен.

Русенгорд. Туннель. Где-то далеко я слышу поезд, который едет через мост. Кто-то показывает на меня пальцем. Подошла женщина в платке, которая хотела сфотографироваться со мной, и я ей улыбнулся. И люди начали собираться вокруг меня. Это была сказка, и был я — Златан Ибрагимович.

3. Ибрагимович, Д. Лагеркрани

Я ЗЛАТАН ИБРАГИМОВИЧ
Заведующая редакцией А. Голосовская

Ведущий редактор А. Шемарин

Компьютерная верстка О. Тарвид

Корректор Л. А. Пруткова
Подписано в печать 25.09.2014.
Формат 60x90/16. Бумага офсетная. Гарнитура NewtonC

Печать офсетная. Усл.-печ. л. 18+2 вкл.
Изд.№ 14-11680.
Доп. тираж 2000 экз. Заказ N8 1411620.
В соответствии с ЦЗ-436 для детей от 16 лет

ОАО «ОЛМА Медиа Групп»
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, стр. 3, пом. 1, ком. 5.

Почтовый адрес: 143421, Московская область, Красногорский район,

26-й км автодороги «Балтия», бизнес-центр «Рига Ленд», стр. 3.

http://www.01mamedia.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством arvato предоставленного электронного оригинал-макета BERTELSMANN [8] ОАО «Ярославский полиграфический комбинат» 150049, Ярославль, ул. Свободы, 97